Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ (БОЛЬШЕВИКОВ) УКРАИНЫ

ЛЕТОПИСЬ РЕВОЛЮЦИИ

Журнал Комиссии по изучению Истории Октябрьской Революции и Коммунистической Партии (большевиков) Украины

№ 2

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО УКРАИНЫ

1923

ЛЕТОПИСЬ РЕВОЛЮЦИИ

Карт. № 387. «РУП № 1194».

Зак. № 878—Тираж 5000 экз.

ХАРЬКОВ

2-ая Государственная Тип. Гончаровский бульв., № 6—2

СОДЕРЖАНИЕ

ОТДЕЛ I. СТАТЬИ И ВОСПОМИНАНИЯ

ОТДЕЛ III. МЕЛКИЕ ЗАМЕТКИ — Стр.

ОТДЕЛ IV. ХРОНИКА БЮРО ИСТПАРТА

РИСУНКИ:

Ответственный редактор М. Равич-Черкасский.

ОТДЕЛ I

СТАТЬИ и ВОСПОМИНАНИЯ

КРЕСТЬЯНСКИЕ ВОЛНЕНИЯ В 1861—1863 ГОДАХ НА ЕКАТЕРИНОСЛАВЩИНЕ

Реформа 19 февраля 1861 года, ударившая, по словам поэта, одним концом по барину, другим по мужику, всколыхнула всю крестьянскую Россию. Весь период с 1861 по 1863 год прошел в «недоразумениях», «столкновениях», «волнениях», «беспорядках» и даже «восстаниях». Этими терминами пестреют и донесения предводителей, мировых посредников, губернаторов, записки и мемуары современников, и статьи ученых исследователей бурного периода, последовавшего за опубликованием манифеста. К сожалению, Екатеринославская губерния почти совершенно не упоминается в этих грудах архивного и исторического материала. Даже в классическом, по обилию фактического материала, труде Игнатовича «Крестьянские волнения в помещичьих имениях в 1854—1863 годах», Екатеринославская губерния вовсе не упоминается. Между тем, как мы это увидим ниже, осуществление реформы 1861 года прошло в губернии далеко не благополучно. Правда, ничего резкого и особенно выдающегося в пределах губернии не произошло. Команды хотя и вызывались 15 раз, казаки хотя военным маршем выступали и подвергали крестьян секуции—все же до расстрелов, имевших место в Казанской губернии (с. Бозуны), дело не дошло. Но за то, с другой стороны, Екатеринославская губерния прошла через все стадии волнений, начиная с молебствия и кончая сечением и высылкой зачинщиков и вовсе не представляла исключения, как можно заключить по умолчанию о ней мемуаристов и исследователей.

Как повсюду, дело началось с оффициальных идиллий. Мировые посредники на первых порах взапуски спешат с донесениями о молебнах и благодарственных адресах за освобождение от крепостной зависимости. «Спокойствие и тишина сохранялись во всем Верхнеднепровском уезде, доносил верхнеднепровский исправник 25 марта 1861 г., крестьяне по прежнему выполняют в точности свои обязанности»[1]). Тоже пишет александровский исправник. Почти буквально; в этом-же роде получались донесения в первое время по обнародовании манифеста в губернии и от остальных земских исправников. Даже знаменитый в своем роде щедринский дикий помещик, павлоградский предводитель дворянства, Любим Коростовцев и тот доносить, что чтение манифеста крестьянам владельцами «не имело последствий, нарушающих спокойствие».

[1]) Крестьянская реформа в Екатеринославской губернии. Изд. Екат. Статист. Комитета, стр. 30.

крестьян в положении 19 февраля, по мере того, как помещики старались втолковать крестьянам, что отношения их остались почти те же, среди крестьян с каждым днем крепла мысль о том, что опубликованная «воля» не настоящая, что есть другая, которую прячут господа от крестьян, в силу которой вся земля отойдет к ним без всяких повинностей и даже временно зависимых от помещиков отношений. Мысль эта вскоре получила новую форму. В связи с истечением двухлетнего срока—с 19 февраля 1861 года, по 19 февраля 1863 г., когда кончились «временно-обязанные» отношения крестьян к помещикам, распространилась легенда о «случном часе», т.-е. о 19 февраля 1863 г., когда будто вся земля отойдет к крестьянам без выкупа, и когда последние получат полную свободу.

И в ожидании этой новой воли и «случного часа» крестьяне не только отказываются от выполнения каких бы то ни было повинностей, но и от составления уставных грамот. В ноябре 1861 г. екатеринославский губерн. предводитель дворянства А. Миклашевский, в губ. присутствии доложил, что, когда у него состоялось уже добровольное соглашение с крестьянами, и землемер отрезал наделы, крестьяне отказались от рукоприкладства. Оказалось, что они ждут новой воли и боятся попасть в обман. В Бахмутском уезде, в имении помещицы Филимоновой, крестьяне под темже предлогом отказались от составления уставной грамоты. Подстрекавший к этому крестьян Сергей Харьковский был арестован и выслан в Астраханскую губернию. Тоже было в имении Шабельского, где крестьяне отказались от составленного ими приговора на выкуп земли и заявили посреднику, что будут ожидать «случного часа». В имении помещика Долгинцева (Верхнеднепр. уезда) крестьяне заявили, что готовы выполнять все повинности, но от сделки с помещиком на землю отказываются до «случного часа». Исправник приказал арестовать на сходе зачинщиков. Но крестьяне оказали сопротивление.

Во многие деревни пришлось двинуть войска, чтоб добиться составления грамот. Большую роль сыграли при этом исправники, которые вызывали сильное возбуждение среди крестьян намерением арестовывать так называемых «зачинщиков».

Часто эти слухи о «случном часе» принимали фантастические формы. В Елизаветовке (Новомоск. уезда) крестьянин Игнатенко связал об'явление «новой воли» со вторым пришествием Христа. В другой деревне той же волости явилась лжепророчица. Особенно много толкователей явилось в Славяносербском уезде, где выдвинулась своеобразная фигура крестьянина Лугового и где чуть не разыгралась история, похожая на Бездницкую [1]).

III

О «брожении и вредном направлении умов» в Адрианопольской, Еленовской и Анненско-Ломоватской волостях доносил губернатору мировой посредник Македонский еще 18-го августа 1862 года. «Главною причиною вредного настроения умов во всех имениях, писал он, служит медленное

[1]) В с. Бездне Казанской губернии. См. книгу Игнатовича о волнениях крестьян.

течение дел по следствиям над подстрекателями и лжетолкователями, число которых с прошлого года сильно увеличилось. Крестьяне упомянутых волостей с давних пор оказывают неповиновение и буйство.

Дух непокорства проявляется там и ныне при всех делах, относящихся до введения уставных грамот. В селении Мало-Ивановке общество управляется советом 15, называющих себя стариками, и этот совет решительно не признает ни мирового посредника, ни старшину, которого недавно даже выгнали из селения во время исполнения им служебных обязанностей. Староста безгласен. На Мало-Ивановку имеет большое влияние соседство государственного села Городище. По распространившемуся между крестьянами мнению, они, на основании высочайшего манифеста, должны работать, как прежде, только до конца двух лет, после же этого они должны ожидать полной воли без уставных грамот. Даже староста одной деревни сказал мне, что манифест писан царем, а положение синодом, где заседают паны. Общая мысль крестьянства, что введение уставных грамот—есть обман. Крестьяне дер. Веселой, кончившие уже с помещицей, на добровольном соглашении, выкуп земли, через несколько дней пришли ко мне и просят возвратить им уже утвержденную уставную грамоту, об'ясняя, что они вынуждены к тому насмешками и бранью соседних крестьян из деревни Ящиковой и Мало-Ивановки. Введение уставных грамот против желания крестьян, ненавидящих барщину, в большей части селений не может обойтись мирным путем. Крестьяне боятся подписывать грамоты, думая, что этим самым они вновь закрепостят себя помещикам и уж навеки».

Через 10 дней тот-же Македонский в тревожной форме сообщает о возбужденном состоянии крестьян. Положение оказалось таким, что посредник начал бояться приходить на сельские сходы. Крестьяне села Веселой, под влиянием слухов о том, что 19 февраля 1863 г. они получат полную волю, 25-го августа заявили помещице, что они уничтожают уже составленную грамоту и вернули подаренную ею икону. Посредник, убеждавший их принять грамоту, услышал то-же, при чем на его глазах была разорвана копия уставной грамоты. Крестьяне агитировали в соседних деревнях, и волнение охватило большой район. Крестьяне обо всем беседовали с властями благодушно, но при первой-же попытке перейти к вопросу о выполнении положения 19 февраля, приходили в такое исступление, что власти опасались за свою жизнь.

Значительную роль в этих волнениях, по словам властей, играл крестьянин села Мало-Ивановки Пантелей Луговой. Единственно грамотный человек и непримиримо настроенный по отношению к помещикам и местным властям, он то, переходя из деревни в деревню, указывал крестьянам на невыгодность условий, предлагаемых помещиками крестьянам. Само собою разумеется, что администрация держала руку помещиков и всячески теснила крестьян. Луговой возбуждал их против властей и написал от их имени жалобу Александру II. С этой жалобой Луговой уехал в Петербург. Узнав, что царь в Царском Селе, он пошел туда и лично вручил царю жалобу. Как и следовало ожидать, прошение было переслано

екатеринославскому губернатору «на распоряжение», а последний приказал Лугового арестовать. Луговой догадывался о своей участи и скрывался в соседних деревнях. Но его выследили, арестовали ночью и заключили, до отсылки под конвоем в городскую тюрьму, в дом помещика.

Район Мало-Ивановки в это время был уже наводнен, по распоряжению властей, казаками. Крестьяне по ночам огромными толпами собирались либо в лесу, либо в оврагах и обсуждали план дальнейших действий. Когда они узнали об аресте Лугового, то окружили дом помещика, где сидел Луговой, и потребовали его освобождения: Снарядивши гонцов в соседние деревни, крестьяне всю ночь шумели, кричали, рвались в дверь, стучали в окна, угрожали растерзать станового пристава.

Посредник и пристав наблюдали действия толпы из оберегаемого сотней казаков дома помещика. Между тем толпа становилась все больше и больше. Осажденные, опасаясь, что одной сотни будет мало, послали эстафету в Бахмут и тревожное донесение губернатору в Екатеринослав. Это было 6 декабря. Прибыла из Бахмута вторая сотня казаков. Крестьяне продолжали волноваться. Ни обращение прибывшего священника, ни слова посредника и помещика не возымели на крестьян влияния. Прибегли к обычному приему: начали служить молебен. Но, по окончании молебна, крестьяне отказались приложиться к кресту, заявив, что это хитрость со стороны помещиков, что приложившись к кресту, они этим присягнут на введение нового положения, и им выдадут новые уставные грамоты, которые они твердо решили не принимать и ждать «случного часа». Толпа росла. Крестьяне приезжали даже из дальних селений. Они решили отбить Лугового, которого по их словам, «паны хотели извести за то, что ему удалось дойти до самого царя». Известие о том, что из Екатеринослава скачет для усмирения мятежа грозный генерал жандармского корпуса Рындин, нисколько их не обеспокоило. Они собрались ночью в глубоком овраге и, под руководством брата Пантелея, решили ни в чем не подчиняться, потому что Рындин едет испытать верность крестьян царю: если они безропотно перенесут все жестокие наказания, то генерал об‘явит им настоящую волю.

Генерал налетел ястребом на крестьян и рассеял их казачьими нагайками. Затем, по указанию местных властей, выделил активных участников и наказал их публично розгами

Луговой и его активный помощник были отправлены в тюрьму и затем высланы под строгий полицейский надзор один в Таврическую, а второй в Уфимскую губернию. И хотя внешне «порядок» был восстановлен, но даже такой близкий к помещичьим интересам, как мировой посредник Македонский, продолжал доносить губернатору о «беспокойном состоянии умов» и о тайной их надежде на «новую волю» [1]).

---

[1]) Эпизод этот описан нами на основании донесений Македонского, приведенных в книге «Крестьянская реформа в Екатеринославской губернии», стр. 49—53.

IV

Мы приведем наиболее резкие и типичные эпизоды из истории крестьянских волнений, вызванных реформой 1861 года. Их было—этих эпизодов—не мало. Одних крупных беспорядков, когда потребованы были воинские команды за период с 1861—1863 годы в частновладельческие имения, по оффициальным сведениям, было 15. Нужно думать, что беспорядки имели место во многих имениях, но усмирялись они мерами полиции, мало стеснявшейся в своих приемах. Это свидетельствует о том, что крестьянская реформа была осуществлена в Екатеринославской губ. насильственно, и что она далека была от народных чаяний и интересов.

Оптимистически настроенный автор цитируемого нами сборника материалов по истории реформы благодушно замечает, что после Пасхи 1863 года «все начало входить в норму» и что волновавшая крестьян первое время мысль о новой воле была забыта. Но это был внешний обман. Ни недовольство, ни мечты о воле никогда не оставляли крестьян Екатеринославской губернии. Вот почему столкновения на аграрной почве превратились в ней в постоянное явление. Вот почему первые народники для «хождения в народ» облюбовали в числе прочих и Екатеринославскую губернию (Ланганс, Кац, Аптекман, и друг.). Вот почему в период аграрных волнений (1905—1906 годы) «иллюминации» широким заревом осветили Екатеринославскую губернию.

Г. НОВОПОЛИН.

ПЕРВЫЕ „БЕСПОРЯДКИ" ГОРНОРАБОЧИХ

(1887 год)

I

Особенностью первых выступлений рабочих является их стихийность, неосмысленность. В Екатеринославе, например, в начале 80-ых годов (20 июля 1883 года) железнодорожные рабочие, эксплоатируемые подрядчиками и казной, устроили... еврейский погром.

Выдающийся интерес представляют события, разыгравшиеся в мае 1887 года на рудниках Горного и Промышленного Обществ в Бахмутском уезде, недалеко от Юзовки. Кроме того, что здесь впервые выступили на сцену горнорабочие, к «бессмысленной» картине обычного русского бунта с разгромом домов, распитием водки,—намечаются уже новые штрихи —это прекращение работы, забастовка, война с штрейкбрехерами, пред'явление администрации шахт определенных требований, словом наличность такой осмысленности, которая заставляет задуматься и уездную, и губернскую и даже центральную власть. Не переходившие обыкновенно в своих об'яснениях причин «бунта» за черту «водки» или «еврея», а в лечении «бунта» присылки воинской команды, власти на этот раз ищут наличности политической агитации и даже экономической эксплоатации и пытаются устранить возможность новых беспорядков улучшением экономических условий рабочих и даже законодательным вмешательством в отношения горнопромышленников и горнорабочих, где царствовала до сих пор одна воля капиталиста, как высший закон. Как-бы то ни было, но «беспорядки», вспыхнувшие на шахтах Бахмутского уезда в мае 1887 года, настолько выделяются, что на них стоит внимательно остановиться [1]).

II

«Близ станции Рудничной рабочие производят беспорядки, разбивают дома и трактиры. Станция полна спасающимися». Так гласит первая телеграмма полковника Баженова на имя екатеринославского губернатора о беспорядках горных рабочих. Полковник был, очевидно, среди «спасающихся» и потому так мало видел. Помощник бахмутского исправника был храбрее полковника. Он оказался в центре волнений и описывает их так.

---

[1]) Материалом для статьи послужило «Дело о беспорядках на шахтах юзовского района» 1887 г. Хранится в Екатериносл. Музее Революции.

5 мая 400 шахтеров шахты № 19 прекратили работы и начали снимать с работы шахтеров шахты № 11 и 13. Собрав вокруг себя толпу в 1500 человек, они явились в контору и пред'явили требование о повышении расценок и об удалении со службы придирчивых и грубых штейгеров и конторщиков и фельдшера, который небрежно относился к своим обязанностям и отказывал даже больным рабочим в выдаче удостоверений о болезни. Управляющий рудниками Венсанж, вызвав предварительно полицию, заявила, что их требования неисполнимы. Тогда рабочие потребовали расчет. Венсанж и в этом отказал. Тогда толпа начала вести себя угрожающе и заявила, что она произведет расчет сама. Венсанж испугался и, видя, что за его спиной мало полицейских сил, решил пойти на хитрость: по совету полицейского Улисса он решил в ожидании подкрепления обмануть рабочих и заявил, что он принимает их условия.

Но шахтеры разгадали его план и на работу не пошли. В возбужденном состоянии они отправились дальше. По дороге они разгромили трактир Стрельцова, часть рабочих при этом перепилась, но другая разбила бочки со спиртом и залила им трактир. Затем они отправились на пивной завод Новороссийского Общества и по записке потребовали и распили 400 ведер пива.

Утром 6-го они разгромили пивной завод и сожгли его, затем разошлись партиями по шинкам и распили взятое пиво. Тем не менее, не смотря на обилие выпитого, они зорко следили друг за другом и, когда часть рабочих шахты № 11 вечером решила приступить к работам, то шахтеры № 19 силою не пустили их в шахту.

Часов в 11 ночью рабочие, вооружившись кайлами, от рудников направились к конторе со свистом и с песнями. Помощник пристава распорядился увезти кассу с 30000 руб. и важными документами. Недалеко от конторы передовой из толпы скомандовал направиться к заводскому магазину; пригрозив сторожам разгромить магазин, они направились к Юзовскому металлургическому заводу. По дороге к заводу шахтеры разгромили постоялый двор Соколова, дом Домбровского, трактир Гоза. Они было подожгли манеж, но узнав, что там есть рабочие, сами потушили пожар. В Юзовку рабочие вошли с криками: «разобьем кабаки и магазины». Но тут их встретили вооруженные полицейские и сформированный Артуром Юзом отряд вооруженных рабочих. Шахтеры пустились в бегство. За ними началась погоня. Целую ночь шла на них охота К утру было арестовано 40 человек, остальные разбежались по рудникам. 7 мая никто на работу не вышел.

Для усмирения на шахты был отправлен из Екатеринослава вице-губернатор барон Рокассовский с двумя батальонами солдат. Сам губернатор Батюшков уклонился от поездки под предлогом, будто в самом Екатеринославе предстоят 9 и 10 мая беспорядки.

Барон довел число арестованных до 50, отбил нападение рабочих на казарму, где сидели арестованные, и послал военную команду собрать 500 шахтеров № 19 и заставить их работать. Вообще вся его деятельность, о которой он самодовольно доносил и телеграммами и рапортами

губернатору, чуть-ли не ежедневно, сводилась к поимке рабочих, к выделению зачинщиков, которые частью были преданы суду, частью, арестованные, отбывали административное наказание, а частью высланы на родину. Значительная часть его докладов посвящена геройской доблести самого барона, уездного исправника и его помощника, владельца Юзовского завода, снарядившего против шахтеров часть рабочих своего завода, и даже городовых, о награждении которых он ходатайствовал. Престарелый губернатор повторял в своих докладах на имя министра все доклады своего храброго помощника, включая сюда и награды, и все твердил, что благодаря твердости барона, все обстоит и впредь будет обстоять благополучно...

III

Нужно думать, что в Петербурге совсем иными глазами посмотрели на грозные события, вспыхнувшие на шахтах и усмиренные благодаря не столько присутствию барона, сколько сопровождавшим его двум батальонам солдат. Кроме того, рядом с ходатайством о наградах, были также ходатайства о постоянном расквартировании на шахтах нескольких сотен казаков. Нужно думать, что и хлопоты о наградах за усмирение также не прошли гладко. В деле есть бумага о том, что в награде Юзу, по крайней мере, было отказано. В Петербурге, очевидно, поняли, что нельзя так беспечно относиться к началу брожения среди горнорабочих. Конечно, не высокого полета государственные люди сидели на бюрократических вершинах в Петербурге, но ограничиться в борьбе с поднявшим голову пролетариатом наградами полицейским или надеждой на Артура Юза, которому только раз удалось вызвать рабочих против рабочих—было уж слишком наивно. Нужно думать, что губернатор получил предложение выяснить положение рабочих на месте, ибо в «деле», из которого мы черпаем сведения, есть довольно обстоятельный доклад губернатора на имя министра вн. дел о материальном положении рабочих. В этом докладе губернатор ссылается на свои л и ч н ы е наблюдения, лично и м произведенное обследование всех шахт Горного и Французского Общества и лично им сделанные опросы. Мы в другом месте докажем всю сомнительность утверждения впавшего уже в младенчество губернатора, будто результаты обследования добыты им самолично, а не подсунуты ему через уездную администрацию администрацией шахт. Как-бы то ни было, но губернатор пришел к самым оптимистическим выводам. Беспорядки-де охватили крошечный район, рабочие в материальном отношении обеспечены «весьма хорошо» и если недоразумения на этой почве происходит, то только в мелких шахтах и в тех случаях, когда расчет производится не непосредственно с рабочими, а через подрядчиков. Так же благополучно дело обстоит и с продовольствием. Что касается причин беспорядков, то губернатор, ехавший в сопровождении горнопромышленника Таскина и жандармского ротмистра Яковлева, об‘ясняет себе их происхождение просто: «рабочие вынуждены были производить беспорядки по настоянию товарищей». Вот и все. А так как этих товарищей уже нет, то губернатор уверен, что беспорядки не повторятся. «Конечно, прибавляет при этом губернатор, необходимо оставить две сотни казаков».

При всем своем легкомыслии губернатор приводит в своем докладе несколько неприятных цифр и фактов. Так, из таблицы заработной платы явствует, что при всем «усердии» шахтеров в среднем она колеблется между 1 р. 25 к. и 40 коп. в день, что закупка продуктов в магазинах предприятия — обязательная и что рабочим запрещают дома печь даже хлеб! Но где было время и охота губернатору—старцу обратить на это внимание, когда его водили с шахты на шахты, приурочивая к его приезду лукулловские обеды с шампанским.

IV

Легкомыслие губернатора бросилось в глаза даже Петербургу. Министерство внутренних дел послало, очевидно, здравомыслящего чиновника на шахты проверить сведения губернатора, и в результате губернатор получил в вежливой, правда, форме, отповедь. Изложив оптимистические его выводы, министерство в своем отношении от 5 августа пишет губернатору. «Между тем в настоящее время в министерстве имеются вполне достоверные сведения, что со времени последних беспорядков, положение дел, несмотря на повсеместное возобновление работ, изменилось весьма мало: с одной стороны недовольство рабочих администрацией Французской Компании продолжается; с другой стороны администрация, пользуясь присутствием военной силы, продолжает через посредство своих нисших агентов притеснять рабочих и что у шахтовладельцев равно, как и у рабочих, существует убеждение, что с уходом войск беспорядки тот час же возобновятся. Далее из означенных сведений усматривается: 1) что хотя в конторских книгах, в оффициальной графе штрафов, и значится незначительная сумма, но в действительности штрафы были весьма большие, взимались и взимаются под всевозможными видами и вырученные этим путем деньги идуть не на устройство училища для рабочих и отправку больных и семейств умерших на родину, как то заявляет контора, а, главным образом, в награду тем штейгерам, которые оказывают неибольшее усердие в наложении этих-же штрафов; 2) что контора не только не удалила со службы штейгеров и десятников, на которых особенно жаловались рабочие, но некоторым из них даже прибавила жалованье, а на предложение заменить фельдшера врачем за тоже жалованье, положительно не согласилась; 3) в настоящее время работа, по приказанию конторы, начала производиться поурочно, тогда как расчет от каждого выработанного вагончика не выгоден для шахтовладельцев; при этом способе расплаты и при большом уроке рабочие не в состоянии выработать весь урок вследствие чего, вместо положенных за онный 1 р. 25 к., рабочие получают за 12-часовую работу лишь 60—70 коп. платы; 4) что контора, не желая лишиться рабочих, намерена произвести расчет с выразившими желание уйти с копей не через 2 недели, после заявления, как о том было сделано распоряжение, а в день общей получки, т.-е. 15 августа, вследствие чего многие рабочие уходят с копей, не получив окончательного расчета и денег и 5) что, наконец, на угольных копях Уманского рабочие представили надзирателю 8-ми фунтовые гири, которые в течение 3 лет, при отпуске

рабочим припасов из продуктовой лавки, считались за 10 фунтовые». И товарищ министра внутренних дел просит губернатора принять меры, дабы предупредить возобновление беспорядков с уходом войск.

V

Как вышел из затруднения губернатор—эпизод мало интересный, и переписка по этому поводу занимательна только с той стороны, что она приподымает завесы над лабораторией, в которой «писалась история» и изготовлялся материал для бюрократического законодательного творчества и административной деятельности. Губернатор переслал министерский доклад исправнику, последний полицейскому надзирателю, а сей —конторе, и доклад министерства аннулировался, и благоденствие рабочих оказывалось неопровержимым фактом. Правда, кое в чем приходилось признаваться. Да, рабочие штрафовались, но не столько за прогулы, сколько за дерзости «против начальствующих лиц», что врача все же нет, что штейгера не расчитаны, но они нужны конторе, что жалованье им не прибавлено, но выданы премии, что урочные работы, действительно, введены, но что контора к этому была вынуждена, что дело с гирями передано судье—словом, все обстоит благополучно, но, добавляет исправник, между рабочими есть неблагонамеренные элементы, и в этом вся причина неблагонадежного настроения рабочих. Виноваты еще газеты, в которых печатают корреспонденции о ходе забостовки в Бельгии. Премудрый губернатор написал отношение в министерство и повторил все аргументы и точку зрения уездного полицейского чиновника.

Одновременно с этим шла оживленная переписка об оставлении в центре расположения шахт казачьей сотни для быстрого подавления беспорядков, и вопрос этот, конечно, разрешился с «высочайшего соизволения», согласно видов горнопромышленников, хотя против этого протестовало казачье командование. Но интересы горнопромышленников были превыше всего, и казаки были так расквартированы, что-бы можно было наскоком из центра парализовать движение шахтеров.

VI

Этим, однако, первые крупные беспорядки горнорабочих не закончились. При всей косности самодержавия, при всем его невнимательном отношении к нуждам рабочих, при всей его склонности решать все вопросы воинской командой, события, подобно майской 1887 г. в самом сердце каменноугольной промышленности, не могли не произвести на него впечатления. И вот, спустя 5 лет (!) 9 марта 1892 г. появились правила о надзоре за благоустройством и порядком на частных горных заводах и промыслах и о найме рабочих на эти заводы. Проследить связь этих правил с событиями 1887 года очень легко. Судя по оживленной переписке министерства с екатеринославским губернатором, оно очень интересовалось беспорядками и запрашивало его мнение. При всем легкомыслии губернатора, кой какие ценные указания и материалы он все-же министерству давал. Так, например, он указал на

зло подрядничества, на понижение заработка с окончанием полевых работ и вообще на отсутствие всяких правил, регулирующих условия найма бочих.

Все эти вопросы предусмотрены правилами 9 марта 1892 года. Так, .прещается заключение договоров с рабочими, исполнение коих должно ıчинаться через год и более (этим горнопромышленники обеспечивали себя г повышения цен на рабочие руки в урожайные годы). Запрещается внеэние в договоры пунктов, ограничивающих право рабочих обращаться в суд, в случае возникновения конфликтов с горнопромышленниками. Законом предусмотрена возможность сдачи работ с подряда артелям из рабочих. На заводоуправление возлагается ответственность за правильную расплату подрядчиков с горнорабочими. Предусмотрено даже образование горнозаводских товариществ из горнопромышленников и горнорабочих для разбора конфликтов. Учреждена, наконец, и горнозаводская инспекция.

Конечно, многие из этих положений оказались только на бумаге, многие были на практике извращены. Для практического осуществления этих крохоборных законоположений горному пролетариату пришлось пролить еще много крови. И все-же, если принять во внимание неорганизованность горнорабочих в 1887 г., отсутствие всякого идейного руководительства во время «беспорядков» на шахтах, дикие их формы, нельзя, однако, не признать «Правила» 1892 года значительной победой горнорабочих. Это была первая брешь, пробитая рабочими в толще законоположений, отдававших их целиком на с‘едение горнопромышленникам.

Но самое ценное, что было в этой победе—это то, что она была достигнута усилиями самих рабочих и что она сделала для рабочей массы наглядной практическую ценность борьбы за лучшее будущее. И в этом смысле беспорядки 1887 года горнорабочих имеют крупный исторический интерес.

Г. НОВОПОЛИН.

ИЗ ИСТОРИИ РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ

(1880—1903 гг.)

I

Рабочее движение в эпоху крепостного права не имело и не могло иметь в Екатеринославской губернии значительных размеров. При Екатерине II, в период искусственного насаждения в Екатеринославе «наук, искусств и промышленности», возникло несколько казенных суконных фабрик, с приписанными к ним подневольными рабочими. Время тогда было темное и беспросветное для рабочего люда; работы производились из-под палки. Рабочий день был — от зари до зари, а заработной платы еле хватало на хлеб. Из уцелевших дел нам известно, что наиболее обычной формой протеста со стороны рабочих было — бегство.

Но этот период в жизни Екатеринославской губернии был непродолжительный. Со смертью Екатерины и Потемкина, суконные фабрики скоро замерли, а с ними и исчезло единственное место значительного скопления рабочих. На всей остальной территории не было до 80-ых годов XIX ст. ни заводов, ни фабрик, ни крупных мастерских. Криворожская руда еще не была известна, а каменноугольная добыча в Донецком Бассейне носила кустарный характер и сводилась к разработке местными жителями так называемых угольных «ямок».

Начало рабочего движения в Екатеринославской губернии нужно отнести к концу 70-ых и началу 80-ых годов XIX столетия. Это совпало с началом расцвета промышленности Екатеринославщины. Криворожская руда уже была открыта, обследована, и к ней потянулись уже цепкие руки заграничных и российских капиталистов. В связи с этим намечался к сооружению ряд грандиозных металлургических заводов, а работа этих заводов обуславливала разработку каменноугольных рудников так-же в колоссальном масштабе. И все эти ячейки промышленности надо было соединить между собою железною колеей, связанной в свою очередь с общероссийской сетью железных дорог. Этот изумительный сказочно-быстрый рост промышленности стянул к Екатеринославской губернии огромные массы рабочих. При этом, на первых порах, процент квалифицированных рабочих, отличающихся обыкновенно относительной интеллигентностью и развитостью, был крайне ничтожен, сосредоточивался обыкновенно в железнодорожных мастерских, и тонул в некультурной массе чернорабочих.

Условия труда на «благословенном» юге мало отличались от севера. «Мы, миллионы людей рабочего населения, говорил в своей знаменитой речи П. Алексеев, чуть только станем ступать на ноги бываем брошены отцами и матерями на произвол судьбы, не получая никакого воспитания за неимением школ и времени от непосильного труда и скудного за это вознаграждения... Мы продаемся капиталисту на сдельную плату из-за куска черного хлеба. Питаемся кое чем, задыхаемся от пыли и испорченного, зараженного разными нечистотами воздуха, спим где попало—на полу, без всякой постели и подушки» [1]), то-же можно было наблюдать и на юге. Уже в начале восьмидесятых годов обозначилась жадность и казны и частных предпринимателей. Состояния росли путем обсчитывания темных и невежественных рабочих, путем штрафов, смешения поденной и поштучной платы и другими промитивными уловками [2]). Благодаря таким условиям рабочее движение вскоре принимает революционный характер. Но революционное настроение, благодаря некультурности и мало сознательности основной массы рабочих, носило на первых порах характер буйства и погромов, с которыми одиночки интеллигенты и сознательные рабочие не успевали совладать и направить их в надлежащее русло.

II

Ростов-Дон, входивший тогда в состав Екатеринославской губернии, как уездный город, своим промышленным ростом далеко опередил Екатеринослав. Первые революционные вспышки начались, поэтому, здесь, и Ростов долго считался очагом массовых рабочих «беспорядков». Но, как везде на юге, сознательные рабочие насчитывались здесь единицами. Они тонули в массе чернорабочих владикавказских железнодорожных мастерских и портовых босяков. И поэтому, когда в 1879 г. здесь впервые вспыхнули беспорядки, они чуть-чуть не приняли характера пьяного дебоша. После разгрома полицейских участков, часть рабочих принялась за кабаки, грабеж магазинов и избиение проституток [3]).

Эта революционная закваска и привлекала народовольцев в сторону рабочих. Это было время, когда все и вся было пропитано страстью к террору и террористическим методам и когда вся энергия направлялась в эту сторону. Правда, дело начиналось с пропаганды, имевшей в виду создание кадра сознательных пропагандистов из рабочих для пропаганды и агитации среди рабочих. Мы об этом имеем свидетельство одного видного народовольца Панкратова, вместе с другими (Яцевичем, напр.), работавшего в начале 80-х годов среди ростовских (а затем екатеринославских) рабочих. По словам Панкратова, эта работа носила планомерный характер. Пропагандисты исходили при занятиях с рабочими из их интересов. Поэтому раньше выяснялось положение рабочих в настоящее время у нас и заграницей, выставлялась на вид эксплоатация рабочих и взаимная поддержка

---

1) См. процесс 50. Речь П. Алексеева.

2) См. брошюру «Рабочее движение в Екатеринославе». Женева. 1900 г.

3) См. Плеханов. «Русский рабочий в революц. движении». Стр. 73—75.

капиталистов и правительства. Затем делался вывод, что уничтожение бесправия рабочего связано с завоеванием политической свободы и с присоединением к «Народной Воле», ближайшие и отдаленные задачи которой совпадают с интересами рабочих [1]).

В отношении стачек, повествует тот же народоволец, члены партии держались такого взгляда, что не должно искусственно взывать к стачке там, где большинство, масса рабочих еще не сознала ее необходимости; но там, где мысль о стачке встречала сочувствие, рабочие агитаторы должны были ее поддерживать и руководить ею. Пропаганда и агитация имели такой успех, особенно среди железнодорожных рабочих, что, по требованию железнодорожных властей, увольнялись и выселялись сотни рабочих, которые, конечно, попадая в другие местности, продолжали свое дело и там. «По крайней мере, из числа всех рабочих, с которыми мне приходилось работать (около 12—20), за исключением 2—3, остальные до самого ареста, будучи увольняемы из ростовских мастерских, продолжали свое дело, кто в Екатеринославе, кто в других городах. Из их числа ни один не ушел из рабочей среды, не стал чужд интересам рабочих; напротив, чем развитее он становился, тем преданнее и горячее относился к своему делу».

Но каковы бы ни были намерения отдельных членов партии «Народной Воли», дух времени и доктрины толкал их в другую сторону, и, вместо развития массового сознания рабочих, дело ограничивалось развитием отдельных лиц, которые невольно тянулись и часто толкались в сторону террора. Перед нами лежит пространное дело о южно-русских (собственно говоря Екатеринославской губернии) народовольческих кружках, ведших агитацию среди рабочих, и мы видим, как неизбежно эта работа сводилась к выдвиганию отдельных личностей из рабочей среды, к вовлечению их в террор; масса-же оставалась во власти стихии [2]).

Что это так, видно и из истории одного из интереснейших деятелей—народовольца из рабочей среды А. Карпенко, и из характера рабочих волнений периода 1880—1900 г. По показаниям Карпенко, арестованного в Екатеринославе в 1886 г., он сделался революционером с 1883 г. под влиянием известного народовольца-террориста Л. Яцевича, который познакомил его с народовольческою литературой. Карпенко скоро впитал в себя революционные идеи и начал их распространять среди ростовских рабочих. Он читал им отрывки из истории революции, прибегая к легальным изданиям. Когда его упрекали в том, что он пичкает рабочих легальщиной, он жаловался на бедность нелегальной литературы и говорил, что нужно выхватывать нужное из легальных книг. При всем уважении к народовольческой интеллигенции, он говорил рабочим, что у интеллигенции и так много хлопот, что рабочим нужно надеяться на самих себя. Агитация

---

1) Пропаганда среди рабочих в Ростове на Дону «Былое» (заграница) 1904 г. № 5 стр. 16, 19—20. Панкратов «Из деятельности среди рабочих 1880-1884». «Былое» 1906 г. № 3. Богучарский. Из истории политич. борьбы; стр. 137—139.

2) См. Дело Н. и А. Синеды, Тринидатской, Федоровой, Бартенева, Карпенко и пр., хранящееся в Екатер. Музее Революции.

Карпенко шла успешно. Он сформировал кружки в Ростове, в Новочеркасске, Воронеже и Грушевском и принялся за работу в Екатеринославе. Оффициальный историк революционного движения не даром называет его самой интересной фигурой среди народовольцев-рабочих. И в Екатеринославе Карпенко («Иван Иванович») быстро вошел в рабочую среду и организовал несколько рабочих кружков.

Но что характерно и для веяний того времени и для самого Карпенко, что он поддался общей болезни того времени—мечте о террористической деятельности. Он все ждал нового «первого марта». Подготовительная работа среди рабочих и ему показалась чем то мизерным, маленьким, и агитация его начинает принимать другой характер. Как видно из «откровенных» показаний Бартенева, Карпенко в 1885 году был в Севастополе и здесь принимал участие в переговорах о нападении на почту между Бердянском и Мариуполем [1]).

III

Вот как изображала «Народная Воля» беспорядки в Екатеринославе: 20 июля в лавку Немировского вошла женщина с ребенком. Мальчик из любопытства взял фунтовую гирю. Приказчик еврей предположил, что мальчик совершает кражу, ударил его. Мать стала браниться. Приказчик и ее ударил и сбросил с лестницы. В это время прошла партия рабочих с железнодорожного моста. Вид плачущей и окровавленной женщины вызвал в них негодование. Они ворвались в лавку, стали бранить еврея и требовать составления полицией протокола. Полиция, убрав женщину, начала выталкивать рабочих из лавки. Произошло замешательство. Кто то крикнул, что женщина убита. Толпа разграбила лавку Немировского и с криком «бей жидов!» рванулась по главным улицам города и, увеличиваясь по пути, как лавина, начала разбивать еврейские магазины, дома, лавочки, уничтожать товары, мебель и распускать по воздуху пух. 200 человек солдат и полиция ничего не могли сделать. Толпа, оттесненная с одного места, перебегала на другое и продолжала грабить. Погром продолжался до 3 часов ночи. Ночью стреляли. На завтра утром беспорядки возобновились. Войска опять стреляли. По оффициальным сведениям было убито 10 и ранено 13. Но «Народная Воля» не верит сообщению. По ее словам, убито 32, а ранено 80.

Излагая эти события, даже «Народная Воля» [2]), которая радуется «воспитательному» значению таких фактов, усматривая в них пробуждение народа, все же констатирует в них проявление «неорганизованности» народа.

Вера Фигнер в своих воспоминаниях рассказывает, что она уничтожила прокламацию, в которой нападение на евреев трактовалось, как революционный факт. И действительно, если погромы и свидетельствовали о каком то протестующем духе, то вместе с тем они были проявлением и некультурности массы.

---

[1]) А. Карпенко, арестованный в 1886 г., 3 года сидел в тюрьме, затем был выслан на 10 лет на Сахалин, где умер от чахотки.

[2]) Литература «Нар. Воли» ч. II, стр. 108—110.

Несколько иной характер имели беспорядки в Юзовке, в августе 1892 г., которые вызвали вмешательство войск и стрельбу по рабочим. Здесь, в связи с холерными мероприятиями, была попытка разгрома заводского имущества, потребительского общества и вообще заводских построек. Но беспорядки перешли в еврейский погром. Они носили ожесточенный характер и осложнились сопротивлением полиции и даже войскам. Вызванные из Екатеринослава воинские части стреляли в рабочих. Из участников часть судилась позже за беспорядки, разгром заводского имущества и сопротивление полиции, но другая часть за грабеж [1]).

И, наконец, самое крупное проявление стихийного протеста рабочих представляют известные беспорядки на Брянском заводе 99 г.—30 мая 1898 года, в которых участвовало несколько тысяч человек. В этом деле представляет интерес все: и мотивы беспорядков, и их участники и их характер. Еще задолго до беспорядков, констатирует обвинительный акт, рабочие жаловались на администрацию за то, что она нанимает сторожами черкесов, а между тем русские рабочие голодают. Вместе с тем рабочие жаловались на низкие расценки работы, на длинный рабочий день. Толпами они ходили к директору завода, требуя улучшения своего положения. Недовольны были также рабочие и окружающим его еврейским населением, в руках которого было много мелочных лавочек и которое «эксплуатировало рабочее население обмерами, обвесами и всякими обманами». Такое положение создало накаленную атмосферу среди рабочих.

29-го мая 1898 года, после 6 часов вечера, при возвращении рабочих из завода, один из них, Кутилин, идя около забора, оторвал доску и хотел ее унести. Это заметил сторож завода, осетин Парсиев, с товарищем своим, тоже осетином Кусовым, погнался за Кутилиным и отнял доску. При этом Парсиев кинжалом убил Кутилина.

Убийство вызвало страшное возбуждение среди рабочих. Появилось несколько тысяч рабочих, которые направились к заводу. По дороге они сожгли сторожевые будки, поломали и сожгли забор завода, подожгли заводские материальные склады и магазины, лабораторию и главную контору. При этом они выволокли железную кассу, взломали ее и расхитили звонкую золотую монету. Затем толпа направилась к потребительским магазинам, подожгла их и разграбила. Отсюда толпа отправилась в поселок Новые-Кайдаки, разбила винную лавку, около 20 еврейских домов и еврейский молитвенный дом.

Полицию, явившуюся для усмирения, толпа забросала камнями. Полицеймейстер был ранен в голову. Были вызваны 2 батальона войск, но беспорядки окончились до их прихода в третьем часу утра.

Из огромной массы участников было выловлено 73 человека. Процесс начался чуть-ли не через 2 года (24 января 1900 г.). Светилам адвокатуры— Плевако, Маклакову и Муравьеву — удалось обрисовать и выявить неприглядную картину бессердечной эксплоатации рабочих заводской

---

[1]) См. «Дело о беспорядках в м. Юзовке 2-3 августа 1892 года». Хранится в Екатеринославском Музее Революции.

администрацией [1]). При бешенных прибылях акционеров завода, плата для взрослого рабочего составляла 70 коп., опускаясь даже до 40—50 к. Завод не соблюдал закона о предельности рабочего дня, входя с рабочими в «добровольное» соглашение. При этом завод не заботился об ограждении опасных механизмов, и число несчастных случаев за 15 лет достигло до 10.000 «Потребительская» лавка также эксплоатировала рабочих высокими ценами на товары.

Благодаря этой удручающей картине, рабочие отделались сравнительно дешево на суде. Самое высшее наказание, вынесенное судебной палатой, не превышало 2 лет исправительного отделения.

IV

И однако, как ни смотреть на агитацию народовольцев среди рабочих Екатеринославской губернии и на стихийный протест рабочих, граничивший с погромами и буйством,— оба эти фактора послужили той почвой, которая дала возможность пионерам социал-демократического движения в Екатеринославе достигнуть тех результатов, которые скоро обратили на себя всеобщее внимание. Агитация народовольцев заложила в рабочую среду семена, из которой появились ростки рабочей интеллигенции, а стихийное буйство вытравило из массовой души слепую покорность судьбе. Благодаря взаимодействию этих двух факторов и выросло рабочее движение и связало свою судьбу с революционным движением вообще, а, главным образом, с ростом социал-демократической партии.

С ликвидацией последних народовольческих кружков в Екатеринославе в конце 80-ых годов наступает короткий интервал. Но уже в начале 90-ых годов под влиянием литературы «Группы Освобождения Труда», в Екатеринославе начинают формироваться малочисленные по составу социал-демократические кружки: «Наши разногласия», «Социализм и Политическая борьба» Плеханова, книжки «социал-демократа», наконец даже Благаевский «Рабочий», начинают вытеснять старые брошюры Лаврова, Мартовские «письма» и вырезанные из «Отечественных Записок» статьи Михайловского, В. Воронцова и пр. столпов народничества. Зарождаются в кружках споры о кризисе народовольчества, и, наконец, завязываются связи с отдельными рабочими.

Конечно, на первых порах, это было кипение «внутри себя». Интеллигенция больше всего распропагандировывает себя. На студенческих и иных вечеринках, в небольших кружках самообразования небольшие брошюры вызывали горячие споры, в которых чувствовалось уже биение новой мысли. Но постепенно эти споры начинают выходить за пределы интеллигентских кружков. С 1893 года в Екатеринославе начинается пропаганда социал-демократических идей среди ремесленников, затем рабочих Брянского завода и железнодорожных мастерских. Скоро удается выделить небольшую группу сознательных рабочих, способных самостоятельно вести работу. С 1894 года Екатеринославские кружки почерпают свой опыт не только от приезжих и высланных из Москвы студентов (сюда часто наезжали пионеры московских

[1]) «Беспорядки на Брянском заводе и антиеврейские беспорядки в Екатеринославе». Хранятся в Екатер. Музее Революции.

социал-демократических кружков, екатеринославцы Винокуров и Калугина [1]), но и завязываются уже непосредственные сношения с Москвой. И пропаганда в Екатеринославе, приблизительно, велась, как в Москве. Группа (обыкновенно) интеллигентов распропагандировывала несколько рабочих и составляла вместе с ними центральную группу. Группа эта сносилась с иногородними группами, добывала средства, литературу. Из этой группы выделялись пропагандисты для основательных и систематических занятий с сознательными рабочими (кружок № 1) и массовыми, с которыми только что завязались связи (кружок № 2). К собраниям пропагандисты опасались прибегать.

При всей осторожности и конспиративности в 1895 году первая социал-демократическая группа провалилась, оставив по себе такие следы, что работа не прерывалась. Мало того, они становятся шире, захватывая все больше предприятий и вовлекая в свой круг значительные группы рабочих. Через распропагандированных рабочих удается выделить по кружку на каждом крупном предприятии и устраивать даже небольшие летучие собрания с 25—30 рабочими. Необычайно быстрый расцвет металлургической промышленности дает богатый материал для пропаганды и наглядные уроки для ее успешности среди масс. Пропаганда перебрасывается в Каменское и Кривой Рог. В 1897 г. силы екатеринославских кружков настолько крепнут, что они образуют «Союз борьбы» и вообще екатеринославская организация оказывается настолько влиятельной, что когда представитель московской организации едет заграницу за литературой, то посещает и Екатеринослав, что-бы познакомиться на месте с потребностями организации.

Общий умственный уровень рабочих Екатеринослава был, однако, таков, что работа «Союза борьбы» должна была пойти по пути «Экономизма», широко тогда захватившего социал-демократические кружки, избегавшего еще слова «социал-демократический» и заменявшего его словом «рабочий». Если стоявшие во главе союзов в других центрах делали это в силу известного уклона мысли в сторону «Экономизма», то екатеринославцы это делали вынужденно, в силу специфических условий развития промышленности на месте. В 90-х годах Екатеринослав переживал промышленную горячку. Чуть ли не каждый месяц выростали грандиозные предприятия, вовлекавшие в свой круг свежие кадры сырых рабочих, в большинстве великороссов. Акклиматизировавшиеся рабочие перебрасывались в периферии и совершенно тонули в массе новых некультурных элементов, еще не расставшихся с «властью земли». При таком положении вещей для успеха пропаганды приходилось держаться ближе к «земле», т. е. заниматься повседневными интересами рабочего о куске хлеба, о заработной плате, о медицинской помощи, т. е. не выходить за пределы непосредственной борьбы рабочего с предпринимателем за улучшение своего экономического положения [2]). И при всем том организаторы «союза» не могли похвастать своим успехом, и погром 1898 г. был делом стихии, а не сознательного

[1]) Линдов (Лейтайзен). Краткий очерк истории с.-д. партии 1917 года.
[2]) См. Рабочее движение в Екатеринославе. Женева 1900 г.

руководства вырвавшимися наружу силами. Нужно было еще много поработать среди массы, нужны были резкие факты, чтобы расширить горизонт массы и связать ее интересы с политической жизнью страны.

V

Это вскоре сделали интеллигенты и рабочие, стоявшие во главе «Союза борьбы» и, главным образом, сама жизнь. Правительство, надо ему отдать справедливость, сделало на месте много, что-бы открыть глаза рабочим и приобщить их к политической жизни России. Кроме спорадических арестов и высылок, многочисленные аресты после беспорядков на Брянском заводе, расправы полицейских в участках с арестованными, административные высылки и предание суду—сдвинули с мертвой точки мысль массового рабочего. Нагляднее, резче и жизненнее неразрывную связь эксплоататоров с администрацией, «Экономизма» и «политики» трудно было демонстрировать. Брянские беспорядки пробили брешь в понятиях рабочих, и с этих пор сделалась возможной успешная работа в другую сторону, и вступление на тот самый путь, который привел рабочих к необходимости политической борьбы за свои экономические интересы и за свое лучшее будущее. В связи с этим тип «практика» пропагандиста начинает уходить в Екатеринославе в сторону и заменяться людьми иной практики и иного кругозора.

Вполне естественно при таких условиях, что на первом с‘езде «союзов борьбы за освобождение рабочего класса» в Минске в 1898 г. екатеринославский союз не только участвует, но даже самая мысль о с‘езде исходит от него[1]). С‘езд этот замечателен не только тем, что он первый об‘единил разрозненные союзы в одну мощную организацию, не только тем, что положил начало Российской Социал-демократической Рабочей Партии. Самое важное это то, что на нем был принят план организации партии и составлен был «манифест», в основу которого была положена политическая работа. Обратный приезд екатеринославских делегатов из Минска и распространение ими «манифеста» совпало с «усмирением» рабочих на Брянском заводе. Самый «манифест», а затем и обращение уже Екатеринославского Комитета Р, С.-Д. Р. П. (впервые) к рабочим упали на подготовленную событиями почву и составляет эру в развитии екатеринославского пролетариата.

Обращение Комитета[2]) целиком базируется на манифесте. В нем осуждается бессмысленный бунт рабочих на Брянском заводе. Для облегчения

[1]) «Из четырех Союзов Борьбы, пишет автор статьи «К истории возникновения Р.С.-Д Р.П.»—Б.Д., особенную физиономию имел Екатеринославский. Одно время тут работали и провалились киевские студенты, которые стояли близко к русской социал-демократической группе. Провалившись, они дали членов заграничной колонии эмигрантов и сибирской колонии ссыльных. В Екатеринославе Союз Борьбы несколько напоминал нормальный тип союза, создаваемого центральной организацией. Сразу здесь осела небольшая группа членов организаций других городов с известным опытом. А среди рабочих были ссыльные из других двух центров рабочего движения. Были виленские ремесленники и большая группа участников петербургской стачки 1896 г. Екатеринославский Союз принялся за об‘единение всех этих элементов. («Историч. Сборник» 1907 года, № 1, стр. 155—156»).

[2]) Выпущено на 2 полулистах писчей бумаги. Этот замечательный документ хранится в Екатеринославском Музее Революции.

своего положения, рабочие Екатеринослава должны идти по стопам западноевропейских рабочих, где рабочие об'единились в одну рабочую партию (ссылка на Германию), имеющую своих выборных представителей в парламенте, т. е. в общем собрании представителей народа, которые решают все дела государства, издают законы и т. п. Русские рабочие должны идти по этому пути, об'единиться в одну партию и, окрепнув, добиться законов о свободе слова и печати, свободы стачек, собраний и т. п.

С этих пор комитет начинает работать смелее и увереннее. Пропаганда начинает приобретать массовый характер. Помимо общепартийной литературы, комитет, пользуясь всяким случаем и всяким столкновением рабочих с администрацией заводов или полицией, широко пускает в ход прокламации, освещая события, главным образом, с политической точки зрения, чтобы резче оттенить связь экономических угнетателей с политическими. Это имеет огромное воспитательное значение для рабочих, брожение среди которых начинает отливаться в новые формы, чему, впрочем, много помогает екатеринославская администрация.

В мае 1899 года начался ряд забастовок на кирпичном цехе Брянского завода, кузнечном отделении завода Эзау за увеличение заработной платы. На Брянском заводе рабочие добились было улучшения, но прискакал полицеймейстер и, размахивая нагайкой, заговорил о «березовой каше».

25 июня того-же года началось более крупное волнение в железнодорожных мастерских. Этот день считается железнодорожным праздником. Администрация заявила рабочим, что праздник ограничится молебном в обеденное время. Тогда рабочие решили или совсем не работать (администрация и служащие в этот день отдыхают) или потребовать полуторный заработок. 25 июня рабочие к работе не приступили, но собрались в мастерских, куда вызвали начальство для переговоров. Вместо железнодорожного начальства явился губернатор, который начал убеждать рабочих приступить к работе. Его встретили свистками и разошлись по домам. 26 и 28 рабочие уговорились собраться у ворот местерских, чтобы сговориться о забастовке. С 4 часов утра их ждали жандармы во главе с полковником и вталкивали отдельных рабочих в мастерские. Это взбудоражило рабочих. 28 июня (накануне Петра и Павла) рабочие решили закончить работу в 2 часа. Затем они бросили работу, разогнали тех, кто хотел еще остаться, выбили стекла в мастерских и с криком «ура» разошлись по домам.

30 июня, ничего не подозревавшие рабочие приступили к работам. Часам к 12 явились патрули, и офицер, с обнаженной шашкой в руках, начал арестовывать по особому списку рабочих. Обходными путями человек 50 отвели в острог. Остальная масса рабочих бросилась наперерез к вокзалу. По дороге толпа начала швырять камни в дома и даже было погналась за евреями. Но достаточно было одного слова сознательного рабочего, чтобы дебош был приостановлен. В это время наскочили казаки, и арестовали душ 30.

Восторженно была поэтому встречена прокламация Екат. Комитета партии от 8 июля 1899 года, в которой комитет, осветив всю историю

и особенно роль губернатора, полиции и жандармов, легко приходит к выводу, что «правительство всегда поддерживает наших угнетателей. Нас бьют, сажают в тюрьмы, ссылают в Сибирь без суда, а за что, товарищи?... Лишь за то, что мы хотим улучшить свое положение», и комитет, выдвинув экономический лозунг—8-ми часовый рабочий день, вместе с тем пишет: «требуйте права сходок и собраний» [1]).

В июле того-же года депутация рабочих мариупольского завода «Провиданс», просившая улучшить качество заводской воды, была передана заводской администрацией жандармам. Возмущенные рабочие потушили домны и начали громить мастерские. Явилась вооруженная полиция и арестовала 80 человек. Рабочие набросились и освободили товарищей. В спину рабочим последовал залп. На месте осталось несколько убитых и раненых. Когда один из рабочих попробовал об'ясниться с офицером, то был убит наповал. Толпа начала бросать камни в войска. Последовал новый залп, и опять упали убитые и раненые. Екатеринославский комитет выпустил по этому случаю прокламацию с призывом уничтожения хозяев и правительства [2]). Прокламация и в Екатеринославе и в Мариуполе распространялась сотнями и переходила из рук в руки.

Такие случаи повторялись изо дня в день. И комитет пользовался ими для агитации в пользу необходимости политической свободы. При обилии ярких фактов, которыми комитет наглядно иллюстрировал связь господства буржуазного гнета с гнетом самодержавия, очень легко было уничтожить влияние «Экономизма» и сделать совершенно невозможным появление зубатовщины на екатеринославской почве. Екатеринослав в этом отношении опередил многие организации и почти одновременно с «Искрой» (декабрь 1900 г.), не отрекаясь формально от экономизма, начал выдвигать политические лозунги. И когда началась полоса политических демонстраций, Екатеринослав оказался в ряду первых организаций. Декабрьская демонстрация 1901 г. в Екатеринославе и февральская 1902 г., выдвинувшие чисто политические лозунги в связи с годовщиной декабрьского восстания, имели значительный успех и встревожили не только местные, но и петербургские оффициальные сферы.

VI

Огромное значение в сдвиге рабочего движения в Екатеринославе от стихийного его характера к сознательному, и от узкого «экономизма» к широкой политической борьбе, имел «орган рабочего движения юга России». «Южный Рабочий». Журнал этот и по нашим личным воспоминаниям и по свидетельству всех историков социал-демократического движения в России [3])

---

1) Прокламация хранится в Екатеринославском Музее Революции.

2) Прокламация от 9-го сентября 1969 года Хранится в Екататеринославском Музее Революции.

3) Акимова, Батурина, Линдова и др. До «Южного Рабочего» в Екатеринославе выходила «Рабочая Газета» орган русских социал-демократов. Печаталось в типографии, арестованной 12 марта 1898 г.

пользовался огромным успехом на Юге России и, в частности, в Екатеринославе. И уж по одному характеру этого журнала можно судить о том направлении, которое приняла рабочая мысль в Екатеринославе.

Влияние екатеринославского комитета Р. С.-Д. Р. П. в конце 90-ых и начале девятисотых годов было очень значительно. Оффициальные сферы придавали ему огромное значение. В докладе начальника екатеринославского губернского жандармского управления от 6 мая 1900 г. значится: «на основании данных, извлеченных путем наблюдения за поведением и сношениями некоторых лиц из среды местного населения в политическом смысле, в силу которых образовалось обстоятельное указание на существование в Екатеринославе преступного кружка с разветвлениями на иные города, поставившего себе задачей—возбуждение рабочих против заводохозяев и укоренение в них сознания противоправительственного настроения, посредством подметных воззваний, воспроизводимых гектографическим и печатным способами, по распоряжению моему были произведены 16 апреля обыски в Екатеринославе, в Полтаве, Кременчуге, Харькове, Одессе и Вильне» [1]). В результате этих обысков в одном Екатеринославе было арестовано 53 чел., при чем были обнаружены части типографии, и рукописи, предназначенные для журнала «Южный Рабочий». Сама газета сначала печаталась в Кременчуге и расходилась по тому времени в большом количестве экземпляров Мы имеем полное основание думать, что «Южный Рабочий» был целиком делом членов екатеринославского комитета, тем более, что есть данные, что журнал продолжал печататься в Екатеринославе, когда кременчугская типография была захвачена жандармами [2]).

«Южный Рабочий» был лишен резкости и прямолинейности в борьбе с «Экономизмом». Течение это, очевидно, пустило глубокие корни в Екатеринославе. В силу тех особенностей, о которых мы говорили выше, в силу постоянного притока сырых рабочих масс из глубины Великороссии, руководители социал-демократической идеологии не решались резко порвать с экономизмом, но идейно они стояли на почве группы «искровцев», проводя, в более осторожной форме их идеи. Уделяя много места вопросам чисто экономического и даже узко-профессионального характера, журнал в передовых статьях и обзорах проводил одну мысль: «надо, чтобы все сознательные люди направили свои силы на свержение самодержавия, этого главного препятствия по пути к социалистическому строю» [3]).

«Южный Рабочий», опасаясь оторваться от интересов рабочих масс Екатеринославщины, осторожно вел свою линию и добился огромных успехов. Его неустанная агитация за политическую свободу, рядом с отстаиваньем экономических интересов рабочих сделала свое дело. В начале нового столетия (с 1900 года) рабочее движение в Екатеринославе окончательно

---

[1]) Дознание по делу Екатер. Ком-а Р. С.-Д. Р. П. хранится в Екатер. Музее Революции.

[2]) Г. Глинский. Развенчанные герои революции 1905. Историч. В. 1918 г. IX. к., стр. 1000.

[3]) «Южный Рабочий» № 9 «Как мы, с.-д., должны бороться с правительством». Хранится в Екатеринослав. Музее Революции.

теряет свой стихийный характер и впадает в общее русло рабочего движения, руководимого идейными работниками, направленного, к устранению главного препятствия по пути к социалистическому строю,—самодержавия— и к завоеванию политической свободы. Это ярко сказалось на забастовках 1903 года, которые, начавшись в Баку, перекинулись и в Екатеринослав и носили резко политический характер.

VII

И оффициальные и неоффициальные источники рисуют забастовку, начавшуюся 30 июля, как имеющую связь со всероссийской и как носящую политический характер. Еще 20 июля начальник екатеринославской охранки доносил начальнику екат. жанд. управления, что готовится забастовка заводских и железнодорожных рабочих и, что в связи с забастовкой будет устроена «и вооруженная демонстрация». В связи с этим, властями принимаются подготовительные действия вплоть до командирования в распоряжение губернатора отрядов войск.

«Беспорядкам» предшествовала агитация екатеринославского комитета, выпустившего специальную прокламацию с изложением событий в Баку, Киеве, Тифлисе и других городах России и с призывом выйти на улицу с требованием 8 часового рабочего дня, свободы слова и печати, а главное «политической свободы, без которой не может успешно вестись борьба с нашими исконными врагами-капиталистами».

Забастовка вышла внушительной. Более 20 тысяч рабочих бастовало в Екатеринославе, Амуре и Нижнеднепровске, бастовали дружно, запальчиво, но согласно указаниям членов комитета. Об экономических требованиях говорилось мало. Главное что имелось в виду 7 августа— это политическая демонстрация и шествие по городу для соединения с городскими рабочими. Около брянского завода скопилось около 15000 рабочих. Солдаты, препятствовавшие шествию, были встречены камнями. Войска стреляли. Было убито и ранено 27 человек, арестовано около 500[1]).

Своим выступлением в июле—августе 1903 года екатеринославские рабочие доказали свою политическую зрелость. С этих пор кончается период стихийности в движении екатеринославских рабочих и примитивного его проявления—в форме экономизма.

Движение входит с этих пор в новое русло. Рабочие продолжают выставлять экономические требования, продолжают устраивать забастовки; но и эти требования, и забастовки носят совершенно другой характер, на котором отразились политическая агитация Екатеринославского Комитета, распространяемая им литература (особенно «Южного Рабочего»), а (что особенно важно) усердие екатеринославских властей. Кровь, пролитая возле

---

[1]) Дело об общей забастовке в Екатеринославе и Амур-Нижеднепровске в июле и августе 1903 г. Хранится в Екатерин. Музее Революции. См. ниже «Ценою Крови».

брянского завода, спаяла прочно рабочих в единую семью, дышавшую ненавистью к самодержавию. Попытки местных зубатовцев сбить екатеринославских рабочих с этого пути на путь облагодетельствования рабочих правительственными «мероприятиями» остаются тщетными. Одинокий голос зубатовца, сотрудника «Приднепровского Края», печатавшего статьи за подписью «Рабочий» в 1902 г., оказался голосом вопиющего в пустыне, и ни с чьей стороны не встретил не только отклика, но и возражения. Так далеко ушла от него мысль рабочей массы [1]).

Г. НОВОПОЛИН.

---

[1]) Раскол социал-демократической организации в Екатеринославе в марте 1903 года на «рабочую группу» и «искровцев», о котором доносил Батушинский («Бабаджан») начальнику охранки прошел незаметно.

ВОСПОМИНАНИЯ О РАБОТЕ НА БРЯНСКОМ ЗАВОДЕ В 90-х ГОДАХ

Притяжение к социалистическому движению у меня тянулось около двух лет, с 1893 по 1896 год, когда я приехал в поисках заработка, в Екатеринослав. До этого я вел переписку с братом, работавшим на водокачке Брянского завода, который раза два очень убедительно предлагал мне бросить Харьков и ехать к нему на завод. Весной 1894 года, после долгих колебаний и нежеланий бросить тяжело бедствующую тогда в Харькове свою семью, состоявшую из отца, матери и трех братьев, я все же, вопреки воли как родных, так и окружающих меня знакомых, решил отправиться первый раз в жизни, куда меня тянул и манил мой старший брат.

Приехав в Екатеринослав и подойдя к заводу, я увидел величественную картину огнедышащей фабрики. Завод источал из себя огромные массы различных цветов дыма, пара, копоти, пыли, различных тонов стука, грохота, скрипа, свистков, сигналов и звонков, а вдали от завода, как будто бы на острове, стояло какое-то здание, кругом залитое водой, около которого возвышались две трубы.

На мои расспросы, где водокачка Брянского завода, мне указали на это залитое водой здание.

Подойдя к пристани, я заметил, как повернули лодки, которые подвозили и отвозили обратно смены рабочих. Я сказал перевозчикам, что мой брат Петровский работает на водокачке и мне нужно к нему. Меня посадили в лодку и свезли.

Был жаркий день, когда я вступил на подмостки водокачки, на которых было насыпано много каменного угля. Пробираясь по углю, я увидел, как около одного из отбрасывающих от себя тень заборов спал какой-то человек на грязных лохмотьях прямо на угле. Это оказался мой брат, которого я не видел 7—8 лет. Вечером, когда пришла смена брату, мы переплыли разлив Днепра и пришли домой. Видно было, что у брата тяжелая была работа; как потом оказалось, половодье Днепра заставляло почти что две смены держать на водокачке—день и ночь—и он выгонял до 80 дней в месяц. Он был худой, черный, всегда в угле, кашлял, был злой и раздражительный. Такая же была у него суровая и семья. У брата была маленькая землянка и небольшой дворик, в котором он затеял строить себе домик; остов был готов, остальное он думал достроить урывками от

работы, вечерами. В ожидании получения работы, я занялся достройкой этого самого домика: копал глину, месил ее в яме, в обыкновенных формах делал кирпич—сыряк, решетил и т. д. В этой работе кроме жены брата принимали участие несколько нанятых деревенских девушек.

Я понимал, что для брата содержать лишний рот, каким явился я, было тяжело, лишний расход отсрачивал окончание постройки домика, в котором он надеялся немного отдохнуть. Но кстати уже замечу, тяжелая работа на водокачке его надломила, в непосильной схватке за обеспечение своего существования, не дождавшись конца постройки, он умер.

Нудная безработица и бедная жизнь с крайне ограниченными средствами или скорее без всяких, почти, средств, продолжалась у меня несколько месяцев. В конце-концов, кое-как мне удалось достать работу в телеграфной мастерской Екатерининской железной дороги; работа эта считалась большой квалификации и работать приходилось всего 7—8 часов. В те времена это считалось черезчур завидным, но при всем этом, платы я никакой не получал. Разумеется, это не разрешало основного вопроса о заработке, чтобы бедствующим в Харькове родным оказывать хотя какую-нибудь помощь.

После долгих надоеданий брату и знакомым о том, что я не мальчик, чтобы работать бесплатно, брату, наконец, удалось достать письмо от начальника водокачки к начальнику мостового цеха Брянского завода Масюкову с просьбой принять меня на работу в инструментальную мастерскую этого цеха.

С братом же я подошел к высокому, стройному, строгому и, как потом оказалось, жестокому эксплоатататору Масюкову. Небрежно взял он письмо, что-то написал, поставил 35 коп. и послал нас в контору, где мне дали приемную, с которой я должен был пойти в больницу, а после этого уже на работу.

В то время осмотр рабочих при приеме на завод был строгий. Нас принимали по несколько чоловек: всех раздели до-гола, осмотрели кругом, как лошадей, заставили разинуть рот, поглядели в глотку, на зубы, в глаза, уши, если грамотный, заставляли читать, чтобы проверить зрение, которое проверяли также на расстоянии. Я выдержал искус и, получив докторскую отметку, пошел в контору, где получил заводской номер и на следующий день должен был с половины седьмого утра выйти на работу.

Рабочий день на заводе продолжался с половины седьмого утра до 7 час. вечера с полуторачасовым перерывом на обед. Завтрака не полагалось, но все рабочие в узелках приносили с собой завтрак, урывками, прячась от всех рангов начальства, где-нибудь в уголке под доской с'едали его. Некоторые приспособлялись кипятить себе чай и также потихоньку урывками распивали его. Но начальство все время боролось с этим. Этот самый Масюков (тип, которых часто описывают социалисты, как французские или бельгийские капиталисты расправлялись с невольниками в Африке), иногда на своем пути случайно нападал в тот момент, когда рабочий, развернувши тряпочку, ел кусок хлеба. Масюков подходил и ногой отшвыривал тряпку и кусок хлеба, приказывал штрафовать на половину поденного жалования,

нарушившего заводские правила рабочего с предупреждением, что если это повторится, он выкинет его совсем с завода. Если он натыкался на ведерко с кипяченным чаем (а чай тогда, нагревавшийся на курнике, отчего пропитывался запахом серы, представлял для рабочих лакомое блюдо), разбивал ведерце о землю с таким же последствием для рабочих—штрафом и предупреждением на выкидку.

Громадина—завод поражал своей капиталистической стихией. В то время здесь работало тысяч пять или шесть народу. Редко когда проходил день, чтобы не было убийств на заводе, а то обычно 5—6 и даже десяток жертв всегда было. Что же касается травматических повреждений, то они считались десятками. И слышен был кругом стон от тяжелой работы, слышались всегда жалобы между собой рабочих о том, когда из этой невылазной бедности придется выйти. Я помню тогда свое положение. На завтрак себе я мог брать только небольшой кусочек хлеба и больше ничего. Иногда видя, что я в сухомятку жую хлеб, иной мастеровой, получая 1 р. 20 к.— 1 руб. 40 коп. в день, подойдет и даст мне огрызочек сахару и нальет остаток старого провонявшего серой чая: «пей, Петровский». И такую доброту я помню по отношению к себе не от одного старшего моего собрата по тискам в инструментальной мастерской нашего цеха, бедность рабочих была необычайная. Если нужно бывало закурить, то по очереди одной спичкой закуривали 3—5—7 человек. Если первый раз закурка была, предположим, у Максимова, то через часок, когда вновь собирались курить, закурка происходила уже у какого-нибудь, Белкина и т. д. Так что спичка никогда не тратилась на одну закурку собственника этой спички. Бедность порождала такую экономию. Обращение с рабочими было, что называется, «галантерейное»: при малейшем сопротивлении рабочие рассчитывались, при малейшем сопротивлении или строптивости требовались архангелы, выносили в знаменитую кордегардию-проходных ворот и там уже кулаки черкесов и полицейских уснащали сознание пролетарию в незыблемость установленных порядков. С особой жестокостью к рабочим относился этот самый Масюков, его помощник Ильин и знаменитый начальник прокатных цехов Удовенко.

Среди рабочих носились легендарные слухи о том, как-будто бы они спорили между собой, кто из них больше сумеет эксплоатировать, а главное в своей эксплоатации и жестокости дойти до садизма в издевательстве над рабочими. Здесь были не только избиения—это было тогда в порядке вещей,— но истязание с отборной руганью, плевки в лицо, сбивание с ног рабочего и топтание ногами. Что касается штрафов, так это была тогда самая доходная статья у каждого начальника. И Главное Управление это рвение поощряло определенным процентом вознаграждения начальству и всем его лакеям за умелое и рачительное отношение к заводскому хозяйству. Разумеется, это побуждало крупную и мелкую сошку развивать в этом отношении свои способности и рабочие преследовались всякой сволочью буквально за все. Помню глубокое возмущение в нашей мастерской номерами Масюкова, который следил за рабочими, ушедшими в клозет, и, если замечал на часах, что после определенного времени рабочий не возвращался

в мастерскую, то прямо и нагло встречал его и приказывал пойти в контору к табельщику, чтобы тот его оштрафовал на дневный и полудневный заработок за несвоевременное возвращение из клозета. И это—того рабочего, который получал 90 коп., 1 руб., или 1 руб. 10 коп. в день, и который должен был содержать жену, семью и помогать еще своим родителям. Если Масюков увидел, что рабочий курит—50 коп. штрафу, застанет рабочего сидящим и отдыхающим—тоже штраф; остановился рабочий поговорить с товарищем на минутку—опять штраф, перед шабашем за пять минут кто-либо помыл руки, он подходит, рассматривает руки и опять штраф. Трудно рассказать и припомнить сейчас, сколько причин было для этих двух свирепых эксплоататоров, чтобы они ястребом набросились на рабочего, с целью унизить, оскорбить, оштрафовать его или сбавить расценку. Для них это был высший закон—рабочего сделать нищим, зависимым от них, это казалось им идеалом порядка в заводе и они подобные вожделения высказывали вслух. В довершение к этому, в те времена на Брянском заводе был знаменитый старший сторож, звали его Павел Павлович, и выписанные заводоуправлением с горного Кавказа черкесы, осетины и лезгины, которые не понимали русского языка и по дикости своей готовы были служить не на жизнь, а на смерть перед начальством, не особенно щедро дарившим их. Павел Павлович строго, с точки зрения капиталистических интересов, правильно понимал свои задачи. Если он заметит какой-нибудь непорядок около табельных досок, когда рабочий подходит и снимает номерок, он с особым наслаждением бил в затылок или прямо в зубы. А если кто-нибудь, ну какую-нибудь шабашку, кусочек дерева, железа или еще что-либо возьмет,—горе такому рабочему: его сейчас же берут под руки и в кордегардию, а там черкесы по своему особо расправлялись. Оттуда нередко доносились тяжелые стоны и после долгих годов таких экспериментов по заводу разносился ропот, потом слухи, что заводоуправление получило анонимное письмо, в котором предлагалось, если не уберется Павел Павлович и черкесы и будут дальше издеваться над рабочими, будет взорвана главная контора и перебиты сторожа. Письмо это совпало с изданием закона о 11$^1/_2$ час. рабочем дне, на который заводоуправление не хотело перейти.

Нужно ли было этой легенде пройтись несколько раз по головам рабочих, но в 1897 году, весной, рабочие начали «штурм».

Во время прохождения через проходную, один рабочий—не помню, за какую шабашку—был подхвачен черкесами и потащен в кордегардию. За него заступилось два или три его товарища, тех также туда взяли. Они оказали там маленькое сопротивление, и освирепевшие черкесы прирезали, не помню, одного или двух из них. Это моментально разнеслось среди рабочих, которые сгруппировались около проходных ворот,—с криком набросились на черкесов, сорвали повешенные табельные доски, разбили керосиновые фонари, от которых начался пожар. Этот эффект поднял настроение рабочих, масса прибавлялась и сильнее надавливала на отбивающихся черкесов и сторожей, разбила всю проходную и кардиргардию, которые и сгорели. После этого толпа подошла к конторе, той самой

ЧЛЕНЫ ЕКАТЕРИНОСЛАВСКОГО К-ТА Р. С.-Д. Р. П. 1901-02 ГГ.

А Костюшко-Залюжанич.

Евг. Адамович.

Ив. Бабушкин.

главной конторе брянского завода, которая как идол стояла в центре завода и, как идол, сосала кровь из всех рабочих: ненавистна была она рабочим. Все знали, что контора рабочим пощады не давала, все знали, что сначала поступления рабочего на завод и по гроб его жизни эта проклятая контора определяет бытие его. Они с яростью набросились на нее, сорвили злобу к эксплоататорам на ней, разнесли ее, а потом зажгли. Заводские корпуса рабочие не тронули. Они ринулись еще на одно эксплоататорское учреждение, на знаменитые тогда по всей России потребилки. Как везде так и здесь, на юге, эти потребилки заводского характера давали в долг рабочим, как продовольствие, так и одежду. К концу месяца рабочий не только не видел у себя денег, а оставался всегда должен заводу. Товары в ней были по большей части сквернейшего качества. Обсчет, обвес и тому подобные случаи были в этой потребилке постоянным явлением. И вот на это второе эксплоататорское учреждение набросились рабочие, разграбили и сожгли.

Затем бунтарская стихия разлилась и за пределы завода. Одна часть рабочих направилась в село, расположенное около завода—Кайдаки и там разбила несколько казенных винных лавок и несколько еврейских, а другая—бушевала на фабрике. На утро следующего дня завод оцеплен был полицией и войсками. По улице за заводом по двое, по пять связанных рабочих полиция сопровождала в тюрьму.

Всем памятен процесс брянских рабочих и обнаружившаяся тогда на суде жестокая их эксплоатация. Тогда кадетские речи на суде считались революционными, подпольные организации печатали их и распространяли среди рабочих.

После появилось критическое отношение к происшедшему. Рабочие осуждали воровство, еврейский погром, а когда на место сожженных деревянных проходных ворот выстроились громадные, в несколько этажей здания, надменно смотревшие на копошащихся в заводе рабочих горькой пилюлей казалось необузданное проявление бунтарской вспышки.

Но, в результате этой вспышки, черкесы и полиция были убраны, кордегардии при заводе не стало. Стало и начальство несколько предупредительнее к рабочим, и закон был введен, а с внешней стороны, казалось, завод опять покорен. По гудку приходили и уходили с завода. От проходных ворот черной, движущейся лентой на фабрику Кайдаки и Чечелевку расходились по казармам и домам рабочие. Иногда эту ленту перерезывала крестьянская с базара подвода. Беда была, если собака за повозкой бежала: свист, тюканье подымались, в собаку летели камни, бедное животное металось и кое-как сквозь ленту проскакивало и спасалось.

Завод переживал первоначальную стадию развития от покорной эксплоатации. В этот момент на фоне рабочей нищеты и отрепанности появление директора или начальника во всех инженерских доспехах, в шинелях с блестящими пуговицами и кокардами, производило на рабочих вначале тупой страх, как фараона на рабов. Грубость и некультурность рабочих начинала проводить в противоречие в отношениях рабочих к начальству. Покорность начала сменяться строптивостью. Помимо

оскорбления нет, нет да еще и в ухо мастеру, монтеру или начальнику заедет доведенный до нетерпения рабочий. На тихой глади эксплоатации это выглядело рябью, предметом обсуждения, пищей для рабочих умов. Начинается обсуждение отношений рабочих к начальству. Подымаются и общеобразовательные вопросы: создание мира, о существовании Бога и проч. такое. От рабочих Белкина, Игнатова, Тома все окружающие слышали критику веры в Бога..., мать..., в Масюкова..., в Христа и Богородицу. Несколько взволновалось и начальство. Помимо сквера летом с музыкой, и зимой народных чтений из плохеньких рассказов задумало начальство еще больше культуру насаждать. Дошло до неслыханной дерзости. Созвало представителей от цехов и предложило построить церковь на отчисление из рабочего заработка. Оказывается, отчисление из жалования законом воспрещалось. Его можно было делать, если рабочие на это согласятся. Перед рабочими ясен стал либерализм начальства с его церковной культурой за счет рабочих. На это предложение от заводоуправления было встречное предложение от рабочих построить общежитие для рабочих, так как была невыносимая квартирная нужда. Собраний таких с начальством было несколько; общих собраний по цехам не разрешалось. Выборы от рабочих происходили через монтеров, но падали всегда на развитых рабочих. На фоне серенькой жизни вдруг при разговорах с начальством появились первые рабочие организаторы и ораторы: Ткаченко (после ставший черносотенцем), Молитвин, но главное, в этой кучке появился т. Норинский, серьезный вид и поведение которого внушали и страх и почтение. Задача делегации была отбиться от новой кабалы эксплоататоров, не попасть в крамольники, не быть уволенными и в тюрьму не угодить. Мудрили, прибегали к помощи софистики и казавшиеся заводоуправлению быстро разрешимые вопросы затягивались. Но один «культурный» результат был: это разрешение выписки через контору завода черносотенных газет для рабочих: «Свет» и «Нива», и друг., которая, однако, скоро прекратилась.

Г. ПЕТРОВСКИЙ.

ВОСПОМИНАНИЕ О ПАРТИЙНОЙ РАБОТЕ В ЕКАТЕРИНОСЛАВЕ

Участие я принимал в следующих организациях.

1) В первой Екатеринославской соц.-дем. организации, возникшей конце 1894 года.

2) В Екатеринославской большевистской организации 1907—1908 гг.

3) В большевистском страховом центре 1913—1917 гг.

На моем участии в работе первой Екатеринославской соц.-дем. организации 1894—1895 гг. считаю нужным остановиться подробнее, так как насколько мне известно, этот первоначальный период Екатеринославской соц.-дем. организации нигде не был описан.

В Екатеринослав я приехал на жительство в декабре 1894 г., высланный из Москвы. В это время в Екатеринославе т.т. Григорием Мендельштамом (старшим) и Лейтензоном (Линдовым) уже организованы были соц.-дем. кружки рабочих, как на крупнейшем металлургическом Брянском заводе, так и среди ремесленных рабочих. Связь Екатеринослава с Москвой до моего приезда поддерживалась через Григория Мендельштама и меня, летом ежегодно приезжавшего на каникулы в Екатеринослав. Считаю здесь не лищним сказать о первых шагах марксизма в Екатеринославе.

В Екатеринославе, в конце 80-х и начале 90 годов, сохранились слабые остатки народовольческой организации. Первым с.-д. в Екатеринославе был, приехавший из Швейцарии т. Тетельбаум [1]), который провел в Екатеринославе новые идеи соц.-дем. рабочего движения и литературу. При первой встрече с тов. Тетельбаумом зимой 1890—1891 г. я еще был народовольцем, впрочем на час, так как уже с 1891 г. я определенно встал на с.-д. позицию. Уже летом 1891 г. и 1892 г. я в свою побывку в Екатеринослав привез из

---

[1]) В. Тетельбаум, в конце 20-х годов побывал в Швейцарии с целью поступить в университет. Там он вел знакомство с первыми членами группы «Освобождения Труда» и привез с собой в Екатеринослав первые брошюры Плеханова, Аксельрода. Кружков с строго выдержанным характером народовольчества в Екатеринославе не было. Были кружки саморазвития при участии прикосновенных к народовольчеству Гамзагурдиникольская, Вейнгерова, Эпштейна, (где одинаково с жадностью проглатывалась и толстовская и народовольческая и марксистская литература). Эти кружки посещал и Тетельбаум, уехавший вскоре в Берлин, где кончил медицинский факультет. В 1900 году при сдаче экзамена на аттестат зрелости Тетельбаум заболел воспалением мозга и умер. Тело его покоится на старом еврейском кладбище.

(Прим. редакции).

Москвы переводную литературу (Энгельса, Каутского, Геда, Лафарга, Шинеля и друг.). Завязал связи с марксистами в Екатеринославе, покажу на Монблит [1]), впоследствии перешедшего в меньшевистский лагерь.

Под влиянием Москвы Екатеринославская организация стала также переходить от пропаганды среди отдельных рабочих к широкой агитации. Мой приезд в Екатеринослав и тот опыт, который я приобрел в Москве усилил этот переход. С т.т. Григорием Мендельштамом [2]) и Лейтензоном [3]) мы энергично принялись за дело. Помню первое свое посещение в конспиративной квартире (рабочего) на Чечеловке (рабочей слободке), где я нашел уже несколько интеллигентных знакомых с основами марксизма и преданных делу, молодых рабочих (Мазанова, Смирнова, Каца, Файна и др.) которые сыграли, хотя и кратковременную, но большую роль в пробуждении соц.-дем. движения среди широких слоев екатеринославских рабочих.

И в Екатеринославе были применены выработанные в Москве методы широкой агитации. От различных заводов и крупных предприятий образован был комитет, который обсуждал все злободневные вопросы, возникшие на фабриках, заводах и мастерских г. Екатеринослава, и реагировал на них путем составления агитационных листовок и устной агитации через имевшихся сознательных рабочих. Листовки печатались на гектографе. Были предприняты шаги к приобретению типографского шрифта. Насколько не изменяет мне память, удавалось через сознательных типографщиков печатать в частных типографиях. Рядом с агитационной работой велась и пропаганда среди сознательных рабочих. На Чечеловке собирались сознательные рабочие, преимущественно Брянского завода, с которыми велись систематические беседы о капитализме, о первоначальном накоплении прибавочной стоимости, о рабочем дне, социализме, положении рабочих на Западе, политических вопросах и по общей истории. Иногда эти собрания делались более широкими, на них приглашались интересовавшиеся рабочие, по рекомендации надежных товарищей, и, таким образом, они превратились в своего рода «летучки». Необходимо сказать, что все мелкие экономические вопросы и

---

[1]) Монблит,—доктор, был выслан из Одессы в 1890 году за участие в панихиде по Чернышевском. Исключенный из университета он был принят на военную службу, что не мешало ему принимать деятельное участие в Екатеринославских кружках саморазвития. Из одного из таких кружков, группировавшихся около интеллигентной семьи Заславских (одна из сестер Заславских теперь, кажется, Сталь), и выделился первый марксистский кружок. Это было в 1891—92 году.

[2]) О пребывании Мендельштама в Екатеринославе есть несколько строк в воспоминаниях его брата А. Мендельштама, напечатанных в книге «На заре рабочего движения» т. II, стр. 173—182, вполне совпадающих с воспоминаниями т. Винокурова.

[3]) Гавриил Лейтензон (впоследствии т. Линдов), видный соц.-дем., автор ряда брошюр о Французской революции, социал-демократ. партии и проч. В 1895 году, когда по доносу была провалена с.-д. организация, Лейтензон, тогда студент Киевского университета, бежал заграницу, устроился в Париже, где и кончил медицинский факультет. В 1906 году вернулся в Россию и начал принимать деятельное участие в партийной жизни. В 1918 году убит белогвардейцами на самарском фронте.

(Примечания редакции).

в пропаганде и в агитации тесно связывались с политикой, с необходимостью вести борьбу с царизмом. В тот период, о котором я говорю, экономизма еще не было.

Я проработал в Екатеринославе очень недолго. Уже через пять месяцев при приезде в Екатеринослав в июне 1895 года я был арестован (вместе с Григорием Мендельштамом) в связи с провалом Московской организании, в которой я работал до высылки в Екатеринослав. Екатеринославская организация после этого существовала еще до сентября 1895 г. (благодаря строго проводимой нами конспирации) и у нас при обыске не найдено было ничего, что могло бы открыть глаза екатеринославским жандармам на существование у них под носом довольно уже широкой соц.-дем. организации (насколько возможность рабочего революционного движения была вне поля зрения екатеринославской жандармерии, указывает тот факт, что ротмистр, делавший у меня обыск, проворонил «Капитал» Маркса, думая, что вопрос идет о капитале—деньгах). В екатеринославской тюрьме я пробыл несколько часов. По расспросам оказалось, что политически я не видел в ней с конца 80-х годов. Через пять месяцев после провала Екатеринославской организации, Екатеринославская тюрьма переполнилась рабочими, первыми пионерами соц.-дем. движения на юге Россин. После моего ареста (и Григория Мендельштама) Екатеринославская организация развила довольно широкие агитационные работы, влияние ее перекинулось на солидные заводские центры, как Каменский завод и др., но была почти поголовно арестована (в сентябре 1895 г.), выданная каким-то провокатором, записавшимся в организацию.

Тов. Лейтензон (Линдов) успел скрыться и эмигрировал заграницу, остальные были арестованы. Дело их велось екатеринославской жандармерией и кончилось высылкой на 3 года в Восточную Сибирь (некоторые попали в Туруханский край).

Допрос меня по этому делу велся через Московское Жандармское Управление и вероятно в делах последнего имеются данные.

Весьма желательно было-бы восстановить деятельность этой организации по архивам Екатеринославского Жандармского Управления. Менее, чем за год работы, Екатеринославская организация успела всколыхнуть широкие массы рабочих Екатеринослава и окрестностей и заложить основы революционного соц.-дем. движения, которое затем уже не прекращалось, несмотря на все преследования. Необходимо отметить, что в указанный период заложено было начало работы среди работниц, главным образом портных.

А. Н. ВИНОКУРОВ.

P.S. Деятельность Московского соц.-дем. кружка 1893—1894 гг. и мое участие в нем подробно описаны в статьях тов. Мицкевича в сборнике «Текущий момент» (издание 1905 г.), в статьях по поводу 25-ти летия Московской организации в «Известиях ВЦИК» и в сборнике «На заре рабочего движения в Москве». О характере работы названной организации имеются также данные в книге М. Лядова—«История социал-демократической партии».

Мазанов впоследствии принимал активное участие в горловском восстании в 1905 г. Голова его была оценена и он эмигрировал в 1906 г. за границу. Дальнейшая судьба его мне неизвестна. Товарищей Каца и Пайна я совершенно потерял из виду. Тов. Смирнов в 1919 г заходил ко мне в Харькове в качестве «беспартийного» и превратился в обывателя, умершего для революционного движения.

По истории особенно много вел бесед умерший Григорий Мендельштам, получивший от рабочих название «историка».

А. В.

ВОСПОМИНАНИЕ О ПЕРВОМ КРУЖКЕ СОЦ.-ДЕМ. РАБОЧЕЙ ПАРТИИ Г. ЕКАТЕРИНОСЛАВА В 1894 Г.

Одним из первых кружков социал-демократической рабочей партии, организованной среди рабочих г. Екатеринослава в начале 1894 года, был кружок рабочих Брянского завода, участие в котором принимали Мазанов И. П. 19 лет, Смирнов А. И. 17 лет, Афанасьев Б. А. 18 лет, Гудимов Игнат 18 лет, Томм А. Ф. 26 лет, Белкин С. И. 26 лет, Ефимов Дмитрий 22 лет и ремесленники мелких мастерских и фабрик города Файн 24 лет, Кац 22 лет, Ролькин 19 лет, и другие фамилии не помню. Из интеллигентов руководителей: Григорий Лейтензон (Линдов), студент Киевского Университета Мендельштам И. И. («историк»), Винокуров А. П. врач, и Фрейдель студент Киевского университета.

Организация кружка явилась как-бы ответом на те разговоры, которые шли среди рабочих завода. Все чаще и чаще раздавались голоса протеста против притеснения и произвола администрации, выражение же протеста бунтами (разбитием стекол, поломкой машин, избиением того или иного начальника) кроме порчи машин и имущества не давало положительных результатов к облегчению положения рабочих; поэтому, все больше и больше рабочие приходили к убеждению, что только лишь путем организованного выступления всех рабочих, стачкой, демонстрацией, можно заставить администрацию пойти на уступки требованию рабочих; такие разговоры приходилось слышать нам почти в каждой мастерской.

Одно событие, происшедшее со мной и Мазановым, которого я знал и раньше, заставило нас перейти от разговоров к делу.

Наши отцы работали вместе в рельсопрокатном цехе и вот, как-то осенью, часов в 12 ночи, мы одновременно пришли в трактир на фабричной стороне «Красное Село» за отцами, которые артелью пропивали в этом трактире деньги, заработанные за перевозку вальцев.

На все наши просьбы итти домой, мы получали только подзатыльники, но зная, что дома родные ждут с тревогой возвращения наших отцов, мы не могли их оставить одних и стали на улице, возле трактира, ожидать когда они пойдут домой.

Пока в трактире пили и ели, мы многое передумали и задавали вопросы, кому выгодно, и на что нужно пьянство рабочих и решили отдать свою жизнь на борьбу за этих несчастных, темных, забытых людей, губящих свое здоровье в заводах и трактирах.

С этой памятной ночи и началось искание людей, могущих указать нам правильную дорогу, как помочь и об'единить всех рабочих.

Вскоре мы с Мазановым познакомились с Дмитрием Ефимовым, работавшим на болторезном станке в Мостовом корпусе, где работал и я с размежкой.

Разговор начался про тяжелое положение рабочих и каким способом помочь им; на эту тему разговоры шли почти каждый день не только с нами, но и с Томмом, Белкиным, Гудимовым, Афанасьевым, и другими рабочими. Как-то Ефимов принес нам почитать книжки «Кто чем живет» Дикштейна, «Речь Алексеева» и «Речь Варлэна перед судом в Париже». Для нас в этих книжечках было целое откровение и мы их почти все знали на память. После раздачи нам книжечек, он пригласил к себе на квартиру на Чечелевку меня, Мазанова и др. Ознакомившись ближе с нами, он сообщил, что сам он малограмотный и не может нам рассказать и ответить на те вопросы, которые мы ему задавали, но что он познакомит нас с интеллигентами, умеющими все нам об'яснить. Было условлено, что он познакомит только пока Мазанова и меня, а потом и других. Через несколько дней мы были приглашены к нему, где и познакомились с «Григорием» Лейтензоном, как мы после узнали на допросе, в тюрьме у жандармов.

Первое впечатление при встрече с ним получилось самое хорошее: среднего роста, черные как смола волосы, открытый, высокий лоб, чистые глаза и плавная спокойная речь. Мы как-то сразу сошлись и отнеслись доверчиво друг к другу.

Знанием положения рабочих и толковыми, понятными ответами на наши вопросы, он еще больше закрепил наше доверие к нему.

В следующий раз мы пришли почти все: Мазанов, Томм, Белкин, Гудимов, Афанасьев, и я, тогда и было принято решение организовать кружок рабочих Брянского завода и друг. ремесленников города, Файн, Кац, Рольник Шульц и друг. Был выработан устав, определен процент с получаемого жалования в кассу на нужды кружка, приобрели гектограф и с этого дня, в начале 1894 года собственно началась правильная организация и деятельность социал-демократического кружка рабочих г. Екатеринослава.

Деятельность нашего кружка заключалась в следующем:

1) Вести агитацию среди рабочих за 8-ми часовый рабочий день, истребовать, чтобы все хозяева заводов, фабрик, мастерских и торговых заведений, имеющих у себя не менее 50 человек рабочих, обязаны были за свой счет содержать школу для детей, приемный покой, баню, без всякой платы с своих рабочих и членов их семьи.

2) Собирание сведений о случаях злоупотребления власть имущих, распространение нелегальной литературы, устройство массовых собраний как на заводе, так и вне, ознакомление с рабочим движением в России и за границей, в особенности в Германии, где выступал тов. Август Бебель.

3) При забастовках требовать свободы собраний, слова и выбора постоянных представителей от рабочих для защиты своих интересов.

Но мы хорошо сознавали, что для проведения всех пунктов нужно было много знаний, для решения того или другого вопроса на заводе или фабрике.

Для приобретения же необходимых знаний по вопросам: об охране труда, политической экономии, истории рабочего движения и другим предметам, необходимо было познакомиться с многими книжками, ведь все мы были малограмотные, окончив лишь сельские школы.

После рабочего дня на заводе мы почти каждый вечер собирались на Чечелевке, в квартире Ефимова и там, под руководством интеллигентов, учились, как лучше, вернее об'единить всех рабочих в одну семью и бороться за общее дело.

√Преподавателем был сначала «Григорий», но он не мог быть каждый вечер на собрании и заниматься с нами.

√ Как-то раз мы застали у Ефимова вместо «Григория» другого преподавателя, как после выяснилось—А. Н. Винокурова (врача), с которым и познакомил нас хозяин квартиры Ефимов.

Высокого роста, с белокурой бородкой, прямой, всегда сдержанный, холодный, всегда на стороже: все это вместе взятое не давало нам той необходимой спайки между нами, которую мы так хотели (мы не знали тогда, что он находился в Екатеринославе под надзором полиции, этим об'яснялось его, так поразившее нас, поведение). Самым интересным посетителем был для нас Григорий Мендельштам, приходивший к нам на собрания (историк, как мы его прозвали).

√ Кроме указанных преподавателей нашего кружка был и Фрейдель, студент Киевского университета, он занимался с нами по разным предметам и заменял того или другого преподавателя во время их отсутствия. Занятия распределялись так: Григорий Лейтензон вел с нами беседы по агитации среди рабочих и рабочему движению в России и за границей, А. Н. Винокуров по политической экономии, охране труда и естествознанию, Григорий Мендельштам об'яснял нам историю народов, образования государств и их формы правления.

Сутулый, изможденный, с удушливым кашлем, он казался нам как бы затравленным, совершенно беззащитным человеком. Помню, после обычных наших рассказов о положении дел на заводах и фабриках города, он заявлял: ну, а теперь перейдем к истории и начинал свои устные передачи каких либо событий из истории народов или государств.

Нужно было видеть его в это время: он преображался, из сутулого он делался прямым, и удушливый кашель оставлял его.

Каждый из нас старался не проронить ни слова и мы уходили с его исторических рассказов просветленными и еще с большим желанием послушать нашего историка. Помню его определение истории История есть повествование о борьбе двух классов: класса угнетателей и класса угнетаемых, как в природе есть свет и тьма, тепло и холод, огонь и вода, два вечно борющихся начала, так и в жизни народов, через всю историю человечества проходит красной нитью классовая борьба, принимая ту или иную форму, но по существу оставаясь неизмененной.

Пособиями для ознакомления по всем указанным выше предметам и общему развитию служили книги, оставшиеся на всю жизнь в памяти: Шелгунова «Положение рабочего класса в Англии», «8 часов. раб. день», Лангэ, К. Маркса, I и II том, Авг. Бебеля и Энгельса сочинения по разным вопросам; Дементьев «Фабрика, что она дает и что берет у населения». Лекции по истории проф. Ключевского; Липперт; Тайлор и друг.; сочинения почти всех лучших русских писателей, Белинского, Добролюбова, Писарева, Некрасова и друг.

После 6 месяцев подготовки, члены нашего кружка уже могли самостоятельно вести агитационную работу среди рабочих и стать во главе стачки по какому угодно случаю.

Работа нашего кружка шла энергично и захватывала все больше и больше рабочей молодежи в наш кружок. В это же время начал организовываться и женский кружок, в котором принимали участие сестра Файна, Рольника, жена Наринского и наши знакомые девушки, жившие на Чечелевке, Кайдаках и фабричной стороне, и налаживались связи с другими городами.

Обыкновенно, мы делали так: с вечера приготовляли нелегальщину, чтобы утром уже приготовленную литературу нести в завод, являясь на работу раньше гудка. По приходе рабочих в мастерские почти во всех цехах завода можно было видеть, как рабочие сходились в кружки и обсуждали подобранную прокламацию или нелегальную книжку.

Нас почти всех знали в лицо, указывали на нас, как на социалистов, многие рабочие приходили—знакомые и незнакомые, спрашивали нет ли почитать листка или запрещенной книжечки, но большей частью приходилось отказывать за неимением.

Не редки были и такие случаи: гудок прогудел, работа окончена, все рабочие идут домой, в проходной давка и вот кто-то из знающих нас кричит через толпу: «Мазанов или Смирнов, принесите завтра на работу речь Алексеева» или «Кто чем живет».

Для опытных людей было ясно, что нас при такой открытой агитации арестуют, между прочим, нас предупреждал об этом и Костя Наринский, высланный в Екатеринослав из Питера за забастовку, но мы так увлеклись, что на его благоразумные советы, быть осторожными, только посмеялись, и продолжали вести агитацию среди рабочих, по прежнему складывались в складчину, устраивали вечеринки и там среди заводской молодежи вели беседы по рабочему вопросу.

Как-то Мазанов сообщил мне, чтобы я пришел к нему в прокатный цех, где он работал токарем на вальцах, познакомиться с одним тоже токарем Ткаченко. Прихожу, начали разговор. Ткаченко и говорит: «я знаю, вы раскидываете прокламации» и «нелегальную литературу» и вы где-то собираетесь, все это бесполезно, лучше бросайте бомбы, тогда скорее добьетесь улучшения положения рабочих. На это мы ответили: «ну нет, на бомбах далеко не уедешь, рабочие делали почище: ломали машины, били и убивали директоров, а помочь своему положению не помогли».

Так мы с ним и разошлись.

Прошло несколько дней после разговора с Ткаченко, как-то идя домой с собрания от Ефимова, Мазанов, Афанасьев заметили невдалеке за нами идущих двух прилично одетых господинов. Когда мы вошли во двор чужого дома, они остановились, осматривая, куда мы ушли и записали что-то.

Но и на этот происшедший с нами случай никто не обратил надлежащего внимания, а вскоре и совсем про него забыли и мы продолжали вести агитацию, как и раньше.

Но в ночь под 20 августа 1895 года, возвратившись с Бирисом Афанасьевым с собрания домой (Борис жил у нас в семье), приготовив на завтра в завод литературу, легли спать (и спали на дворе в сарае), вдруг сквозь сон слышу стоны матери и звон шпор жандармов. Не успел я разбудить Бориса, как жандармы вошли в сарай. После обыска меня арестовали. Борис остался на свободе, но не надолго.

А. СМИРНОВ.

Примечание редакции:

Из лиц, упоминаемых А. Смирновым были арестованы Файн, Мазанов, Афанасьев, Кац, Гудимов, Белкин, Томм, Наринский и сам Смирнов; кроме того арестованы члены того-же кружка Радов, Игнатьев, Богаденов, а в Киеве по тому-же делу т. Фрейдель, бывший тогда студентом Киевского Университета. Расследование дела с передачей его на заключение в Министерство Внутренних Дел тянулось около 17 месяцев. 15 января 1897 года последовало «высочайшее повеление Мазанова, Смирнова, Гудимова, Томма, Файна, Каца, Афанасьева и Белкина выслать в Восточную Сибирь под гласный надзор полиции на 3 года».

Тоже определение состоялось по отношению к Фрейделю.

Из имеющегося дела видно, что первые 8 лиц 3 марта 1897 г. этапом были высланы в распоряжение Московского губернатора для отсылки их дальше в Сибирь. В Москве они содержались в Центральной Пересыльной тюрьме до открытия навигации. За Томмом последовала в Сибирь с разрешения администрации по ее просьбе жена его Шарлотта.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ О ПАРТИЙНОЙ РАБОТЕ В ЕКАТЕРИНОСЛАВЕ 1901—1902 ГОДА

Я бывала в Екатеринославе в 1896—7 г., помню, с месяц, на рождественских вакациях. Там было много солидной интеллигенции с.-д., частью высланной.

Под Новый Год она обычно сходилась вместе поговорить, попеть, повидаться. Тогда и это невинное занятие преследовалось.

Помню, на одной такой вечеринке, я встретила очень много интеллигентских сил с.-д. и с.-р., но не помню, чтобы были рабочие. Если кто из наиболее активных товарищей и вел тогда среди них работу, то по кружкам, сильно конспирируя.

На вечеринке этой спорили, как всегда, на марксистские темы, но больше теоретические; тогда выковывалось марксистское миропонимание и тактика предстоящей борьбы и работы в рабочей среде.

Несколько позже я слышала, что там шли споры уже более практические, о том, вести ли агитацию или только углубленную пропаганду.

Некоторые сторонники последней отказывались работать при сочетании этих двух форм работы: массовой и рядом более углубленной подготовки более сознательных и влиятельных рабочих и с.-д. марксистов.

Этот вопрос был тогда типичным и частью вытекал из положения: экономика или «экономика и политика». В Екатеринославе я тогда встретила, сколько помню, товарища Лалаянца, его жену Прасковью Ивановну, (к которым привозила из Харькова кое-какие поручения от т. Шеламовича), Ю. П. Кулябко, М. А. Воропаева, Мунблита, др. не помню. Из С.-Р. был Павел Абр. Корецкий.

Когда я, в конце 1900 года, попала в Екатеринослав, высланная из Москвы в Нижний-Новгород, после 6 мес. тюрьмы до приговора, по делу с.-д., специально перепросясь в Екатеринослав из-за того, что там меня кое-кто знал и я легко была бы принята в центр организации, я уже не застала ни тов. Лалаянца, ни других. Они уже провалились, развив значительную деятельность и укрепив организацию. Тут перед этим были видные, более опытные товарищи (Машицкий, Пикер, известный Мартынов и друг.) и мне, малоопытной, как и другим оставшимся единицам, приходилось наново восстанавливать организацию. Ни приемственности, ни связей обычно после провала почти не оставалось и начиналось обычное тогда собирание организации по крупинкам.

Кое-какие адреса и связи с другими городами были для получения литературы и т. п. В организации же я застала комитет РСДРП, в который входили: Ольга Викер, Катя Рыскина (теперь меньщевичка, не работающая), Костюшко-Валюженич (потом растрелянный в Чите) и я вошла четвертой. Кажется, были еще товарищи, составлявшие особую группу (т. В. Копп и др.), но я о них тогда не слыхала.

Кроме «Комитета» был еще Рабочий Комитет (кажется так он назывался), куда вошла я и еще кто-то из «Комитета» и двое ремесленников: одна довольно развитая портниха, т. Циля Левина, работающая в частных домах (лучшим элементам приходилось уходить вследствие невыносимости режима хозяек) и переплетчик Самуил. И в том и другом Комитете мы обсуждали более практические вопросы расширения организации, выпуска листовок и проч., хотя в гор. Комитете затрагивались и принципиальные вопросы.

Так, я помню след. очень характерный спор: кто-то сболтнул, что рабочие боятся красной печати Комитета (как известно, листки и литература незаметно раскладывались по ящикам, разбрасывались и т. п.). Рыскин и Костюшко (Ольга уже уехала) настаивали, что если выпустить литературу (только что получили № журнала, кажется «Южный рабочий») без печати «Комитет», то ее смелее будут брать и лучше ознакомятся.

Как я ни доказывала всю нелепость такого предложения, они не стали даже слушать меня, заявив: «Все равно, Вы в меньшинстве, а потому не стоит и прения вести». Выпустили номер без печати и, в результате в рабочей среде пошел слух, что Комитет провалился.

Конечно, в рабочей среде было много товарищей с.-д., оторванных разрушением организации, все-же зорко следивших за работой партии. Вообще, оппортунистические, теперь бы можно сказать, меньшевистские тенденции тогда проявлялись в нашем Комитете очень слабо.

Костюшко скоро ушел, так как стоял за «экономизм» и более умеренную пропаганду. Вошел студент Павел, кажется Генрих Малкин (впоследствии ярый меньшевик), и мне было трудно с ними справляться. Я была рада появлению т. Д. Д. Буданова из Харькова, человека солидного и хорошо пишущего листовки и воззвания, с которым мы уже легче справлялись с оппортунистическим духом остальных и Комитет работал в духе «Искры», не зная еще о ней. Спора об агитации уже не было.

Я помню, какой то ответственный листок, обсуждение которого предстояло еще и в квартире влиятельных сторонников оппортунистической части, и я очень боялась, чтоб «большинство» не провело его в уродливом духе. Но проект листка тов. Буданова выручил.

Но я забежала вперед. До приезда тов. Буданова, к весне, В. Коппа и других, к апрелю организации пришлось пройти очень тяжелый путь кропотливого строительства и искания связей.

Так как Ольга уехала, Катя Рыскин была арестована и тоже уехала, я осталась одна со своими ремесленниками, и мне пришлось одной, так сказать, держаться до лучших времен и строить все-же организацию. До от'езда товарищей наша работа состояла, главным

образом, в выпуске листков на гектографе в связи с каким-нибудь общим или местным событием, а то просто пропагандистско-агитационного характера.

Выпуск листка занимал всю организацию, т. е. Комитет, ближайшую периферию и сочувствующих.

Так как листок выпускался на гектографе печатными буквами, что не всякому почерку выполнить удается, то обычно писала сочувствующая интеллигенция (помню, т.т. Кулябко, Команецкий и друг. в кв. Нарочницких). Все это были с.-д., но активно не работали. Найти квартиру, более или менее безопасную, было очень трудно. Средств на наем квартиры не было. (Потом пришлось нанять и поселить лучшего работника Самуила переплетчика, что было крайне убыточно, ибо изолировало его от организации).

Кочевали по сочувствующим. Главным техническим работником была у нас тогда пальтовщица Берта, но и всем нам в начале надо было работать.

Помню, как однажды в квартире Берты мы чуть все не провалились. У Берты хранилась и печать и несложный наш архив. У нее, по правилам конспирации, ни в коем случае не полагалось бы печатать, но негде было, и мы решились, хотя не было элементарных условий. Провалила нас потребность в теплой воде, за которой Берта бегала к хозяевам. Они поняли, что что-то не ладно, вошли в комнату и застали весь пол, усеянный листками. Все заговорили по-еврейски, поднялся шум, я одна не понимала. Все быстро оделись и мне сказали, что надо уходить.

Но выйдя, я решила что нельзя Берту и «архив» бросить, так и вернулась. Оказалось, хозяева-евреи заявили: «Разве мы можем выдать «еврейских детей?». Потребовали только немедленно все унести и все уладилось. Но ведь могла вся организация полететь! Таковы были условия работы тогда...

Через ремесленников, может быть даже несколько ослабив внимание к ремесленной организации, я старалась найти связи с заводскими рабочими. Постепенно это удавалось. Помню, раб. Самуила из Нижнеднепровска, имевшего значительные связи, к сожалению, он был без работы, как и большинство наших сознательных рабочих, «Болтового завода», как шутили они. Кажется, позже вошел в организацию тов. Егор Кузнецов, бывш. член 3-й Государственной Думы от Екатеринославской губ. и другие.

Но оживление началось весной, когда ослабел квартирный вопрос и можно было собираться и встречаться по полям, буграм и т. д.

Кроме «Комитета» был ряд товарищей, так сказать «периферия», которые работали, расширяли организацию и т. д., были верными помощниками.

Из них особенно помню Стефанию (Стеню) Жмуркину (потом жену Костюшко), работавшую в чайной Общества Трезвости на Чечелевке, где ей легче было встречаться с рабочими и Зинаиду Алексеевну Нарочницкую, которая много помогала в технике, раньше нас жила в Екатеринославе и легче могла привлечь сочувствующих, найти квартиры и те десятки мелочей, без которых мы многое не могли провести в жизнь.

К весне, кроме тов. Буданова, вошел в организацию тов. Виктор Копп (недавно наш полномочный представитель в Германии), кто-то еще; были уже связи на заводах, начали устраивать массовки.

Подготовленное выпусками листовок, проведением некоторых стачек и т. д. настроение в массах подымалось. Майский листок и майский номер «Южного рабочего» были получены, кипучая предмайская работа подходила к концу, как вдруг в апреле, точно числа не помню, рано утром, пришел тов. Буданов (по условному расположению занавески у меня на окне на улицу можно было знать, не арестована ли я) и сообщил, что в городе большие аресты, но очень странные, и, насколько можо судить, больше не из нашей среды, а взята та сочувствующая с.-д. интеллигенция, частью высланная, которая не принимала активного участия в организации, но будучи близка к нам, помогала, давала средства. Эта публика была, конечно, на учете у жандармов, тем более, что они все иногда собирались на квартире у Нарочницких—Воропаевых, но на этих собраниях даже обмен мнений был так слаб, что тем из нас, кто приходил туда, приходилось воевать против шахматной игры, об'единявшей в виде «зрителей» всю публику. Были арестованы все, жившие в кв. Нарочницких (брат ее М. А. Воропаев, Ю. П. Кулябко, даже сестра Воропаевых, подросток, З. А. Нарочницкая, которая вошла в Комитет, но еще не успела побывать ни на одном заседании). Квартиру опечатали, оставив беспомощную кухарку.

Было арестовано несколько инженеров жел. дор. (кроме Воропаева, Команецкого и друг.). Число было значительное, в том числе Каляев, но, к сожалению, не помню имен. Часть из них потом вошла в организацию, часть оставалась, так сказать, «свободными с.-д.», часть стала крупными интеллектуальными силами.

«Нас» почти не задели. При обыске у хозяев не обратили внимания на квартиранта-комитетчика. В рабочей среде также жандармы не знали членов организации; им пришлось прибегнуть при арестах рабочих к указанию хозяев и администрации. Они любезно указали известных им по более ранней работе.

Тюрьма была наполнена, начальник жел. дороги требовал от жандармов освобождения наиболее нужных им инженеров или об'яснений их вины, чтоб знать, можно ли их скоро ждать и т. п.

Шум в городе, а тут появляется в большом количестве майский номер и листок с печатью Екатеринославского Комитета РСДРП, хорошо расходится в массах. Жандармы должны признать, что «попали пальцем в небо» и давай выпускать взятых инженеров и т. д.

Очень характерен разговор М. А. Воропаева с известным, разоблачавшем Азефа—ротмистром Кременецким. Воропаев требовал немедленного освобождения сестры-подростка: «Помилуйте», отвечал Кременецкий, «я еще не успел просмотреть ее бумаги. Тут с ума сойдешь. Я уж обалдел от этих дел».

Несмотря на слабую еще организацию и движение вообще, я лично, вероятно, и некоторые другие ждали, что празднование 1-го мая пройдет

в виде забастовки и демонстрации. Самуил из Нижне-Днепровска уверял, что там крупные заводы выйдут, снимут других и придут в Екатеринослав на проспект...

Ремесленники с красными галстухами, в красных рубахах, гуляли по ближайшей к вокзалу и рабочему кварталу части проспекта. Красное знамя было в кармане, древко было заготовлено в виде складной палки... Но рабочее движение было слишком слабо после целого ряда провалов (помню, ни на Брянском заводе, ни на других крупных заводах тогда еще прочных связей не было, листки разбрасывались иногда даже с мостика) и трудно было устроить и ждать общую забастовку-демонстрацию. Были-ли празднования на отдельных заводах—не знаю, но, очевидно, не было.

Если нашу маленькую организацию почти не затронули аресты к 18 апр., то—к 1-му мая русского стиля, или вскоре после него, кто был арестован, кто уехал и я снова осталась почти одна из интеллигенции. Тов. Копп, кажется, провалился, мы не знали где, может быть и уехал. Тов. Буданов в самое горячее время как то исчез, ничего не заявив.

Я собрала за буграми за Чечелевкой наиболее активных рабочих (их всеже теперь набиралось больше десятка), чтоб обсудить положение.

Почти каждый из рабочих мог бы организовать кружок, лето делало возможным массовки и собрания на воздухе, но не было работников-интеллигентов, чтоб эти потребности обслужить. Интеллигентных рабочих среди нас тоже не было. Выяснив свои силы и связи, разбив их по районам и кружкам, мы наметили возможную работу для наличных сил: расширение связей, кружки и пр. По просьбе тов. помню тут же провели беседу о «кризисах». Некоторые рабочие, особенно Роза Любарская, работавшая тогда прачкой, очень боевая, энергичная и способная толкать товарищей, сильно возмущались, что интеллигенция не идет к рабочим и Комитет мало дает. Дав соответствующее раз'яснение, мы все же стали искать выхода и порешили послать кого нибудь в Полтаву за работниками, так как там было большое скопление интеллигенции (много высланных). Полтаву называли «Новые Афины», там же была организация «Южный рабочий», которая давала нам литературу, а следовательно и руководство.

Пришлось поехать мне же. Кроме явок в организацию у меня там были личные старые знакомства. Там жили Н. М. Флеров с женой и др. общие знакомые харьковцы. Н. М. Флеров, народоволец, потом народоправец, в Архангельской ссылке ставший с.-д. и потом большевиком. На явке «Южн Рабоч.» я имела дело с М. А. Левиным. О позициях и оттенках тогда мы не говорили, для нас, практиков слабых организаций, тогда это было недостаточно ясно, да и вообще все это оформилось позже, на 2-м с'езде партии, но среди видных работников в Полтаве я чувствовала, что кроме «Южного рабочего» есть иная группа, может быть просто группа, а не организация. Из конспирации я не сообщила организации, что вела переговоры и по личным связям. Очевидно это были «Искровцы».

С тов. Левиным (Ефрем. Яковл. потом делегат 2-го с'езда) мы встретились вечером в каком-то саду или сквере. Он очень боялся, не завезла ли

СТАРЕЙШИЕ РАБОТНИКИ ЕКАТЕРИНОСЛАВСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

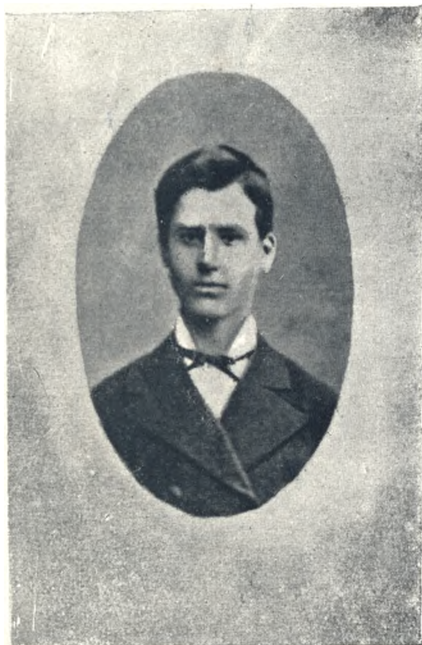

Иван Шевченко.

(Снимок Охранного Отделения).

Серафима Ильинишна Гопнер (Наташа).

Андрей Карпенко.

я шпика, и говорили мы мало. На счет людей он обещал поговорить, но не очень обнадеживал. Говорили о распространении журнала и о возможности печатать в типографии «Южного рабоч.» наши листки.

Как я уж говорила, мы мучились с гектографом. Выходило плохо, надо было выпускать до 2000 экземпляров,—это была адская работа. Мы каждый раз давали себе слово, что к следующему листку устроим мимеограф хотя бы, но все не было средств и валика для практики. Обычно интеллигенция—либеральная и марксистская—упрекала нас в том, что мы все не умеем, что это «так просто», но сами за работу не брались, конечно.

Только позже, к осени, когда организация окрепла и рабочие ближе вошли в ее интересы, ими самыми была собрана типография и все остальное. Поэтому вопрос о возможности выпускать печатные листки, хотя бы более крупные, принципиальные, был злободневен. Но, конечно, при нашей технике и конспирации, переслать оригиналы в другой город также было трудно и это мне так и не удалось наладить. Более удачным было получение работников для Екатеринослава. Н. М. Флеров познакомил меня с каким-то товарищем Василием Андреевичем Шелгуновым, питерским рабочим, из кружка тов. Ленина, вернувшимся из Архангельской ссылки, теперь всем известным. Н. М. Флеров уверял, что нам не нужно многих, а одну толковую голову, с чем я не соглашалась, обрисовывая им и положение организации, и размеры рабочего центра, и характер работы. В конце-концов было решено, что В. А. Шелгунов приедет к нам работать через несколько дней. Условившись о встрече и проч., мы расстались.

Тов. Левин и его группа познакомил меня с тов. Иваном Алексеевичем Мальчинским. Мы поговорили, он произвел на меня хорошее впечатление, перспективы работы в Екатеринославе его очевидно привлекли, я постаралась их развернуть пошире, так что и он согласился приехать к нам.

Это было крупным приобретением для организации, так как оба работника оказались в высшей степени дельными товарищами, уже имевшими некоторый опыт, очень преданными и выдержанными без оппортунистических уклонов. И как люди они подошли к нашему маленькому комитету, составившему в большинстве своем тесную, не только товарищескую, но и дружескую группу. Вообще в те времена, когда нас еще было мало, из конспирации от рабочей среды мы все-таки были далеки в смысле простых дружеских встреч, бесед и проч. Комитетчики-рабочие, если таковые находились, и интеллигенты часто сплачивались в дружеские группы.

Это единение так влияло на нас, что нельзя было себе представить, чтоб кто нибудь из нас мог сделать что нибудь дурное, даже, например, выпить. Да кроме всего прочего, ему бы стыдно было смотреть нам в лицо. Вообще, кстати сказать, мы были тогда строги на счет этического поведения наших членов.

Например, я помню, обсуждали прием в организацию одного рабочего и не приняли, так как информация была, что он выпивает.

Итак, с приездом т.т. Шелгунова и Мальчинского, работавшего под кличкой «Ивана Алексеевича», (нелегальный, бежавший из ссылки

П. А. Будрин), работа стала расширяться. Тов. В. А. Шелгунова пока удалось устроить в Кайдаках на шпало-пропиточном заводе, в нескольких верстах от Екатеринослава, что очень мешало его работе.

Потом он, ознакомившись, устроился где-то в самом Екатеринославе. Работая в заводской гуще, он, конечно, мог лучше всех нас влиять на массу, завязывать и расширять связи и сразу приобрел большое уважение и доверие. Тогда организация приняла след. форму: «Екатеринославский Комитет РСДРП»—входили: единственный рабочий Шелгунов, «Иван Алексеевич» (Будрин), З. А. Нарочницкая (урожденная Воропаева), Е. Н. Адамович («Надя») и т. В. Таратута («Миля»), тоже около этого времени появившийся А. В. Малышев, других не помню. Кроме того после обсуждения вопроса в «комитете» был организован «Рабочий Комитет», куда входили наиболее влиятельные рабочие, представители районов, (не выбранные, конечно), я и «Иван Алексеевич» от Комитета. Тов. В. А. Шелгунов был представителем «Рабочего Комитета» в Екатеринославском Комитете, но этого Рабочий Комитет, помнится, не знал. При тогдашних условиях требовалась большая конспирация и члены комитета не были широко известны. Помню, были споры о вхождении рабочих в комитет. Ввиду указанных условий, трудности конспирировать при вхождении рабочих в Комитет и еще недостаточной подготовленности наличных рабочих сил и была принята вышеуказанная форма «Рабочего Комитета» с взаимным представительством.

Тов. Шелгунов, конечно, был введен в «Комитет» немедленно, хотя истории его мы тогда не знали. Собрания Екатеринославского Комитета были довольно часты, насколько помню, в них обсуждались тогда, главным образом, вопросы организационные (как построить организацию ремесленников и т. п.), частью теоретические. Помню тов. «Миля» (Таратута) отличался бесконечно длинными проектами, а так как мы председателя не выбирали,—то регулировать прения было некому и они часто затягивались.

«Рабочий Комитет» собирался реже и обсуждал более практические вопросы, подготовленные комитетом. Состава его, к сожалению, не припомню. Кажется, в него входил Никифор Дархонов, теперь меньшевик, м. б. Егор Кузнецов (б. член 3-й Думы), Павел Зайцев. Было всего не менее 8 чел. Собирались мы в поле, на кладбище и т. п.

Кроме того, существовали кружки, в которых читалось по Эрфуртской программе, бывшей всего в одном экземпляре, так что мне приходилось помнить, в каком кружке читаются известные страницы, соответственно доставлять их в каждый кружок, храня драгоценный экземпляр, который приходилось прятать, закапывая, потом не найти его в конце-концов. Я в кружках занималась немного, фактически исполняя больше роль секретаря-организатора, хотя таковым не значилась [1]).

Целые дни и вечера, за вычетом времени на заработок, если таковой был, приходилось посвящать работе в организации. Из вышеизложенного

---

[1]) Приблизительно в июне—июле, помню, приезд «Искровца». Тогда же была завязана связь, но помню, что до этого у нас «Искры» не было и на вопрос об отношении к ней мне пришлось это констатировать.

видно, как много сил и времени тратилось на каждый шаг. Организация быстро росла и мы уж устраивали большие собрания и массовки. Так, помню, например, большое собрание за Потемкинским садом, на острове, куда мы переправились на лодках. Были подготовлены 3 темы—к сожалению, не помню их. Материал, я, помню, брала из заграничной нашей газеты. Как всегда, не все вышло гладко. Тов. Павел спутал и приготовил заданную мне тему, так что его тема отпала. Не помню точно, но какое-то выступление «Мили» или опоздание кого-то вызвало недовольство собрания; мне пришлось вместо докладчика выступить и успокоить собрание. Но странно, когда все успокоилось, решили перейти к докладам и собрание выбрало мою же тему. Собрание кончилось благополучно. Жандармы не успели тогда еще организовать достаточный шпионаж, но потом на этом острове собрания подвергались облавам. Так работала я до поздней осени, когда мне пришлось по семейным обстоятельствам уехать на месяц — полтора.

Комитет отпустил меня, говоря, что, несколько восстановив силы,— я очень переутомилась, живя впроголодь,—я зимой смогу дать больше. Вернувшись в Екатеринослав осенью, в октябре, я застала много новых товарищей, частью вступивших в работу перед моим от‘ездом и во время моего отсутствия. Тут были т. Розалия Самсоновна Гальберштадт («Мария Абрамовна») видный работник, потом меньшевичка, жена тоже известного меньшевика Крохмаля, т. А. М. Краснощеков («Михаил») бывш. председ. Правительства Дальневосточной Республики, т.т. Владимир Михайлович и Розалия Семеновна Эльцины, Шипулинский, Коган и друг. Это были образованные интеллигенты, бывшие заграницей. Они вошли в Комитет, и в нем наметилось к моему приезду 2 течения: Старый и Новый Комитет. К сожалению, не смогу изложить сущность разногласий, повидимому, это были разногласия, в основе которых лежало зарождение «большевистского» и «меньшевистского» течений (о них должен помнить т. Ам. Краснощеков и В. А. Шелгунов). «Новый» Комитет, сумел—благодаря подготовленной почве—больше втянуть рабочих в интересы организации, их силами и самодеятельностью построить типографию и т. д.

Чтоб уйти на собрание, мне надо было отводить куда нибудь на ночь ребенка и брать его утром, что было не всегда осуществимо. Это сильно угнетало меня, заставляло быть иногда не в курсе всех дел, обнимая их до подробностей, к чему я привыкла почти за год работы. Все-же товарищи заходили обменяться мнениями, советовались и иногда настаивали, чтоб я непременно была на том или ином собрании. В общем, держали меня «в курсе». Помню, мне приходилось высказываться за прием в Комитет или на периферию того или другого товарища и поэтому знакомиться с ними, их присылали ко мне. Конечно, каждый активный работник считал себя достойным вхождения в Комитет, а многие «требовали» этого немедленно. Такое требование помню со стороны т. Громан («Ольга», «Волна») очень энергичного работника и прекрасного оратора, но не твердая насчет принципов, иногда делавшая большие «ляпсусы» на митингах и проч.—(будущая меньшевичка). Работа все ширилась. Особенно

популярным среди рабочих был, кроме В. А. Шелгунова, т. Краснощеков, сумевший ближе войти в гущу рабочих. Кроме вышеперечисленных товарищей было уж много их на периферии. Брат и сестра «Мили» (его жена, известная потом анархистка, держалась как-то в стороне). Между прочим, был и тов. И. П. Каляев, просивший у нас кружок рабочих, но не принятый нами еще летом 1901 г. Так как тов. З. А. Нарочницкая довольно давно жила в Екатеринославе, многих знала и отличалась удивительной способностью быстро разбираться в людях, оценивать их, мы на этот раз (к сожалению) положились на ее мнение о приеме тов. Каляева: никто из нас его не знал и не видал—она же высказалась против, вероятно зная его как не твердого с.-д. Позже я встречался с тов. Каляевым в 1902 г. (по выходе из тюрьмы); он с инженером Иловайским и др. организовывал Красный Крест: очевидно деятельная натура тов. Каляева искала выхода своей энергии, выход который в работу с.-д. организации мы отвергли. Не помню когда, но в Комитет входил тов. Малкин (будущий меньшевик), помню, что из Кременчуга специально приезжали доказывать мне, что он достойный работник, не помню как и в чем мы с ним не сходились, но помню в тюрьме, где мы несколько сблизились, он говорил: «о битвах, где рубились мы;»—«меньшевистские» тенденции были у него и других и тогда уже и встречали отпор со стороны «стариков» т. Шелгунова, меня и др.

В это же время, (конец 1901 г.) появился и Бакай.

У него на квартире хранилась литература, иногда ночевали бесквартирные товарищи, между прочим т. Краснощеков («Михаил»). Была как-то и я, но меня он знал мало.

Из рабочих, кроме Никифора Дарханова, Егора Кузнецова, помню Павла Зайцева, Розу Любарскую (Марусю), Широкова и друг., фамилии которых не припомню, хотя потом, в тюрьме, их всех даже по именам знала моя дочурка. Не безинтересно сказать несколько слов о Никифоре и его кружке. Не помню, как он познакомился с нами, хотя был настроен очень осторожно. Он вошел один, но за ним стоял целый кружок, который, по его словам, не хотел войти в организацию, хотел ознакомиться подробнее с ее задачами, литературой и проч. Мне казалось, что этот кружок находился под влиянием кого-либо из интеллигентов тред'юнионистского типа С. Вебба, расхолаживающего революционные порывы, доказывая, что путем «революции» ничего не достигнешь, а нужно «вростание и социализм» и т. п.

Предполагаю, но не утверждаю, что это влияние шло от Журавских, устроителей очень интересного явления, с историей которого я мало знакома; библиотеки «Книга» на Чечелевке, т.-е. в рабочем районе. Эта библиотека состояла из хорошей и социально-экономической марксистской литературы, частью пожертвованной (знаю Ю. И. Кулябко и др.). За 20 коп. в месяц, для отвода жандармских глаз, она служила хорошую службу ищущим знания т.т. рабочим. Там, повидимому, завязывались с ними более прочные знакомства и связи.

Там я встретила однажды и Александра Змиенко,—потом провокатора, если верить Бурцеву. Как потом я узнала в тюрьме, он, не будучи связан

с нашей организацией, за свой страх работал среди рабочих и перепечатывал литературу на гектографе. По моему он тогда не был провокатором и сделался им позже, что также оспаривалось некоторыми в печати. Такие, не связанные с комитетом, кружки были и друг., например тов. Скрыпника.

Так вот Никифор просил от имени своего кружка достать ему нелегальной литературы, по возможности, помимо комитета; вероятно Никифор тогда не знал, что я член комитета. Мы условились о встрече с представителем кружка где-то на кладбище с обычными предосторожностями, знаками, паролем и т. д.

Каково же было наше взаимное удивление, когда на кладбище оказались все те же: я и Никифор. Помимо Комитета ему не удалось достать литературы.

Кружок Никифора в жел. дорожн. мастерских потом влился к нам, среди них были хорошие преданные работники. Не верится как-то, что Никифор стал меньшевиком, хотя вышеуказанное воспитание могло сказаться.

Рядом с заводской организацией сильно выросла и ремесленная. В то же время начинается переход к следующей форме массового движения: демонстрациям. Не помню какого числа, но после моего возвращения из отпуска (октябрь), Комитет решил устроить демонстрацию. Кроме подготовки ее в массах нужно было подготовиться и к возможному аресту Комитета. Не помню была ли это демонстрация 15 декабря 1901 г. или еще одна до нее.

Помню, ко мне пришли двое—«Марья Абрамовна» и еще кто-то и предложили мне принять печать Комитета, адреса и шифры, сидеть дома во время демонстрации и, в случае ареста членов Комитета на демонстрации,—восстановить организацию, по старым связям. «Вам все равно из-за семейного положения приходится быть несколько в стороне, в случае чего Вы всех знаете и легче других восстановите организацию»,—говорила Марья Абрамовна. Я не могла не согласиться. Помню мучительно—тяжелое состояние, когда я, уткнувшись в подушку, думала о том, что теперь делается на Проспекте, не избивают ли товарищей. То, что я, сидя дома, подчиняясь партдисциплине, тоже исполняю не легкое партийное поручение — мало утешало меня: мучительно тянуло туда, в гущу... Все обошлось благополучно, никто не был арестован. Помню, со слов Краснощекова, описание дела. Народу собралось не очень много, и все бродили, не решаясь сгруппироваться, запеть и поднять красное знамя. Причиной этого послужил дождь, также помешавший полиции принять меры и задержать кого нужно.

Демонстранты с пением прошли по части Проспекта; разгоняемая дождем публика увеличивала толпу и помогла демонстрантам рассеяться без жертв.

Но пришлось мне не восстановлять организации, а, наоборот, раньше других товарищей попасть в тюрьму. Кажется на 15 января 1902 г. или 15 декабря 1901 г. (точно не помню) была назначена снова демонстрация, в связи с рядом демонстраций, прокатившихся тогда по крупным городам России.

В начале января 1902 г. я, т. Шелгунов В. А., Малкин Генрих, Малышев А. В. и много других товарищей были арестованы. Тюрьма и участки были переполнены. Тюремный инспектор ежедневно обходил тюрьму, обсуждая как разместить арестованных: политических пришлось сажать по несколько человек в общие камеры (полагалось в одиночку) по двое в одиночки, в каторжные камеры и т. д.

Вступившие позже нас в Комитет (т.т. Краснощеков, Марья Абрамовна Гольберштадт, Эльцины и др.) не были арестованы вместе с нами и продолжали наше дело. Движение сильно разросталось и за 5—6 месяцев тюрьмы мы могли наблюдать смену вновь прибывавших товарищей.

Арест одних поднимал на смену других и из крошечной организации, которую я застала год назад, выросло мощное рабочее движение, руководимое сильной организацией с.-д., все разрастающейся, несмотря на аресты...

Уже в феврале или марте 1902 года состоялась крупная демонстрация, за которую участники пошли на 5 лет в Восточную Сибирь[1]).

Многие из них не были даже членами с.-д. организации. Тогда ушли т.т. Костюшко-Валюженич, Стеня Жмуркина, «Тоня», студенты Семилетов и Полушкин (потом большевик), почти девочка Роза Гольберг и др.

Т. Костюшко быстро революционизировался и вместо «экономиста» уже призывал к «восстанию». У него и Жмуркиной при аресте нашли красное знамя демонстрации.

В мае демонстранты уже подходили к тюрьме, а вместо наших гектографских листков было арестовано 7 тысяч майских печатных прокламаций при оклеивании их красным пояском... Была уже своя типография

И, несмотря на аресты «с вещественными доказательствами», несмотря на то, что состав Комитета моего, наприм., времени, был настолько известен, что все его члены были освобождены в один день по общему списку, где не было ни одного лишнего или недостающего имени, жандармы не могли создать крупного процесса, так как отдельные факты (квартира с прокламациями с 4—5-ю арестованными, девица, арестованная с материалами для типографии и т. п.) не могли связать в стройное целое каждый факт с определенным лицом и т. д.

Повидимому, шпионаж тогда был плохо поставлен (а в рабочие кварталы, как известно, шпики ходить боялись) и провокаторов не было так что наш Комитет был выпущен «без последствий».

Если Бакай и был в связи с жандармами, то видно многого тогда не знал, иначе трудно об'яснить, почему как Комитет, так и большинство арестованных, были выпущены. Правда, мы предполагали, что Комитет выпустили, чтоб по его следам захватить и ликвидировать организацию поглубже, и мы все раз'ехались из Екатеринослава. Кроме того ходили слухи, что такой финал—отчасти следствие интриги ротмистра Кременецкого против Начальника Управления, полковника, фамилии не помню, который часть денег, ассигнованных на шпионаж, клал в карман. Но все

---

1) Для борьбы с демонстрациями—широкой массовой формой движения—правительство решило применить высшую меру наказания—5 лет Сибири ко всем задержанным на демонстрации.

же видно было, что, зная характеристику нашу, они не имели фактов; у нас они ничего не нашли и, напр., т. В. А. Шелгунову на допросе ничего не могли пред'явить, кроме перевозки кушетки из квартиры д-ра Караваева (убитого потом черносотенцами), причем лошадь дернула и кушетка сломалась...

«Меня обвиняют», шутил в тюремной записке ко мне В. А. Шелгунов, «в поломке чужой кушетки»...

Как и где он организовывал рабочих, принимал в Комитете текст воззваний и т. п. они не могли конкретно указать.

Вообще, тогда жандармы еще недостаточно приспособились, не наладили своего аппарата, что видно из таких мелких фактов. Я была выслана в Екатеринослав под особый надзор по Московскому делу. Несмотря на то, что я активнейшим образом работала в организации, которая временами, что называется, держалась на мне, губернатор дал обо мне «хороший отзыв», когда мне пришел «приговор» (административный) о высылке в ограниченный список губерний, куда Екатеринославская не входила и мне, чтоб остаться в Екатеринославе, пришлось под разными предлогами просить об оставлении в нем. По благоприятному отзыву губернатора, о котором мне как-то сказали в его канцелярии при справке, и разрешили оставаться.

Перед первым мая, чтоб обеспечить необходимую подготовку, я перебралась на другую квартиру и ухитрилась несколько дней не прописываться. При слежке это было бы невозможно.

Незадолго до ареста меня вызвал на допрос ротмистр Кременецкий—очевидно где-то попалась моя фамилия,—не помню о чем он меня допрашивал, пытался что-то выпытать обо мне и проч., как заметил он. Видно было, что он не знал, что я поднадзорная и только тут взял меня «на заметку». Поднадзорные были на учете у полиции, а не жандармов, потом, вероятно, «осведомление» было улучшено. Несмотря на полное неимение улик, нас все же продержали около 6 месяцев (а когда стали выпускать, никто из нас не верил, так как мы не сомневались в путешествии в Сибирь).

О нашей тюремной жизни, с ее голодовками, карцерами, обструкциями, выстрелами, победой над этим режимом, массой самопожертвований и товарищеской солидарности и трогательной заботливости—как нибудь в другой раз.

Здесь только упомяну о некоторых товарищах не нашего периода работы, сидевших в тюрьме.

Помню худощавую, изможденную фигуру тов. Кириллова, рабочего, сидевшего задолго до нас в тюрьме, не знаю, по какому делу. Я слышала о нем еще на воле и перед арестом имела какое-то касательство к передаче ему 3 руб. от Красного Креста. Однажды, сидя на окне своей камеры на «Заднем строении»—«склад вещей, переделанный в склад людей» по остроумному определению кого-то,—я услышала переговоры надзирателей. Надзиратель из корпуса просил нашего пустить на прогулку (под нашими окнами, где гуляли мы) кого-то, прибавляя: «он долго не будет гулять».

Появился незнакомый рабочий, настолько плохо одетый зимой, что, действительно, «долго не прогуляет». С'ежившись, кутаясь в свое летнее пальто, он все-же бодро шагал. Я догадалась, что это тов. Кириллов. Спросив его о получении денег и передав привет с воли, я обменялась с ним несколькими фразами, сказала, кто я, и мы уж были приятелями. В дальнейшем приходилось очень редко обмениваться поклонами, но и тюремное знакомство было достаточно, чтоб понять, что это рабочий революционер—прямой и твердый как кремень, не идущий ни на какие уступки, кристально-чистый до странности.

Вот пример последней. С большим трудом, изобретательностью и хитростью удавалось делиться с «общими камерами», где сидело 12—15 человек, главным образом, рабочих, продуктами, тем, кто имел деньги. Обычно их больше имела интеллигенция, на имя которой часто передавали для передачи другим, имевшая больше личных связей в «обществе», где тогда собирались деньги и т. п. Передачу денег, книг и проч. жандармы очень стесняли, принимая только от родных, что затрудняло передачу рабочим [1]). Передавалось кое-что и в камеру т. Кириллову, но не индивидуально. Женщины из общей камеры стали шить и вышивать мужские рубашки больше для своих близких, но, так как тов. Кириллов сидел давно и нуждался в одежде, сшили и ему сатиновую, вышитую шелком рубаху. Он отказался принять. Тогда я сшила из простого ситца (первая мужская рубаха, сшитая мною в жизни, сшитая, конечно, плохо) и передала рубашку через тов. Бабушкина—по веревке, по трубе—как и самому т. Бабушкину. Тов. Кириллов рубаху принял.

Тов. Кириллов был выслан в Сибирь в 1902 году. Очень интересно бы получить сведения о его дальнейшей судьбе и прежней работе. Как я упоминала, в это же время (1902 г.) в Екатеринославе, в башне над моей камерой, сидел тов. Бабушкин Иван Васильевич. Он был арестован во Владимирской губернии (кажется Коврове) и привезен в Екатеринослав для привлечения по делу о своей прежней работе в Екатеринославе. Нам удавалось говорить и сообщаться «по трубе», я даже написала по его просьбе (женским почерком) письмо его матери, где он справлялся намеками о жене и ребенке. Тов. Бабушкин был вскоре переведен в 4-й участок, находящийся рядом с тюрьмой, откуда бежал вместе с А. Горвицем через решетку окна.

Из товарищей, арестованных за время моего заключения, работавших, следовательно, после нас, или с нами, помню Васю Епифанова, видного преданного рабочего, с которым потом приходилось работать в Харькове в 1911—12 г. и встретиться в ссылке в 1913 г., к сожалению ставшего меньшевиком; будущих меньшевиков Исува и Пруса; Розалию Гальберштат, Шипулинских и Эльциных я упоминала, далее сидели Анна Николаевна Логачева, Раиса, потом жена меньшевика рабоч. Каменева (умершего); женщин было человек 25. Роза Любарская, Р. Гольберг, Лифшиц, Ида Розина—чулочница, Анна Гриблина, Ан. Моис. Пипик, Агнеса Зладкина,

[1]) Приходилось иногда узнавать адреса родных вне Екатеринослава и через них посылать. При тогдашних условиях это было более, чем трудно.

Бляхман, работницы—Геллер, Голуб и его жена Ампис, братья Журавские (рабочие), Гибшман, Широков и др.; т. Мальчинский (Будрин), А. В. Малышев сидели в уездной тюрьме, З. А. Нарочницкая была привезена не надолго в Екатеринославскую тюрьму. Она и т. Мальчинский еще осенью уехали из Екатеринослава. Словом, «политическое» население тюрьмы доходило до 70—100 чел.

Выпустив «Комитет» в июне или июле 1902 г., большинство товарищей, жандармы стали выпускать остальных группами ежедневно.

«Комитетчики» решили раз'ехаться, как я уж говорила, полагая, что их выпустили и оставили в Екатеринославе «с целью». Тов. Шелгунов уехал в Баку, Гольберштат в Киев, я в Калугу—теряя Екатеринослав, я попала в список разрешенных захудалых городов.

Из событий тех времен не лишнее упомянуть о приезде в Екатеринослав «Бабушки» Брешковской. Как выяснилось при свидании с ней, ей показалось, что есть надежда, «своевременно» говорить о совместных выступлениях с.-р. с с.-д. Я высказала сомнение в «своевременности». Очевидно Искровское течение, победа над «экономистами», т. е. признание политической борьбы и агитации рядом с экономической—дало ей повод так думать, она приехала к неактивному с.-р. Балабухе и им через Ю. П. Кулябко была направлена ко мне. Но я только что вернулась из отпуска, сокращала свою работу, была не совсем в курсе дел за мое отсутствие и направила ее в новый Комитет, кое с кем из которых она уж успела видеться и до свидания со мной. Мы хотели устроить беседу с ней, собрав ряд товарищей, но кроме меня и тов. И. Грачева, только что вернувшегося из Вятской ссылки, никто не пришел. Помню, она рассказывала о падении чего-то над головой Николая II на каком-то судне—очевидно неудавшееся покушение, но в общем разговор был отрывочным.

Она была одета очень просто, и в большом платке-шали была похожа на женщину из народа. Очень скоро переходила на «ты», целовалась при прощании и привела меня в большое смущение, поцеловав мне руку. Эту же странность она повторила и в Петербургской пересыльной тюрьме, где мы встретились в 1910 г., когда она шла на поселение.

В конце заметки следует остановиться на вопросе о финансах организации. Трудно представить, как мы работали почти без средств. Правильные членские взносы не делались, а на нужды организации часто тратили из своего заработка. Были сборы среди интеллигенции, но это было мало, конечно. Помню, за майский листок, отпечатанный в типографии «Южный Рабочий», и майский номер «Южного Рабочего» (1901 г.) пришлось уплатить около 100 р.,—тогда это был капитал,—одному из нас из остатка денег, доставшихся в наследство (300 р.), несмотря на то, что он жил впроголодь и был без работы. Этот факт знает и тов. Вас. Андр. Шелгунов.

Но все эти трудности первых этапов рабочего движения и жизни партии не остановили их и мы имеем счастье писать о них «воспоминания» при Советском строе.

ЕВГЕНИЯ АДАМОВИЧ («Надя»).

ИЗБИЕНИЕ УЧАЩИХСЯ И ЕКАТЕРИНОСЛАВСКАЯ ПОЛИЦИЯ

(Из эпизодов 1905 года)

I

В начале 1905 года революционная волна докатилась до такого захолустья, как Курск. Было это в глухую пору года, в начале февраля, когда снег еще лежал горами на улицах. Рабочий элемент в Курске почти отсутствует и движение охватило учащуюся молодежь. Носило оно вполне мирный характер, характер ученической забастовки с подачей начальству «требований», среди которых «вежливое обращение» занимало чуть ли не центральный пункт. Началось с духовной семинарии. Но мудрое духовное начальство немедленно закрыло семинарию и потребовало выезда воспитанников из города в деревни. Тогда движение перекинулось в классическую гимназию, реальное училище, фельдшерскую школу. Преобладали в толпе бастующих подростки и даже дети. Это не помешало Курской полиции устроить 12 февраля побоище, привлекши к нему Курскую черную сотню. После старой истории, относящейся еще к 1876 году, когда Московская полиция мобилизовала молодцов охотного ряда для избиения студентов, это был первый случай открытого союза царской полиции с черной сотней, вслед за которым вскоре последовала целая серия погромов против евреев, интеллигенции, рабочих, в крови которых была затем залита революция 1905 года.

Но развернем эту картину словами не историков, даже не корреспондентов, а подлинных очевидцев. Вот письмо такого очевидца, письмом в «Русских Ведомостях» излившего свое негодование по поводу виденного и пережитого им избиения.

«Пишу Вам под свежим впечатлением событий, которые я застал по возвращении своем в Курск. Приехал я сегодня, 12-го февраля, в $1^1/_2$ часа дня. Под'езжая к своей квартире, я попал в самую середину возбужденной толпы, запружавшей собою всю ширину улицы. На углу сосредоточена была полиция; полицийместер громко отдавал какие-то приказания и кричал на кучку интеллигентов. Несколько в стороне правильными рядами стояла толпа рыжих мужиков в полушубках, человек 50—70, как я узнал впоследствии—учеников школы сельских стражников, учрежденной при местном полицейском управлении. Спрашиваю кого-то из толпы: «Что здесь такое происходит».—«Бьют гимназистов»—«За что».—«За то, что

забастовали». Еду домой, сдаю вещи, а сам иду разузнавать, что такое творится. Везде по улице толпы возбужденного народа. Много интеллигенции. Много прапорщиков запаса. Все возмущены, наэлектризованы. Расспрашиваю первого попавшегося знакомого, в чем дело.

Он рассказывает следующее. Вчера, 11 февраля, все учащиеся решили забастовать, выработав известные требования. Духовная семинария забастовала еще раньше и была распущена начальством. Сегодня, 12 февраля, первой забастовала классическая гимназия, и ученики толпой, но вполне мирно, направились по Московской улице сначала ко 2-й женской гимназии, но ученицы оказались запертыми и не могли выйти к ним. Тогда толпа направилась к реальному училищу, но здесь повторилась та-же история: все двери оказались запертыми. Ученики требовали, чтобы их выпустили, и когда им отказали, они поразбили окна и выпустили сероводород, но тем не менее их не выпускали еще некоторое время. Между тем толпа прошла мимо учительской семинарии, учительских частных женских курсов и фельдшерской школы, где к ним присоединились учащиеся этих заведений и, наконец, приблизилась к Мариинской Женской Гимназии. Здесь к ним подошла депутация гимназисток, чтобы сговориться об условиях забастовки. Надо заметить, что толпу все время сопровождала толпа полиции и стражников, не предпринимая, впрочем, никаких репрессивных мер. Но тут, когда ученики двинулись из Мариинской гимназии к Московской улице, раздается вдруг свисток и громкий приказ полициймейстера: «Резервы вперед, бей». Городовые, предводимые околоточными с шашками в руках и мужики-стражники с кулаками набрасываются на учеников и творится нечто ужасное. Пристав Пуданов кричит: «Бей направо и налево». Бьют учеников по лицу и куда попало. Те под угрозами падают на землю, их подымают за волосы и ударами опять сшибают с ног, топчут ногами (пудовыми мужицкими сапожищами). Одного гимназиста 11 лет, уже сбитого с ног, стражник схватывает за волосы и бьет головой о мостовую. Происходят невероятные сцены. Многие избиты до полусмерти. Спасаться некуда. Пробовали спасаться в под‘езд семеновской библиотеки, но здесь стоял пристав и отшвыривал всех мальчуганов, искавших там убежища, причем один из 3 отброшенных мальчиков попал под лошадь городового и получил сильные повреждения головы. Убегающих били нагайками. Один околоточный шашкой разрубил гимназисту лицо, другому пальто. Когда возмущенная публика обратилась к жандармскому полковнику Вельку, стоявшему в числе зрителей, с просьбой прекратить побоище своим авторитетным словом, он хладнокровно ответил: «Господа, вы знаете, я человек мирный и ничем помочь не могу». Все это я слышал от очевидцев. Что происходило дальше, я видел сам. Последний акт драмы разыгрался на Красной Площади, где находятся красные и рыбные ряды, мясные лавки и толкучий рынок. Здесь на помощь полиции высыпали, очевидно, заранее ею организованные, мясники, краснорядцы, мелкие лавочники и всякий базарный сброд. Этим сбродом избивались уже не толпы и группы воспитанников, а каждый проходивший мимо ученик. Здесь смертельно избиты один землемер и студент. Последнего в бесчувственном состоянии унесли на носилках. Говорят, он уж умер. Заступаться за

избиваемых не было возможности. Когда прапорщик запаса, бывший учитель реального училища, вступился за избиваемого ученика, в толпе поднялся угрожающий крик и бросились было на него. Он спасся только тем, что начал расстегивать кобуру револьвера, которого, впрочем, не было и толпа отхлынула.

Секретарь Казенной Палаты обратился к приставу Буданову, чтоб тот прекратил безобразия. Буданов ответил: «Вы видите, что избивает не полиция, а простой народ, защищая царя, а вот ты стоишь за Гапона». И на секретаря посыпались удары. Вся площадь была запружена народом. То здесь, то там вдруг толпами перекатывался крик: «Бей их, бей. Ура», и то здесь, то там кого-нибудь избивали. Полиция все время не препятствовала этим избиениям. Но зато, когда кучка интеллигенции пыталась протестовать против этих избиений, сейчас-же раздавались предупреждающие крики приставов: «Господа, расходитесь, прошу разойтись», и публику оттесняли конные стражники. Что черная сотня была организована полицией, нет никакого сомнения. Когда вечером избиватели расходились с места побоища, они громко похвалялись: «вот бы и завтра так славно заработать: и водкой угостили и по рублю заплатили». Группа очевидцев слышала, как один пристав или помощник пристава Алексеев благодарил толпу: «спасибо, братцы, толчек выручил».

Вечером того-же дня в думе и общественном клубе состоялись собрания возмущенных граждан, родителей и некоторых гласных. Были выслушаны рассказы очевидцев. Никогда не забуду рассказа одного старика: «Я служу в Управлении жел. дороги. Около 1 часу дня у нас распространился слух об избиении учащихся. Все мы, отцы, бросились разыскивать своих детей. Я видел, как детям 11, 12 лет разбивали лица, били сапогами, вырывали волосы. Ужас. Моего сына я застал дома в крови, с помятой грудью. Господи, один мой сын проливает кровь за родину на Дальнем Востоке, а кровь другого проливает в этом-же отечестве полиция. Он истерически зарыдал и упал бы со стула, еслиб не был подхвачен окружающими. Другой, изобразивший ужасы избиения, призывал к протесту против озверевшей опричины. Посланы были протесты министрам. Полицеймейстер Дарин, помощник его Макаревич, пристава Буданов и Байков, жандармский полковник Вельк исключены из членов клуба».

После этого собрание мирно разошлось.

II

Бесхитростное, но яркое, это сообщение, напечатанное в «Русских Ведомостях» (автор статьи состоял сотрудником Екатеринославской оппозиционной газеты «Вестник Юга»), было мною вырезано и после значительных пререканий с местными цензорами, помещено в «Вестнике Юга», от 21 февраля (№ 360). Хотя время тогда было лихорадочное, но все же курское избиение произвело сильное впечатление, и нам пришлось утром допечатать номера. В течении нескольких дней факт избиения комментировался на всякие лады. Нечего говорить о том, как отнеслись рабочие организации, интеллигенция и даже рядовые обыватели к факту

избиения, но вскоре полицейские репортеры прибежали в редакцию с сенсацией, что избиением возмущены даже полицейские чины Екатеринослава, и мало что возмущены, а готовят даже печатный протест.

Екатеринославская полиция уже и тогда имела определенную физиономию. Воспитанная на режиме «усиленной охраны», в которой Екатеринослав, как рабочий центр, хронически пребывал, изо дня в день выполнявшая приказы Жандармского управления, Екатеринославская полиция прошла основательно школу жестоких политических расправ, и слава о ней расползалась по всей России. Уже в рассказе М. Горького «Букоемов», относящемся к 1904 году, каторжник Букоемов, перевидавший на своем веку всякие жестокости, повествуя о своих испытаниях особое место отводит полиции Екатеринославской. «А еще — говорит он — сидел я в тюрьме Екатеринославской... Был в ту пору рабочий бунт... и привели на двор одного рабочего,—арестовали, значит... Смотрю я в окно и вижу: околоточный офицеру—солдаты на дворе были и офицер с ними—предлагает: «хотите, говорит, г. поручик, я этому рабочему перепонку в ухе разорву с одного удара и на всю жизнь он оглохнет. «А, ну-ка», говорит офицер-то. Околоточный р—раз. И верно, разорвал перепонку... Я потом узнал — оглох парень-то...» О жестокостях, учиненных полицией в 1903 году, сообщил М. Горькому его знакомый Якубов, попавший в 1903 году в Екатеринославскую тюрьму.

И случай этот был не исключительный и не единичный. Но даже для этой полиции Курское избиение младенцев показалось из ряду вон выходящим, и они послали в Курск следующий протест: Прочитав в газете «Вестник Юга» в № 260 от 21 февраля, о действиях Курской городской полиции по прекращению уличной демонстрации 12 февраля, где преобладала учащаяся молодежь, мы находим, что Курская полиция забыла Бога, закон и право, отнесясь вполне нечеловечно к детям, которые не в состоянии еще анализировать свои чувства и подчинять свои поступки контролю разума и совести. Относя все это к печальным результатам деятельности частных начальников—приставов—мы, Екатеринославские городские пристава, выражаем Курским городским приставам, с сожалением, полное наше порицание. Вместе с сим, не вполне доверяя газетному сообщению, не теряем надежду, что курские пристава реабилитируют себя путем печати». (Из дел (№ 55) 1905 г. канц. Екат. губернатора, хранящихся в Екатерин. музее Революции).

«Протест» этот был напечатан раньше всего в местных газетах («Приднепровском крае» и «Вестнике Юга»), а затем обошел всю печать. Екатеринославцы, хорошо знавшие подвиги «туземной» полиции, отнеслись иронически к этому протесту. В деле, из которого мы черпаем материал для нашей заметки, имеется характерная анонимная открытка, адресованная приставу 1-й полицейской части: «г. пристав, очень было-бы полезно и вам и другим приставам г. Екатеринослава подчинять свои поступки контролю разума и «совести» и служебного долга». Но в бюрократических верхах этот протест вызвал настоящую бурю. На проявление простого человеческого чувства, случайно, конечно вырвавшегося из-под толщи полицейских

мундиров у приставов, бюрократический элемент посмотрел, как на настоящее потрясение основ, и пошла писать губерния. Начало 1905 года было бурное. Девятое января, бурные отклики на него во всех концах России, устремленные глаза всего мира на Россию, поражение за поражением на Дальнем Востоке, возбужденное состояние даже либеральных слоев общества—все это не помешало, однако, отечественной бюрократии обратить свое сугубое внимание на протест Екатеринославских приставов, и дело, начавшись в фаврале и докатившись до министерства внутренних дел, закончилось только 19 июня строжайшим порицанием случайному проявлению гуманности со стороны полицейских приставов.

III

И, конечно, первый, кто обратил внимание на «необычайные» чувства приставов, был Екатеринославский губернатор, Б. Нейдгарт, брат одесской знаменитости, а, впрочем, и сам «знаменитость». Приехал он в Екатеринослав с репутацией либерала, нанес визиты не только видным общественным деятелям города,—но что было необычайно,—даже редакторам газет и в том числе крамольного и недавно возобновившегося после шестимесячного закрытия (по распоряжению В. Плеве) «Вестника Юга». Редакторы вынуждены были ответить визитом, и Б. Нейдгарт не только встретил их любезно, не только распространялся о своих знакомствах с журнальным миром и с М. Горьким, но просил редакторов «безбоязно» продолжать свою борьбу с отечественными недугами и в том числе — страшно сказать — и с злоупотреблениями полиции. Впоследствии Б. Нейдгарт оказался достойным братом другого Нейдгарта-Алексея, чуть ли не руководившего погромом в Одессе в октябре 1905 года. Но в феврале еще стояла правительственная «весна», а затем «знакомство» с Горьким тоже кой чему обязывало. И вот, после некоторого раздумья и, повидимому, колебания, губернатор издает приказ (от 26 февраля), где отдавая должное «гуманным чувствам» г. г. приставов, все же обрашает их внимание на то, что «они поступили поспешно», «вышли за круг своего служебного права», тем более, что всякие уличные беспорядки строго воспрещаются и что никакие исключения для учащейся молодежи отнюдь не допустимы». «Все-же»,—кончает свой приказ губернатор, вспомнив про свою репутацию либерала, «напоминаю при этом чинам полиции, что при всей настойчивости в пред'явлении своих законных требований они не должны забывать статьи 730 никогда, которая возлагает на них обязанность оказывать всем и каждому защиту против личных обид и насилий».

Губернатор свой приказ не только издал, но еще и опубликовал в местных газетах, предполагая, что этим дело закончится. Но не тут-то было. Курские пристава не удовлетворились приказом губернатора и разразились ответом, достойным пера незабвенного доктора Дубровина. Само собой разумеется, что первое, что пришло в голову курским приставам, читая протест Екатеринославской полиции, несмотря на «казенную сургучную печать и казенный пакет»,—что письмо подложное. «Ибо»,—поют курские пристава,—«мы не допускали мысли, чтобы чины полиции, хотя какого-нибудь

захолустного городка в России, могли прислать такое наивное, незаконное и грубое письмо». Но, увы, прочитавши приказ Екатеринославского губернатора, курские пристава «с прискорбием» убедились в том, что письмо не подложно, и отделывают Екатеринославских собратий по заслугам. «Слыхано-ли,—пишут они,—чтобы полицейские доверяли такой еврейской газете, как «Русские Ведомости», чтобы полицейские обращались к печати и чтобы требовали недостойного для полиции оправдания путем печати. Да и перед кем оправдываться. Перед теперешним антиправительственным обществом, состоящим, по мнению высокопросвещенных приставов «из полуобразованных людей, уволенных из учебных заведений за их преступные идеи, или окончивших учебные заведения недоразвитых лиц, выдающих себя за интеллигентных и стремящихся своими взглядами доказать, что они тоже передовые люди, и по большей части евреев, подпольно проводящих свои гнусные идеи для разорения в конец русского государства, давшего им у себя приют, и всеми силами стремящихся подорвать авторитет правительства и полиции». И так образованные и доразвитые пристава отчитывают жестоко екатеринославских приставов. Последние обратились к печати и к общественному мнению, забыв, что у полиции есть начальство и что о безгрешности курских приставов свидетельствует тот факт, что они до сих пор «на службе его императорского величества». Приведши такой победоносный аргумент, курские избиватели советуют своим коллегам вместо того, чтобы писать протесты, познакомиться лучше с циркуляром министра внутренних дел от марта 1901 года за № 57 о способах устранения уличных беспорядков.

IV

С Дальнего Востока шли тревожные сведения. Но что было за дело Петербургу до внешнего врага, когда речь касалась внутреннего. Департамент полиции, учуяв за полицейской полемикой «крамолу», немедленно вмешался в дело, и нужно-ли спрашивать о том, чью сторону он принял. Начал он осторожно и 8/III—1905 «секретной и спешной» бумагой запросил у губернатора об'яснений. Губернатор немедленно ответил, но в его ответе уже нет ни одной либеральной нотки. Почуяв недоброе в запросе департамента, он пишет, что письмо приставов «нечаянно» «к сожалению» попало в печать и что он указал приставам «неуместность» их протеста. Но министр внутренних дел Булыгин этим ответом не удовлетворился. За собственной подписью отношением от 10/VI он резко порицает «коллективное» заявление приставов, как «незаконное», «выходящее за их компетенцию», «несоответствующее правильной постановке служебного дела» и требует впредь «устранения повторения подобных случаев». Губернатор пробовал еще раз оправдаться в том, что он не предоставлял приставам права критики действий чинов курской полиции, но получил в ответ строгую отповедь за подписью уже самого Трепова. В свойственных ему резких выражениях он находит поведение екатеринославских приставов «незаконным», «бестактным», «несовместимым с полицейской службой» и дойстойным самого резкого порицания. Только

«трудность пополнения полиции и усиленный труд ее по охране порядка вынуждает министерство ограничиться строгим выговором и предупреждением, что впредь такое нарушение требований службы будет иметь последствием увольнение их в отставку».

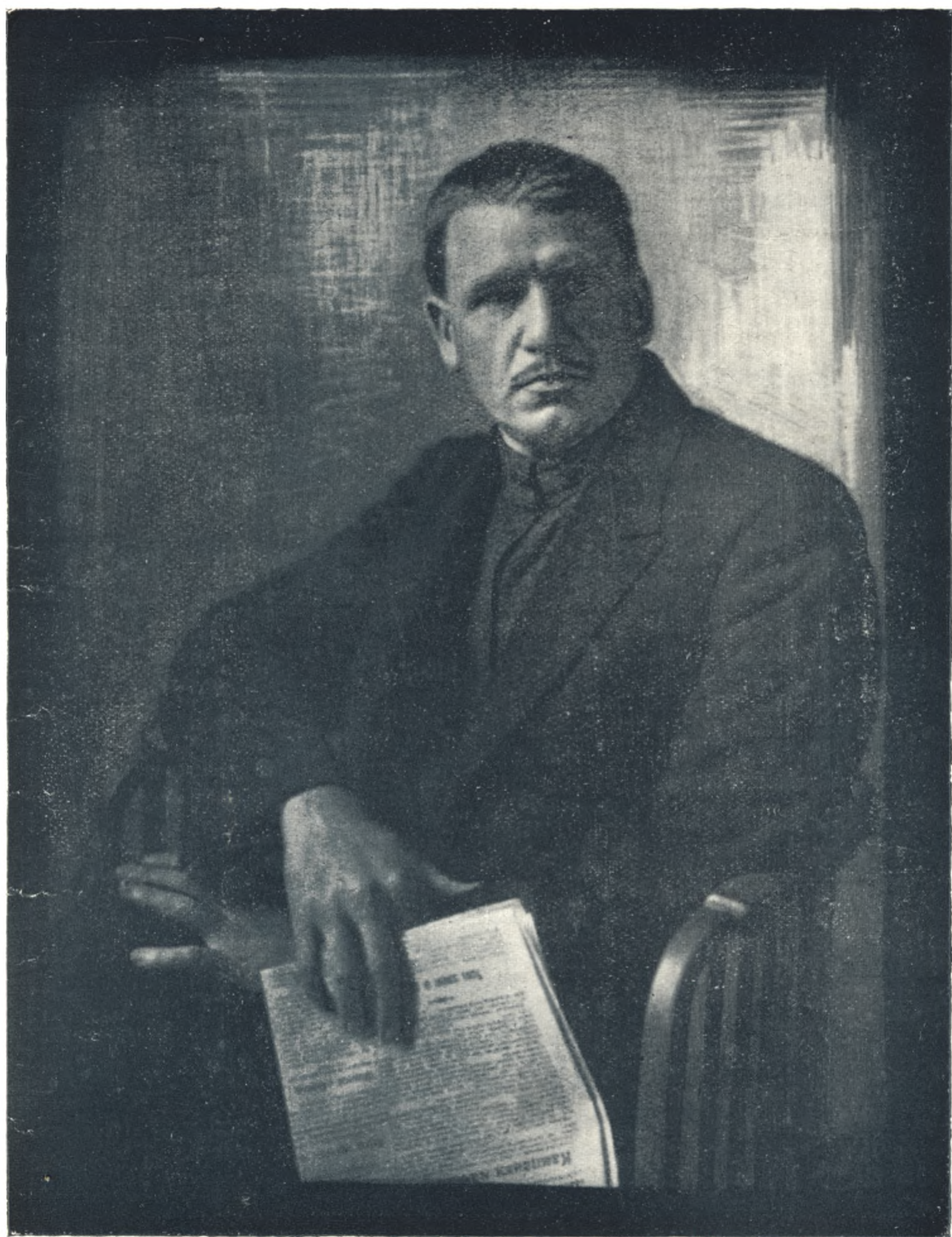
Отповедь последовала 4 июля, т. е. только две недели спустя. «Право» оказалось на стороне курских приставов. «Товарищ министра внутренних дел» «свиты его величества генерал-майор», друг великого князя Сергея Александровича и вскоре друг самого Николая II оказался солидарным в государственных взглядах с курскими баши-бузуками,—полицейскими приставами. Их устами говорила государственная мудрость.

«Друг» М. Горького, губернатор Нейдгарт это понял и, забыв про свою «дружбу» со знаменитым писателем, проредактировал строгий приказ по полиции со строжайшим выговором Екатеринославским приставам за их «незаконный», «бестактный» протест против избиения младенцев в Курске.

Впрочем, и тут «друг» Горького проявил себя либералом: приказ он предоставил подписать вице-губернатору Лопухину.

Это был его последний либеральный жест. Прошло лето, подоспели октябрьские дни, и Нейдгарт вместе с подписавшими протест полицейскими приставами приняли участие в такой кровавой бане, о которой курские пристава и не мечтали. Кровью не только младенцев, но и стариков, мужчин и женщин, погибших в октябре 1905 года, они смыли «пятно» со своей репутации и восстановили ее в глазах Трепова.

Г. НОВОПОЛИН.

Эммануил Ионович Квиринг.

РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ЗАХВАТ ЕКАТЕРИНИНСКОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ В 1905 ГОДУ

I

В начале ноября 1908 года начался суд над 179 участниками революционного захвата линии Екатерининской железной дороги в декабре 1905 г. Свидетелей по делу было вызвано 464 человека. Председателем военно-окружного суда был генерал Лопатин, имевший уже заслуженную репутацию, которой мог-бы позавидовать знаменитый начальник карательной экспедиции на Московско-Казанской железной дороге, полковник Мин, приобревший за потоки пролитой им рабочей крови генеральские эполеты. (Казнен З. Коноплянниковой). «Суд» носил характер настоящей карательной экспедиции. Горевшему местью правительству недостаточно было тех жестокостей, через которые прошли участники и неучастники революционного захвата дороги. И вот, оно рассылает вооруженные с ног до головы отряды по станциям и — как это всегда бывает—из десятков тысяч участников захвата арестовывает 179 человек, игравших наименее видную роль в деле, держит их 3 года в предварительном заключении и затем подводит под суд кровожадного генерала.

Уж одна обстановка суда напоминала застенки средневековой инквизиции. Лопатин выбрал для суда мрачное здание арестантских рот, окруженное валом и крепостной стеной, и в нем церковь с зарешетчеными наглухо окнами, со сводчатыми стенами и царившим в нем полумраком. Сердце невольно сжималось от всей этой обстановки, от серых стен, мрачной фигуры инквизитора-судьи, от бряцанья кандалов и от ужасных по худобе и нездоровому изжелта-зеленому цвету лиц обвиняемых, обреченных на заклание.

Суд продолжался 7 недель и закончился чуть-ли не накануне Рождества Христова. Накануне дня, символизирующего начало эры любви и всепрощения, в здании храма, предназначенном для провозглашения «чистые любви учения»—люди, облеченные в мундиры, обрекли 92 человека уже понесших наказание, на новые муки, причем 32 из них подлежали повешению. «Храм воздыханий» огласился глухими стонами осужденных к смерти и воплями их жен и матерей. Но солдаты разогнали прикладами родственников и увели осужденных в казематы...

Воспроизвести весь этот памятный и чудовищный, даже в период «ликвидации» революции 1905 года, процесс представляется весьма трудным. Он длился около двух месяцев; «дело» разрослось во много настоящих томов; один обвинительный акт занимает 114 печатных писчих листов убористой печати. Но в этом нет особой надобности, несмотря на захватывающий интерес дела, потому что весь «захват» дороги исходил из одного центра и производился на всех станциях почти по одному шаблону. Мы ограничимся, поэтому, наиболее характерными выдержками из обвинительного материала и теми станциями, где «захват» проявился наиболее революционно. Читатель должен помнить, что мы вынуждены при изложении хода событий держаться оффициальной версии, в надежде, что оставшиеся в живых участники памятного революционного движения своими воспоминаниями внесут надлежащие и соответствующие настоящей действительности коррективы в наш рассказ.

II

С начала 1905 г., гласит начало обвинительного акта,—под влиянием событий общественной и политической жизни страны, среди служащих и рабочих Екатерининской железной дороги стало заметно движение, которое постепенно усиливаясь, в октябрьскую и декабрьскую всеобщие забастовки, достигло своего апогея. Октябрьская забастовка для многих началась неожиданно. После сношения с Москвой и Петербургом в управление начали поступать экономические требования. Для переговоров с управлением были выбраны делегаты, в большинстве случаев люди с определенной политической окраской. Начались собрания, с‘езды, митинги. Наступило 17 октября. Делегаты сочли возможным стачку прекратить 18-го. Но масса, экономические требования которой не все были удовлетворены, взялась за работу только 20-го, а машинисты только 23—24 октября.

В связи с недовольством рабочих, брожение среди рабочих и служащих продолжалось. Делегатское собрание продолжало существовать. В половине ноября оно революционным путем постановило ввести 8-часовый рабочий день. На некоторых станциях (Екатеринослав, Нижнеднепровск, Александровск, Сватово) он был введен сейчас-же. Но рабочие и служащие этим не удовлетворились. Они требовали увольнения некоторых администраторов, учреждения товарищеских и смешанных комиссий по вопросам об увольнении и перемещении служащих, ремонта жилых помещений и т. п.

Рядом с этим шла и политическая пропаганда. 17 ноября в Екатеринославском английском клубе состоялся многочисленный митинг железнодорожников. Председательствовал правитель канцелярии дороги Лисовский. На собрании были приняты резолюции о недопустимости перевозки войск для подавления революции, о протесте против ареста в Москве бюро Крестьянского Союза. Что касается движения по дороге, то служащие из опасения оставить без работы чернорабочих и шахтеров, относились к вопросу очень осторожно. За то «политика» продолжала превалировать в линии поведения железнодорожников; так, 2 декабря служащие присоединились к протестам против осуждения лейтенанта Шмидта к смерти. К телеграмме этой присоединились многие станции.

Отношение к железнодорожному движению резко изменилось после ареста 22 ноября членов почтово-телеграфного бюро. 21 ноября Хрусталева-Носаря, 3 декабря—160 членов Совета Рабочих Депутатов и после появления тогда-же Временных Правил о наказуемости забастовок в предприятиях общественных и государственных. 7 декабря в Екатеринославе была получена телеграмма о том, что конференция 29 жел. дорог, бюро железнодорожного союза и Совет Рабочих Депутатов об'явили забастовку. 8 декабря было принято решение провести забастовку и на Екатерининской дороге. Для руководства ею был выбран боевой стачечный комитет, куда вошли представители всех партий (кроме «серповцев»), представители депутатского собрания рабочих Екатеринослава и почтово-телеграфного союза.

Сейчас-же по сформировании, боевой (он-же коалиционный) Стачечный Комитет выпустил воззвание о забастовке с раз'яснением, что поводом к нему послужили последние репрессивные мероприятия правительства. Цель забастовки—добиться созыва Учредительного Собрания на основе четырехчленной формулы. Комитет при этом добавляет, что движение по дороге будет продолжаться для перевозки солдат и запасных без оружия и застрявших в пути пассажиров. Вскоре состоялось постановление о закрытии всех торговых, общественных и государственных учреждений, за исключением Государственного Банка и сберегательных банков для выемок сбережений, согласно постановления Петроградского Совета Рабочих Депутатов.

На постановление Стачечного Комитета откликнулись все учреждения. В городе все замерло. На линии дороги повторилось то-же. Не только мелкие станции, но и такие, как Екатеринослав, Нижнеднепровск, Долгинцево, Никополь, Пятихатка, Верховцево, Горяиново, Синельниково, Чаплино, Гришино, Авдеевка, Ясиноватая, Иловайская, Харцызск, Таганрог, Пологи, Юзовка, Мариуполь, Александровск, Дебальцево, Хацепетовка, Алчевская, Славяносербск, Горловка и Енакиево—целиком выполнили постановления Комитета. Забастовкой на местах руководили местные распорядительные забастовочные комитеты, подчиненные Центральному Забастовочному Распорядительному Комитету в Екатеринославе. При них существовали боевые дружины (самообороны), сформированные еще в ноябре месяце под влиянием слухов, будто шахтеры и заводские рабочие готовятся громить станции из-за забастовки, лишающей их работы. Слухи эти не оправдались: шахтеры и заводские рабочие даже помогали забастовщикам.

С началом забастовки товарное движение совсем прекратилось, пассажирское постепенно сократилось и по линии циркулировали одни делегатские поезда. Телеграф почти исключительно обслуживал роволюционеров. Иногда в делегатские поезда допускались и частные пассажиры, и тогда с них взыскивалась проездная плата в пользу Стачечного Комитета.

Такова была общая картина забастовки, прекратившаяся вскоре по занятии станций правительственными войсками. На некоторых станциях забастовка усложнилась разоружением жандармов, воинских отрядов и даже боями.

III

На станции «Екатеринослав» забастовка началась еще 7 декабря. На вокзале начались противоправительственные митинги еще с утра. Поздно ночью прибыло трое лиц, называвших себя делегатами Московского и Петербургского забастовочных комитетов и призывали к политической забастовке.

Утром 8-го начались тревожные гудки. Группы рабочих, иные с револьверами, обходили депо, мастерские, станцию, снимая всех с работ. Около полудня станцией начал распоряжаться Распорядительный Комитет во главе с железнодорожным телеграфистом Железняком, служащими Управления—Соколовым, Филатовым и Покатиловым. Комитет сопровождала вооруженная самооборона человек в 30. Комитет постепенно забрал станцию в свои руки, сместил администрацию, распределил между собою все службы и поставил самооборону на посты. Между комитетом и некоторыми служащими происходили трения, но последние вынуждены были подчиниться.

До 11 декабря еще кой-какие поезда шли. Но когда 11-го станция была занята войсками и появился приказ начальника дороги приступить к работам, Стачечный Комитет совершенно воспретил прием и движение поездов, а Распорядительный Комитет перенес свою деятельность в Нижнеднепровск. По распоряжению Стачечного Комитета был разобран путь между Горяиново и Диевкой.

Работы на станции в депо и мастерских и управлении возобновились только по постановлению о том Бюро Всероссийского Железнодорожного Союза. В период с 19-го по 24-е декабря работы и движение постепенно восстановились.

Обвинительный акт, руководство и видную роль в забастовке на станции Екатеринослав отводил Соколову, Железняку, Филатову, Покатилову и Едловскому. Все скрылись. На станции Нижнеднепровск картина забастовки была почти та же. Главные руководители ее Радченко и Тарчевский—скрылись.

IV

На станции «Ясиноватая» дело дошло до столкновения с войсками. Железнодорожники в ожидании разгрома станции вооружились винтовками, ружьями и железными прутьями. 9 декабря продовольственный пункт станции был занят ротой солдат, которой командовал штабс-капитан Карамышев. Последний занял паровоз, чтобы ехать на станцию Скотоватую, и когда машинист Андрейчиков отказался его вести, он позвал вооруженных солдат и силой заставил отвести его в Скотоватую и обратно. Это вызвало возбуждение. Был созван митинг, на котором после зажигательных речей был выбран Распорядительный Комитет. Власть перешла к Комитету, который об'явил забастовку до созыва Учредительного Собрания. На станции шли митинги, на которых раздавались призывы ниспровергнуть самодержавие.

Особенно усилилось здесь брожение, когда штабс-капитан Карамышев, собрав железнодорожников, заявил им, что станция об'явлена на положении усиленной охраны, и что он не допустит никаких сборищ и беспорядков. На станции собралась большая толпа, которая уговаривала часовых уйти с постов. Карамышев прибыл на станцию с солдатами «к пальбе». Толпа не расходилась. Тогда Карамышев скомандовал «бить толпу прикладами», и сам набросился на нее с шашкой в руках.

В тот-же день члены Комитета собрали свою самооборону и дружинников со станций Авдеевка, Гришино, Мушкетово и Дебальцево. Дружинники набросились на жандармов и часовых, разоружили их, затем окружили продовольственный пункт, где находилась рота Карамышева, и приготовились к действию против нижних чинов. Человек 20 дружинников окружили дом, где помещался Карамышев. Его вытащили на двор и предложили сдаться. Он согласился, но воспользовавшись моментом, закричал «в ружье». Тогда дружинники застрелили Карамышева. Между тем из 40—50 солдат во двор выбежало 5—6 человек, которые стали стрелять в дружинников.

Остальные не подчинились приказу прапорщика Дувакина и отправились к дружинникам. С развернутыми красными знаменами солдаты с дружинниками вместе уехали в Авдеевку.

14 декабря дружинники разгромили продовольственный пункт, арестовали прапорщика Дувакина и отправили его вместе с оставшимися ему верными нижними чинами и жандармскими унтер-офицерами в Авдеевку на суд. Судей было 7 человек, которые, обезоружив всех, отпустили на родину.

17 декабря на станцию прибыли войска и «порядок» был восстановлен. Активное участие в беспорядках на Ясиноватой обвинительный акт приписывает фельдшеру Гриценко, учителю Дийнеге (убит 17/XII в Горловке), Борисенко, телеграфисту Андрумонису (скрылся), конторщику Бушуеву и проводнику Василенко.

V

В Авдеевке, где забастовка началась 8 декабря, революционное движение приняло особо острую форму. Начав с разоружения жандармов и проезжих солдат, дружинники 13 декабря вступили в открытый бой с отрядом драгун под командой корнета Ягелло. После перестрелки, драгуны поскакали обратно в степь. Вместе с Гришинской самообороной Авдеевская принимала участие в убийстве офицера Карамышева и разоружении его роты на Ясиноватой; они же напали на войска в Горловке.

Здесь, благодаря большому скоплению рабочих со станции «Горловка», горловского машиностроительного завода и рудников южно-русского общества промышленности, забастовка приняла форму вооруженного восстания. По инициативе главного агитатора Горловки Зубаревич (он же Кузнецов), настроение как в самой Горловке, так и на ближайших станциях, было очень тревожное. Кузнецов, заставив рабочих бастовать, разослал делегатов в разные места за оружием и сформировал многочисленную боевую дружину. Первое резкое столкновение с войсками произошло 16 декабря, когда рабочие осадили контору машиностроительного завода и требовали от

директора Лояста об'яснений по поводу восстановления 10-ти часового дня. На помощь Лоясту прибыли войска с капитаном Угриновичем и приставом Немировским. При этом полиция пыталась задержать Кузнецова и начала расталкивать рабочих, чтоб арестовать его. Рабочие начали стрелять в полицию и по войскам. Часть отряда ответила. При этом были ранены и убиты несколько рабочих (Кузнецов—раненый—скрылся).

На заводе 17 декабря в Горловку прибыли дружинники из Авдеевки, Ясиноватой и Гришина. Соединившись с горловскими, они окружили казармы, где находился сильный военный отряд из 3 рот пехоты и команды драгун в 90 человек. Утром начался обстрел казарм.

Капитан Угринович, скомандовав дать несколько залпов по заборам, за которыми скрывались дружинники, отступил в степь. Огонь по войскам усилился. Часть дружинников разгромила казармы и уничтожила казенное имущество. Соединившись с прибывшими казаками, войска начали правильное наступление на Горловку. После продолжительного боя дружинники сдались. Часть разбежалась, 500 человек сдали оружие. Разбежался и отряд дружинников, окруживший пристава Немировского, сдавшегося с частью войск в казармах.

Из солдат было убито 3, раненых 12. В этот день в числе дружинников оказался убитым Дийнега.

Кроме Зубарева обвинительный акт приписывает активное участие в восстании: фельдшеру Глушкову, смотрителю погрузного двора Снежко, телеграфистам Исиченко и Павленко; на станции—«Авдеевка»—помощнику машиниста Бийцеву, заведующему маневрами Волошину и торговцу Горбунову.

Во время боя в Горловке участвовали также дружинники со станции Никитовка, где железнодорожники во главе с телеграфистом Трояновым и конторщиком Жежуриным захватили власть, и со станции Енакиево, где вызывающе себя вели литейщик Ткаченко-Петренко и рабочий Мазанов (скрылся). Особенно много жертв при бое в Горловке дали енакиевские дружинники. Самые активные дружинники со станции Енакиево—Осовицкий, Апостолов; Волошин и Цыпликов скрылись.

VI

Минуя станций Алчевскую (с донецко-юрьевским заводом и жиловским рудником), ст. Дебальцево (дружинники которой участвовали в горловском бое), Юзово, Алмазную, Чернухино, Чаплино, Межевуя, Демурино и Просяная, где забастовка протекала однообразно, сопровождалась экономическими и политическими требованиями, сменой администрации, разоружением жандармов и офицеров и формированием отрядов дружинников, выезжавших в места столкновений с крупными отрядами войск, перейдем к Гришино. Здесь еще после 17 октября, по инициативе учителя Дийнега, конторщика Ефимова, составилась правильная организация, занимавшаяся «противоправительственной» агитацией среди рабочих, а затем начались открытые призывы к вооруженному восстанию для свержения правительства

и отобрания у собственников земель, фабрик, заводов и рудников. Одновременно возникла самооборона, имевшая свой устав, и хорошо вооруженная. Забастовка здесь началась еще в ноябре, при известии о смертном приговоре над инженером Соколовым на ст. Кушке. На 24 ноября, когда было получено известие, что казнь не будет совершена, забастовка прекратилась. Но агитация продолжалась, и 8 декабря был избран Гришинский распорядительный Комитет, и станция перешла в его ведение. Ежедневно устраивались политические митинги с призывами к вооруженному восстанию и свержению самодержавия и небольшие заседания Распорядительного Комитета для регулирования жизни станции и поселка. Винная лавочка была закрыта, приезжающие солдаты обезоруживались, а дружина вооружалась и запаслась даже пушкой.

Гришинская дружина участвовала при бое в Ясиноватой и привезла с собой 54 разоруженных солдат. Митинг устроил овацию Дийнеге, когда он рассказал о бое в Ясиноватой и об убийстве Карамышева.

В ожидании карательного отряда на станции приступили к сооружению баррикад и был выработан план вооруженного противодействия.

Телеграмма о скоплении войск в Горловке побудила Гришинскую самооборону выехать на бой. Много их было убито в Горловке, в том числе Дийнега и Доброва. После Горловского боя, Комитет хотя продолжал работать, но настроение скоро упало, и 21 декабря станция была занята войсками.

Затем начались аресты; при этом оказалось, что наиболее активные участники либо убиты, либо скрылись (Ефимов, Вера Вечер, Думбровский, Бондаренко, Морозов, Поляков, Подопригора, врач Богораз, Марценко). Всего привлечено к суду гришинцев 44 человека.

VII

Аресты и допросы не сразу начались и носили довольно случайный характер. Многие оставались на свободе после допроса судебными следователями. Но потом курс сразу был взят вправо. Участников забастовки и захватов станции начали вдруг арестовывать «пачками». И по мере того, как все «свободы» начали уходить вдаль прошлого, обвиняемых начали угощать все новыми сюрпризами: из арестных домов их перевели в тюрьмы, затем последовала передача дела военному суду, а затем на некоторых одели и кандалы.

Мучительное ожидание суда с перспективой 279 статьи (смертная казнь) тянулось почти 3 года. 24 декабря после долгой и напряженной борьбы с военным судом лучших сил адвокатуры, доказывавшей стихийность движения, благодушный его характер, бережливое отношение многих к чужой жизни, шаткость многих свидетельских показаний, наконец, полную непричастность многих к восстанию был, наконец, вынесен жестокий приговор. Из 92 осужденных—32 (Василенко, Черняков, Митусов, Евтушенко, Снежко, Руденко, В. Волков, Григоращенко, Зубарев-Кузнецов, Ткаченко-Петренко, Щербаков, Подольский, С. Петров, Терентьев, Крупец, Мальцев,

Прилепченко, Коновалов, Еремеев, Красношапка, Батыщенко, Ващаев Редькин, Едковский, Глаголев, Файнбищев, Цевилько, Шмуйлович, Бабич, Ольшанский, Ларин, Молчанов)—приговорены к повешению; 12 (Морозов, Христич, Миронцов, Николаенко, Дробышевский, Обухов, Славкин, Завадский Пономарев, Федоров, Кравцов, Дацун)—к бессрочной каторге; 6 (Бервольф Бревинский, Думницкий, Паранич, Залесный, Маралов)—к восьмилетней; 12 (Андрейчиков, Малышев, Троянов, Куракин, Бичиков, Беспаленко, Кунаков Окуневич, Краснопольский, Шкатов, Поливин, Рысин)—к шестилетней; 25 (Киватицкий, Марков, Тарчевский, Бийцев, Исиченко, Павловский, Данчич, Шошников, Щепкин, Петриков, Межурин, Карфагенский, Ополоник, Андреев-Мельников, Феодосеев, Будников, Шарапенко, Журавский, Жданенко, Косенко, Шульженко, Фоменко, Игнатов, Рукас, Игнатьев)—к 4-х летней работе; 5 (Кожанов, Красненко, Зайка, Шийко, Кочергин)—на 2 года и 8 месяцев. Оправдано—39.

Из приговоренных к смертной казни 8 отказались подать прошение царю о помиловании; несмотря на уговоры адвокатов и родных, они остались при своем и были повешены; остальным казнь была заменена бессрочной каторгой.

Г. НОВОПОЛИН.

ПОД УДАРАМИ ОХРАНКИ И ПРОВОКАТОРОВ

(Материал для историков 1907 года)

С помощью лукавого царское самодержавие в 1905 году сумело укротить революционную стихию, отвести удар пролетариата от своей головы, а затем, как только буря немного приутихла, взялось за разгром революционных организаций старыми испытанными средствами. Остервеневшие царские псы выхватывали из среды пролетариата наиболее ценных борцов, ликвидировали целиком его штабы. Но огромный фонд потенциальной революционной энергии на место выхваченных и ликвидированных выдвигал новые кадры действенных элементов, которые на страх врагам продолжали вести упорную неутомимую борьбу по укреплению позиций для нового штурма, для последней решительной схватки с врагом.

В тяжелых, кошмарных условиях, под свист пули и нагайки приходилось, пролетариату после 1905 года выравнивать свои ряды, в душной темноте подполья закалять передовые авангарды, в темных казематах оттачивать знание будущих унтерофицеров революции.

Эпоха подпольной борьбы стоила пролетариату огромных жертв Но вопрос о поражениях, провалах отдельных работников и целых организаций об'яснялся тогда, главным образом, результатами выслеживания со стороны охранки, нередко вызывая в революционной среде, строившей свою работу под знаком строжайшей конспирации, крайнее недоумение и удивление по поводу того или другого провала. И только теперь, когда в наших руках находятся архивы (к сожалению, не все уцелевшие) жандармских управлений и охранных отделений,—многое из тайного становится явным. На основании материалов этих архивов мы имеем возможность установить, что «шпикатура», или, по жандармской классификации, наружное наблюдение агентами не всегда играло роль главного орудия борьбы с революционными организациями, а скорее пособием и следствием азефовщины, этой проклятой болезни, которая тяготела над революционной средой, чего эта последняя не всегда подозревала и далеко не верно ее расценивала. И целый ряд провалов, если не большая часть, являлся делом рук провокаторов. Правда, однако и то, что огромную помощь охранке оказывали и сами члены организаций своей чрезмерной болтливостью в письмах, которые через черный кабинет (перлюстрацию) попадали в руки жандармерии. И повинны в этом не только рядовые, но и ответственные работники. В перехваченных на почте письмах

в «делах» охранки имеются и такие, где секретарь такой-то организации сообщает такой-то организации явки. Понятно, что при такой обстановке провалы делались необычайно легкими и неизбежными. «Провокационную» работу и бессознательную помощь со стороны членов организации мы и постараемся хоть отчасти проиллюстрировать на документах бывш. Юго-Вост. Охр. Отделения («дело» № 13 и 8 за 1907 год) по гор. Екатеринославу.

* * *

21 мая 1907 г. Начальник Екатеринославского Охранного Отделения доносит Н-ку Харьковского Районного Охранного Отделения: «по полученным мною из агентурного источника сведениям, местной социал-демократической организацией изготовлен и вручен, пока неизвестно кому, паспорт, выданный Бобруйской Мещанской Управой 6 марта за № 216 на имя Абрама Хаимова Сегаль, 22 лет, столяр по ремеслу.

Об изложенном сообщаю Вашему Высокоблагородию для сведения».

На бумаге положена резолюция: «сообщить по району о задержании лица с названным паспортом», что и делается путем рассылки донесений по району.

Чтобы знать, что делается в лаборатории подпольной организации, нужно быть близко знакомым с этой работой, принимать в ней участие или, по меньшей мере, соприкасаться непосредственно с лицами, ведущими ее. Тут таких подробностей, как изготовление паспорта за таким-то номером и т. д. в щелку не уловить.

Из «дела» не видно, что произошло с лицом, получившим указанный выше паспорт, но из других бумаг совершенно очевидно, что жандармерия получаемые через своих людей сведения об изготовляемых и выдаваемых организациями паспортах использовывает для себя с значительным успехом. Так, напр., Начальник Екатеринославского Охранного Отделения 2 августа 1907 г. сообщает Нач-ку Харьковского Районного Охранного Отделения следующее: «Из агентурного источника мною были получены сведения, что местною социал-демократическою организациею изготовлены и вручены членам ее годовые паспорта, выданные мещанскими управами: Бобруйскою— 10 марта с. г. за № 358 на имя Герша Менделеева Гольдштейна и 2 апреля с. г. за № 290 на имя Герша Лейбова Хвостовского, Камышенскою управою— 10 марта с. г. за № 237 на имя Петра Сергеева Морозова и Тверскою— 8 марта с. г. за № 307 на имя Ивана Николаева Горбунова. Установленным наблюдением за пропискою лиц, проживающих по этим паспортам, было выяснено, что Гольдштейн проживает в доме № 5 по Скаковой ул., Морозов—в доме № 11 по той же улице и Горбунов—в доме № 101 по Проспекту, почему в означенные дома направлены были мною, в ночь на 30 минувшего июля, чины полиции, кои и задержали именующихся Гольдштейном и Морозовым, пред'явивших в удостоверение своих личностей упомянутые выше паспорта. Горбунов же в квартире застигнут не был и, по об'яснению квартирохозяйки, 29 июля уехал в м. Кривой-Рог. В квартире именующегося Гольдштейном обнаружен паспорт на имя Хвостовского за № 290,

нигде не явленный и застигнут неизвестный молодой человек, назвавшийся Макарьевским мещанином Самуилом Давидовым Рабиновичем, не пред'явившим никакого документа в удостоверение своей личности.

Именующиеся Гольдштейном, Морозовым и Рабиновичем арестованы и переданы в распоряжение Начальника Екатеринославского Губернского Жандармского Управления, к установлению же их личности приняты меры.

Об изложенном имею честь сообщить Вашему Высокоблагородию и присовокупить, что о розыске и задержании именующегося Горбуновым мною сообщено полицейскому надзирателю м. Кривой-Рог 30 июля за № 2705.

Г. Директору Департамента Полиции донесено сего числа за № 2756».

Такого рода бумажек, в которых указывается, что местной организацией изготовлены и выданы такие-то паспорта, в «деле» имеется довольно много. Правда, дальше не видно как эти сведения отразились на получивших эти паспорта, но факт предательства остается бесспорным. И охранка, благодаря этому, знала о деятельности организации весьма многое, принимая меры к ее ликвидации, более или менее верные, ведущие к цели. Конечно, провокатары не ограничивались дачей сведений только о паспортах.

4/IV 907 г. Нач. Екат. Охр. Отд. сообщает Н-ку Полтавского Губер. Жанд. Тправления:

«По полученным мною из агентурного источника сведениям, из гор. Екатеринослава выехали от местной соц.-демократической организации для агитации среди крестьян следующие лица: 1) Терентий Марков Бицюк— в гор. Градижск, Кременчугского уезда; 2) Григорий Моисеев Глебов— в Песчанскую вол. Константиноградского уезда; 3) Андрей Антонов Понпа— в село Голенка, Лохвицкого уезда; 4) Антон Андреевич Тарануха—в м. Варву, Лохвицкого уезда; 5) Марк Иванов Касьян—в Нехворощанскую вол., Константиноградского уезда; 6) Давид Иванов Кириченко—в Белоусовскую вол., Гадячского уезда; 7) Андрей Елисеев Прядко—в село малый Канивец, Чернобаевской вол., Золотоношского уезда; 8) Никифор Кузьмич Осадчий— в Черняче Слободскую вол., Роменского уез. и 9) Иван Гаврилов Хохлов— в село Красногорку, Жирковской вол., Константиноградского уезда.

Об изложенном доношу Вашему Превосходительству для сведения».

Аналогичное сообщение направляется в Киевское Губернское Жандармское Управление.

Или вот еще данные об осведомленности охранки по другому вопросу.

26 марта того-же года за № 176 из Харьковского Районного Охранного Отделения направляется Н-ку Екатеринославского Охр. Отделения бумага:

«Вследствие отношения от 23 сего марта за № 859, прошу Ваше Высокоблагородие проверить агентурные сведения тщательнее, так как известно, что с'езд соц.-дем. состоится заграницей (Циркуляр Деп. Пол. № 1004 и местные сведения), а также не могут-ли эти сведения остноситься до с'езда представителей проф. союзов или только печатников». В ответ на это поступает такое сообщение: «По № 176 от 26/III и в дополнение к сообщению за № 859 довожу до сведения Вашего Высокоблагородия, что по поступившим дополнит. агентурным сведениям, с'езд с.-д. отложен на

9 или 14 апреля, явкой назначена Москва, где даны будут дальнейшие указания. Конференция для выборов делегата в Екатеринославе состоится 1-го апреля».

Располагая сведениями о дне конференции, жандармерия все-же не знала о месте ее заседания. При чем между полициймейстером и Нач. Охр. Отделения происходит на почве уловления конференции определенное состязание, что вытекает из нижеприведенного документа Нач-ка Екат. Охр. Отд. от 7/IV 1907 г. за № 1086 Н-ку Харьков. Районного Охр. Отд., который сообщает: «Как видно из сообщения пристава 3-й части г. Екатеринослава, местный полициймейстер, получив анонимный донос на зубного врача Сарру Менделеевну Виленчик, распорядился 4-го сего апреля, *без предварительного со мной соглашения* (курсив наш. М. И.), произвести в квартире ее в доме № 6 по Управской ул. обыск, коим обнаружено: писанный карандашем протокол заседания, происходящей в настоящее время в г. Екатеринославе, 9-й конференции Екатеринославской Окружной организации Соц.-демокр. партии, писанный чернилами отчет об этой же конференции, отпечатанный на пишущей машинке отчет о 8-й конференции той-же организации и пятилетняя паспортная книжка, выданная Мариупольским Городским Полицейским Управлением 23 июля 1903 г. без №, на имя Анны Семеновой Надеждиной.

Виленчик арестована и передается в распоряжение Н-ка Екатеринославского Губ. Жанд. Управления.

Об изложенном с препровождением копий с протокола заседания конференции и отчета о ней сообщаю Вашему Высокоблагородию и присовокупляю, что конференция, по агентурным сведениям, продлится еще 2—3 дня и что от Харькова на конференции участвует Остроумов [1]), проживающий в гор. Харькове в д. № 36 по Пушкинской ул., в кварт. Билевича, но ликвидировать конференцию не представляется возможным ввиду позднего поступления сведений о месте ее заседания. Делегатами от Окружной организации на с‘езд, который состоится в гор. Стокгольме, избраны: Сергей Сергеевич от Окружной организации и Марк от Бунда. При следовании в Стокгольм, участники с‘езда предварительно заедут в Москву» [2]).

Из этого донесения видно, что, зная о дне конференции и, в момент ареста Виленчик, располагая агентурными сведениями о том, что она еще продлится 2—3 дня, охранка блуждала впотьмах, нащупывала наугад ее место. Очевидно, тут услужающие не могли установить этого обстоятельства, что, вообще говоря, значительно, казалось бы, легче можно было достигнуть, чем знать об изготовлении паспортов. Остается предположить лишь, что провокатор не мог втереться в число участников конференции или выудить

---

[1]) В отношении Остроумова из Харькова немного позднее получается бумажка, в которой выражается сомнение относ. точности сведений об Остроумове, который по данным Харьк. Жанд. Упр. числится с.-р. и потому участие его на конфер. признается сомнительным.

[2]) Позднее эти сведения исправлены и дополнены. 11-го апреля из Екатеринослава в Харьков поступила такая телеграмма: «Указания агентуры—явка делегатам с‘езда 14 апреля Петербург, Лиговка аптека Гуревича».

необходимые сведения от других участников (хотя Н-к Охр. Отд. и говорит о поступивших сведениях, но якобы запоздавших), а это указывает, в свою очередь, на весьма удачные приемы организации, поставившей конференцию в условия хорошей конспирации.

Или вот еще документ. Начальник Одесского Охранного Отделения 5 ноября 1907 года за № 1364 пишет Н-ку Екатеринославского Охранного Отделения. «Во вверенное мне отделение поступили нижеследующие агентурные сведения по отношению к социал-демократической партии, работающей в вашем районе; для прибывающих членов назначено место явок в г. Екатеринославе: 1) Чечелевка, книжный магазин «Дело», спросить Наума Зиновьевича и сказать ему: «я от Ивана Ильича»; 2) Бассейная ул., дом № 10, кв. Бека[1]), спросить Мишу и сказать ему: «я от Ивана Ильича» или «от Наума Зиновьевича»; 3) Екатерининский пр., Банкирская контора Кофмана (или Кауфмана), спросить Елькина и сказать ему: «я от Акакия Акакиевича».

«Для письменных сношений там же указан адрес: Казачья 3, Шапиро. 4) Луганск (и для писем и для явок) Казанская ул., дом Андриенко, спросить (получить) доктора Шницбурга.

Сообщая об изложенном, прошу по разработке сих сведений сообщить мне результаты».

Откуда эти данные? Здесь можно с одинаковой вероятностью сказать, что охранка такие сведения получила или от провокатора, или из перлюстрированной переписки. В качестве «образцового» «конспиративного» письма можно привести хотя бы такое, находящееся в делах охранки.

Копия с полученного агентурным путем письма с подписью—Секретарь А. П., С.-Петербург, от 13-го мая 1907 г. г-ну Махвицу, в Таганрог, Греческая, дом Игнатьева.

«Нас крайне удивляет, что от вас так долго нет писем. Думали, что адрес, которым вы пользовались, провалился. Недавно явился к нам один из товарищей, который просил передать вам адреса явок некоторых южных городов, что я и исполнила. Теперь же я сообщаю вам полный адрес, по которому вы мне сообщите о положении дел на местах у вас, и если переменился адрес явки и для писем, то сообщите немедленно.

О положении дел на с‘езде подробно изложено в Бундовском Органе «Фолькцейтунг».

По России на местах дела идут очень неважно. Отовсюду спросы на работников, организациям грозит распад, а в нашем распоряжении работников очень мало, почему мы не можем удовлетворить принимаемые заявления.

Явки городов: Екатеринослав, книжный магазин Куренкова, спр. Марию Николаевну. Пароль: «дайте мне 4-й том Капитала».

Юзовка, Первая линия, магазин Ношва, спр. приказчика Найденова. «Вы мне должны 10 рублей».—Отзыв: «Я помню».

---

[1]) «Бек Михаил Михайлов—сын коллежского секретаря»—прим. в сношении М. И.

Киев. Спилка. Крещатик, 29, книжный склад «Донская Речь», спр. «сколько стоит история военной добычи».

Адрес для писем в Ц. К., (он будет действителен по 6 июня): город вам известен, улица Верейская, № дома 11, квартира 9, Черномордину.

Если вы не расшифруете, то пробуйте написать письмо по старому адресу».

Получая такого рода письмо, жандармерия, естественно, направляла по указанным адресам наряды полиции и «накрывала». Иногда, м. б. она это проделывала после проверки, но так или иначе благодаря откровенности автора письма, в сферу наблюдения жандармерии попадали определенные места и лица.

Но, кроме того, одно место этого письма наводит на размышление и о неосторожной выдаче явок из организаций.

«... Недавно явился к нам один из тов., который просил передать вам адрес явок нескольких южных городов, что я и исполнила». Здесь не видно, что этот тов. был снабжен мандатом на получение этих явок. Возможно, что автор неясно выразился, но не исключена возможность и того, что явки вручались провокатору. А такие «члены организации» могли это сделать довольно легко. Для доказательства можно привести хотя бы такое отношение Н-ка Екат. Охр. Отд. от 14 декабря 1907 г. Нач-ку Харьк. Район. Охр. Отд. «Вследствие предписания от 17 сентября с. г. за № 4312, доношу, что упоминаемый в письме за подписью «Завялова» «Александр» в действительности есть Александр Эн'яков, при чем «Феня»—его жена. Фамилия же «Завялова» вымышлена и написана той-же «Феней» измененным почерком. Эн'яков был серьезным деятелем среди Мариупольских социал-демократов, входя членом в исполнительную комиссию комитета означенной партии. В бытность мою в Мариуполе он состоял секретным моим сотрудником. Незадолго до моего назначения в Екатеринослав, Эн'яков заболел и должен был отправиться в Харьков для производства операции, оставив свою жену в Мариуполе. Перед от'ездом я предложил ему помогать мне и в гор. Екатеринославе, на что он согласился. Действительно, я предлагал снять в Екатеринославе квартиру для конспиративных свиданий с сотрудниками, поместив туда означенную «Феню», но план этот осуществить не удалось.

Что касается упоминаемого в письме «Фени» имени Лева, то таковым является один из видных деятелей Мариупольской соц.-дем. организации—Лева Шейман. «Феня» должна была передать ему 7 револьверов, которые были на хранении у «Александра» и которые, будучи спрятаны в землю, пришли в совершенную негодность и не представляли собой уже никакой ценности».

В другом сношении заведывающ. Особым Отделом Деп. полиции говорится: «... имею честь уведомить, что известный вам Кловский на предложение мое получить сто рублей и выехать в Иркутск в распоряжение полковника Крипенецкого заявил, что явки в гор. Иркутск ему достать не представлялось возможным»...

В цитируемых нами «делах» имеется огромное количество документов разного происхождения. В трех томах перлюстрированных писем [1]) можно найти какие угодно данные об организации. Тут сообщается, что туда-то едет такой-то тов., который должен явиться туда-то; что в организации идут провалы и подозрения за них падает на такого-то; что такой-то адрес провалился и пользоваться следует таким-то новым и т. д. и т. п., словом, все эти корреспонденты невольно ставили в известность охранку о жизни организации, о ее мероприятиях, о местах и лицах довольно подробно. С другой стороны, данные эти пополнялись провокаторами, перехваченными во время обысков данными и проверялись агентами наружного наблюдения, и охранка получала более или менее ясное представление о том, что делается в той или иной организации.

Следует отметить, между прочим, что описанная атмосфера провокационной работы отнюдь не присуща, только одной с.-д. организации. В «делах об эсеровской организации» и др. это явление проходит так-же красной нитью и мы не задались здесь целью делать сопоставления, где этого элемента больше было, а попытались лишь, касаясь деловой работы с.-д., отметить, что азефовщина пропитывала и эту партию. На основании поверхностного обозрения материалов за другие годы, можно лишь утверждать, что это явление сделалось более распространенным после 1905 г. И это вполне понятно. До 1905 г. состав революционных организаций был весьма ограничен, что об'яснялось характером работы носившей подготовительный характер. Кроме того, с.-д. жандармерия уделяла не особенно много внимания, как партии «мирной», в противовес «боевой» эсеровской. 1905 г., с одной стороны вызвал огромный приток новых членов, неустойчивых, которые с наступлением реакции или бежали от работы, или под угрозой репрессий (помимо добровольного сотрудничества) со стороны жандармов оставались в организации в качестве провокаторов, с другой—этот же год показал, что «мирная» партия таит в себе серьезные боевые настроения, могущие принести не мало хлопот, а потому и надзор за ней потребовался не менее «строгий», чем за эсерами.

О том, как происходили провалы (наиболее характерные) нам многое расскажут документы тех-же «дел».

* * *

О двух арестах мы уже выше говорили. Но 1907 год для Екатеринослава оказался исключительно тяжелым по числу провалов. По данным, имеющимся в разрабатываемом «деле» № 13, в течение года произошло в Екатеринославе 18 провалов, повлекших за собою арест 145 человек, не считая свыше 80 человек, пред'явивших во время обысков удовлетворившие жандармерию удостоверения личности и потому оставленных на свободе. В числе 18 провалов было 3 провала типографий, что следует признать особенно серьезным ударом по работе организации. И тем не

[1]) А насколько хорошо эти операции были поставлены в «Черном Кабинете», можно найти интересные сведения в брошюре Майского «Черный Кабинет» изд. «Былое», Петроград, 1922 г.

менее, те-же данные говорят, что деятельность организации не прекратилась, хотя из перлюстрированных писем и видно, что эти провалы отразились тяжело. О наиболее характерных провалах мы предоставим слово рассказать самим документам, опуская из них не имеющее особо существенного значения.

13 апреля 1907 г. за № 1210 Нач. Екат. Охр. Отд. доносит Н-ку Харьк. Районного Охр. Отд.: «получив 7-го сего апреля, около 7-ми часов вечера агентурные сведения, что в читальне Екатеринославского Высшего Горного Училища с 6 часов вечера происходит собрание руководящего коллектива местной социал-демократической организации, на котором присутствуют и участники происходившей в гор. Екатеринославе 9-й конференции окружной организации, я немедленно направил в читальню, которая, как оказалось, сообщается лишь с химической аудиторией и выходом во двор, чинов полиции, которые и задержали там назвавшихся»:— далее перечисляются фамилии 30-ти арестованных в помещении и одного задержанного во дворе, когда он пытался перелезть через забор, и результаты обыска, которые оказались ничтожными. Далее сообщается о произведенных обысках на квартирах арестованных, во время которых у многих обнаружена нелегальная литература отдельными экземплярами... У остальных-же, продолжает донесение н-ка охранки:—обыски не дали никаких результатов. В связи с арестом коллектива, на основании агентурных указаний, 8 апреля был произведен обыск в квартире проживающего в поселке Нижне-Днепровск в д. Левинсона по Московской ул. техника Нижнеднепровского района, известного в организации под кличкой «Матвей», по фамилии Бляхер, где обнаружено: гектограф со свежими следами от гектографированного на нем отчета избирательного Нижнеднепровского Комитета, $5^1/_2$ листов чистой писчей бумаги с оттисками и т. д., но самого Бляхера в квартире не оказалось».

«Из агентурного источника,—сообщается в сношении Нач. Екат. Охр. От. от 18 апреля:—мною получены были сведения, что, проживающий в гор. Екатеринославе нелегально, член местного и областного комитетов Р. С. Д. Р. П. некий «Нил», избранный делегатом на предстоящий заграницей с'езд, успел бежать из горного училища в момент ареста там коллектива и предполагает выехать на с'езд, почему, не будучи уверенным, что наблюдение не утеряет его, я распорядился задержать «Нила» на улице, т. к. выяснить квартиру, в виду особой осторожности его, не представлялось возможным. 12 сего апреля «Нил» был арестован».

О провале типографии в июне месяце в донесении Нач. Екат. Охр. Отд. от 14 июня говорится следующее:

«С момента постановки Екатеринославским об'единенным Комитетом Росс. Соц.-дем. Раб. Партии новой типографии, агентурой было указано лицо, близко стоящее к технике. При дальнейшей разработке этих сведений выяснилось, что указанное лицо проживает в д. № 12 Резникова по Новосельской ул. по паспорту, выданному Новосельской Мещанской Управой, Трокского уезда, Виленской губернии, 5 февраля с. г. за № 51, на имя мещанина Герша Лейбова Балабанова с женою Леей Абрамовной.

Произведенным затем заведывающим наружным наблюдением вверенного мне отделения, г. Полторацким, наружным осмотром квартиры оказалось, что таковая помещается в отдельном доме и представляет все удобства для постановки в ней типографии. Так как наружное наблюдение за упомянутой квартирой, по местным условиям, не мыслимо, и из'ятие типографии, ввиду предполагавшегося массового выпуска нелегальщины, являлось вполне своевременным, то мною решено было ее ликвидировать, с каковою целью в ночь на 9 сего июня в означенную квартиру направлены были под руководством завед. нар. наблюд. г. Полторацкого чины полиции, кои и застигли там назвавшихся супругами Гершем и Леей Балабановыми и еще одного неизвестного, отказавшегося себя назвать. Обыском квартиры, состоящей из 4 комнат, передней и кухни, обнаружено: в одной комнате на столе—типографский станок, с укрепленным на нем набором воззвания, озаглавленного «Граждане», о бойкоте магазина мужских и дамских шляп А. Синанина, и валик, а на табурете—зеркальное стекло с растертой на нем краской, два валика, две коробки с типографской краской, набор воззвания, озаглавленного «Граждане», изданного по поводу роспуска Гос. Думы, два железных ключа, щетка для чистки шрифта, 289 экз. упомянутого воззвания о бойкоте магазина Синанина, 585 листов чистой бумаги.

В другой комнате, где спали Герш Балабанов и неизвестный, в столе со шкафчиком обнаружено: 36 мешочков со шрифтом, весом около 2-х пудов, верстатки, бабашки и друг. типогр. принадлежности, весом около 2-х пудов, наборы газеты «Жизнь Солдата» и прокламации «1 мая», на полу холщевый мешок со шрифтом, весом около пуда, под кроватью две кассы со шрифтом, весом около 2 пудов, три доски, из коих одна металлическая и две деревянные, две рамы и около пуда чистой книжной бумаги; в стоявших там же двух корзинах оказалось 26 свертков и 12 мешочков со шрифтом, весом около пяти пудов, рукописная тетрадь, 15 разных книг и один экз. «Декларация коллегии соц.-демокр. выборщиков», и в печном отдушнике— три верстатки, 9 железных скоб и книжечка с отчетом о напечатанных в типографии нелегальных изданиях. В комнате, где спала именующаяся женою Балабанова, обнаружен один экз. отчета с 15 апр. по 15 мая, разные записки и письма, а в кухне на полу—4 прокламации, озаглавленные «Граждане», по поводу роспуска Госуд. Думы. Назвавшийся Балабановым назвал себя впоследствии Богуславским, а незвестный Ресиным. У именующейся женой Балабанова найдена метр. выписка о рождении у зап. рядового Шабся Златопольского дочери Гени, каковой личностью она вероятно и будет».

Полтора месяца спустя «проваливается» вторая типография, о чем Нач-к Екат. Охр. Отд. 31 декабря рассказывает так: «После ареста в ночь на 9 июня в д. № 12 Резникова по Новосельной ул. типографии «Об'един. К-та Р. С. Д. Р. П.», в сферу наружного наблюдения за членами соц.-демократической организации вошел неизвестный, кличка «Стальной», который, как было установлено, часто принимал из третьих рук небольшие свертки, выносимые из типографии Сатановского, и относил их в дом № 36 по Вознесенкой ул. Затем посещения дома № 36 по Вознесенской ул. прекратились и один раз тот-же «Стальной» принес довольно об'емистый

сверток, в виде писчей бумаги, в д. № 6 Померанцева по Харьковской ул., где жил он сам. По выяснении наблюдаемый «Стальной» оказался Наровическим, Речицкого уезда, мещанином Менашем Сролевым Урецким, проживающим в упомянутом доме в кв. № 9 Якова Клистера. Предполагая что собранная на Вознесенской ул. типография помещена в квартире Урецкого, которым и принесена бумага для печатания, у него в ночь на 13 июля, по моему распоряжению, был произведен обыск, оказавшийся безрезультатным, обнаружено лишь: 1 экземпляр № 10 газеты «Жизнь Солдата» и 2 брошюры «Библиотечное дело» и «Новый мир». По результату обыска Урецкий оставлен на свободе и вместе с тем приняты были меры к выяснению, к кому могли относиться посещения Урецкого в д. № 36 по Вознесенской ул., при чем обращено было внимание на кв. № 6 Штейна, у которого значился на жительстве Жолибский мещанин Янкель Абрамов-Хаимов Шварц, паспорт которого по проверке оказался подложным. В виду чего, в ночь на 28 июля, в означенную квартиру мною направлены были для обыска чины полиции, кои в комнате, занимаемой именующимся Шварц, обыском не застигнутым, оказавшейся запертой на замок, но сообщающейся с комнатой хозяина другой стеклянной дверью с выбитыми стеклами, обнаружили: довольно хорошо оборудованную типографию, принадлежащую организации «Бунда» и, видимо, переданную теперь в распоряжение Екатер. К-та Р. С. Д. Р. П., с которым местный «Бунд» соединился, набор отчета организации «Бунда» с 15 января по март с. г., значительное количество отпечатанных: упомянутого выше отчета, газеты «Жизнь Солдата» № 10 и прокламаций «Народу от народных представителей» и «От еврейского пролетариата», 1 револьвер Наган и 8 пачек патронов к «Браунингу».

Вскоре по окончании обыска, оставленным за квартирою наблюдением задержан один явившийся туда неизвестный, оказавшийся упомянутым выше Урецким».

«Из агентурного источника мною были получены сведения,—пишет в Харьков 21 сентября Нач. Екат. Охр. Отд.—что 18 сего сентября в 3 часа дня, в помещении Правления Профессионального О-ва Портных мужского и дамского платья и белошвеек, в доме Давидовского по Торговой ул., состоится сходка представителей местной соц.-демокр. организации с целью обсуждения вопроса о тактике, которой должны придерживаться как при выборах членов в Государственную Думу, так и по отношению к самой Думе, при чем на сходке этой будут участвовать прибывшие из Петербурга от Центр. Ком-та два неизвестные, которые прочтут отчет о деятельности Центр. Комитета».

Ввиду изложенного, в указанное время в помещение Професс. Общ-ва мною направлены были чины полиции, кои и застали там поименованных в представляемых при сем двух списках 107 лиц, в числе коих оказались и прибывшие из Петербурга, назвавшиеся Алексеем Яковлевым Морозовым и Павлом Семеновым Петренко». «Из числа застигнутых на сходке—36 лиц, как более видные противоправительственные деятели, между которыми, по сведениям, есть и нелегальные, арестованы и переданы в распор. Нач. Екат. Губ. Жанд. Управления».

В конце октября происходит новая облава и производятся аресты в разных частях города на квартирах «виднейших деятелей местной организации соц.-демократов».

Арестованными оказываются: 1) Перля Моисеева Нозориц, 2) Сима Пейсахова Кержнер, 3) Матрена Евтих. Иванова, 4) Абрам Менделеев Тевель, 5) Моисей Аронов Жедык, 6) Иосель Берков Тотлиб, 7) Гася Мовшева Маркович, 8) Иван Митрофанов Поварешкин и 9) Александр Алексеевич Скрыпкин.

Об этом аресте Нач. Екат. Охр. Отд. в своем донесении Харьк. Районому Охр. Отд. от 16 ноября 1907 г. рассказывает следующее, давая и характеристку арестованных: «Дополнительно к донесению от 5 ноября докладываю, что в числе поименованных в том донесении задержанных мною лиц—Александр Алексеев Скрыпкин (кличка «Костя»), Иван Митрофанов Поварешкин (кличка «Андрей»), Гися Мовшева Маркович (кличка «Елена») и Моисей Аронов Жедык (кличка «Александр»)—входили в состав исполнительной комиссии Екатеринославского К-та Р. С. Д. Р. П. «Костя» и «Андрей» считались сильными ораторами. На собрании коллектива, бывшем 19 мин. октября в д. № 53 на углу Больничной и Первозвановской ул., на коем присутствовало 22 человека,—были избраны делегатами на предстоящую 23 октября «Южно-Русскую Конференцию»—Костя и некий Деснянц, он-же—Свидерский (большевик), выехавшие в Киев 21 октября, о чем мною было сообщено Нач. Киев. Охр. Отд.

В ночь на 29 октября мною из Киева получено было телеграфное сообщение о том, что «Костя»—Александр Скрыпкин выехали в Екатеринослав. Установленным мною наблюдением выяснено, что Скрыпкин рано утром 29 октября возвратился в Екатеринослав, почему тотчас в квартиру его мною направлены были чины полиции, кои произвели там обыск, оказавшийся безрезультатным. Скрыпкин арестован.

Вследствии обыска и ареста Скрыпкина, мною была произведена ликвидация наблюдаемых соц.-демократов, при чем результаты обысков изложены в упомянутом выше донесении.

«Костя»—Александр Скрыпкин и «Андрей»—Иван Поварешкин являлись настолько сильными ораторами и пропагандистами, что рабочие некоторых заводов и мельниц ожидали их, собравшись, по несколько часов и по несколько раз».

В конце декабря происходит новый провал типографии. О том, как этот провал произошел, Нач. Екат. Охр. Отд. от 21 декабря сообщает следующее: «По поступившим в отделение агентурным сведениям, Екатер. К-т Р. С. Д. Р. П. обладает хорошо оборудованной типографией, но где таковая находится—выяснить не представлялось возможным. Затем поступили указания, что высшее руководство этой типографией возложено на некую «Наташу», которая на одном из коллективных собраний давала отчет о типографии. (Присутствие здесь провокатора—не вызывает сомнений, тем более, что в другом документе подробно рассказывается об этом отчете. М. И.).

Установленное за указанной агентурой «Наташей» наружное наблюдение выяснило частые посещения ее квартиры № 9 в доме № 10—Струкова по Струковскому спуску, куда она проведена была и вечером 19 декабря.

Предполагая, что в упомянутой квартире и должна находиться типография, мною в ночь на 20 декабря туда направлены были для обыска чины полиции, кои обнаружили: все принадлежности хорошо оборудованной типографии, 4 кассы с типографским шрифтом, отдельно шрифт в ящике комода, станок с набором прокламации, под заглавием «Извещение», наборы отчета Екатериносл. К-та Р. С. Д. Р. П. с 25 окт. по 1 дек. и прокламации, начинающиеся словами «Братья Крестьяне», типографская краска, около пуда чистой бумаги, часть коей нарезана по формату прокламации «Извещение», 68 экземпляров ученического органа «Голос Школы», 21 экз. газеты «Пролетарий», несколько разных брошюр и рукописи».

* * *

Не совсем полно, но все же кое-что можно сказать и о средствах Екатеринославской организации. В «деле» имеется несколько копий денежных отчетов, из'ятых во время обысков и агентурным путем. Полностью все отчеты мы приводить не станем, а сделаем лишь суммарную из них сводку.

Отчет финансовой комиссии при Екатер. Ком. Р. С.-Д. Р. П.

С 1-го июня по 1-е августа

Приход.		Расход.	
Получено от разных тт.	172 —	Передано К-ту партии	369 30
» по кн. № 50	35 50	» Военно-Рев. Орг.	15 —
» » » » 29	46 —	» мелк. расходы	— 20
» » » » 100	37 —		
» » » » 225	27 —		
» от разных	27 —		
Заем	25 —		
Для Военно-Рев. Орг.	15 —		
Всего	384,50		384 50

Печать Военно-Рев. Орг. Екат. К-та Р. С.-Д. Р. П.

С 1-го мая по 1-е июня

Приход.		Расход.	
Получено от А. А.	322 86	Передано К-ту партии	527 99
» по кн. № 100	92 50	» Военно-Рев. Орг.	28 —
» от разных	49 80	» мелк. расходы	1 10
» по кн. № 29	21 —		
» » » » 64	21 —		
» » » » 225	14 60		
» » » » 60	4 —		
По листу № 164	3 33		
Для Военно-Рев. Орг. по кн. № 87	28 —		
	557 09		557 09

Отчет Екат. Ком. Р. С.-Д. Р. П. (Полный отчет)

С 15-го июня по 25-е октября.

Приход

Занято у А. А.	100	—
Получено от фин. ком. .	468	56
» от приказчиков .	27	50
» Зятя	2	—
» Ниж.-Днеп. район.	11	—
» Жел. маст. для Л.	60	—
Занято у С. А.	30	—
От Екат. мастерских:		
Токарного цеха	13	60
Ново-Сборного	7	23
Пригоночного	5	02
Инструмент.	1	50
Кузнечного	2	80
Литейного	2	—
Трубного	1	43
Котельного	1	93
Строительного	1	15
Старо-Сборного	4	—
Получ. от Гвозд. завода .	4	20
» » Армат. завода .	5	25
» » Лесопильного .	2	25
» Центр. Ком. . .	150	—
» Жел. дор. Ком. .	33	—
Остал. от поездки	4	—
Получ. за паспорта . . .	3	—
Отчет К. К.	5	—
Получено от Н.-Днепр. район.	5	—
» Фин. Ком. . . .	107	79
От Верхн.-Днепр. за лит. .	8	—
От Гойты	5	—
Каменского	3	—
Железнодор. маст.	4	45
За паспорта	7	—
Занято	60	—
	1166	92

Расход

Содержан. техника . . .	301	22
Обл. конференция	30	—
Израсход. на С. С.	79	30
Передано невесте Л. . . .	50	—
Отдан долг В.	100	—
Уплачено машинистам . .	25	—
Передано В. О.	7	—
Заимообразно Л.	5	—
Паспорта	54	—
Профессионалам	130	—
От'езжавшим т.т.	56	95
Проезжающим т.т.	27	—
Раз'езды по избир. камп. .	9	50
Обходчикам	5	—
Заем Ю. П. Р.	3	—
» «Бунду»	5	—
Распростр. листовок . . .	1	25
Раз'езды	6	—
Отчисл. 30 проц. в зав. кассу.	12	—
Две печати	4	75
Т.т. в тюрьму	12	—
Приказчичья переферия . .	5	13
Безработным	5	70
Долг А. и др.	11	—
Конспират. расходы . . .	16	28
Почтов. и разн. мелк. расх .	9	60
Содержание техника . . .	86	24
Профессионалам	20	—
Уполном. Ю. П. Р. на проезд	10	—
Поездка на конференцию .	10	—
Проезд техника	7	20
Т.т. в тюрьму	5	—
Проезжающим т.т.	1	—
Паспорта	10	—
Раз'езд	7	08
Долг С. А.	30	—
Печать	3	—
Конспират. расходы . . .	2	50
Почтов. расходы	3	22
	1166	92

Дефицит:	Долг В. О.	60 —
	Старый долг М.	125 —
	» » Г.	100 —
	» » Л. К.	40 —
		325 —

Из двух отчетов Финансовой Комиссии видно, что работа ее была довольно успешной, давая организации приток средств от 400 до 500 рублей в месяц. Хотя, повидимому, средняя годовая цифра была немного меньше, потому что отчет Екатер. К-та за 4 с небольшим месяца дает в среднем около 300 рублей в месяц. Но цифра эта все-же была мала для организации, на что указывает и образовавшийся за N-ое время дефицит в 325 руб.

Наиболее крупной статьей «дохода» являлись займы и «субсидии» Ц. К., вместе взятые, составлявшие около 50% всех доходов. Остальное (если считать, что по чековым книжкам Фин. Ком. сборы то же производились среди рабочих) падает на поддержку рабочих. Хотя на первый взгляд эти суммы кажутся и небольшими, но имея в виду, что взнос рабочего определялся от 12 до 25 коп., приходится признать, что в финансировании организации принимали участие тысячи рабочих. Иначе говоря, корни организации уходили в толщу рабочей среды.

По расходной части крупной статьей являлось содержание техники, поглощавшей около 50% всего «бюджета». Следующим за этим крупным расходом было содержание профессионалов.

* * *

Об организованности рабочих и работе организации в округе мы можем узнать кое-что из копии протокола и отчета 9-й конференции Екатеринославской Окружной организации, захваченных во время обыска на квартире Виленчик. Конференция, как уже было указано, состоялась 1-2 апреля. В составе ее было 15 человек, из которых 9—с решающим и 6—с совещательным голосом. С решающим голосом были представлены: Кривой Рог 4 делегата, Каменское 2, Александровск 1, Никополь 1, Верхнеднепровск 1 и 1 с совещат., Новомосковск и Петропавловка были представлены 2 товар. с совещательными голосами. Кроме 2 членов провинц. Бюро, на конференции присутствовал в качестве гостя член местного комитета. Делегаты же из Полог, Ульяновки, Синельниково и Павлограда отсутствовали. При проверке мандатов выяснилось, что делегаты из Кривого Рога были выбраны коллективом, состоящим из 32 человек, при чем решающих было 22; из Каменского—расширенным коллективом, сост. из 18 человек, при чем в выборах участвовало 16 человек; из Александровска 40 организованными рабочими городского района; из Никополя 18 организованными рабочими; из Верхнеднепровска коллективом из 7 человек; из Новомосковска не избран, а послан с совещ. голосом, тоже и из Петропавловки.

Выборы делегатов происходили в Кривом Роге, после предварительного обсуждения вопросов порядка дня, среди широко организов. масс, которые определяются в 300 человек, в других местах, как говорится выше, коллективами, ввиду отсутствия квартир.

Из отчетов[1]) с мест положение обрисовано следующим образом:

«Кривой Рог—с 1 февраля по 1 апреля ведется работа на всех рудниках, при чем на одних массовая и в кружках, на других только кружках.

[1]) В протоколе данные зафиксированы сокращенно, отрывочно и неполно, в таком виде мы передаем.

На Ингул и Желтые Воды работа ведется очень интенсивно, была револ. дем., но не с.-д., теперь же начинается класс. работа, она выражается в желании улучшить экономические условия. Высказывается желание устройства профессион. союзов. Комитет у рабочих на хорошем положении, а потому они группируются вокруг Комитета. На каждом руднике находится коллектив, организовываются библиотеки. Финансы блестящи, средний взнос не меньше 25 коп., средняя получка 15 р. с рудника. В Каменском организация пользуется слабым влиянием, вся работа в коллект., где присутствуют представители цехов, есть много вполне определив. с.-д., сознат. очень много, активность членов выражается в членских взносах. Деньги тратятся на помощь рабочим. Профессиональный Союз соблюдает только свои интересы, их 1000 членов, средства идут также на помощь рабочим. За исключением членов коллект. другие активно работают мало.

В Никополе есть один завод, на котором есть сознательные рабочие, есть один рудник, но влияния на него нет, главная работа была бы среди крестьян. Есть проф. союз приказчиков и раб. по металлу—1-й 100 чл. 2-й свыше 100, связи с ним есть.

В Александровске—рабочих 6000—7000, работа велась очень вяло, благодаря отсутствию сил и другим условиям. В городе были кружки, хотят организовать проф. союзы: портные, обраб. дерево, сапожники и печатники.

В Новомосковске работают всего 3 месяца, но работа вялая, благодаря отсутствию сил, работает около 300, организ. 30, образуются проф. союзы приказчиков и кузнецов.

В Верхнеднепровске деятельность в коллективе рабочих ремесл., кузнецов и слесарей 60—70, организованных 15, работа возможна, но отсутствуют силы, есть связи с крестьянами, есть две деревни. Работа на местах—в связи с провинц. бюро. Отсутствие работников».

Из этих отрывочных заметок чернового, повидимому, наброска протокола явствует, что за исключением Кривого Рога, работа велась, главным образом, в коллективах и кружках, благодаря отсутствию сил.

Кроме того, среди рабочих наблюдалась тяга к профсоюзной работе, к экономизму, в области же политики обнаруживалось упадочное настроение. Поэтому на конференции обсуждался вопрос о организации рабочей партии—выдвигалось предложение созвать рабочий с‘езд, сущность которого должна была свестись к об‘един. всех пролетар., которые «пробудились». На с‘езде должны были обсуждаться вопросы о борьбе с локаутом, повед. с. д. фракции в Думе и т. п. Для этого требовалось создать рабочие клубы, комитеты, собрания для предстоящего с‘езда. Все это должно совершаться легально. С одной стороны использовать Советы уполномоченных, с другой, создавать новые ячейки. Из протокола не видно, что в противовес этому взгляду выставлялось, но прения были, потому что в отчете зафиксирована фраза: «прения на счет рабочего с‘езда прекращены». Неизвестно и какое было принято решение.

По ряду других документов, имеющихся в «деле», и, главным образом, по данным охранки видно, что работа «Совета Уполномоченных» и коллективов в течение года шла удовлетворительно. В сводке за октябрь месяц ротмистр Власов дает следующие сведения.

3 октября был коллектив на углу Больничной и Первозвановской ул. в д. № 53, во флигеле, во 2-м этаже.

На коллективе рассматривалось следующее:

1) Кого необходимо из числа выборщиков провести в члены Гос. Думы.

Решено голосовать за рабочего железнодорожных мастерских Кузнецова, при чем все остальные выборщики от рабочих приглашаются отказаться ставить свою кандидатуру.

2) Составлялся проект наказа членам в Государств. Думу, избранным от социал-демократов.

3) Александром было прочитано письмо, полученное им из местной тюрьмы. Заключенные просят прислать им 25 р. на расходы по освобождению арестованных лиц, застигнутых в подпольной типографии.

После ареста 18 минувшего сентября большинства членов исполнительной комиссии—вновь составлена исполнительная комиссия, в которую вошли:

«Костя», «Елена», «Андрей», Деснянец, он-же Свидерский (большевик), «Яша», от Бунда: «Яков», «Самуил».

Военная организация на каждое заседание, как исполнительной комиссии, так и направляющего коллектива, будет посылать своих членов, определенных же лиц избирать не будет».

«7-го октября на 5 Чечелевке в д. Васильева было собрание уполномоченных заводского комитета трубного завода. На этом собрании «Костя» проводил идеи о кооперативных сообществах.

11-го октября на 3 Чечелевке в д. наследников Зайцевых состоялось собрание районного заводского комитета. Каждый уполномоченный давал отчет. Отчеты эти сводились к следующему.

1) От села Кайдак—уполномоченный «Степа»—большевик. Периферия смешанная: ремесленники и рабочие со шпало-пропиточного завода, а также часть безработных, всех 23—25 человек. Денежные сборы предполагаются около 8 рублей. Подрайонных 4 человека. Было 6—двое уехали Собрания периферии были редки. Решено собираться почаще.

2) Гвоздильный завод. Заводской Гвоздильный Комитет из 7 человек, которые выделяют из своей среды двух уполномоченных—«Саша»—большевик и «Андрей»—(черный), которые ходят на собрания уполномоченных по очереди. На этом собрании их не было. Доклад делал член исполнительной комиссии «Елена». Периферия—40 чел. Давно не собиралась. В последнее время собиралась раза два, человек по 15-ти. Денежный сбор ожидается рублей 15.

3) Трубный Завод Шодуара. Отчет давал «Арсентий». Заводской комитет состоит из 8 человек. Сам комитет собирается один раз в неделю. Периферия—30 человек. Собрания давно не было. Сбор намечен в 10 рублей.

4) Арматурный Завод (по Рабочей улице). Периферия в—15 человек. Комитета нет. На различные собрания посылаются от периферии представители. Денежный сбор намечен в три рубля. Собрания бывают. Занимаются теоретическими занятиями.

5) От лесопильных заводов. Ничего нет. Решено поставить комитет и образовать периферию. Этим должны заняться Ваня и Павел Бессалько (ныне арестованный).

6) Брянский Завод. Никакой организации нет. Поручено товарищу «Арсентию» собрать и связать разрозненных членов.

7) Железнодорожные городские мастерские.

Комитет из 8 лиц. (Волчик, Степа, Павел Бессалько, Шевченко, Ваня Шац, другие неизвестны). Представитель Павел Бессалько. Периферия 50 человек (постоянных), но всего насчитывается до 100 человек. Периферия собирается по мере надобности. Сборы были раньше по 120-130 рублей в месяц, за последнее время понизились до 40 рублей. Ожидается денег до 40 рублей.

Затем относительно самого районного комитета решено: 1) иметь постоянную оплачиваемую квартиру. Средства позаимствовать без возврата от железнодорожного комитета в сумме 10 рублей. 2) Для оповещения членов районного комитета выбран секретарь «Степа»—(большевик, т. к. большевики высказывали неоднократно неудовольствие о неаккуратном извещении о предстоящих собраниях). «Степа»-же выбран и кассиром для принятия денежных взносов от заводских комитетов. 3) Из собранной каждым заводским комитетом суммы 20% отчислять для приобретения библиотеки. 4) Районному комитету завести печать.

На собрании было 7 человек.

«15-го октября назначено собрание коллектива для обсуждения выработанного выражения протеста правительству по поводу суда над социал-демократической фракцией второй Госуд. Думы (по выяснении квартиры решено арестовать коллектив)».

«19-го октября был коллектив на углу Первозвановской и Больничной ул., в д. № 53. Было 22 человека, из коих известны: «Елена», «Костя», «Александр», «Яша», «Степа»—(кайдакский большевик), «Семен»—(железнодорожник), Деснянец—он же Свидерский, «Самуил», «Яков»—лесопильщик, «Ваня»—арматурец, «Николай», «Алексей»—(от военной организации), какой-то офицер и др. Выбирали делегатов на предстоящую в гор. Киеве «Южно-Русскую конференцию» социал-демократов. Выбранными оказались: «Костя» и Деснянец, которые, распустив слух, что они выедут из Екатеринослава 22-го октября, в действительности выехали в ночь на 20-е октября».

В сводке за декабрь месяц тот-же ротмистр Власов сообщает, между прочим, такие данные об организации.

«Прибывший из Петербурга в Екатеринослав товарищ «Петр» принадлежит к фракции большевиков, по своему умственному развитию стал во главе местного комитета, делами которого почти самостоятельно начал распоряжаться».

«К 1-му января серьезными деятелями Екатеринославского Комитета социал-демократов являются «Петр», Мария Александровна (под кличкой «Маруся»), «Яшка»—слесарь и старающаяся всегда держаться в стороне, но сильно влияющая на ход работы в Екатеринославском Комитете, некая Софья Кузьминишна, фамилия которой точно не установлена, находившаяся в сношениях с арестованным 7 апреля с/г. и высланным в Архангельскую губернию, мещанином Исааком-Ицком Хаимовым Портоном (организационная кличка «Сергей Сергеевич»).

* * *

Такой, в общих чертах, представляется в освещении охранки работа Екатеринославской организации в 1907 году. Считать, что этими данными очерчена полно работа и самые данные вполне бесспорными и верными,— конечно, нельзя. Но участники этого периода внесут необходимые коррективы и дополнения. Этот же материал им поможет ориентироваться и освежить в памяти многое. Может быть, он сослужит некоторую пользу и в выяснении виновников провалов.

Но была совсем неполно освещена работа организации, если бы мы не привели здесь выпущенных прокламаций. Сколько и каких листовок было выпущено за год—сказать не представляется возможным. В «деле» их находится только пять (во время обысков упоминались и другие, но почему-то в дело они не вошли), которые мы и приводим ниже. Четыре из них посвящены Госуд. Думе. Одно—обращение к новобранцам с призывом стать на сторону народа для освобождения от угнетателей...

1/XI 22 г. М. ИВАНОВ.

В ЕКАТЕРИНОСЛАВСКОМ ПОДПОЛЬЕ 1911-12 Г.

(Воспоминание участника)

В августе 1911 года группа товарищей, после 6-ти месячного «отдыха» в Лукьяновке (Киевская губернская тюрьма) как «лица изобличенные в принадлежности к Киевской организации Р.С.Д.Р.П.», была выслана в г. Екатеринослав под гласный надзор полиции.

Вслед за нами—(нас было 4) была выслана вторая группа, как мы ее прозвали «лодочников». Вся эта группа была арестована на Днепре. Насчитывала она в своем составе не меньше дюжины товарищей. О нашем «приезде» в Екатеринослав знала не только охранка и полиция, но и местные товарищи.

В первой группе были: Максим Вороничев (рабочий сормовских заводов), Тося Медущенко и Аня—работницы портнихи—киевлянки и автор настоящих строк. Во второй—тов. Майоров (в настоящее время председатель Киевского Губсовнархоза), Гавриил Вайнберг—работает сейчас в Петрограде, киевские работницы-портнихи Вера, Нина, Рива и др.

Незадолго до нашего приезда в Екатеринославе были большие аресты. Все же нам не пришлось долго искать связей. Местные товарищи ждали нас. В ту пору в Екатеринославе были 2 с.-д. группы—одна подпольная, об'единяющая всех пертийцев,—другая ликвидаторская.

Следует отметить, что в ту пору как в Киеве, так и в Екатеринославе—подпольные организации об'единяли всех (большевики, плехановцы, партийцы, бундовцы-партийцы). Реакция в Екатеринославе гремела во всю, а в тюрьме ее олицетворял наилучшим образом старший надзиратель Белокос.

Работа наша затруднялась тем, что все мы были на чеку—под гласным надзором полиции и должны были еженедельно по субботам являться в участок.

Однако, время было горячее—революционного желания, глубокого сознания необходимости бороться было много—среди нас было несколько т.т. с 5—7 летним партстажем, прошедшие тюремную школу Питера, Киева. Работа закипела, но вслед за ней заработала и охранка. За нами следили буквально всюду и везде, причем слежка началась вскоре после нашего приезда.

Наша работа в подполье заключалась в том, что, во-первых, мы организовали кружки, в которых занимались партийно-политическим самообразованием. Интеллигентов-марксистов среди нас не было и на первых порах нам пришлось в этом отношении туговато.

В памяти такой факт. В одном из кружков с более развитым классовым самосознанием решили заниматься изучением философии материализма. На мою долю выпало руководство занятиями. Я взял с собою книжку Энгельса «От утопии к науке», предварительно прочитав ее, и для себя решил, что приду и буду читать вслух, а затем будет разбор прочитанного.

Товарищи ожидали, что я прочту ряд лекций и были крайне удивлены и неудовлетворены, однако пришлось согласиться с моими доводами, ибо иного выхода не было, а учиться надо было.

Из очередных кампаний, поскольку память мне не изменяет, мы проводили кампанию по выборам в 4-ю Госуд. Думу, выдвигая кандидатуру т. Г. И. Петровского (ныне члена Ц.К.Р.К.П. и Председателя ВУЦИК), причем вся организация единогласно была за эту кандидатуру.

Весьма активное участие наша организация принимала также и в профдвижении.

Надо прежде всего оговориться, что легально существующих профсоюзов или по тогдашнему профобществ (на основании правил 4-го марта 1906 года) почти не было Нам удалось добиться разрешения губернатора и созвать большое собрание металлистов—формально по вопросу о том, хотят ли рабочие организовать кассу взаимопомощи или проф. общество. Только при этом условии нам удалось добиться разрешения от губернатора. Так, в начале, когда мы просили разрешение на устройство учредительного собрания по организации проф. общества, нам в этом было отказано. Собрание было многолюдно—до 500 рабочих-металлистов крупнейших заводов г. Екатеринослава. Прошло собрание очень оживленно, не смотря на присутствие представителя полиции.

В конце собрания не обошлось без полицейского курьеза; Т. М. Вороничев (из нашей группы административно-ссыльных) перед самым окончанием собрания взял слово и привел выдержку из журнала «Металлист», тогда издававшегося в Петрограде. Тов. Вороничев начал так: «В непримиримой, но заморенной крутой расправой, стране повеяло дыханием новой жизни. Еще реют черные призраки реакции, но ничто не в силах приостановить победного шествия восходящего солнца».

На последних словах представитель полиции не выдержал и заявил «я Вас остановлю» и хотел задержать товарища. Нам удалось его отстоять и дело ограничилось записью родословия (подробный отчет об этом собрании напечатан в журнале «Металист» в одном из номеров конца 1911 г. или начала 1912 г.). Председателем собрания был избран т. Голосуй,—рабочий, если память мне не изменяет, трубного завода. В ту пору был ряд собраний и рабочих других производств, портных и других. В эту пору наша организация усилилась двумя активными работниками—т.т. Семен—он же Аркадий (большевик) и Ян—он же Савва (плехановец-партиец). Тов. Ян-Савва впоследствии большевик-коммунист, видный работник в Баку, т. Зевин,—расстрелянный в 18 году в сентябре месяце вместе с видными испытанными вождями Бакинского пролетариата т.т. Степаном Шумяном—Алеша-Эланаридзе и др. (26 т.т.) агентами английского империализма, при благосклонном участии Асхабадского правительства, в каковое входили видные члены партии с.-р.

Оба вышеназванных товарища взялись активно за работу. В декабре 1911 г. состоялась городская конференция для выборов делегата на январьскую конференцию, состоявшуюся в 1912 году заграницей (созванную большевистской фракцией).

Если память мне не изменяет,—выборы на горконференцию происходили от 10 членов организации один.

Выборы происходили весьма конспиративно—путем тайной баллотировки, подсчет производился тремя товарищами, избранными для этой цели собранием. Как уже видно из вышеизложенного, наша организация в ту пору об'единяла различные партийные течения, признающие об'ективную необходимость и неизбежность существования нелегальной партии с.-д. На самой конференции, когда встал вопрос о выборах, громадным большинством был избран Савва (Ян-Зевин), плехановец-партиец. Это побудило товарища Семена (Аркадия) поднять вопрос об образовании фракици большевиков (что, надо сказать, в ту пору не встретило большого сочувствия). В нашей организации в ту пору насчитывалось до 150 членов, из них твердо-каменных большевиков не больше 10.

В ту пору к нам приезжал тов. Сергей (Оржаникидзе, ныне член ЦКРКП) и в беседе со мной считал правильным наше стремление об'единить всех партийцев в единую организацию. Необходимо еще отметить кампанию по встрече нового года 1912 г.).

На совещании представителей кружков был намечен план проведения встречи.

Во-первых, мы разбились на 4 группы, примерно, человек по 40 3 в городе и одна на заводской территории—у одного тов. рабочего на квартире). Были намечены докладчики об итогах прошедшего 1911 г. Встреча прошла очень удачно и внесла большое оживление в организацию и даже привлекла с десяток товарищей—не членов организации. На совещании представителей кружков возник, между прочим, вопрос о том, устраивать ли встречу с выпивкой. Громадное большинство решило отрицательно и только в одной из групп это было нарушено тем, что там пили пиво. Слежка, между тем, становилась все сильнее и сильнее. У моей квартиры (на Казанской ул.) можно было ежедневно часов 9 утра видеть нередко до 4 шпиков. Нельзя сказать, чтобы все члены нашей организации соблюдали строжайшую конспирацию, да это было не совсем легко, ибо все мы жили в городе,—многие из нас были безработные и невольно часто встречались. Было совершенно очевидно, что нас собираются сцапать и ждут только подходящего случая. Было решено, что мне лучше заблаговременно ретироваться. Сшили мне новый костюм, пальто, одели, словом, с иголочки, я снял бороду и, преобразившись, уехал пароходом в Киев, а оттуда в Питер. Тут-же подвернулись и ленские события. Вскоре после моего от'езда были крупные аресты, и товарищам пришлось вынести все ужасы Екатеринославского застенка. Мне в этом отношении посчастливилось, и я гораздо позже был арестован в Питере и выслан в Архангельскую губ. Большинство арестованных были также высланы в северные губернии.

Мне хотелось еще отметить, что была у нас коммуна, где насчитывалось с дюжину коммунаров, из них часть безработных. Вообще, безработица—это частый удел партийного работника в ту пору и особенно профессионального революционера. Жили мы на редкость дружно спаянные едиными стремлениями, жили как настоящие братья, не считаясь ни с чем. Хозяева квартиры, у которых мы снимали две комнаты, были в большом изумлении, когда после узнавали, что мы только товарищи. Так закладывался фундамент—остов будущей коммунистической партии—авангарда революции, сознательной выразительницы бессознательного процесса.

г. Харьков.
27 сентября 1922 г.

Б. МАГИДОВ.

P.S. Просьба к товарищам, работавшим в ту пору в Екатеринославе дополнить и если необходимо внести поправки в воспоминания, писанные мною по памяти.

С коммун. приветом Б. МАГИДОВ.

ГОДЫ БОРЬБЫ

(Из истории фракционной борьбы в Екатер. Союзе торговых служащих)

Начиная с 1908 по 1914 г., во главе союза торговых служащих, именовавшегося тогда «Обществом взаимопомощи», стояли меньшевики и еврейские социалисты (серповцы), поочередно захватывавшие большинство в правлении.

Работа правления в это время ограничивалась благотворительными мерами: выдачей мелких пособий и ссуд, а также организацией лечебной помощи. Кроме того содержались: крупная богатая библиотека с читальней и 8-ми классное коммерческое училище.

Ни о какой классовой экономической борьбе не было тогда и речи: правление даже не пыталось выявить профессиональные интересы и нужды служащих.

В конце 1913 года в правлении случайно очутился большевик—тов. Рыбников, который пытался выдвинуть вопросы, охватывающие задачи профессиональной борьбы; но, оставаясь в единственном числе среди компании соглашателей, он ничего не мог добиться, получая неизменный ответ, что «еще рано, что новый 1905 год еще не наступил».

Соглашатели отказались даже выписать для читальни выходивший тогда в Петрограде журнал «Голос Приказчика» большевистского направления, заявляя, что среди членов общества нет фракций, интересующихся этим журналом.

Тов. Рыбников, видя бесплодность своего пребывания в подобном правлении, хотел из него выйти, но неожиданно положение несколько изменилось: в городе усилилась работа подпольной организации большевиков, и на одном из собраний этой организации, при распределении членов по производственным кружкам, оказалось, что в обществе приказчиков имеется целых четыре большевика: два приказчика (т. Рыбников, да я) и два банковских служащих (т. т. Геншафт и Энтин). Это обстоятельство нас воодушевило; у нас явилась мысль об организации при обществе кружка большевиков. Нашу мысль мы через несколько дней претворили в жизнь, добившись, чтобы пятый член организации, т. Рабинович (он же Равич и Равич-Черкасский), записался в союз, как служащий.

Таким образом организовался наш кружок, под именем марксистской группы. Мы решили начать широкую агитацию среди низших приказчиков в особенности среди бакалейщиков и железников.

На втором заседании кружка мы решили об'явить себя перед правлением общества оффициально существующей группой и начать работу в стенах общества.

В первое время мы добились выписки для читающих нескольких номеров «Голоса Приказчика» и организации при обществе «Экономическо-конфликтной комиссии».

Постепенно наша группа росла—и к концу 1914 года имела до 15-ти сознательных членов, кроме сочувствующих.

В это время начали готовиться к перевыборам правления. Наша группа решила дать соглашателям крупный бой, использовав предвыборную кампанию для пропаганды идей классовой борьбы.

Мы добились от правления созыва нескольких предвыборных общих собраний; на первом из них т. Рабинович (Равич) выступил с яркой критикой бездеятельности правления, указав, что эти соглашатели, на словах ждущие второго 1905 года, фактически на деле боятся его наступления, так как они для революции давно умерли.

Речь т. Рабиновича произвела сильное впечатление, зал огласился долгими аплодисментами.

С этого вечера жизнь общества забила ключом: наша работа вызвала к жизни все остальные фракции, вплоть до сионистов.

Помещение общества стало похоже на парламент в миниатюре, с фракционной борьбой, обструкциями и т. д.

Наш успех на предвыборных собраниях был настолько громаден, что мы решили, кроме использования кампании в агитационных целях, выставить свой список и стараться провести нескольких наших товарищей в члены правления.

Мы добились от городской организации, чтобы т. Квиринг, работавший тогда в брянской больничной кассе, записался в общество; его мы и поставили во главе списка.

Общее собрание для выборов состоялось 29 марта 1915 года. На этот раз мы поручили т. Квирингу выступить с критикой правления и огласить нашу декларацию. Его серьезная деловая речь, ярко отличавшаяся от обычных краснобайских выступлений соглашателей, так благоприятно подействовала в нашу пользу, что после нее даже меньшевики и Е. С. не решались вступить в дискуссию.

В результате борьбы, мы провели в правление тов. Энтина и в кандидаты Квиринга. После этого наша группа решила начать в стенах общества глубокую внутреннюю работу, для чего мы выработали специальный план: намечен был созыв ряда общих собраний, ряд лекций по профессиональным и политическим вопросам. Особенное внимание мы уделили заседаниям нашего кружка, на которые мы привлекали беспартийных и сочувствующих.

Помню, на первом из собраний кружка, где присутствовало до 30 чел., т. Рабинович (Равич) читал доклад по истории социал-демократии в России; не успел он закончить вступительную часть, как в залу вбежал лидер е.с-овцев—Эпельбаум с криком: «Как вы смели без разрешения правления

Дмитрий Захарович Лебедь.

устроить собрание на такую тему». Т. Рабинович ему ответил, что, как существующая при обществе фракция, мы имеем право использовать помещение для фракционной работы.

Эпельбаум заметил, что мы своими действиями провоцируем общество и, как член ревизионной комиссии, он это запрещает, при этом он закрыл свет. Но т. Рабинович открыл снова свет и крикнул Эпельбауму, что он сам провокатор. Тогда Эпельбаум с некоторыми еще Е.-С-овцами накинулись и стали избивать наших товарищей. Получился крупный скандал.

Несмотря на эту суматоху, группа в целом настояла на своем и, перейдя в другую комнату, выслушала доклад до конца.

После этого нам недолго пришлось работать в стенах общества; царские жандармы, с помощью провокатора, вырвали из наших рядов самых лучших товарищей.

Т. т. Квиринг и Рыбников были арестованы и высланы в Сибирь.

Некоторым членам группы пришлось уехать из города.

Группа постепенно распалась, и соглашатели опять получили возможность хозяйничать в обществе, дожидаясь «нового 1905 года», пока и дождались 1917 года...

Я. ЯРОВИНСКИЙ.

ИЗ ИСТОРИИ СТРАХОВОГО РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ В ЕКАТЕРИНОСЛАВЕ

Закон страхования рабочих, на случай увечья и болезни, был утвержден поповско-помещичьей Государственной Думой 23 июня 1912 года. Барская Дума надеялась превратить этот закон в пароотводный клапан, и выпустить через него накопившееся недовольство среди рабочих, и тем самым предотвратить возможность взрыва. Вместе с тем, закон был разработан так, что большая доля расходов по обеспечению рабочих была переложена на плечи страхуемых, и закон был обставлен всевозможными рогатками для того, чтобы не дать рабочим использовать больничные кассы как органы пролетарской борьбы, за политическое и экономическое раскрепощение.

Это как раз был тот период, когда стачечное движение после Ленских событий, разлилось широкой волной по всей России. Только Юг тогда еще почти что спал, и на всем Юге вообще, и в Екатеринославе в частности, социал-демократы, меньшевики—ликвидаторы, чувствовали себя еще господами положения. Большевистские организации, подвергавшиеся систематическим разгромам, были слабы. Поэтому первая подготовительная работа шла совместно, между нами большевиками и меньшевиками. Разногласия начались в 1913 г., с момента избрания уполномоченных для рассмотрения предпринимательского устава и внесения в него поправок. Меньшевистская верхушка в лице: Лященко, Полонского, Гвоздакова, Меркулова и Вереичева, оказавшегося крупным провокатором, рекомендовала нам не быть особенно требовательными. Так как это, мол, обозлит предпринимателей и они, мол, не пойдут на уступки рабочим. Мы, большевики, в уступчивость капиталистов не верили, мы говорили, что капиталисты уступчивы только тогда, когда вынуждает их к этому организованное выступление рабочих.

В дальнейшем разногласия еще больше выявились и обострились, что привело к полному разрыву двух разнородно-социальных групп, непримиримую классовую позицию большевиков, и соглашательско-мелкобуржуазную, меньшевиков. Мы, большевики, ставили своей задачей использовать больничные кассы, не только в деле организации рабочего класса, но и в превращении больничных касс на деле в боевые штаты классовой борьбы рабочих с капиталистами за свое политическое и экономическое освобождение, в то время, как меньшевики стояли за нейтрализацию больничных касс, и невмешательство политики в больничные кассы. Пути наши с меньшевиками

разошлись, и нам пришлось вести отчаянную борьбу не только с капиталистами но и с меньшевиками. Они зачастую заставляли нас идти им на уступки; правда, это имело место только в правлениях, где зачастую меньшевиков поддерживали представители заводчиков и фабрикантов, а меньшевики поддерживали их в свою очередь. За услугу—услуга. При выборах в правления больничных касс, мы выступали самостоятельно со своими кандидатскими списками. В Трубопрокатном заводе, где особенно сильно было влияние ликвидаторов на рабочих, заводоуправление отказалось ввести своих представителей в правление больн. касс, зная, что гвоздаковцы (по фамилии лидера м-ков) их не выдадут, что этим самым и невинность можно соблюсти и капиталец приобрести. Не то мы видели со стороны заводоуправления Брянского завода. Здесь в силу того, что большевистское влияние было сильнее, администрация не только послала своих представителей в правление больничной кассы, но и назначила своего председателя. Собрания уполномоченных от рабочих Брянского завода всегда происходили под усиленным «почетным» караулом городовых, во главе с приставом Синьковским. Если когда-нибудь удавалось нашим представителям большевикам уклониться от вопроса порядка дня и начать критиковать невыгодный для рабочих закон и весьма выгодный для капиталистов, то председательствующему от заводоуправления приходил на помощь услужливый ликвидатор. Изот Миркулов, выкрикивая с места «оратор говорит не по существу». Это же сразу давало повод председательствующему прервать оратора, а приставу повод сделать предупреждение, что если, мол, еще будут попытки к критике закона, он закроет собрание.

Особенно сильно разгорелась борьба между нами и ликвидаторами вокруг выборов в губернское присутствие по делам страхования рабочих. Здесь несмотря на то, что ликвидаторы на избирательное собрание притащили всю свою тяжелую артиллерию; и несмотря на то, что на их стороне был руководитель этого собрания, небезызвестный зубатовец старший фабричный инспектор Дмитраш, меньшевики потерпели первое и весьма сильное поражение. Им не удалось получить ни одного места в присутствии.

Помню как после выборов меня встретил на проспекте Лященко и с растерянным видом, со злобой в душе поносил нас за то, что мы решили обойтись без ликвидаторских прохвостов. В Петроградской ликвидаторской газете «Северный Голос», нас предавали анафеме за раскол единства рабочих. Членов Губернского Присутствия некоторые правления больничных касс пытались бойкотировать, но из этого бойкота, и из кампании, поднятой за отозвание большевиков из Присутствия, так-же ничего не вышло, кроме конфуза, как ничего не вышло с кампанией, поднятой ими за отзыв из Государ. Думы Г. И. Петровского, ныне председателя В.У Ц.И.К.'а Советов.

Меньшевикам пришла на помощь жандармерия. Начинается полоса репрессий по отношению к большевистским страховикам. С 3-го на 4-е июля 1914 г. был арестован член Губернского Присутствия по делам страхования рабочих, и тов. председателя Брянской больничной кассы

В. К. Аверин, в административном порядке на месяц, за созыв незаконного собрания. Администрация завода поторопилась его расчитать с завода «за неявку на работу в течении 2-х недель», а жандармский ротмистр Вольский сделал распоряжение не допускать Аверина на территорию завода. В связи с этим арестом, большевистская организация начала вести подготовительную работу к забастовке. Настроение среди рабочих было в пользу забастовки. Забастовка была об'явлена, но быстро была сорвана. Это об'ясняется двумя причинами. Первая причина, это арест наиболее активной верхушки большевиков, и вторая—об'явление войны. Некоторые цеха Брянского завода пробастовав два дня, приступили к работе. Началась мобилизация, настроение среди рабочих на заводах в первые дни пошло на повышение, и привело 19-го июля к демонстрации протеста против войны, были столкновения с полицией и войсками, было несколько раненых, в том числе женщина. С 19-го на 20-е была арестована руководящая группа большевиков, о которой я говорил выше, и настроения пошли на убыль.

По выходе из тюрьмы, Аверин поступил на службу конторщиком в больн. кассу Днепровского завода в Каменском, где руководили тогда ликвидаторы, за которыми плелись старые большевики, вроде Войцеховича, Трошина и др. В Днепровском заводе начала формироваться большевистская организация при ближайшем участии Аверина и под его руководством. Ликвидаторы это учли, и поторопились уволить со службы Аверина, как весьма опасного человека для ликвидаторского спокойствия, постановив, не допускать его в помещение правления кассы. Аверин поступает на завод накануне выборов уполномоченных общего собрания, но и оттуда его через весьма короткое время вышибают. Весною 1915 г. в Каменском должна была состояться большевисткая конференция, которая не состоялась за неприбытием некоторых делегатов. Было устроено частное совещание, обсуждался план дальнейшей партийной работы. Участников было немного: Квиринг, Аверин, Красненький (оказавшийся провокатором), Локтюхов, Тюленев и еще некоторые товарищи из Екатеринослава, фамилии которых не помню.

С мая месяца Аверин работает, до дня ареста в Екатеринославе в больн. кассе Штампования, не порывая связь с Днепровским заводом, организуя рабочих и подготовляя забастовку. В июне 1915 г. из Екатеринослава была перевезена наша типография в Каменское, началась подготовительная работа, по выпуску нелегальной большевистской газеты «Южный Рабочий». Работа эта не была доведена до конца, так как с 29-го на 30-е июня был снова арестован Аверин, Тюленев и Власов в помещении Брянской больничной кассы, а через 3 дня арестовали еще 7 человек, в том числе секретаря Брянской больн. кассы т. Квиринга. Необходимо еще отметить одну маленькую деталь. В день ареста Аверин должен был выступать на массовке рабочих заводов Штампования, но за день раньше администрация завода уже знала о предполагаемой массовке и о том, что на ней будет решаться вопрос о забастовке. С арестом этой группы, в десять человек, для меньшевиков наступили золотые денечки. Они справляли, что называется, медовый месяц, там где раньше и не пахло меньшевистским духом, они

начали появляться. Даже в Брянской больничной кассе, откуда были задолго до этого вышиблены все меньшевики-соглашатели, они появились вновь и место секретаря заняла не безызвестная З. Боголюбова, оголтелая меньшевичка. Это был новый период ликвидаторского господства в больничных кассах, который длился до Февральской революции и дальше.

Это безраздельное ликвидаторское господство, в единственно уцелевших от царистского разгрома форм рабочего движения наложило свой мелко-буржуазный отпечаток на февральскую революцию и на Советы, которые в течении полугода находились под идейным руководством мелко-буржуазных идеологов, в лице меньшевиков и эсеров. Но это не значит, что страховая кампания прошла бесследно. Она вскрыла все язвы противоречий капиталистического общества. Она обнажила и заострила эти противоречия, она подготовила почву, на которой выросла Октябрьская революция, разрушившая капиталистические устои со всеми надстройками угнетения и насилия, заменив диктатуру буржуазии, диктатурой пролетариата, которая обеспечила существование Советской власти.

В. АВЕРИН.

12—14 ГОДЫ В ЕКАТЕРИНОСЛАВЕ

Связь с партией.

Я прибыл в Екатеринослав осенью 1912 года. Мое прибытие совпало с большим под'емом рабочего движения, после Ленского расстрела.

На руках у меня не было никаких документов, в городе никаких связей, ни одного более или менее приличного знакомства.

Передо мною была задача завязать сношения с организацией большевиков во что бы то ни стало. Время было горячее. Преступно было, находясь в таком крупном рабочем центре, не участвовать в возрождающейся жизни партии. Случай помог мне в моих поисках. Не имея запаса денег, я стал искать столовую, где обеды «ценою подешевле». Я наткнулся почти одновременно на две столовые, которые были мне отрекомендованы, как «демократические». Одна из них находилась на Харьковской ул. № 6, другая неподалеку от первой на Торговой ул. Владельцем первой состояла семья, где были сестры и братья—социалдемократы, а вторую содержала обывательница,

Рабочие газеты тогда продавались одним—двумя газетчиками. Продавали меньшевистский «Луч» и большевистскую «Правду». Нельзя сказать, чтобы в городе (я не говорю о заводах) они распространялись в большом количестве. Кроме того, разносчики, вручая газету, всегда делали вид, что они совершают какой-то героический подвиг, продавая революционную газету, что этот подвиг—тайна для недремлющего полицейского ока и что за этот подвиг нужно заплатить лишнюю копейку: не 5 копеек, а 6. Кроме того рабочие газеты получались нерегулярно.

Со службы я всегда направлялся в одну из столовых, забирая у газетчиков очередной номер «Луча» и «Правды».

Эти столовые мне казались каким-то оазисом в пустыне города, находящегося в стране царской деспотии, полицейщины, жандармских застенков. Я садился за один стол с людьми, мне совершенно незнакомыми, чувствовавшими себя здесь, как в «нейтральной зоне». Говорили свободно, не стесняясь, обо всем, горланили, спорили. Тут были меньшевики, большевики и даже анархисты.

Как чужой человек, я за обедом не вмешивался в споры и, глядя в газету или в тарелку, слушал споры, временами возмущаясь беспечностью спорящих. Здесь далеко не все знали друг друга, при входе ни у кого партийного билета не требовали, и я не сомневался в том, что среди обедающих было не мало агентов охранного отделения.

Интересно отметить, что в пылу спора та или другая из спорящих сторон аппелировала к посторонним лицам, ища у них сочувствия. Не раз и ко мне обращались взоры спорящих, но я и виду не подавал, что сочувствую какой бы то ни было стороне.

При первом удобном случае я высказал свое возмущение некоторым лицам, но они легкомысленно отмахивались.

Время показало, что это легкомыслие, что эта «свобода слова» не встречает сочувствия в царской стране, и мне стало известно, что в городе был провал, что многие товарищи были высланы.

Многих товарищей, шумевших раньше в столовой, не стало. Но не все. Среди оставшихся большинство было малообщительное, производило впечатление серьезных работников.

Бывали случаи, когда тот или иной из обедавших обращался ко мне с просьбой дать ему пересмотреть номер «Луча» или «Правды». Некоторые повторяли эту просьбу часто. Таким образом, у меня завязывалось знакомство. Была такая группа лиц, которых я изучал изо дня в день, наблюдая за обедом за их разговорами тихими, короткими. Я знал все, если не фамилии, то имена.

Так я сошелся с тов. Абрамом. Парень высокого роста, красивой наружности, чрезвычайно энергичный с умным выражением лица. Мы с ним пару другую раз обменялись мнениями по злободневным вопросам. Он сообщил мне, что нужда в интеллигентных работниках колоссальная, что он берет на себя посредничество между мною и организацией. Для него из наших коротеньких бесед стало ясно, что я ищу связей с большевиками.

Я ему сообщил свой адрес, так как из организации должен был притти «следователь» для того, чтобы ощупать меня со всех сторон. Прошла какая-нибудь неделя и ко мне в комнату пришел чрезвычайно оборванный пожилой человек, подслеповатый. Я уже сунул было руку в карман, чтоб протянуть ему копейку, но гость сейчас же спросил меня, я-ли Рабинович. Мой гость был старый член партии, по профессии рабочий-грузчик Григорий (Берлин). Посидев у меня минут 15, т. Григорий задал мне целый ряд вопросов и ушел с тем, чтобы явиться еще раз.

В этот промежуток времени я сталкивался с вышеназванным Абрамом в столовой. Он очень интересовался последствиями переговоров. Он близко принимал к сердцу интересы партии и был в высшей степени предан ей (Тов. Абрам в 1917 году сделался анархистом Екатер. Федерации).

В следующее посещение тов. Григорий принял от меня заявление о зачислении в партию и сказал, что в ближайшие дни я буду направлен для доклада в какой-то кружок. Я был очень доволен, так как соскучился по живой работе. Так началась моя работа в городском районе Екатеринославской организации, если вообще можно говорить об организации в целом. Таковой, насколько мне было известно, тогда не было. По крайней мере, тогда городская организация не имела, как таковая, никаких организационных связей с заводскими чисто-рабочими районами. У некоторых членов организации было персональное знакомство с представителями заводских районов. Несколько позже я узнал, что причина такой

обособленности городского района кроется в том, что рабочие несколько свысока смотрели на «интеллигентов» и в каждом представителе городского района заподазривали «провокатора». При таком положении дел каждый район работал за собственный страх и риск, имел самостоятельную, больше всего опять-таки персональную связь, в Петрограде, через которую получал иногда письма и литературу. На моей памяти такою связью для отдельных членов партии были т.т. Петровский (тогда депутат 4-й Думы) и Вардин-Мгеладзе (тогда редактор «Вестника Приказчика»).

В городском районе ко времени моего вступления в работу было чрезвычайно безлюдно. Так называемых интеллигентов почти не было. Из них помню: Нисона Рыбникова—бывшего тогда служащим книжного магазина Браиловского, Зямы Энтина, счетовода Взаимного Кредита, Михаила Геншафта, архивариуса Междунар. Коммерческого Банка. Все три до сих пор работают в Коммун. партии.

Но помимо указанных товарищей были некоторые довольно развитые члены партии из среды рабочих, которые задавали тон и руководили всей организационной частью работы. Из них я помню: Николая Кривошею, наборщика типографии Екатерин. ж. д. (потом оказался провокатором), Григория Берлина, Василия (сапожника), Феню Кацнельсон (портниха), Левенберг-Шмаков, Феню—конфетчицу, Абрама (столяра), Яшу Гуринштейна (часовой мастер).

В тех кругах рабочих, среди которых мы тогда работали, насколько я помню, мы были почти монополистами. Меньшевиков и эсеров мы не встречали. Еврейские социалистические партии спали летаргическим сном и отдельные члены Е. С. и «Бунда» растворились в еврейских общественных и культурных организациях, занимаясь крохоборством и используя легальные возможности для подготовки национально-культурной автономии. Но зато среди типографских рабочих мы почти не работали и там по традиции сидели меньшевики, из которых я помню Цорна.

Вообще меньшевики городского района производили тогда странное впечатление. Они скорее напоминали либералов периода 1903—05 годов, чем революционеров, социалдемократов. Я помню доктора Лященко, присяжного поверенного Полонского, женщину Бовшевер. Все это были культурники - интеллигенты, которые «сочувствовали» рабочим, читали неприятные для полицейского пристава лекции, содействовали «Красному Кресту» и т. п.

Все они сосредоточились, главным образом, вокруг «Научного общества», куда приглашались лектора разных степеней либерализма, вроде Неведомского. Но они тут так перемешались с октябристско-кадетской профессурой и интеллигенцией, что их никто не замечал.

Вообще .говоря, доступ в партию был почти для всех, хотя после некоторых затруднений формального характера, преодолеть которые было не так уж трудно. Партийных билетов не было, но членские взносы существовали, хотя я не помню какие. Взаимоотношения членов партии были дружескими и даже интимными, особенно среди партийной верхушки.

Собственно—организационной работой я занимался сравнительно мало. Я больше выполнял роль пропагандиста, хотя и был членом так наз. коллектива, возглавлявшего городской район. Я уже говорил, что городской район, которому, что называется, сам бог велел быть интеллигентским, интеллигентов почти не имел. Чувствовалось, что организация существует больше потому, что существует товарищеская спайка, чем потому, что ее члены в массе осознали свою большевистскую линию в противовес меньшевистской.

Меньшевики занимались систематической спекуляцией и демагогией, Они об'являли нас склочниками и раскольниками, призывали к единству. а нам трудно было тогда доказывать, почему мы противники единства, почему мы сторонники раскола.

Я могу определенно сказать, что даже организационная верхушка скорее чувствовала смутно необходимость раскола, чем понимала ее. В этом мне пришлось убедиться не один раз.

Ликвидаторство, Мартов, Потресов, Ежов, Маевский и Левицкий—вот вопросы и лица, интересовавшие всех.

Вся организация была разбита на несколько кружков, в которые направлялись пропагандисты для периодических занятий, для лекций по основным теоретическим вопросам и собеседований по вопросам текущего момента. Меня в качестве лектора послали для постоянных занятий в один из таких кружков, где был цвет организации, человек 12—15. Первая же беседа была посвящена ликвидаторам, подполью, легальной работе. Это были самые жгучие, самые боевые вопросы. Меня забрасывали вопросами. Я давал на все вопросы ответы. На беседе присутствовал Нисон Рыбников, который вообще тогда был почти оффициальным главой организации. Он выразил свое удовольствие по поводу проведенной мною беседы.

Вообще, собрания коллектива, массовки происходили довольно часто. Не меньше трех раз в неделю вечера были заняты каким-нибудь собранием, совещанием, заседанием, а с отдельными товарищами мы встречались ежедневно.

В Обществе Приказчиков

По постановлению коллектива я должен был стать членом «О-ва приказчиков». Это был тогда единственный, кажется, легальный профессиональный союз, скрывавшийся под вывеской «О-ва Взаимопомощи торговых служащих». Это О-во, существовавшее уже около десятка лет, было основано местными толстосумами, еврейской буржуазией, смотревшей на О-во, как на «благотворительное» дело, как на «богоугодное» заведение. Не помню точно, но, кажется, в 1905 г., впер иод обострения революционной борьбы, буржуазия ушла, оставив О-во в надежных руках блока лакейско-социалистических партий—меньшевиков и евр.-социалистов.

К тому времени, когда я записался в О-во, оно считалось очень богатым. При О-ве была прекрасно поставленная библиотека и читальня. О-во имело в своем распоряжении Коммерческое училище.

Членами правления были в большинстве бывшие Е.С-овцы (бывш. потому, что этой партии в 1913 году нигде не было), из которых помню Абрама, Рафаловского, Затуловского (ныне коммунист-член коллегии Госторга), Литинского, Меерзона (ныне коммунист). Кроме них были какие-то анемичные с.-д.-ки—Блатман, Дашевский и бундовец Шнирман. Эти три социал-демократа были такими ничтожествами, что во всех вопросах плелись в хвосте у Е.С-овцев.

По какому-то недоразумению в члены правления попал один большевик—тов. Рыбников.

Чтоб достойно оценить «социализм» этих меньшевиков и Е.С-овцев, достаточно сказать, что в О-ве по праздникам устраивалась еврейская молельня и оффициально праздновались какие-то праздники, связанные с доисторическими божьими чудесами (ханука).

Злым гением О-ва был некий Абрам Эпельбаум. Его называли Абрам—нахал, другие Абрамка. Скандалист первой марки. Судился по обвинению в провокации, в устройстве локаута и т. д., но о нем ниже.

Вообще-то в О-ве числилось до 800 членов. Все они шли по традиции за Е.-Совцами. Но, конечно, главный контингент членов О-ва состоял из привиллегированных служащих и приказчиков. Приказчиков из оптово-бакалейных или рыбных складов, конечно, не было ни одного, но зато было много доверенных торговых фирм, главных и пом. бухгалтеров, агентов, управляющих и т. д. Естественно, что и верхушка состояла из меньшевиков и Е.С-овцев.

Во всем О-ве к тому времени было 3—4 большевика: Рыбников, Зяма Энтин, Мих Геншафт и, кажется, молодой Абр. Вольпер, тогда еще не определившийся.

Рыбников в правлении всегда оставался в блестящем одиночестве, но все-таки оставался там. Геншафт вечно бесплодно выступал с длинными речами, постукивал своими костылями, но господа правленцы устраивали ему пассивную обструкцию, выходя в буфет или в корридор на все время речи; но т. Геншафт не унывал и прохаживался на счет правления иногда чуть-ли не перед четырмя стенами и столом.

В читальню не выписывались ни «Правда», ни «Вестник Приказчика», ни даже ликвидаторский «Луч», но выписывалось «Русское Слово», «Русские Ведомости» и т. п. газеты. Душеприказчики екатеринославской буржуазии слишком дорожили этим буржуазным детищем, чтоб поставить его перед испытанием, допустив в него «крамолу».

Общие собрания устраивались довольно редко и посещались мало. Из 800 чел. членов О-ва едва приходило 100, преимущественно «своих людей» в крахмальных манишках и манжетах. По моем вступлении в О-во мы решили развивать работу в сторону привлечения новых членов из низовых приказчичьих масс. Старые члены О-ва, застывшие и отсталые мещане, были безнадежны, посему мы решили вербовать новых членов фракции из среды новых членов О-ва.

На общем собрании мы выступили с «зажигательными» речами, в которых громили правление за трусость, за крохоборство. Это было

новостью. Быть может, с 1905—06 г.г. «О-во» не слыхало таких чисто политических речей. Е. С-овцы и горе-меньшевики не остались в долгу, обвиняя нас, особенно меня, во фразерстве. Но цель наша была достигнута. Спячка как будто прошла. Присутствовавшие члены О-ва разнесли по городу слухи о появившихся в О-ве чудаках, желающих повторить 1905 год, о фантазерах. Их сослуживцы-приказчики полюбопытствовали и стали являться на собрания.

Одновременно мы повели среди приказчиков оптовых складов агитацию, предлагая им записаться в О-во. В этом нам оказали содействие два сочувствовавших нам служащих крупных бакалейных лавок:.

Наша агитация упала на плодоносную почву: труженики прилавков, работавшие по 14 часов в сутки, грязные, стали записываться в члены О-ва по одному, шокируя меньшевистско-Е.С-овскую аристократию. Из числа этих новичков мы завербовали в свою фракцию человек 7—8.

Нашим лозунгом было: «Буди спящих!» И мы для этого сделали все, что можно, и даже то, чего нельзя с точки зрения «приличия».

В городе получался «Вестник Приказчика» редактировавшийся в Петрограде т. Вардиным, в количестве, максимум, 10 экземпляров. В этот журнал я за подписью «М. Равич» послал корреспонденцию о жизни и деятельности правления О-ва. Я обвинял правление в том, что оно не ведет не только классовой экономической работы, но даже и культурной среди торгово-промышленных служащих, что оно сплошь состоит из отборных прислужников буржуазии: бухгалтеров, управляющих, доверенных и т. д., которые занимаются склоками, устраивают все по семейному. Этот номер мы выписали чуть-ли не 300 экз. и лично продавали его по 6 коп. среди приказчиков. Его покупали нарасхват.

Для правления это был сокрушительный удар. Пошла писать губерния. Тут выступает фигура пресловутого Эпельбаума. В воскресенье устроили общее собрание, на котором делались попытки исключить меня из О-ва, но кончили тем, что решили послать опровержение. На собрание явилось необычайно много народа, спорили, горячились. Наш удар был меток. Публика проявила интерес к делу.

Вслед опровержению правления мы от имени «группы приказчиков-марксистов» послали свое раз'яснение, а я лично от себя дополнительно еще заметку. В ближайшем номере появились одновременно все три статейки с примечанием редакции. Комические фигуры из правления, прислужники в буквальном смысле слова, аппелировали «к общественному мнению широких пролетарских масс».

Душою всей этой затеи был клейменый клеветник Эпельбаум, скандалист и всеми презираемый «кандидат коммерческих наук».

В результате этого «шума» наша фракция выросла до 15 человек, не считая сочувствующих. Признанным руководителем фракции считался у нас тов. Нисон Рыбников, я же большей частью использовывался для публичных выступлений, агитационных речей и литературных работ.

К этому времени мы торжественно об'явили себя большевистской фракцией. Декларация мною была прочитана под шум и насмешки господ

Е-С-овцев и меньшевиков. В о-ве жизнь забила ключем. На обычные заседания Правления стало являться больше публики, чем раньше на годичные общие собрания. Мы не жалели слов и не стеснялись в выражениях для оценки качественного состава и деятельности Правления. Тов. Рыбникова мы из Правления отозвали. Заседания Правления мы посещали аккуратно, принимая участие с совещательным голосом в обсуждении вопросов.

На общих собраниях против наших двух, редко трех, ораторов выступал десяток лучших ораторов блока Е.-С., меньшевиков и сионистов. Атмосфера накалялась. Иногда дело доходило до потасовки.

Стойкость и дисциплинированность нашей фракции побудила и другие фракции организоваться. Фракции устраивали отдельные совещания в стенах «О-ва». Пытались собраться и мы. Тут в роли бандита опять выступает Эпельбаум. Организовав шайку, вооруженную дубинками и даже револьвером, Эпельбаум вместе с Е.-С-овцем (ныне коммунист) Корном врываются в зал, где тихо и мирно заседала наша фракция (человек 20), и потушив электричество, набросился на нас. Поднялась драка, в которой Эпельбаум палкой разбил до крови голову молодому и чрезвычайно горячему нашему товарищу Самуилу Рыбакову. (В свое время я об этом уже писал).

Я подчеркиваю это поведение гр. Эпельбаума для того, чтобы раз навсегда отрезать ему пути для вступления в нашу партию, в которую он уже однажды пробрался, но был выброшен.

До какой степени мы затормозили всю работу сторонников «взаимопомощи» можно заключить из того, что к ближайшим выборам в правление они нам предложили об‘единенный список. Предложение было отвергнуто. Наша фракция росла и ко времени моего от‘езда (июль 1914 г.) она насчитывала до 30 человек приказчиков-пролетариев и десятки сочувствующих.

На Брянском заводе.

Я уже писал, что город организационно был слабо связан с заводами. Я, например, поработав круглый год в городе, не имел никакого знакомства с товарищами из заводского района. К началу 14-го года я потерял свою службу в городе. Через посредство одной из виднейших работниц организации, Берты Перельман, я получил место в больничной кассе Брянского завода. Я поступил туда в качестве счетовода.

Секретарем больничной кассы Брянского завода был тов. Чучин, большевик-интеллигент, которого по внешнему виду и по манерам я охотнее причислил бы к народникам, если не к толстовцам. Он пописывал в журналах, кажется—женских, носил толстовскую рубаху; доброе, примиряющее выражение всегда лежало на его открытом русском лице. Он, как мне казалось, был недостаточно энергичен для своего боевого поста.

Вся больничная касса состояла из большевиков. Правление состояло на половину из назначенцев, наполовину из выборных. Тов. председателя состоял тогда Василий Кузьмич Аверин, членами правления были б-ки Светличный (кажется, оказался правокатором), Андреев, два Кожевникова,

Иванов, служащие тоже были в большинстве б-ки. Из них я помню только Кожевникова Филиппа (предс. Криворожского Уисполкома) и сторожа Якова (фамилии не помню). Каким-то образом туда затесался и Фирсов Ив. Ив.—тогда примкнул к плехановскому «Единству».

Из всей публики целой головой выделялся Аверин. Всегда живой, боевой, организатор всей работы на Брянском заводе, горячий в своих выступлениях как на собраниях, так и на заседаниях Правления кассы. Меньшевиков презирал от глубины своей революционной души, как презирает сильный человек дряблую душенку.

Ив. Ив. Фирсова у нас в кассе все определенно ненавидели. Изредка я вступал с ним в беседу, которая обыкновенно заканчивалась громким спором. Помню, у нас была беседа по поводу блестящей победы большевиков на выборах в Правление Союза Металлистов в Петрограде в 1914 году. Фирсов доказывал, что победа эта была достигнута какими-то подложными избирательными записками и т. п. чепуху.

К нам в кассу приходил тогда из Трубного тов. Мих. Копылов. Поразительный человек—внешностью очень похожий на Ивана Карамазова из Достоевского, одухотворенное лицо, борода и волосы на голове с проседью. Мне казалось, что весь он—идея. Несмотря на его спокойный вид, в нем клокотал большевизм. Тогда он носился, как с какой-то бредовой идеей, с мыслью о каком-то рабочем кооперативе. Говорил он отрывисто, убежденно, внушительно. Меньшевиков ненавидел, и в частности и в особенности, Фирсова.

Приходили к нам иногда и меньшевики. Я помню Каптурова, от'явленного ликвидатора, в разговорах, заикаясь и заплетаясь, повторявшего слово за словом все из последних номеров ликвидаторского «Луча». Явился к нам однажды и один из вождей ликвидаторства знаменитый литератор Ст. Иванович (Стива Нович), барчук, интеллигентик в пенснэ. Мы оказали ему, высокому гостю из Петрограда, самый холодный прием и он, после коротенькой беседы с т. Чучиным, удалился.

Работая в кассе, я связался с партийной публикой и меня, не помню кто, направил на партработу в кружок молодежи кайдакского района для постоянных занятий. Из членов кружка я помню Шурку Левенштейна (Лугового), Кожевникова, Золотова, Васю Каверина и др. Я должен был прочесть им цикл лекций по политич. экономии. Собирались мы темной ночью человек 10—12, за нами следили, и мы в течение одного вечера переходили из квартиры в квартиру где-то на Кайдаках. Занятия, однако, налаживались плохо, потому что аудитория больше интересовалась злободневными вопросами, чем чистой теорией. Кроме того для часовой беседы приходилось всегда по три часа искать пристанища в квартире, или на берегу Днепра в зарослях.

Работа охранки

Работая на Брянском заводе, я, однако, больше был связан с городом. В 1914 году работа в городе была живая. Начиная с конца 12-го года, не произошло, кажется, в городе ни одного ареста, ни одного провала.

Это тем более удивительно, что слежка за нами, особенно за верхушкой, была невероятная. К каждому из нас были приставлены постоянные агенты, которые старались в течение всего дня не упускать нас из виду. Я своих шпиков знал не хуже, чем они меня. Работали агенты чрезвычайно грубо. Они просто ходили за каждым из нас по пятам, как тени.

Ходить на собрания при таких условиях становилось почти невозможным. Всегда была уверенность, что увлечешь за собой на собрание шпиков.

Я всегда по выходе утром из квартиры на службу наблюдал однообразную, осточертевшую картину. Два отвратительных суб'екта следовали за мной в 20 шагах до конторы.

Помню, мы с Зямой Энтиным раз отправились вдвоем на симфонический концерт в общественный сад. Моя пара шпиков и его пара, слившись в одну группу, шли за нами неотступно, будучи, вероятно, уверены в том, что мы идем на собрание. Когда мы подошли к кассе сада, они подошли вплотную к нам и, убедившись в том, что мы взяли билеты в сад, остановились, провожая нас недоверчивым взглядом.

Но с какой-то особенной энергией, с невероятным усердием они охотились, как стая гончих, за Бертой Перельман и за Нис. Рыбниковым. Я безусловно не преувеличу, если скажу, что за ними ходили по 6, а иногда по большему количеству шпиков. Тов. Рыбников работал в книжном магазине Браиловского. Охранке, вероятно, было не безызвестно, что тов. Рыбников руководит всей работой в городе. Поэтому на его долю выпала такая честь утроенной порции слежки. Но тов. Рыбников меньше всех нас обращал внимание на это преследование, хотя свойствами партийного конспиратора он обладал в большей степени, чем все мы. Тов. Берта, как бежавшая из ссылки, на улице имела вид загнанного зайца; она ходила и чувствовала, что десяток подлых глаз неустанно следят за каждым ее шагом, за каждым движением. Она жила в темной дыре по Садовой ул., выходила она редко. Мы приходили к ней на совещание тоже изредка.

Не могу не вспомнить квартиру Мих. Геншафта. Это было что-то вроде клуба. Когда бы мы ни приходили, у тов. Геншафта был чай, колбаса, хлеб. Мы чувствовали себя там прекрасно. Зайти, поговорить о текущих делах, почитать газеты, а иногда и поспать, сделалось обыкновенным явлением у нас. Тов. Геншафт был очень гостеприимным товарищем. Но как и за всеми нами, за ним и его квартирой следили шпики. Они бродили по двору, возле ворот и даже в коридоре.

Были улицы, особенно Харьковская, буквально наводненные агентами охранки. На Харьковской ул. помещалось «О-во приказчиков», там жил я, неподалеку жила Лия Полонская, а дальше Феня Кацнельсон и Бася и т. д. Шпики шныряли десятками, нахально лезли в глаза, иногда просили прикурить.

При таких условиях работать было почти невозможно. Для того, чтоб попасть на собрание, я проделывал такие операции: перебирался через два-три забора, выходил на другую улицу и, оставив своих шпиков на улице против своего дома в томительном ожидании, отправлялся на собрание.

К 1-му мая распространились слухи о готовящихся арестах. Некоторые товарищи решили провести первомайское собрание накануне, дня за 2—3, а к 30-му апреля исчезнуть. Я уехал к пароходу и, к своему удивлению, увидел на пароходной пристани шпиков. Поехал и Блатман, который боялся, чтоб его по старой памяти не смешивали с революционерами. Это был невинный агнец, и я уверен, что охранники не захотели бы возиться с ним.

Собрания у нас происходили в монастырском лесу, или на Мандрыковке. Собиралось человек 200—300, а иногда на квартирах по 15— 20 чел.

17-го июля (ст. ст.) была об'явлена мобилизация. Я уехал в свой город. Освободившись на 6 месяцев, я думал было вернуться в Екатеринослав, но от т. Абр. Вольпера узнал, что 18-го и 19-го июля весь коллектив был арестован, а от своей квартирной хозяйки получил письмо с проклятиями: в моем отсутствии у нее был произведен обыск, распарывали перины и матрацы и вскрыли пол.

Спустя некоторое время, я узнал, что Рыбников и Берта сосланы в Сибирь на 20 лет, а Григорий Берлин, Мих. Геншафт и я (заочно) были административно высланы на все время войны.

М. РАВИЧ-ЧЕРКАССКИЙ.

ОЧЕРКИ РЕВОЛЮЦИОННОЙ РАБОТЫ НА ЕКАТЕРИНОСЛАВЩИНЕ ДО 1917 ГОДА

(В Заднепровье).

Затишье на рабочей улице прекратилось с появлением газеты «Звезда» (в 1910 г.) в Екатеринославской организации. С огромными трудностями удавалось заполучить из Екатеринослава один экземпляр газеты для заднепровской организации. Фактически вокруг газеты маленькая группа, преимущественно из рабочих, составлявших заднепровскую организацию С.-Д., строила все планы своей работы. Изредка устраивались расширенные собрания куда приглашались сознательные рабочие и где обсуждались больные вопросы действительности.

На одном из узких собраний, устроенных на лодке вместе с приехавшими из Питера двумя партийцами-меньшевиками, было решено повести среди рабочих кампанию по организации профсоюза. Часть товарищей, считавших себя большевиками (Андронов, Кузнецов и я), указывали, что надо организовать рабочих в подпольные группы, а потом уже можно взяться и за профсоюзы. Однако, большинство решило двинуть дело с организацией профсоюза.

Несмотря на то, что удалось собрать до 50-ти подписей, необходимых для разрешения учредительного собрания союза (металлистов), такого разрешения получено не было. Большевистская часть организации эту затею бросила, а меньшевики притихли, так как приехавших из Питера арестовали (помню, одного звали Виктором), и поэтому работа нашей заднепровской группы, в которую тогда входили Андронов, Беспалов, ныне меньшевик, Драчев, исключенный меньшевиками из партии (читал об этом в «Социалистическом Вестнике»), Силоац, Хлебодаров, Кузнецов и др., была направлена по двум направлениям: создание кружков из сознательных рабочих и устройство расширенных собраний из представителей разных заводов Заднепровья.

В конце года удалось сорганизовать группу до 23 человек, преимущественно молодых рабочих. Входили туда и интеллигенты: одна курсистка, студент Анисимов, считавший себя эс-эром, и др. Эта группа также развалилась после 3—4-х собраний, так как большинство считало, что надо заниматься науками, литературой, самообразованием, а не политической экономией, теорией Маркса, или изучать историю рабочего движения, на чем настаивал я и Хлебодаров. За весь год была сделана одна попытка провести забастовку на Гвоздильном и Эстампажном заводах, но после первого

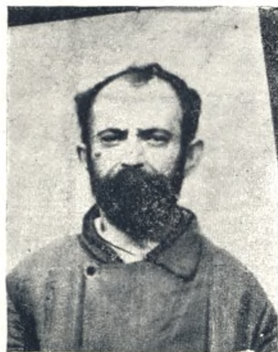
ГРУППА БОЛЬШЕВИКОВ 1912-13 ГГ.

П. Воронцов (убит деникинцами) и Борис.

В. Клочко (убит петлюровцами).

Мих. Геншафт.

собрания с рабочими этих заводов выяснилось, что забастовка провалится. После этой неудачи наша группа решила, начать заниматься. Каждую неделю, а иногда и два раза на неделю Беспалов, читал лекции по полит-экономии, истории С.-Д-тии и теории марксизма, ставя задачей сделать каждого из нас пропагандистом. Заметно оживляется работа в конце 11-го и начале 12 года. Основным стержнем ее является предвыборная кампания в Государственную Думу. К этому времени связи нашей основной группы и ее влияние значительно расширились. Была организована группа в Нижнеднепровских вагонных мастерских, в которую вошел П. И. Медведев, Ф. Сторубель, Джевинский, Белоусов и др. Почти все эти товарищи считали себя убежденными С.-Д-ми, принимали участие в движении 5-го года. Помню долгие споры о выявлении политического лица этой группы. Большинство не хотело считать себя ни большевиками, ни меньшевиками и предлагало об'единиться на почве организации масс. Но, несмотря на это, группа фактически находилась под руководством большевистской организации.

Одним из сильных средств проведения нашего влияния на рабочие массы была газета «Правда», сменившая тогда «Звезду». На почве распространения этой газеты и вытеснения меньшевистского «Луча» Нижнеднепровская группа выявила себя достаточно дисциплинированной и энергичной большевистской ячейкой.

Выборная кампания захватила в течение двух-трех месяцев внимание всех активных членов тогдашней заднепровской организации. Бесчисленное количество узких и массовых (по тому масштабу) собраний были посвящены выяснению значения Государственной Думы и вопроса о том, кто должен представлять рабочих. В начале неясны были разногласия между нами и меньшевиками. Что касается Думы, то мы одинаково смотрели, на нее, как на трибуну для С.-Д-ов; однако, когда речь заходила о кандидатах, то здесь пошли оживленные споры. От Екатеринослава обсуждались две кандидатуры: Г. И. Петровский и Худокормов (меньшевик). Екатеринославская городская организация достигла блока с меньшевиками, и последние отказались выдвинуть Худокормова при условии единого наказа. Необходимо указать, что наказ составлялся в начале меньшевиками, после согласовывался, но в нем остался ряд моментов, позволивших потом меньшевикам утверждать, что их наказ принят целиком. Это неверно, его несколько раз рассматривали на об'единенных заседаниях, и большевики внесли серьезные изменения, придав ему отчасти программный характер. Заднепровье, в лице Кузнецова и Белоусова (выборщиков С.-Д-в), долго не соглашалось; первый был под влиянием Худокормова, а второй сам метил в Думу, кое-кто его кандидатуру называл. И только на одном расширенном собрании (в лесу близ Днепра) с представителями от Екатеринославской городской организации большевиков и меньшевиков окончательно было решено провсти Петровского. Когда Григорий Иванович приехал, то почва была уже подготовлена и ему надо было только представиться, хотя бы и узкому кругу своих избирателей. Но к этому моменту из Питера приехал меньшевик (фамилию его не помню) со специальной целью провалить Петровского. На первом же собрании на квартире Силоаца (к сожалению, я в очередь с другими

патрулировал и всех подробностей собрания не знаю) питерец убедился, что он приехал весьма поздно, и ему пришлось подчиниться своим екатеринославским единомышленникам. Избранное организационное бюро по руководству думской кампанией, после выборов сохранило за собою функции исполнительной комиссии Заднепровской организации. В Бюро входили Медведев, я и Кузнецов. Перед от'ездом депутата мы организовали два массовых собрания, где Г. И. Петровский произнес программную речь. Последнее его выступление было—экспромптом. После работы мы направили рабочих на вокзал, и здесь во время остановки поезда т. Петровский произнес короткую речь, конец которой был заглушен свистком тронувшегося со станции паровоза и сотнями бодрых напутственных возгласов рабочих. Настроение было накалено до такой степени, что многие бежали за поездом с криком: «Да здравствует рабочий класс!», а, возвращаясь с вокзала, некоторые затянули «Марсельезу». Организаторам это последнее собрание стоило временного ареста, оказавшегося, как нам было заявлено, «недоразумением», однако, повлекшим неотвязную слежку за многими из нас.

Новое оживление в работе наступает в связи с организацией третьего кружка в Заднепровье в тех же мастерских. К этому времени в июле 1912 года я поступаю на работу в вагонные мастерские и здесь, вначале на почве распространения газеты «Правда» и сборов на газету, связываюсь с В. Клочко, П. Воронцовым, Божко, Герусом и рядом других молодых рабочих, стремившихся к политической жизни, но не находивших для этого опоры.

Этот кружок после двух-трех месяцев систематических занятий с ним наших интеллигентов (Драчева, Носенко), определяется как большевистская ячейка, хотя на первом организационном собрании наиболее энергичные и экспансивные товарищи (погибшие Воронцов и Клочко) рьяно доказывали, что «нам не нужна марка, а мы должны из себя выработать твердых революционеров». Через три месяца они с такой же энергией доказывали, что настоящие революционеры—это только большевики.

Благодаря удачному составу этого кружка, состоявшему из 15—18 тт., энергичных, развитых, начитанных рабочих, уже подготовленных к самостоятельной политической работе, он превратился, в силу вещей, в руководящую ячейку всей Заднепровской организации. Из него было выделено основное ядро, названное исполнительной комиссией, которая взяла руководство работой в свои руки. Исполнительная комиссия выделила меня организатором, В. Клочко—кассиром и П. Воронцова—техническим работником. Через Драчева нам удалось добыть гектограф, бумагу, мастику, и 1-ое мая было ознаменовано выпуском листовки, которая вызвала оживленные толки среди рабочих заводов и мастерских, а жандармерию заставила произвести безрезультатные обыски у некоторых рабочих.

Необходимо указать, что огромная доля внимания нашей организации была направлена на распространение большевистских рабочих газет: вначале «Правда», после «За Правду» и «Путь Правды» и т. д. В одних вагонных мастерских мы имели до 300 подписчиков, да распространяли около сотни. По тем временам это стоило огромных усилий и свидетельствовало

о значительном влиянии нашей организации на рабочих. В то же время меньшевистский «Луч» на все Заднепровье выписывался не больше как десятком-другим рабочих.

С редакцией «Правды» была завязана постоянная связь, намечены корреспонденты и при содействии Г. И. Петровского «Правда» почти еженедельно помещала корреспонденции из Екатеринослава на бесчисленные тогда больные темы рабочей жизни. Сборы на газету, агитация за ее распространение — все это заполняло значительную часть нашей работы. Надо отметить, что за весь этот период Заднепровская организация не имела постоянной связи с екатеринославским центром, а от случая к случаю связывалась для того, чтобы решать общие вопросы или добыть необходимые материалы. Это в значительной мере сохранило организацию, так как в Екатеринославе, начиная с 1911 года, шли непрерывные провалы и аресты работников и просто сознательных рабочих. Но уже с момента организации кружка из молодежи—третьего по счету—в вагонных мастерских, в который вошли полные тогда энтузиазма и исканий юные рабочие из учеников и помощников мастеровых (из них сейчас еще бодрствуют на благо революции Суханов и Булат) Заднепровская организация становится центром большевистских сил и источником работы во всем Екатеринославе. В 1913 г. этот кружок под руководством А. Скворчевского проходит почти непрерывную 4—5 месячную систематическую школу по изучению марксизма, полит-экономии и проч., а еще через несколько месяцев он выделяет руководителей новых кружков, организуемых этими молодыми членами нашей организации. Организация разделяется на несколько кружков; вместо прежней создается новая Исполнительная Комиссия в составе Воронцова, Андронова и Лебедя. Она через Беспалова, Носенко и Драчева проводит работу по обслуживанию этих кружков; в то же время оживляется и массовая работа. Делается попытка организовать забастовку на ряде крупных заводов, устраивается ряд собраний из передовых рабочих, на которых выносятся резолюции об об'явлении забастовок на экономической почве. Забастовки частично проводятся. Работа вновь пошла в направлении организации кружков, их воспитания и массовой агитации. К этому времени удалось через Носенко получить из заграницы литературу и добыть библиотеку, что обеспечивало правильную постановку занятий. Товарищи из нового кружка увлекались полит-экономией, Эрфуртской программой, Коммунистическим Манифестом с предисловием Плеханова, бесконечно спорили с меньшевиками или им сочувствующими, строили фантастические планы, но все же выполняли и практическую работу. В руках Исполнительной Комиссии Заднепровья сосредоточиваются связи с Питером через т. Петровского. Он направляет к нам Авилова-Глебова, который в короткое время своего пребывания успел прочесть ряд лекций почти на всех кружках Заднепровья. Изредка из заграницы, через того-же Носенко, получалась специальная литература, резолюции парт-с'ездов и конференций, проекты листовок. К первому об'езду т. Петровским своей «епархии» в 1913 году Заднепровская организация уже охватила своим влиянием все заводы Заднепровья.

Когда т. Петровский сделал доклад о деятельности в Думе и о задачах рабочего класса, собрания по тому времени были довольно многолюдны (сотня рабочих). Третье узкое партийное собрание, созванное вблизи станции Игрени в Кучегурах, было посвящено вопросам нашей дальнейшей работы, связи с Питером и работе в массах.

Последнее собрание, устроенное в лесу, не было удачным, так как охранка о нем пронюхала и прежде чем успели сойтись все приглашенные, патрули донесли, что едет конный отряд. Пришлось разбежаться. Тов. Петровский был задержан, но после пред'явления депутатского удостоверения пристав его освободил. Два товарища были арестованы, но через неделю выпущены.

После от'езда т. Петровского наступило затишье. Заднепровцы ушли в глухое подполье. В городе был произведен ряд арестов. Мы вновь занялись кружковой работой и организацией рабочих вокруг «Правды».

В 1914 году, после об'явления войны, собирается Исполнительная Комиссия с интеллигентами Носенко, Драчевым и Худокормовым. На этом собрании обсуждается вопрос о нашем отношении к войне. Носенко первый высказывается отрицательно, ругает германских с.-д. за их предательское поведение, говорит, что мы должны повести пропаганду среди рабочих против войны, Драчев его поддерживает; Худокормов говорит, что прав Плеханов и что русская социал-демократия должна поддерживать войну, так как на Россию нападают, и ей надо обороняться.

С этого момента начинается оживленная работа по проведению линии, взятой большинством на первом июньском совещании. В начале вопрос об отношении к войне был обсужден в партийных кругах и среди сочувствовавших нам рабочих. Почти ежедневно проводились собрания, на которых все яснее и яснее определялись две позиции. Одна, занятая большевистской частью организации во главе с Носенко, и другая—проводимая Худокормовым. В самом Екатеринославе наиболее активным и ярким сторонником отрицательной позиции был т. Копылов Мих., связавшись с которым Заднепровская организация об'единяла свою работу и координировала ее с Екатеринославской организацией. Наконец, приезжает тов. Петровский. Устраивается широкое собрание из членов организации и наиболее верных сочувствующих рабочих.

Одиннадцать часов вечера. Я и Драчев, назначенные организаторами собрания, уже на своих патрульных пунктах. По четырем направлениям, в одиночку—по два, сходятся приглашенные на собрание Место выбрано в лозняке, покрывшем котловину между двумя высокими кучугурами. 12 часов. Все на местах. У меня обязанность провести на собрание Петровского. Ухожу, встречаюсь с ним в условленном месте, и другой дорогой являемся на собрание. Расставляю в пяти пунктах товарищей из кружка Воронцова (так назывался кружок, организованный из молодежи), даю им инструкции, снабжаю спичками, паклей—на случай, если придется сигнализировать. Ночь лунная. Места выбраны возвышенные, и каждому часовому далеко кругом видно, что делается. В мастерских ночная смена, в кузнице стучит. Все это создает особенную, таинственную обстановку.

Прихожу, собрание уже открыто. Намечаю в патруль очередных товарищей, обязанных через час сменить стоящих. После почти 2-х часового доклада Петровского начались прения, принявшие оживленный характер. Все понимали, что от решения на этом собрании зависит направление работы среди рабочих Екатеринославщины. Или им будут втирать очки об оборонительном характере участия России в войне и о хищничестве германского империализма, или их будут призывать к революционному протесту против насильнической войны.

Одним из первых выступил Худокормов, который высказал свою оборонческую точку зрения, за ним в таком же духе высказывается наш большевик Медведев. Это всех поразило и вызвало реплики со стороны заднепровцев. Я увлекся вместе с другими, с нетерпением ожидая, когда председатель предоставит мне слово. Однако, этому помешало следующее обстоятельство: Драчев предложил мне пойти посмотреть, что это на ближайшей кучугуре движется огромной тенью. Я незаметно вскакиваю, ухожу поближе к смутившей нас тени и мне представляется все яснее и яснее, что из кучугуры движется бесчисленное количество фигур не то на лошадях, не то большими группами. Одни уже сходят вниз, другие появляются на верху. Оглядываюсь кругом по направлению, где стоят патрули. Ожидаю сигнала. Сигнала нет. Укрепляется убеждение, что собрание провалено, и прямо на нас медленно направляются те, кому важно было захватить нас с поличным. Возвращаюсь для того, чтобы еще раз тверже убедиться. Отзываю несколько товарищей и вместе с ними, уже слегка раздвигая лозняк, наблюдаю за двигающимися черными силуэтами. Все убеждаются, что нас раскрыли и нужно удирать. А надо сделать так, чтобы не было паники. На собрании до двухсот человек. Возвращаюсь, тихонько сообщаю об этом председателю. И стоило его отвлечь на одну минуту от руководства собранием, как сразу же предчувствие опасности охватило все собрание. Председатель еще не успел предупредить, как все стремглав стали разбегаться. Носенко, я, Петровский, Драчев и еще несколько товарищей успели остановить часть собрания и предложить резолюцию по докладу Петровского. Быстро заслушав основные моменты резолюции, почти единогласно приняли ее и стали уже с большей осторожностью расходиться. Петровского и Носенко я повел в противоположное от поселка направление, чувствуя в душе какую-то неловкость, считая себя как бы виноватым в неудаче собрания. Оправдываюсь, что это первый раз. Сколько мне ни поручали организовывать собрания, всегда обходилось прекрасно, а здесь такое серьезное дело, и вдруг провал. Чувство досады усиливалось еще тем, что так мне и не удалось выругать ренегата Медведева, что еще несколько минут назад я с таким удовольствием предвкушал. Через крестьянские баштаны, обогнув круг версты в три, стали подходить к поселку с противоположного от места собрания направления. Вместе с Носенком радуемся, что спасли депутата. Вошли в поселок. Всюду отчаянный вой собак, шум. Кажется, что десятки отрядов в разных направлениях скачут по улицам. Отвожу Петровского на безопасную квартиру и возращаюсь домой, ложусь не раздеваясь, чтобы быть готовыми к бегству, на случай, если придут. Утром с нетерпением бегу в мастерскую

узнать, много ли жертв было отдано ночью. Обошел все цеха. Наши на своих местах и также ожидают новостей. Послали на заводы узнать новости. Уставший, полусонный, стою у станка, ожидаю сообщения с заводов, а мысль о виновности, о моей неряшливости все время меня не покидает. Вдруг, подходит товарищ, которого я назначал в патрули на одну из кучугур: «Вы, что же, Дмитрий, оставили меня на всю ночь, а обещали сменить»—«Как, в чем дело, где я оставил тебя»? Да на посту. Ведь я только утром пришел, еле хожу, не спал всю ночь, ноги болят, потому что ходил, чтобы не заснуть при исполнении обязанностей».—«Да в чем дело, говорите толком»—«Да ведь вы меня не сменили. Я первое время сидел. Часов у меня нет, но думаю, что уже прошло в два раза больше времени, чем мне полагалось. Решил встать и размять немного начинавшие уже коченеть ноги, а для того, чтобы не было заметно с низу, что на кучугуре есть человек, я нарезал лозы несколько пучков, обтыкал себя кругом пояса и стал похож на куст, и вот так ходил до самого утра, помня ваш приказ о сугубой ответственности патруля на его посту». Тут я понял, какие это двигались вчера бесконечной вереницей фигуры в направлении к нашему собранию. Увлекшись ходом собрания, я совершенно забыл об этом патруле, и в то время, как всем остальным послал смену, этот оказался несмененным. Результаты уже изложены.

Не могу передать всей злобы и к этому патрулю и к самому себе за то, что единственное в своем роде собрание так глупо было сорвано. Решили дело исправить и на другой вечер созвали собрание, но уже с гораздо меньшим количеством людей и там еще раз была проведена резолюция, наспех принятая на первом собрании. Впоследствии эта резолюция явилась платформой в работе большевистской организации. На процессе фракции государственной Думы она фигурировала в числе вещественных доказательств в руках царской прокуратуры. Через некоторое время к нам из Питера приезжает Василий Шмидт. Мы его вводим в состав районного комитета, который был избран, если не ошибаюсь, задолго до об'явления войны, на квартире Худокормова, куда вошел в числе других т. Скворчевский (которого я попрошу, как и других товарищей, описать те времена и поправить меня там, где я, возможно, излагаю неточно).

С приездом Шмидта работа приобретает боевой характер. Не было дня, чтобы заднепровцы не организовали какого-либо собрания, где основным мотивом агитации и пропаганды было будирование рабочей мысли против войны. В то же время районный комитет направил свое внимание на дело расширения круга членов организации и сочувствующих. Свое влияние заднепровцы распространили на все заводы. Не было ни одного предприятия, где бы рабочие не входили в ту или иную ячейку нашей организации. Связь с раб. поселком Каменское была налажена, наш райком поставил вопрос о конференции этих всех районов, для координирования деятельности организации. На партийном собрании были произведены выборы (тайным голосованием), был избран наш делегат (Лебедь). Конференция упрочила связь между районами, наметила план работы. С конференции в Заднепровскую организацию был послан т. Бек, незадолго до того приехавший

в Екатеринослав. Заднепровский район решил приступить к изданию газеты. Собственными усилиями в мастерских был изготовлен станок, добыт валик и шрифт из железнодорожной типографии. Приступили к изданию. Первый номер «Звезды», вышедший в весьма ограниченном количестве, был посвящен войне. Оживление в организации и на заводах вызвало и усиленную слежку охранки. В Заднепровье арестовывают Беспалова, в Екатеринославе группу работников. К Воронцову на квартиру пришел охранник как раз в тот момент, когда мы были заняты налаживанием станка и приспособлением его к печати (первый номер технически вышел весьма неудачным). После почти 12-ти часового отсутствия Воронцова, он пришел с заявлением, что ему предложено в двухнедельный срок выехать из Екатеринослава. Ночью шрифт и станок были закопаны возле уборной. Отец жены Воронцова, проследивший это, откопал и забросил все в уборную, и приспособления и части, с таким трудом в течение почти месяца изготовленные, пропали. Последующие репрессии на организацию заставили отказаться от мысли издавать газету. Часть шрифта была передана Екатеринославской организацией для Каменского. Кампания по вопросу о военно-промышленных комитетах захватывает широкие массы рабочих после того, как наша организация выявила свое резко-отрицательное отношение к ним. Между прочим на первом партийном собрании в этом вопросе впервые дали надлом в большевизме и Носенко и Драчев, склонившись в сторону участия в военно-промышленных комитетах. Была созвана массовка с участием всех заводов, на которой абсолютным большинством была принята резолюция большевиков, несмотря на то, что меньшевики послали своего лучшего трибуна, Андрея, или, как мы его называли, Жореса № 2, а большевики выставили ораторами рабочих. На этом собрании также случилось грехопадение с большевиком Хлебодаровым, занявшим позицию меньшевиков. Почти на всех собраниях больничных касс была проведена отрицательная линия по вопросу об участии в военно-промышленных комитетах.

* * *

Носенко получил проект листовки, предполагаемой к первому мая. Собрание комитета сократило эту листовку почти в два раза. Мне и Воронцову было поручено ее отпечатать. Ночью приступили к работе, должен был быть и Андронов, но он почему-то не пришел. Решили не ждать и печатать. К двум часам ночи изготовили около 300 экземпляров, устали, решили лечь спать, а убрать все утром; по всей комнате разложены для высыхания листовки, руки в краске. Воронцов за столом заснул, я готовлюсь ложиться, вдруг необычайный стук в дверь, вскакиваем, мечемся из угла в угол, подбираем прокламации, прячем за мебель, под кровать, куда попало, а стук все настойчивее, наконец, становится ясным, что всего не упрячешь, да и некуда. Иду к двери, оказывается, Андронов. Встряску ему дали порядочную за волнение, которому он нас подверг своим поздним приходом, который, как оказалось, об'яснялся хорошей весенней ночью и луной.

Весь 14 и 15 год прошли под знаком массовой работы. Надо сказать, что когда практическая партийная и массовая работа захлестнула организацию, большинство рабочих-большевиков перестали посещать кружки-лекции,

перенеся центр работы в заводы на массовки, на борьбу с оборонцами в больничных кассах и вообще подчиняли теоретически-воспитательную работу организационно-революционной, массовой. С этого момента многие из старых интеллигентов начали уединяться и постепенно отходить от партийной работы. Особенно это проявилось в 15 году, когда охранка вырвала часть руководителей Екат-ой организации—Аверина, Телешева и других. На одном из заседаний районного комитета был поставлен вопрос о категорическом предложении Носенку, Драчеву и др., чтобы они принимали участие в работе, выполняя задания комитета. Сплошь и рядом на об'единенных массовках, где выступали меньшевики, надо было противопоставить им наиболее сильных наших работников. После вторичного напоминания был поставлен вопрос о бойкоте указанных лиц, как не желающих выполнять партийных обязанностей. Однако, и это не помогло. Фактически с этого момента начинается отход Носенко, Драчева и ряда других интеллигентов к меньшевикам. Помню, что с их участием прошло лишь одно заседание по вопросу об'единения с укр-эсдеками, не приведшее ни к каким результатам. Все товарищи, активно работавшие в Заднепровье, решили прекратить возню с отлынивающими интеллигентами и управляться со всеми видами работы самостоятельно.

Отход интеллигентов происходит с молниеносной быстротой. Помню последнее собрание, созванное на квартире у т. С. Власенко, к этому времени переехавшему из Каменского в Заднепровье. На этом собрании ставился вопрос о нашей тактике: расширить ли массовую работу, использовывая отдельные забастовки в целях политической агитации против войны, или ограничиваться узко-кружковой работой. На собрании были В. Шмидт, Носенко, Драчев, Медведев, Рысин, Клочко, Хлебодаров, Блинов, Баглей и много других рабочих из заводов Заднепровья. После долгих и бурных разговоров собрание разошлось без всяких результатов. Заднепровцы решили вместе со Шмидтом больше к интеллигентам не обращаться и действовать самостоятельно. В скорости т. Шмидт уезжает, так как слежка охранки угрожала вырвать его из наших рядов. Районный Комитет Заднепровья ставит вновь вопрос об издании газеты. Поручается Власенко добыть шрифт, что он и делает через одного рабочего из жел.-дорожной типографии, после оказавшегося провокатором (фамилии его не помню). Параллельно подготовке газеты, решили выпускать листовки. Одна была выпущена, но содержания ее не помню. Выяснилось, что типографию необходимо отправить в Каменское, что и было сделано. Типографию устроили через Красненьково (после оказавшегося тоже провокатором), и выпустили еще 2—3 противовоенных прокламации. Новые аресты ряда товарищей в городе (из Заднепровья Хлебодарова) приостановили издательскую деятельность организации. В это время особенно острый характер принимает борьба с оборонцами. Использовывались все средства, чтобы разоблачать их гнусное поведение перед рабочими массами. Наш комитет однажды случайно узнает, что по случаю приезда Амвросиева (известного после провокатора) оборонцы созывают обширное совещание из представителей общественных

организаций, больничных касс, кооперации, Научного общества и т. п. На этом совещании должны были решаться вопросы страхового с'езда и быть намечены кандидаты на с'езд. Комитет решает принять участие в совещании и командирует меня и Власенко. Приходим, сообщаем о цели нашего посещения. Собрание происходит на квартире у какого-то врача, в комнату нас не пускают, выходит для переговоров оборонка Боголюбова, доказывает, что их собрание почти легальное, и наше присутствие ставит его под угрозу, так как мы никакую общественную организацию не представляем. Мы заявили, что представляем лучшую часть сознательных рабочих, организованных вокруг большевиков, и что если нас не пустят на собрание, то завтра же мы скажем всем рабочим Екат.-ва, как оборонцы за их спинами расторговывали рабочие интересы. Это, очевидно, подействовало, и, после специального по этому вопросу совещания на самом собрании, нас впустили. Амвросиев сделал тягучий, почти 2-х часовый, доклад о задачах с'езда, о значении страхования, предупредив в заключение, что весьма возможно что с'езд не будет разрешен легально и его придется собирать полулегальным путем. Оборонческая братия (их там было человек до 30, в том числе два эс-эра-кооператора) с места в карьер стала обсуждать кандидатуры на с'езд. Здесь мы с Власенко поняли, что настал наш черед. Первым обрушился на почтенное собрание я, указывая на необходимость подвергнуть разсмотрению на широких собраниях рабочих, хоть бы в больничных кассах, вопросы, подлежащие обсуждению с'езда, и уже потом выбирать кандидатов, но от рабочих, а не от кучки оторванных лавочников-кооператоров и патриотов царского отечества, собравшихся на этом собрании. Это было бомбой, председатель стал кричать (председательствовал Цорн, известный Екат-й оборонец), называть нас террористами и т. п. Однако, кое-как мне удалось довести свою речь до конца. После выступил Власенко, его речь так и не была заслушана до конца, так как ругательский тон, сразу же взятый им, взбесил собравшуюся знать, (кстати сказать, были там и нынешние коммунисты, в частности т. Шаляхин, которого я и тогда и теперь к знати не причисляю, так как он все же был связан с рабочими, хотя и лил воду на меньшевистскую мельницу). В результате нас с собрания выгнали: мы ушли с выкриками: «Предатели, лавочники!» Этот случай нами был широко использован, и на нескольких массовых собраниях мы изобличали попытку оборонцев, пытавшихся без ведома рабочих решать их дела. Как после выяснилось, с'езд не был разрешен и собравшим чемоданы оборонцам пришлось их вновь распаковывать.

Я не помню случая (до моего ареста и отправки в солдаты в мае 1916 года), чтобы в нашей организации принимали участие интеллигенты. Они отошли раз навсегда и в начале революции все очутились в лагере меньшевиков. Помню одну попытку Полонского сделать несколько докладов о процессе большевистской фракции, но после первого же доклада мы ему заявили, чтобы он больше докладов не делал, так как в его докладе красной нитью проходила меньшевистская тенденция. Он заявил, что его мнение о процессе разделяют наши же товарищи по

фракции Носенко и Драчев, но мы любезно отказались от этих товарищей и посоветовали Полонскому взять их в свою фракцию. В августе 1916 года я вновь попадаю в Заднепровскую организацию, временно освободившись от военной службы. В Заднепровье в это время появилось новое лицо, Стеркин. Не знаю, кто его привлек к организации, но факт, что он вошел в круг самых активных работников. На одном из собраний комитета совместно с активными товарищами, где решался вопрос о создании связи с Донецкой организацией, был и Стеркин. Я его увидал первый раз, и стоило ему только выступить, как у меня создалось какое-то предубеждение против него. Говоря о связи, имеющейся у него с анархистами, эс-эрами и с некоторыми городами, он здесь же ни к селу, ни к городу вставлял сообщение о его прежней работе во Франции, в Германии, о его личном знакомстве с Жоресом, Либкнехтом, Плехановым и другими видными заграничными социалистами. Я, как председательствовавший, не один раз напоминал ему о теме, подлежащей обсуждению, и просил о его похождениях рассказать частным образом после собрания. Он остался после закрытия собрания и несколько часов нес околесицу о своих прежних заграничных похождениях. Для меня стало несомненным, что он дурак или провокатор, пытающийся влезть в доверие товарищей. Свои сомнения я высказал Баглею, Клочко и др. Однако, они не согласились, и Стеркин продолжал бывать на собраниях и массовках. Один раз он подошел ко мне и завел разговор о пораженчестве, имеющем место среди большевиков. С трудом скрывая свою антипатию к нему, я постарался перевести разговор. Тогда он предлагает мне пойти на собрание пораженцев в Екат-ве, где будет и он. Я наотрез отказался, заявив, что мне там нечего делать. Случайно я узнал от Баглея (старый большевик, приехавший к нам из Киева, во время революции умерший от тифа), что ему Стеркин говорил о том, что я якобы приглашаю на собрание пораженцев, к которым я примыкаю, и уже организовал 14 чел. Это меня удивило, и мы решили понаблюдать за Стеркиным.

В Екат-в приехала из Франции в это время С. Гопнер. Было организовано собрание из партийной публики для ее доклада, но почему то она не явилась, и доклад об общем положении и нашей тактике сделал я. Доклад вызвал прения, кто-то привел на собрание двух анархистов и нескольких укр-эсдеков, и те и другие выступили против тактики нашей организации. Анархисты призывали сейчас же усилить террор над буржуазией, полицейской сворой, укр-эсдеки говорили об об'единении. Помню, что я получил на собрании большинство за резолюцию, в которой говорилось о подготовке рабочих к революционному выступлению под лозунгом «Долой войну!» и о пропагандировании среди солдат. Стеркин на этом собрании держался весьма странно, сидел тихо, как будто чего-то выжидая. Собрание разошлось, но через некоторое время на квартиру, где оно состоялось, приехали охранники, произвели обыск, но никого не арестовали. Уже в марте месяце 1917 года в документах Екат-ой охранки была найдена информация Стеркина, где он говорил, что якобы в Екат-ве под председательством Белого (Лебедя) состоялось инициативное

собрание 14 большевиков-пораженцев. Только тогда я понял, почему Стеркин хотел навязать мне пораженчество. Другая информация его состояла в том, что собрание в Каменке созвано для выслушания доклада «Наташи», кличка Гопнер, приехавшей из Франции, что, по мнению информатора, собрание следует накрыть и участников упрятать в тюрьму.

Организация вагонцев поставила вопрос о забастовке в связи с тем, что недовольство заработной платой и рухловским режимом растет среди рабочих все шире и шире и надо его использовать. Комитет решает забастовку начать, придав ей политический характер и перебросив на другие отрасли жел. дороги.

С утра наши товарищи разошлись по цехам и вывели рабочих к Николаю (площадь, где стояла икона Николая). Вышли все рабочие, как один—до 6.000. Только конторщики остались сидеть за столами и, выглядывая трусливо в окна, смотрели, как собираются рабочие.

Комитет постановил запретить выступления ряду товарищей, в том числе и мне, так как это грозило арестом, что отразилось бы вредно на организации. Однако, когда рабочие собрались, получилось какое-то замешательство, никто не выступал. Кое-кто стал предлагать разойтись. Быстро посоветовавшись с некоторыми товарищами, решаем спасти положение, взбираюсь на тележку, стоявшую посредине собрания, и начинаю «держать речь». Это была первая речь на таком огромном собрании. Мысли в голове спутались, хотел начать с рухловских порядков, заработной платы и кончить войной, но какая-то сила все перевернула в голове, и я всю свою речь посвятил войне и только вскользь указал на необходимость пред'явить экономические требования. После выступил Медведев. Во время его выступления я вспомнил, что у нас не выработаны требования. Подозвав Суханова, я на его спине, советуясь с Клочко, здесь же написал требования, которые Суханов выставил на обсуждение рабочих. Требования эти были написаны в пять минут, Суханов прочел их: шум одобрения, ни одной поправки, море рук поднялось в знак согласия, решено не работать до ответа. Срок в два дня.

После мы установили, что требования весьма высоки в области заработной платы, но их уже нельзя было урезывать, и решили оставить. Бастовали два дня, на третий была введена жандармерия, и забастовка была сорвана. Мы уже посылали товарищей в Луганские мастерские, Александровские и паровозные, с предложением поддержать нас; однако, как только там узнали, что нижнеднепровцы стали на работу, то отказались что-либо предпринять для организации забастовки. В результате все рабочие были оштрафованы по 3 и по 5 рублей. Нескольких молодых товарищей (Суханова, Булата и др.) перевели на участки, и тем дело окончилось. Через месяц после одного из собраний я был арестован вместе с Гопнер, Обориным и рядом других, всего 23 человека. Из тюрьмы я уверенно, но осторожно, передавал свои подозрения о Стеркине, за ним установили слежку, но революция облегчила установить провокаторскую деятельность его и ряда других: Веренчева (меньшевика), Моисеева, Зайцева и Красикова.

Незадолго до ареста на квартире у Стеркина состоялось об'единенное заседание с представителями от городского комитета Екатер-ва. Еще когда мы шли на собрание я заметил двух подозрительных типов, следящих за нами, и заявил Баглею, что Стеркина надо «отшить» от организации. К сожалению, несмотря на чутье старого подпольника, на этот раз Баглей не соглашался со мною и верил этому ловкому агенту питерского охранного отделения, как выяснилось потом, присланного оттуда специально для ликвидации Заднепровской организации. 3-го марта нас освободила революция. 5-го я был послан Советом в Исполнительный Комитет Общественных организаций, там был избран комиссаром милиции и 6 марта ночью арестовал охранное отделение, где, в первую очередь, поспешил выяснить виновников провалов Ека-ой организации. Прочитав доклад на 80-ти листах о Заднепровской организации, я сразу же понял, кто являлся провокаторами, хотя фамилии удалось установить гораздо позже. На другой же день на партийном собрании в Заднепровье я отвел кандидатуру Стеркина, выставлявшегося в партийный Комитет. Предлог выдумал искусственно, не желая спугнуть Стеркина до окончательного фактического установления его принадлежности к охранке. Собрание единодушно согласилось, несмотря на то, что он успел уже создать себе авторитет.

Через несколько дней он вместе с другими был арестован, а еще через несколько месяцев правительством Керенского выпущен, как и сотни ему подобных. Веренчев сумел пристроиться в новой обстановке и совсем недавно т. Аверин арестовал его в Одессе, где он работал в кооперации. Наверное Стеркин также где-то подвизается—до встречи с теми, кого он продавал царской охранке.

4/VI—1922. «Заднепровец» (Д. ЛЕБЕДЬ).

ЕКАТЕРИНОСЛАВ

Декабрь 14 г.—Июнь 15 г.

Первый период

Охранка не смогла создать «дело», и меня, после 4-х месячной отсидки в Крестах—выпустили.

Моя работа, в качестве секретаря нашей Думской большевистской фракции, была все-же достаточным мотивом к тому, чтобы выслать меня за пределы Петрограда.

В один день со мной из Крестов был выпущен и тов. В. Шмидт, тогдашний секретарь питерского союза металлистов и теперешний Нарком-труд, с которым мы и условились встретиться на квартире у депутата Г. И. Петровского, чтобы там сговориться.

Выехать из Питера мы должны были через 48 часов и, поэтому, в первый же день мы встретились вечером у тов. Петровского.

Там мы условились, что тов. Шмидт едет в Екатеринослав и сейчас же напишет мне, если будет какая-либо возможность устроиться.

Недели через две я уже получил от него приглашение приехать в Запорожье-Каменское на Днепровский завод для работы в больничной кассе.

Я сейчас же выехал, и в конце ноября 14 г. приехал в Каменское.

Когда ночью наш поезд проходил по цепи огнедышащих Екатеринославских заводов, развивавших тогда усиленнейшим темпом работу на оборону, я впервые почувствовал на себе подавляющую, подчиняющую и вместе с тем привлекающую силу этих промышленных гигантов.

Шум заводов заглушал лязг и постукивание вагонов, а столбы огня, выбрасываемые из громадных труб, казались факелами труда.

Первые две недели я работал в качестве счетовода в больничной кассе Днепровского завода в Каменском. Больничные кассы к этому времени сделались главной и почти единственной легальной организацией, в которых могла проявиться наша большевистская работа. Профсоюзы почти везде были закрыты, а те из них, которые существовали, были почти сплошь захвачены ликвидаторами, использовавшими преимущества своего полулегального существования.

В Екатеринославе к 15 году, насколько я помню, не было, напр., союза металлистов, и единственный союз, в котором мы могли так или иначе проявить себя, был союз торгов. пром. служащих, которым руководили еврейские социалисты вкупе с меньшевиками. Но о нашей работе в нем после.

Главная работа организации сосредоточивалась в больничных кассах, и за обладание ими шла отчаянная борьба между большевиками и ликвидаторами.

Если рабочая часть правления была наша—это прежде всего обозначало приглашение большевика Секретарем кассы, каковой и являлся фактическим руководителем как всей страховой работы, так и вообще рабочего движения в соответственном предприятии. Каменское, или, вернее, Днепровский завод составлял, в смысле партийной и всякой иной работы среди рабочих, одно целое с группой екатеринославских заводов и Каменское в этом смысле особенно тяготело к Брянскому заводу, который, благодаря своему положению, был естественным лидером рабочего движения в Екатеринославском районе. На Брянском заводе к 15 году работало около 12—13.000 вольнонаемных рабочих и около 3-х тысяч военнопленных.

В 3 смены, безостановочно, этот 15.000 человеческий муравейник выбрасывал горы снарядов и др. орудий войны, служащих разрушению и рядом с ними—громадные узорчатые, стройные и красивые железные переплеты жел. дор. мостов.

Снарядами Брянского завода разрушались десятки жел. дор. мостов, и тут же подвозился из Брянского завода новый переплет для моста, который через неделю мог быть снова снесен противником или нами же при отступлении.

Война пред‘являла ежедневно все большие требования на рельсы, балки, снаряды и т. д. Казенные заказы текли широкой рекой, и работа всех металлических заводов Екатеринослава с каждым днем расширялась, а количество рабочих росло.

Этому мешали отчасти мобилизации, но отсрочки принимали все более широкие размеры, привлекая на заводы новый слой мелкой буржуазии, укрывающейся от воинской повинности.

Этот новый поток разложил пролетарский состав рабочих, но на их настроение он большого влияния иметь не мог, так как эта группа была пассивна и в политику не лезла. Она отбояривалась от военной службы,— все остальное на заводе ее мало интересовало.

В общем же рабочая масса была пришиблена войной. Широкое движение 12—14 года докатилось и до Екатеринослава. До войны здесь была значительная группа большевиков-правдистов.

Перед войной определенно обозначилось преобладание большевистских настроений.

Брянский завод и здесь шел во главе. В противовес Брянскому стоял Трубный «А», руководимый старыми прожженными меньшевиками-ликвидаторами Гвоздаковым, Мазановым и др.

На Днепровском-Каменском положение было неопределенное,—и та и другая группа были значительны и почти равносильны.

Амур-Нижнеднепровск был по преимуществу большевистским. Меньшевики не имели там крупного влияния. Некоторое влияние имели украинские с. д., во главе с их лидером Романовским, имевшие сторонников, главным образом, в ж. д. мастерских.

Это соотношение, установившееся до войны, по инерции держалось и во время войны, до того момента, пока полиция арестами большевиков-правдистов не очистила поле для беспрепятственной и монопольной деятельности меньшевиков-оборонцев. Во всяком случае, примерно, такое положение я застал в Екатеринославе в декабре 14 г.

Ограничиваюсь этой краткой характеристикой, т. к. этот вопрос должен быть освещен в статьях товарищей, работавших до меня.

Работа в Каменской кассе была для меня этапом для перехода в Брянскую, где был арестован секретарь—большевик т. Чучин. Меньшевики, входившие в состав правления Брянской кассы, хотели воспользоваться этим случаем и выставить своего кандидата, но рабочее большинство не пошло на это и ждало своего. Мою кандидатуру наши провели как деловую. То, что я был около года секретарем больничной кассы завода Штудер в Питере, оказалось очень на руку, и представители заводоуправления не могли возражать против моей кандидатуры. Меньшевики, конечно, маневр поняли—им уже было известно, что я был не только секретарем больничной кассы зав. Штудер, но еще и секретарем думской большевистской фракции, но они ничего не могли сделать.

Этот мой полулегальный большевизм скоро стал известен в Екатеринославской охранке и полиции, и уже дней через 5—7 моей работы в Брянской кассе ко мне явился заводской пристав (или его помощник), расспросил о моей прежней работе в Питере, причинах высылки и т. п. Хотя этот визит и носил характер полуоффициального разговора и ничем видимым не закончился, но по существу это означало, что я взят на учет, о чем мне и дано знать.

Таким образом, я сразу был взят под наблюдение и подозрение. Это, с одной стороны, облегчало мою работу в части страховой. Здесь я открыто, не стесняясь представителей заводоуправления, стал проводить большевистскую линию, но с другой, в области нелегальной—это очень затрудняло мою работу и обрекало и меня и товарищей, со мной связанных, на сугубую осторожность.

Положение партийной организации и работа.

К моменту моего приезда Екатеринославская организация начала оправляться от очередного разгрома.

Главный удар на этот раз пришелся на город, а не на рабочие районы, но он тем самым разорвал связи.

Через несколько дней после начала войны, в связи с антимилитарической листовкой, была арестована группа работников-комитетчиков: т.т. Григорий Берлин, Лия Полонская, Нисен Рыбников, Берта Перельман и другие, а с завода—Мих. Копылов. Против этой группы было состряпано дело по 102 ст., и т.т. Рыбников и Берта были осуждены, а т.т. Лия Полонская, Берлин, Копылов и др. были освобождены, но высланы из Екатеринослава. Городской район и после этих арестов не остался бездеятельным. Здесь работала группа человек 15—20, из которых я помню наиболее деятельных: т.т. Шустер (ныне свердловец), Лившиц, Энтин Зяма, Василий (сапожник), Михаил Геншафт.

Эта группа работала среди городских ремесленников и приказчиков Большого влияния на рабочие массы она оказывать не могла, тем более, что в ее среде не было выдающихся организаторов.

Рабочие районы после упомянутого ареста уклонялись от возобновления связи с городом, опасаясь провокации, действовавшей, якобы, именно оттуда.

Тогда, к сожалению, никто не знал, что крупные провокаторы Екатеринослава этого периода почти все были заводские рабочие (Зайцев, Моисеев и др). Я не помню, чтобы кто либо из известных мне работников городского района оказался причастным к охранке.

В Брянском районе или, вернее, Чечелевско-Кайдакском в это время работала группа крепких рабочих большевиков, из которых нужно прежде всего указать на товарища Василия Аверина, который после ареста Михаила Копылова стал руководителем всей работы в районе.

В момент моего приезда тов. Аверин был, после месячной отсидки за политическую речь на страховом собрании, уволен с Брянского завода, где он работал слесарем. Благодаря увольнению, Аверин механически вышел из состава правления Брянской больничной кассы, и мне с ним работать уже не приходилось. После нескольких неудачных попыток Аверина поступить на другой завод, было решено—слесаря превратить в счетовода и конторщика, и через неделю, слесарь кстати сказать, довольно хорошо грамотный, уже писал больничные листы и т. д. в Каменской больничной кассе.

Работа Аверина в Каменском еще больше усиливала связь Днепровского завода с городом и облегчала об'единение работы. Из других работников я помню Яшина Петра, Быченко, Новикова Арсения (в Трубной кассе), Лагутенко, Лаврушина, Тихона Бондарева, Амосова, затем с Амура—Петра Воронцова (погиб на нелегальной работе в 19 году), Власенко (теперешний Предгубисполкома Екатеринославщины), Скворчевского.

Это—местные работники. Из приезжих, кроме меня и тов. Шмидта, нужно отметить тов. Глебова-Авилова, М. Бека и А. Воронского.

Т. Глебов (член През. ВЦСПС) работал здесь еще раньше нашего приезда секретарем больничной кассы завода Гантке или Эстампажа (на Амуре). Но он продержался недолго. Уже в декабре 14 г. (или в начале января) он был арестован, а вместе с ним и тов. Шмидт, оказавшийся у него в гостях. Тов. Шмидт через несколько дней был выпущен, а Глебов, кажется, был выслан в Сибирь.

Т. Бек (Предгубревтриб. московск.) появился в Екатеринославе в начале 15 г. и, примерно, к марту он начал работать секретарем больничной кассы завода Эстампаж (на Амуре). В партийной работе он принимал небольшое участие.

Т. А. Воронский (редактор «Красной Нови») приехал в Екатеринослав в начале 15 года и был проведен секретарем больничной кассы Эстампажа.

Восстановить структуру организации того периода я с точностью не смогу. Организации, как единого целого, действующего под единым

ГРУППА СТАРЫХ БОЛЬШЕВИКОВ ЕКАТЕРИНОСЛАВСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Скворчевский. Равич-Черкасский. Лебедь. Петровский. Квиринг. Власенко. Суханов.

руководством, имеющего правильные связи с центром, не было. Если я не ошибаюсь, за первое полугодие 15 г. моей работы в Екатеринославе мы не имели никакой оффициальной связи с Ц. К. партии. Была получена, как будто, какими-то окольными путями, какая-то нелегальная литература. Думская фракция была арестована, и это сильно сказалось.

Районы, как я уже сказал, не были об'единены, и связь между ними поддерживалась на началах частного знакомства отдельных лиц. Если где и имелась связь, то это опять-таки по линии страховых касс. В самих районах начиналось то, что можно назвать организацией, хотя и здесь едва-ли были выборные комитеты. Но все-же группы были крепкие и твердые. Они собирались, обсуждали вопросы, действовали, и, поэтому, об'единить эти районы в одно целое оказалось делом нетрудным.

В начале 15 года составился Екатеринославский комитет—по принципу представительства районов, но я не смогу сказать, что эти представители были выбраны своими районами (группами). Я помню, что от Амура входил П. Воронцов, от городского—Лившиц, от Брянского—не могу вспомнить, входил ли кто-либо из рабочих помимо меня, с Каменским держали связь через Шмидта и Аверина.

Из партийных совещаний, носивших характер конференций районов я помню заседание на Амуре, на квартире железнодорожника Медведева. На этом совещании было человек 10. Оно было прервано тревогой расставленных кругом патрулей. Мы прервали обсуждение не то воззвания, не то проекта постановления и кинулись в рассыпную, через забор, в степь. Я оказался вместе с тов. Воронским, при чем последний по своей близорукости с разбега бултыхнулся в болото и потерял там свое пенсне. Когда я подбежал, он уже выкарабкался, но был весь мокрый и грязный.

По плохо знакомой местности мы выбрались закоулками к железной дороге и здесь уже зашагали смело.

Тревога оказалась ложной—патруль (т. Суханов, секретарь Амурского Райкома), принял мелькающие огни железнодорожников за тревогу и зажег условленный бенгальский огонь.

Других совещаний такого характера не помню. Да и особенной нужды в представительных совещаниях не было. По всем основным вопросам в организации наблюдалось единодушие. Мы были непримиримыми интернационалистами, всякое признание войны находило резкую отповедь. В рабочих массах война также была весьма непопулярна, и постоянные отсылки на фронт военнообязанных держали рабочих в состоянии напряжения и раздраженности.

Здесь уместно будет вспомнить один инцидент, который разыгрался, однажды, в больничной кассе Брянского завода. После работы как-то завязался спор по вопросу об отношении к войне. В кассе работал конторщиком известный в Екатеринославе Фирсов—плехановец. Его позиция в начале войны была неопределенной, но вот усердиями «Современного Мира» Н. Иорданского, да и ежедневной печати, до нас дошли ренегатские статьи Плеханова, и наш плехановец Фирсов начал все больше «самоопределяться» по своему учителю.

С резкой критикой обрушился на Плеханова другой наш конторщик, буйный большевик А. Каменский, студент питерских сельско-хозяйственных курсов, вызванный мной в Екатеринослав для работы. В порыве полемики т. Каменский крикнул: «Ваш Плеханов не социалист, а свистун».

Фирсов пришел в неимоверное исступление и грозил привлечь Каменского к суду Интернационала, когда он возобновит свои функции по окончании войны.

Каменский, в свою очередь, грозил отречением от Интернационала и Плеханову и Фирсову.

Фирсов с этого времени стал еще более ярым противникам большевиков. Вместе с Плехановым он опускался все ниже и погряз окончательно в патриотической мути. В дальнейшем Фирсов вместе с Гвоздаковым были организаторами группы «Единства», и всякий, хотя бы мало-мальски классово-сознательный пролетарий Екатеринослава испытывает к этим темным героям не только чувство озлобления и ненависти, но и брезгливости.

Работа в это время велась почти исключительно организационно-агитационная. Организационная—по закреплению низовых групп и об'единению их действий.

Пропагандистской работы в самых кружках почти не велось, пожалуй, за исключением кружков, которые вел на Амуре т. Скворчевский (ректор Артемовского ун-та). Но все-же кружки собирались. Я сам проводил 2 раза собрания группы городского района и раза 3—4 собрания Брянского кружка. На городском было человек 10, на Брянском—человек 20.

Но так как не было ни плана работы, ни преемственности, то эти собрания носили случайный характер. Говорилось о войне, о наших задачах, о праздновании 1-го мая.

Теперь, оглядываясь назад, может казаться, что эти собрания были малосодержательными, что они мало давали участникам, но это далеко не так.

Уже одна внешняя обстановка имела воспитательное значение.

Собрания происходили в монастырском лесу и в степи за Брянским заводом.

До условного места было более часа ходьбы. Каждый участник должен был смотреть за собой, идет ли он один. Одним словом, каждый рядовой член был подпольщиком, заговорщиком и, напр., обсуждение вопроса, как праздновать первое мая: бастовать или ограничиться листовкой, и даже обсуждение вопроса о том, как листовку лучше распространить—воспитывало крепких революционеров.

Помимо собраний партийных кружков, мы провели одну рабочую массовку. В овраге верстах в 3—5 за трубным заводом «А» собралось около сотни рабочих. Массовка охранялась надежными патрулями со всех сторон. У каждого были ракеты—на случай тревоги на дальнее расстояние и свистки—на ближнее. Это была целая сложная организация с паролями, условными знаками и т. д. Патрулировало человек 20 под командой с одной стороны т. П. Яшина, с другой—Шустера.

Техника проведения массовки и патрулирования весьма тщательно предварительно обсуждалась, ибо именно от этого зависел успех массовки Техника выдержала испытание. Почти никто не заблудился и не привлек внимания полиции.

На массовке говорил я (о войне) и еще кто-то из рабочих, кажется т. Валявка. Массовка прошла удачно.

Но, как после выяснилось, полиция все-же пронюхала про массовку и даже послала наряд, но было уже поздно. После, при нашем аресте, Шустеру вспоминали эту массовку и даже то, что он был в патруле. Устраивались также массовки на Амуре и в Каменском, но на них я не был.

В общем можно сказать, что после летнего разгрома 14 года Екатеринославская организация оправилась к концу года и в 15 году организация развивалась и проявляла уже значительную активность.

С нелегальной литературой дело обстояло плохо. Как я уже говорил, мы почти ничего не получали из центра. Книжки кое-какие были, и по нелегальным временам это, пожалуй, была не плохая библиотека. Находилась она в городском районе и бездействовала—не было квартиры. Пользуясь восстановленными связями с районами, мы решили передать ее на Амур в квартиру т. Клочко. В библиотеке было несколько сот книг и перетащить ее оказалось не таким легким делом. В течение нескольких дней несколько человек незаметно перетащили все книги на далекий Амур-Нижнеднепровск.

Библиотека была приведена в порядок и начала функционировать, Из районов библиотеку знали один-два товарища, которые и поставляли всем книжки, иначе мы бы очень быстро провалили библиотеку, в которой был, между прочим, почти полный комплект нелегального «Социал-демократа».

Но нужна была литература современная. Мы выпустили листовку, к 1-му мая, гектографированную. Не помню, вышла ли листовка к 4-му апр.,—во всяком случае к ней готовились. С гектографской техникой и распространением я непосредственно не был связан, помню только, что была она поставлена плохо.

Нелегальная газета

Однако, случайная литература не удовлетворяла, все были избалованы «Правдой».

Тоска по рабочей газете была сильнейшая. Рабочие вздыхали по «Правде». Но о легальной печати нечего, разумется, было и думать, поэтому начали думать о нелегальной. Подумали, поговорили и решили организовать нелегальную типографию, чтобы выпускать газетку. Одним из энергичнейших организаторов этого дела был т. Петр Воронцов, погибший на нелегальной работе в 19 г. П. Воронцов был душой нашей техники и, вообще, самым неутомимым работником. Дело стало налаживаться. Шрифт Воронцов достал, кажется, в железнодорожной типографии, свои наборщики стали его понемногу тащить. Краску и валик достал я через типографа, исполнявшего заказы Брянской кассы.

Типографию решили поставить в селе Каменском, при Днепровском заводе, на квартире тов. Красникова (теперь работает в Славянском уезде) или у кого-то другого—через тов. Красникова. Был выделен товарищ, фамилию которого я сейчас не помню, который должен был набирать и печатать. К середине лета типография была почти готова. Повозились над ее организацией порядочно. Шрифт отдельными пачками таскали с одного места на другое. Около 2-х недель часть шрифта хранилась у меня в сарае под углем. Нужно сказать, что, вспоминая теперь о проделанной работе, приходится признать, что мы не всегда были достаточно конспиративны. Так, один раз тот же П. Воронцов потащил меня через Амур на Камчатку (окраина) в какую-то квартиру, чтобы показать набор одной листовки. Но Воронцову так хотелось мне показать, что он сделал, а мне, в свою очередь, так хотелось осязать набор нашей нелегальной листовки, которая должна скоро появиться в свет и пойти по рукам рабочих, что мы решили положиться на уменье отшить хвост, если бы таковой за нами поплелся.

Во всей работе по организации типографии и газеты принимали участие, кроме названных, т.т. Аверин (теперь член ЦККПУ), Власенко (предгубисполком Екатер.), Шмидт В. А., Каменский, работавший со мной в больничной кассе, и ряд других рабочих.

Я сейчас не помню, была ли у нас редакционная коллегия. Но, во всяком случае, со мной в редакционной работе участвовал тов. Каменский, с которым мы жили в одной квартире. Впрочем, редакционного материала у нас было немного. Удалось дать материал только для первого, и то неполного, номера. Коллективно, после совещания со всеми активными работниками (в одиночку), была составлена руководящая статья против войны. Не помню сейчас содержания этой статьи; во всяком случае, это была попытка изложить нашу революционную программу действия, как мы ее понимали, не имея связи с партийными центрами.

Мне и другим товарищам не удалось дождаться выхода нашей «Южной Правды», как мы ее, кажется, назвали. Я, Аверин, Каменский и 7 других товарищей были арестованы в начале июня.

Уже во время революции я узнал, что несколько номеров газеты были выпущены оставшимися товарищами, но уже под другим названием.

Работа в Об-ве приказчиков

Я уже говорил выше, что Об-во приказчиков было единственным легальным профсоюзом, в работе которого мы и приняли участие, чтобы укрепить свои позиции в городе. В союзе у нас была своя небольшая фракция, но, нужно отдать ей справедливость, весьма энергичная и темпераментная. На общих собраниях в Об-ве приказчиков установилась довольно выгодная традиция, дававшая значительную, если не полную, свободу слова. Приставу за отсутствие на собрании платилась установленная сумма, и собрание протекало без оффициального представителя власти. Это развязывало языки, хотя учитывалось все же возможное присутствие негласных

агентов. Одним из ораторов нашей фракции был тов. Мих. Геншафт, безудержный темперамент которого знают многие товарищи, особенно екатеринославцы и харьковцы. В пылу обличения руководителей об-ва— еврейских социалистов, сионистов и бундовцев—т. Геншафт стучал по кафедре своими костылями, доводя температуру собрания до весьма высоких градусов. Мне говорили товарищи, что е-эсовцы иногда устраивали демонстрации, оставляя во время его речи собрание. За период моей работы (янв.—июнь 1915 г.) атмосфера была уже более спокойной. Чтобы усилить свое влияние в об-ве, мы решили, что все работники страховых касс должны состоять членами об-ва приказчиков, и записали даже каменских товарищей. Это сразу увеличило нашу фракцию и количественно и качественно в такой мере, что старые руководители об-ва вынуждены были с нами считаться, и, с другой стороны, мы начали добиваться практического участия в руководстве союзом, почему мы не могли ограничиваться политическими декларациями, а приходилось иметь свою практическую программу действий по каждому злободневному вопросу. Примерно в марте, апреле происходили выборы правления, и мы приняли в них деятельное участие. Мы выступили с общей декларацией о нашем отношении к профработе и задачам об-ва в частности. Выступление на общем собрании от имени фракции было поручено мне. В правление мы выставили свой список из 3 или 5 товарищей (общее число членов правления было, кажется, 11). Выборы производились «демократически», с применением принципа пропорциональности. Мы имели шансы едва на кандидата, и на большее и не расчитывали. В результате голосования прошел по нашему списку 1, а второй стоял в перебаллотировке с кандидатом буржуазных сионистов.

При перебаллотировке решающий голос принадлежал еврейским социалистам. Мудрецы этой партии (Абрам, Эпельбаум и др.) должны были решить трудную задачу, кому отдать свои голоса: большевику или буржуазному сионисту. Они решили по соломоновски: открестились и от тех и других и предоставили своим приверженцам право голосовать персонально, за кого хотят.

Это выступление было нами использовано для дискредитирования еврейских социалистов. Голосование дало незначительное большинство нашему кандидату и таким образом у нас оказалось 2 члена правления— тов. Энтин и я. Мне не удавалось регулярно участвовать на заседаниях правления и в общей работе. Мы все стремились максимально использовать легальные возможности для нашей нелегальной работы, и Об-во приказчиков в этом помогло нам значительно. Здесь происходило не одно свидание с городскими работниками, происходили совещания, завязывались новые связи среди членов союза и т. п.

Эта работа являлась лишь побочной, но она имела довольно большое значение и пригодилась в годы революции. Не раз, особенно в первые месяцы, Губком посылал меня и др. товарищей на собрания союза торгово-промышленных служащих и выставлял от них наши кандидатуры, исходя из того, что там нас знают по дореволюционной работе.

Публичная лекция

Эта идея возникла у М. М. Бека. Он собирал материал о дороговизне и выдвинул мысль о выступлении с публичными лекциями на такие темы, как дороговизна и т. п., давая наше освещение, возможное в рамках легальности. Эта мысль была одобрена. Организацию лекции взял на себя на Амуре рабочий кооператив, и поэтому лекция о дороговизне должна была быть связана с идеей кооперации.

Когда все уже было подготовлено, т. Бек собрался уехать из Екатеринослава. Об этом от‘езде нужно сказать два слова, ибо он вызвал впоследствии кое-какие разговоры. Т. Бек одним из своих знакомых был вызван на службу в Земгорсоюз—уполномоченным питательного поезда на фронте.

Некоторые товарищи говорили потом, что т. М. М. уехал добровольцем на фронт и стал оборонцем. Верно, что т. Бек добровольно пошел в земсоюз, но за все время нашей совместной работы я не помню, чтобы тов. Бек проявил какое-либо тяготение к оборончеству. Его служба в союзе была, как он мне говорил, страховкой от предстоящей мобилизации. Во всяком случае, ни от меня, ни от других товарищей М. М. не скрывал, куда и зачем он едет.

С его от‘ездом лекция сырвалась. Тогда и т. Бек и кооператоры обратились ко мне с просьбой взять на себя эту лекцию. Пришлось согласиться. Т. Бек передал мне собранный им довольно богатый материал, и через неделю я читал на Амуре в переполненном рабочими зале украинской «Просвиты» (не помню как называлось это об-во) лекцию о дороговизне. Околоточный несколько раз ерзал на своем стуле, но все же лекция прошла без его вмешательства. Я указал на войну, как на причину дороговизны, на кооперацию, как паллиатив, который может смягчить дороговизну, и прозрачно указал, что только переустройство всего об-ва может уничтожить дороговизну.

Наши амурские товарищи были очень довольны лекцией—она несколько всколыхнула рабочих и давала возможность уже в нелегальной агитации углублять те положения, на которые я в присутствии околоточного мог только намекать.

За полгода это было единственное легальное и публичное наше выступление.

Арест

Начала собираться гроза. Это чувствовалось во многом. Первомайские листовки, довольно многолюдная массовка,—повышение нашей активности во всех направлениях—все это не ускользнуло от полиции, и она усилила свою бдительность. За кассой началась неослабная и нервная слежка. Раза два после работы появлялась полиция в надежде накрыть собрание. Каждый раз оказывалось несколько работников кассы и 2-3 посторонних. Полиция приходила не зря—или происходили собрания, или собирались—но доказать, что-либо было трудно. Посторонних было немного, и наши об‘яснения

были правдоподобными: один пришел из другой кассы познакомиться с нашей системой (нужно сказать, что так оно часто бывало: к нам приходили учиться), другой выставлялся за рабочего, который пришел за больничным листком, который ему заблаговременно писался, и т. п. Полиция была так нервирована, что запретила нам по воскресеньям заниматься. Около моей квартиры началась настоящая блокада, шпики сидели с двух сторон по несколько человек, и мы наблюдали за ними из окон. Хотя налеты на кассу и не давали полиции особых трофеев—все же агентурные сведения были, очевидно, достаточны, чтобы нас ликвидировать. Было арестовано десять человек из всех районов:

Я и живший со мной Каменский—от Брянского района, от города—Шустер, Лившиц, Вайман, из Каменского—Аверин и Тюленев (был Предом Кисловодского Совета, умер или убит в 19—20 г.), остальных не могу припомнить. При арестах ничего не было найдено. Правда, в Амуре было при обыске у Лаврушина найдено 10 фунтов шрифта, но Лаврушина не было дома—его предупредили, и он скрылся. Таким образом дело о нем выделили вместе со шрифтом. Обвинения нам пред‘явить не могли, и дело пошло от губернатора к генерал-губернатору, который на основании военного положения и выслал нас в Иркутскую губернию, через три-четыре месяца отсидки.

Таким образом кончился короткий период моей работы в Екатеринославе. Т. В. Шмидт, который к этому времени служил бухгалтером Брянской кассы, в первые дни не был арестован и поспешил скрыться, так что когда пришли его арестовывать, он был уже далеко.

Эти аресты сильно ударили по организации, но не разгромили ее. Часть работников осталась, затем приехали новые. Организация быстро ожила.

Э. КВИРИНГ.

1916 ГОД В ЕКАТЕРИНОСЛАВЕ

В феврале 1916 года я приехала из-за границы в Россию после пяти с половиною лет отсутствия в ней. Был разгар войны, и приехать можно было не обычным путем, а совершивши интересное во многих отношениях путешествие чуть ли не по всей Европе. Из Франции через Англию, Северное море, Норвегию и Швецию я попала в Финляндию, где была жандармами задержана на несколько часов, а на следующий день очутилась в Питере.

Главным поручением, данным мне Центральным Комитетом, было осведомление Питерского Комитета о положении, создавшемся после Циммервальда, и предложение Питерскому и другим комитетам (я сговорилась с ЦК, что буду, вероятно, работать в Екатеринославе) по возможности провести «Циммервальдскую кампанию». В Питере на «явке» (на квартире Аркадия Александровича и Конкордии Николаевны Самойловых) меня связали с Анной Ильиничной Елизаровой (сестра Ленина) и с членом Питерского Комитета (кажется кличка «Владимир»). Я их познакомила с содержанием моего поручения, и они принялись за подготовку собрания работников, которым можно было бы сделать доклад, причем предупредили меня, что вряд ли такое собрание возможно будет устроить, так как за несколько дней до моего приезда произошли крупные провалы, за товарищами шпики ходили по пятам, собираться было чрезвычайно рискованно.

На квартире у Стеклова и у Ольги Давидовны Каменевой узнала много питерских новостей. Стеклов и Ольга Давидовна предлагали рассказать о наших делах в связи с Циммервальдской конференцией в кругу партийных работников и уже совсем сговорились на том, что такой доклад будет сделан на квартире Бонч-Бруевича, но в самую последнюю минуту отказались от этого, решив, что это слишком рискованно.

Питерский Комитет предложил мне выждать несколько времени; собираться в полном составе он не решался. Я ждала, и в таком неопределенном состоянии я прожила там около месяца. Наконец, мне это надоело, и я уехала.

Поехала я в Сибирь, где только что освободились из каторги товарищи, осужденные по одесскому «делу», из-за которого я и бежала заграницу в 1910 году. Мне необходимо было с некоторыми из них повидаться.

В Иркутске я, по просьбе товарищей, прочитала среди ссыльных целый ряд докладов о войне и интернационале. Собрания были очень многолюдны, в 20, 40 и даже 60 человек. Кроме ссыльных, присутствовало не мало местных рабочих. На собраниях встретилась с Караханом, Станчинским,

Войтинским и другими. Последний доклад перед моим от‘ездом должен был состояться для фракции второй государственной думы, находившейся тогда в ссылке. Многие члены фракции, в том числе и Церетелли, жили в окрестностях Иркутска и с‘ехались на Пасху в Иркутск, где на квартире одного из них под видом пасхального вечера был организован доклад.

Я пришла на доклад с двумя ссыльными рабочими, которые не успели посетить прежних докладов и просили их взять с собою.

Однако, когда я с ними вошла в комнату, мне заявили, что собираются только быв. члены думы с их семьями, и ни одного постороннего слушателя не допустят. Меня это сильно удивило, я стала убеждать пустить их, но когда мне в этом было отказано, я отказалась читать доклад.

Хотя мне было об‘яснено, что не пустили посторонних слушателей по конспиративным соображениям, но во мне инцидент этот оставил неприятный осадок. У меня осталось впечатление, что группа быв. думцев (меньшевиков) изолировала себя от низов ссылки и встречалась только с «избранными». Доказательством являлось и то, что уходя, я в дверях столкнулась с пришедшим Церетелли, а за ним шли «посторонние», т. е. не принадлежащие к думской фракции. На следующий день я узнала, что вместо меня доклад прочитал Станчинский, бывший раньше у меня на двух докладах и взявший на себя изложение с моих слов заграничных новостей думцам (Станчинский Антон Петрович, быв. каторжанин, тогда меньшевик, а теперь один из самых преданных членов РКП).

На докладах моих в Иркутске присутствовали, как большевики, так и меньшевики, а среди них были все оттенки оборончества и интернационализма. Меня забрасывали вопросами, но дискуссий не было.

Горячие дискуссии разгорелись между мной и меньшевиками по вопросу об участии в военнопромышленных комитетах. Тогда как раз в Иркутске организовывались собрания для выборов туда представителей.

Была устроена дискуссия, где защитником участия выступал Войтинский (тогда считавший себя большевиком), противником участия выступала я. Победа на собрании осталась за точкой зрения нашей партии.

Поездка в Иркутск, ввиду того, что меня там забросали требованиями на доклады, показалась мне чрезвычайно полезной после бесплодно проведенного месяца в Питере.

Пробывши месяц в Иркутске, я направилась в Екатеринослав с намерением немедленно приняться за подпольную партийную работу.

После всех впечатлений Европы, связанных с войной, я с чрезвычайным интересом принялась наблюдать настроения в России, которую я покинула 5 с лишним лет тому назад и которая под влиянием войны сильно изменилась. К этому надо прибавить, что и себя я чувствовала сильно изменившейся после нескольких лет эмиграции и в особенности после чрезвычайно ярко врезывавшихся в память первых двух лет войны в Европе и горьких переживаний в связи с крахом II Интернационала.

С любопытством я присматривалась к окружающей среде в Екатеринославе.

С одной стороны это было—два-три партийных товарища и несколько десятков рабочих, с которыми я столкнулась на собраниях, где делала доклады о положении дел в Интернационале. С другой стороны—интеллигенция из среды учительства, инженеров и т. д. Со многими из этой среды я была очень тесно связана по работе 1905 года, а с некоторыми была в личной тесной дружбе.

В рабочей среде чувствовалось, прежде всего, что нет безработицы, что рабочий нужен, и это как то возвышало рабочих в собственных глазах. Одновременно с этим и как бы в противоречие с этим бросалось в глаза огромное нравственное напряжение, озабоченность и ожидание каких то крупных событий. Война приковывала к себе все внимание, не оставляя места ни для каких других переживаний.

Среди революционной интеллигенции я застала обстановку, несколько поразившую меня: все с воодушевлением работали, работали дни и ночи, не покладая рук, в различного рода комитетах помощи солдаткам, женам запасных и т. д.

О подпольной политической работе в этой среде никто и не думал.

А когда в доме моих ближайших друзей, активных участников револиции 1905 года, я заговорила на тему о подпольной работе, на их лицах выразилось ироническое недоумение, и когда на их вопрос, неужели я думаю о возможности такой работы, я ответила вполне определенно, между нами произошел молчаливый, но красноречивый обмен взглядами, сказавший мне очень и очень многое...

Из ответственных работников врезался мне в память тов. Каганович (Заворготдел ЦКРКП), который работал тогда под кличкой, кажется, «Борис».

Я поселилась на углу Троицкой и Полицейской, в буржуазном доме, (что всегда было большим удобством при подпольной работе), где давала урок семилетней девочке.

В доме был телефон. Мы с тов. Кагановичем договорились на счет некоторых условных выражений, и сносились по телефону. Я никому звонить не имела права, по конспиративным условиям, а должна была всегда ждать звонка в определенные часы. В особенно экстренных случаях т. Каганович приходил ко мне на квартиру.

К сожалению, память моя не сохранила стройного представления о структуре и составе организации в тот момент. Помню только, что на меня набросились, как «на белую ворону» из интеллигенции, могущую не только прочитать доклад по программным вопросам, но и информировать обо всех заграничных делах, в особенности же осветить положение дел во II Интернационале и изложить принципиальную точку зрения нашей партии на войну.

Я прочитала несколько докладов в заводском и железнодорожном районах, и собрания эти мне показались гораздо многочисленнее тех, которые я посещала в самые ужасные годы реакции в 1909 и 1910 годах, когда от революционных огней остались жалкие огарки. На собрания 1916 года летом приходило от 20 до 40-50 человек. Степень организованности была весьма значительна. Квартиры собраний очень тщательно

охранялись, провожатые являлись во время, патрули расставлялись на далекое расстояние—начиная от железнодорожного моста по 5 и 6 улицам до квартиры. Все условные знаки и пароли оказывались не перепутанными, что для опытного подпольщика является верным признаком хорошей организованности.

Такая организованность в подполье—вещь весьма нелегкая, но за то, когда она достигалась, она удивительно облегчала работу, т. к. уменьшала совершенно неизбежную при огромном риске нервозность подпольных работников.

Ходишь через весь город на собрание, доходишь до места, видишь: первый патруль на месте, сигнал—во время подан, через некоторое время—второй, все, как было условлено, и мысль начинает сосредоточиваться исключительно на прямой задаче собрания, а не разбрасывается на оглядывание по сторонам: нет ли где шпика или вообще какой-нибудь западни.

На двух-трех докладах, прочитанных мною в начале лета, чувствовалось напряженное внимание и огромный интерес к вопросам о войне и всему связанному с нею. На собрании меня забрасывали вопросами, а когда я уходила, меня, несмотря на строгое запрещение, провожали маленькие группы слушателей, продолжая шопотом разговор все о том же: о войне, о расколе в социализме, об оборонцах и «пораженцах» и т. д.

После третьего или четвертого из таких собраний, особенно упорно, несмотря на предостережения организаторов и даже на прямое запрещение, провожал меня один рабочий в белом костюме и довел меня до самого моста. Он говорил о том, что вот, наконец, прибавилось работников, что меня не отпустят из Екатеринослава и т. д. Уже после февральской революции оказалось, что это был провокатор—Зайцев, арестованный в марте 1917 г. Екатеринославским Советом.

Но тогда ни я ни другие этого не знали.

Я собиралась перейти, наконец, от чисто идейной работы к организационной, как в одно прекрасное утро меня вызывает по телефону тов. Каганович и намеками, в условленных выражениях, сообщает об усилившейся слежке, о том, что кто-то его и меня «провалил», что у моих дверей «шпики», и он ко мне зайти не может, что мне самое лучшее на время куда-нибудь исчезнуть.

На мое настойчивое предложение хоть раз встретиться он ответил категорическим отказом, находя, что не только нам обоим, но и всей организации грозит явный провал.

Таким образом, я оказалась оторванной от организации. Никакого другого дела, кроме урока буржуазной девочке, у меня не оставалось. Я плюнула на урок и уехала в Одессу к матери, с которой еще не видалась со времени приезда из-за границы.

Проведенные в Одессе 3—4 недели я сочла достаточными для того, чтобы замести свои следы перед охранкой, и вернулась в Екатеринослав уже к концу лета. На этот раз я решила устроиться прочнее и поближе к заводским массам. Я стала с этой целью добиваться места в больничной кассе. От знакомых узнала, что в больничной кассе Брянского завода

освободилось место главного регистратора. Правление Брянской больничной кассы состояло наполовину из выборных, наполовину из назначенцев. В качестве делопроизводителя (что, по-нашему, теперь равно ответственному секретарю) работала Боголюбова, Зинаида Георгиевна, прекрасный работник, но ярая меньшевичка-плехановка. В качестве сотрудников работала целая армия меньшевиков: Михаил Бердичевский, Вера Гуревич, Бовшоверова и др. Но в правлении было несколько рабочих большевиков—Бондарев Тихон (старик, потом главный организатор Красной гвардии в Екатеринославе), Коненко и друг.

Когда я подала заявление о желании занять должность, началась закулисная канитель. Новой связью с нашей подпольной большевистской организацией после летних неудач я не запаслась, да я ее-то и думала получить через больничную кассу. Когда члены правления-большевики стали собирать сведения о кандидате, подавшем заявление, они по многим признакам узнали, что это я, та самая, которая летом прочитала несколько докладов, и стали настаивать на принятии меня на службу. Меньшевики же, и больше всех Боголюбова, оберегали кассу от большевистской заразы, как только могли. Но когда напор членов правления стал очень велик, Боголюбова вызвала меня для об'яснений, и первый ее вопрос был: «Итак, вы решили во что бы то ни стало поступить в кассу?»—таким тоном, будто это был вопрос мировой важности.

На следующий день я была извещена, что правление меня утвердило, и я стала работать в кассе.

В первый же день моей работы я связалась с нашей организацией Одним из ее самых активных организаторов был рабочий Иван Кураженко. Необыкновенно горячий, с умом «дерзновенным» и живым, средне-развитой, он как то весь горел. Когда он, совершенно еще незнакомый мне, вошел в кассу, переглянулся со мною, я сразу поняла, зачем он пришел. Через него я связалась с остальными. Прежде всего он меня познакомил с большевиками—членами Правления. Затем, каждый день ведя со мной беседу о делах в партийной организации, он сообщил мне, что почти одновременно со мной приехал из Питера товарищ для подпольной работы. Но с этим товарищем меня свели не сразу, а лишь недели через две-три. Это был Копылов Николай Васильевич, рабочий завода «Новый Лесснер» в Питере, по своему развитию стоявший столь высоко, что трудно было подумать, что он не получил, по крайней мере, среднего образования, а пришел только что от станка.

Уже впоследствии, когда мы с ним дружно проработали несколько месяцев рука об руку, он мне рассказал, почему нас долго не знакомили. Известие, что для подпольной работы приехала интеллигентка, долго пробывшая за границей, его крайне удивило—так мало было тогда интеллигентов в наших организациях, и т. Копылов убедил Кураженко и других не вводить меня сразу в работу, а поддерживать лишь персональную связь со мной, пока не будет проверено в ЦК, действительно ли послана такая-то и не являюсь ли я агентом охранки. Скоро, однако, они получили подтверждение из Питера о моей особе, и я была введена в самую гущу

работы. Мы впоследствии много хохотали с Копыловым, вспоминая этот инцидент, тем более, когда он узнал, что и я наводила о нем необходимые справки.

Осенью я оказалась втянутой в работу во всю и могла уже получить представление об организации в целом.

Организация оказалась для того времени довольно мощной.

Главным ее штабом фактически был «коллектив» Брянского завода, состоявший в момент моего вступления в него из 11 человек. Из его членов помню: Бондарева Тихона, Переславского Мирона (Мирон Брянский), Амосова, Рыкова, Коненко, Куращенко, Яшина и других, имен которых я тогда не знала.

Этот коллектив был связан с другими заводами, с городским районом (забыла имя организатора городск. района—молодого симпатичного и преданного товарища), а также со всеми окрестностями.

На заседаниях Брянского коллектива разбирались важнейшие вопросы, касающиеся организации в целом.

Тот факт, что этот коллектив уцелел с самых отдаленных времен подполья до 1916 и 1917 годов, является величайшим чудом и об'ясняется железной дисциплиной его членов, соблюдавших строжайшую конспирацию, ради которой брянцами была разработана сложная система организации собраний, одна из подробностей которых заключалась в том, что никто не узнавал места заседания раньше, чем за два часа до его начала.

Прием мой в коллектив серьезно обсуждался и, наконец, был решен в положительном смысле.

Фактическими руководителями организации с этого времени сделалась тройка: Копылов, я и Куращенко. Мы организовывали доклады, распространяли литературу (которой было чрезвычайно мало), укрепляли существующие группы и завязывали связь с Нижнеднепровьем и Каменским. Мы поставили себе целью подготовление и организацию конференции, а для этого считали необходимым в качестве предварительной работы провести, кроме выяснения организационных задач, кампанию достаточно рельефного освещения и углубления взгляда нашей партии на все явления, связанные с войной, стоявшей в центре всех споров.

Мы с Копыловым, правда, застали почву вполне вспаханной, в том смысле, что наша организация вела в низах резкую и беспощадную борьбу с плехановцами и оборонцами. До нас такая велась работа товарищами Авериным и Квирингом, которых мы не знали еще (они до нашего приезда ушли в ссылку), но имена которых часто упоминались в организации. Нам пришлось еще больше углубить пропаганду в смысле резкой критики непоследовательности меньшевиков-интернационалистов и вообще всех видов платонического пацифизма, выдвигая со всей отчетливостью принцип борьбы с войною путем социальной революции.

Наконец, глубокой зимою (если я не ошибаюсь, в декабре) нам удалось созвать нечто вроде конференции. Она состоялась в Диевке (поселок в окрестностях Екатеринослава).

В это время уже приближалось «начало конца», т. е. появились первые признаки слежки, и мы пустили в ход все наше искусство конспирации, чтобы не провалиться.

Часть из нас пошла пешком, другая поехала по железной дороге.

До сих пор не выяснено окончательно, было ли у нас основание беспокоиться, но по дороге в Диевку были некоторые признаки слежки за нами. Однако, конференция прошла благополучно. Собралось человек двадцать представителей заводских и железнодорожных организаций. В деревенской избе было очень тепло и душно. Основными вопросами стояли: 1) о войне, кризисе социализма и задачах партии (мой доклад) и 2) организационные задачи (доклад тов. Копылова). Других вопросов не помню.

Конференция прошла оживленно, но на ней ясно чувствовалось отсутствие привычки организационно заседать и выступать, чувствовалось, что на конференцию попали не самые передовые рабочие (незадолго до нашего приезда был крупный провал, вырвавший из организации лучших рабочих: Хавского, Валявку, Власенко и др.). Председателем конференции был т. Захареев, впоследствии колебавшийся между эсерством и большевизмом.

Мы заседали всю ночь и разошлись на рассвете, пославши вперед разведчиков по всей дороге.

Эта конференция была самым значительным организационным мероприятием в ту зиму. На ней верхушка (брянцы) крепче связалась со всеми группами, и мы почувствовали, что работа принимает широкий размах. Однако, эта же конференция послужила исходным пунктом к энергичной погоне за нами охранки, но об этом впереди.

Хочется сказать и о других видах нашей работы.

Мне особенно памятны многочисленные (для подполья) собрания на Кайдаках и на Чечелевке, где мне приходилось делать доклады и вести беседы. Квартира рабочего битком набивалась брянцами, трубцами и т. д. Кроме необыкновенного оживления, на этих собраниях меня поражало нечто совершенно новое, ошеломлявшее и приводившее меня в восхищение: на собраниях появлялись солдаты.

Чтобы понять огромное впечатление этого «новшества», надо перенестись в психологию старого подпольщика.

В 1905 г. велась работа в войсках, но солдат на рабочих собраниях— не запомню. В Одессе проводились солдатские собрания в лагерях и казармах, куда ораторы проникали, переодеваясь предварительно в солдатское платье; с огромными трудностями и хитростями проникали туда женщины,—конечно, очень и очень редко. Но дисциплина в войсках в 1905 и 1906 году была еще так велика, что в солдатской форме на рабочих собраниях (если не говорить о массовых уличных митингах в самый разгар революции 1905 года) почти никогда никто не появлялся.

А тут, вдруг, после Европы, превращенной войной в большую военную тюрьму,—в дикой, азиатской, самодержавной царской России я встречаю в подпольных рабочих кружках солдат, русских солдат старой армии! Первое время я не могла отделаться от чувства подозрения: не пришли ли

они с целью нас выдать—до того был всегда естественен страх перед каждым мундиром. Но потом это опасение совершенно исчезло и появилось чувство настоящего восторга.

Каково же было мое удивление, когда на одном из собраний очутилось двое офицеров (прапорщики)! Я не верила своим глазам. А когда они стали умолять дать им для фронта нелегальной литературы и, в частности, выпросили имевшиеся у меня на руках 2-3 номера «Социалдемократа» (орган ЦК, издававшийся за-границей), я в первый раз подумала серьезно: «И впрямь революция в России не за горами».

Одним из этих прапорщиков был незабвенный для нас, екатеринославцев, погибший в боях с Деникиным под самым Екатеринославом, Александр Каверин, друг т. Лугового.

Помню, как неожиданно кончилось одно из таких собраний. Оно происходило на квартире рабочего Моисеева. В разгаре речей в кухню вошел городовой. Жена Моисеева решила, что пришла полиция. В переполохе все стремились спасти меня прежде всего,—и меня втолкнули в заднюю комнату (конечно, это ни в какой степени не помогло бы). Я же думала об одном: «Этих военных теперь расстреляют! и у меня, как молотком, застучало в висках.

Городовой скоро ушел. До сих пор точно не выяснено, за чем он приходил. Но так как он мог заметить многочисленное собрание и переполох и донести (тут же рядом была полиция), мы решили разойтись. Шура (Луговой) и Каверин побежали, с трудом нашли наемные сани, и мы втроем во весь опор скрылись далеко за Кайдаками.

Вообще же, Кайдаки были в такой мере рабочим царством, что мы там, в общем и целом, устраивали собрания со спокойной душой.

Особенно спокойно устраивались там собрания в дурную погоду.

В дождь устанавливалась непролазная грязь, а в гололедицу гористые улицы Кайдака превращались в сплошные ледяные горы, по которым без привычки очень легко было сломать себе шею, руки, ноги и голову. Тогда-то мы знали, что шпиков не будет, и беспечно назначали собрания.

Для меня пробраться тогда на собрание было труднее, чем совершить по железной дороге кругосветное путешествие, и товарищи, чаще всего Бондарев и Мирон Переславский, брали меня под руки и тащили, а я скользила по льду, опираясь на них. Хохоту при этом было немало.

Как я сказала выше, после Диевской конференции за нами началась усиленная слежка. Каждый день, когда мы с Копыловым выходили из больничной кассы (он тоже поступил туда на службу) по 2-й Чечелевке, мы заставали на улице 2-х шпиков: одного низенького, толстого, другого—высокого. Пройдя квартала два, мы оглядывались и видели, как они ходят на одинаковом расстоянии от нас и равняют свои шаги по нашим. Путем искусственного ускорения или замедления наших шагов или присаживания на Пушкинском проспекте на скамью, мы устанавливали с математической точностью, что они за нами следят. Но работа была в полном разгаре, наше оффициальное положение в больничной кассе делало излишним скрывание наших имен и адресов,—и мы продолжали работу.

Вспоминается мне одно из последних собраний на 3-й или 4-й Чечелевке, на квартире у старика Бондарева. Собрались мы туда вчетвером: Копылов, Кураженко, Бондарев и я. В самом разгаре работы пришел сын Бондарева, поставленный на улице для патрулирования, и говорит, что не менее четырех шпиков окружают дом, причем они прогуливаются взад и вперед на территории двух кварталов. Была поздняя ночь, и нас удивил такой героизм шпиков. Мы сообразили, что дело пахнет скверно, что они хотят нас в эту ночь «застукать». Однако, не было никакой возможности выйти, не пройдя мимо них.

Старик Бондарев, недолго думая, переодел своего сына в юбку, накинул ему на голову большой женский платок и в таком виде он снова пошел наблюдать. Ему было дано задание известить нас о том моменте, когда шпики отойдут на самое дальнее расстояние, чтобы мы могли улизнуть в другую сторону раньше, чем они сделают новый поворот. В общем, это было довольно трудно, т. к. шпиков было целых четыре «штуки», и они разбились на две партии, и когда одна была далеко, другая была как раз близко от нас. Мы бились над этой трудной задачей 2-3 часа. Наконец, решили, что дальше рисковать квартирой Бондарева нельзя, и пошли «напролом». Кураженко, за которым последние дни на заводе гнались по пятам, после того, как его заставили взять расчет, решил провести ночь в том же доме, но в другой квартире, а мы с Копыловым, извещенные мнимой бабой, бросились в сторону, противоположную от города, куда-то в открытую степь. Тут мы скоро в темноте провалились в овраг или канаву и с громадным трудом оттуда выкарабкались, цепляясь за кусты. В город к своим квартирам мы добрались только на рассвете, но зато без «провожатых».

Кроме вышеописанных собраний в заводском районе, нам приходилось проводить многочисленные собрания в городе, но не в центре, а на окраине. Некоторые собрания происходили на Первозвановской улице в фотографии, хозяевами которой являлись двое юношей, брат и сестра (Воля и Люся Ревзин). На этой квартире, точно так же, как и на моей, собиралась небольшая группа интеллигентной молодежи, среди которой изредка попадались и рабочие (среди них Александр Суханов). В этой группе состязались анархисты с марксистами. Анархистскую философию подносил этой молодежи известный екатеринославский агроном Гертопан, оказавшийся с первых же дней революции в лагере самых озверелых врагов большевизма. Марксистскую платформу защищала я. Из этой группы молодежи выработалось несколько коммунистов (А. Суханов, В. Минухина, В. Ревзин и др.).

Приблизительно в январе 1917 года приехал с поручением от ЦК тов. Лутовинов. Он устроил со мной и с Копыловым несколько совещаний и информировал нас о положении дел в партии. Он об'езжал Донецкий бассейн, Харьков и Екатеринослав с целью подготовления областной партийной конференции. Два раза он не мог войти в мою квартиру, осажденную шпиками, а один раз он и Копылов, еле удержали себя от искушения отколотить их (на углу, через четыре дома от меня, находился полицейский участок, и это их остановило). После такого казуса тов. Лутовинов

РАБОТНИКИ ЕКАТЕРИНОСЛАВСКОГО ПОДПОЛЬЯ 1914-15-16 ГГ.

В. Валявко.

Э. Квиринг.

назначил мне свидание в другом месте и, уезжая в Луганск, настоятельно требовал, чтобы я немедленно уехала, ставя мне на вид, что я рискую не только собой, но и подвергаю риску всю организацию. Я не успела серьезно подумать над этим предложением, как было уже поздно. В ночь с 1-го на 2-е февраля (1917 г.) ко мне явилась полиция с приказом произвести обыск и арестовать меня, независимо от результата обыска. Имеющиеся у меня адреса и явки я уничтожила до того, как открыли дверь полиции; у меня ничего не нашли, но арестовали и увели в участок, а на следующее утро—из участка в тюрьму. Каково же было мое удивление, когда, подымаясь по лестнице из конторы в кабинет жандарма, я увидела стоящих шеренгой всех ответственных работников больничных касс, как меньшевиков, так и большевиков (Бондарева, Боголюбову, Головко, Фирсова и др.).

После первых же допросов я поняла, что все мои старые дела налицо, и что засела я прочно. Этому я получила скоро и новое подтверждение: через 2-3 дня часть арестованных, а именно, почти все меньшевики, были освобождены, а большевики оставлены в тюрьме. Оказалось, что оставшиеся на воле члены правления всех больничных касс во главе с назначенцем-председателем брянской кассы (Равич-Щерба), фигурой более, чем благонадежной в глазах полиции, отправились к губернатору Чернявскому, считавшемуся одним из «либеральных» губернаторов. Делегация указала губернатору на чрезвычайные осложнения, которые могут быть вызваны арестом головки всех больничных касс.

Они указали, что в тот момент, когда все заводы работают на военные нужды, дезорганизация работы больничных касс, обслуживающих 75 тысяч рабочих, может окончиться весьма нежелательными последствиями. В ответ на это заявление губернатор Чернявский спросил, кого необходимо освободить, чтобы работа касс не была нарушена. Когда делегация назвала почти всех, в том числе и меня, губернатор, оказавшийся весьма осведомленным, определил, кого он согласен сейчас же освободить. На вопрос рабочего Коненко, почему он освобождает Боголюбову и несогласен освободить Гопнер, Чернявский ответил буквально следующее: «Боголюбова социал-демократка-плехановка, а Гопнер—ульяновка», обнаружив этим, что он не только знает разницу между плехановцами и ленинцами, но также осведомлен о том, что фамилия Ленина—Ульянов. Все говорило за то, что я засела «всерьез и надолго». Я спокойно строила планы более разумной организации своей тюремной жизни и не предавалась унынию, рассуждая, что для него еще много времени впереди. Несмотря на исключительную бодрость, внушенную мне в последние месяцы подпольной работой среди рабочих Екатеринослава, несмотря на смутные предчувствия близкой революции, я все-таки исчисляла эту близость не днями и даже не месяцами, а годами. На этот раз мои расчеты не страдали слишком большим оптимизмом. Через месяц после моего ареста разыгралась февральская революция. 4 марта меня освободили из тюрьмы.

г. Бахмут
22/X 1922 г.

С. ГОПНЕР.

ИЗ РЕВОЛЮЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЕКАТЕРИНОСЛАВСКИХ РАБОЧИХ С 1914 ПО 1917 ГОДЫ.

В 1914 г. 18-го июля старого стиля в 7 часов утра собралось большое количество рабочих у амбулатории Брянской колонии. Там были и больные рабочие, и работницы, и подростки, там же были и вновь поступающие на работу в Брянский завод. Нисший служебный персонал амбулатории производил регистрацию, указывая, кому к какому врачу итти. Явившиеся по болезни толпились, ожидая прихода врачей, а те, кто пришел на прием и врачебное освидетельствование, расспрашивали друг дружку, какой существует прием, сильно ли бракуют и в каких именно случаях. Исключительно этими вопросами были заняты рабочие, прибывшие на прием. Каждый старался подробно выяснить тот или иной свой физический недостаток, свою пригодность к работе и при каком % потери трудоспособности. Расспрашивали те, кто впервые поступали, у работающих или у тех, которые раньше работали, и, следовательно, знающих условия, при каких принимают. Расспросы велись самые подробные, каждый старался припомнить какую-нибудь мелочь и подробно о ней порасспросить товарищей. Этот вопрос был серьезным для каждого рабочего. Каждый думал: «А что, если забракуют... опять поиски, а семья, дети...». У некоторых проскальзывали вопросы: «А что, если при каком-либо недостатке дать расписку о том, что я претензии не буду пред'являть и т. д.». Но вдруг, неожиданно для всех грянуло, как гром: «Мобилизация, война». Все обернулись в сторону города и увидели саженях в двадцати полицейскую фигуру, клеившую какое-то об'явление на заборе трамвайного депо. На мгновение все смолкло. Молча смотрели друг другу в глаза, не зная о чем заговорить и молча устремились к клеившей фигуре. «Мы, Николай II, и т. д.» вынуждены призвать всех верноподданных наших к защите нашего отечества... от коварного и злейшего врага русского народа, и т. д. и т. д.» Так извещался екатеринославский пролетарий о начавшейся кровопролитной империалистической войне, принесшей столько жертв и нищеты одним, поживу другим и вместе с тем гибель всему старому — российскому социально-экономическому и правовому укладу.

Таким образом, прежние разговоры приостановились, а новые не начинались, и вся масса почему-то посмотрела на город, как-будто ожидая чего-то. Но в этот день, как и в последующие дни, недели и месяцы, не случилось ничего выдающегося: ни стихийно, ни организованно, ничем себя не

проявили екатеринославские рабочие. Партийные организации, как с. д. (оба течения), так и столь революционная с. р. партия, ничем также себя не проявили, не появилось в первые дни мобилизации ни одной прокламации.

Партийная работа выражалась в то время больше в агитации и пропаганде, но проводилась весьма слабо и поверхностно и преимущественно легальным путем. Стоящему в стороне промышленному центру Юга России— Екатеринославу, потребовалось почти шесть месяцев для того, чтобы более или менее определенно выявить свое отношение к происходящим историческим событиям, а также отношение различных социалистических партий к самому факту войны. Твердой и вполне ясной, определенной линии поведения по отношению к войне не было ни у меньшевиков, ни у с-ров. Меньшевики в Екатеринославе не выступали ни за, ни против войны, а обходили этот вопрос красноречивым молчанием. В страховом вопросе они даже в то время продолжали по прежнему защищать интересы капиталистов, промышленников от большевиков, которые пред'являли капиталистам невероятно тяжелые требования и призывали к этому же рабочих. Большевики определенно отрицательно относились к войне, чего не делали, конечно, ни меньшевики, ни эс-эры.

Впоследствии выяснилось, почему так слабо проявила себя большевистская часть тогдашней соц.-демократии. Имевшиеся в наличности партийные работники были почти все новы для Екатеринослава, так как накануне этого была арестована часть товарищей с т. Авериным во главе. Другие бежали или находились в Екатеринославе, но, опасаясь быть арестованными, отошли от работы. Прибывшие же в Екатеринослав питерцы Квиринг—Э. И., Каминский—были совершенно новыми людьми для Екатеринослава. Все это не давало возможности сделать что-либо в самый важный для нашей партии момент. Отдельные работники занимались собиранием разрозненных сил. Эта работа подготовляла грядущие революционные потрясения для буржуазного Екатеринослава. К тому времени, когда резко и определенно выявились отношения социалистических партий к войне, собрались рассеянные большевистские силы. К весне прибыл тов. Шмидт, нынешний народный комиссар труда, работавший сначала в больничной кассе Каменского завода, а затем, благодаря большевистскому правлению Брянской больничной кассы, ставший бухгалтером последней. Это была, так сказать, полнейшая наша победа над меньшевиками. В Нижеднепровск также прибыл новый товарищ (не помню фамилии). Появлялась время от времени Маня— дантистка, служившая связью между Питером и Екатеринославом. Больничная касса Брянского завода, что называется, гремела тогда во всю: ни одна больничная касса, где в большинстве были меньшевики и частично эсеры, не пользовалась такой популярностью среди рабочих, как Брянская. И ни одна касса в то время не приковывала так сильно внимания полиции и жандармерии, ни в одной кассе не велась столь ожесточенная борьба выборных членов с назначенцами, как в Брянской. Эта борьба довела назначенцев до того, что они являлись на заседания правления лишь тогда, когда в повестке дня стоял принципиальный вопрос. Один из стычек на одном из первых заседаний правления произошла по вопросу о том,

кто должен секретарствовать на заседаниях. Мы решили, что секретарствовать должен делопроизводитель т. Квиринг, что он должен всегда присутствовать на заседаниях с совещательным голосом. Назначенцы восстали против этого; мы решили твердо добиться своего, и борьба завязалась. Исход борьбы был в нашу пользу. Вторым боевым вопросом на последующем заседании был прием бухгалтера, правильнее будет сказать, не бухгалтера, а тов. Шмидта, ибо они, конечно, не возражали против бухгалтера и предлагали больших спецов, с которыми тов. Шмидт, конечно, не мог бы конкурировать, и это блестяще доказали назначенцы, раскритиковав по всем правилам т. Шмидта, а нам нужен был больше большевик, чем бухгалтер. По этому вопросу весьма энергично поддерживали их меньшевики, которые не меньше их были заинтересованы в том, чтобы не допустить тов. Шмидта. Борьба дошла до того, что у назначенцев проявился истинный национальный дух. Они начали упрекать нас в непатриотичности, предостерегать от измен, советовали нам быть весьма осторожными по отношению к немцам, так как Шмидт немец. По этому же случаю советовали не принимать во внимание доводов т. Квиринга, так как он тоже немец. После этого заявления тов. Квиринг вскипел, бухнул кулаком по столу, и горячо стал доказывать несостоятельность их доводов и их погромные наклонности. Никогда он не был таким взволнованным и горячим, как в тот раз: ни до того, ни во все дни нашей ожесточенной борьбы в 17 году, когда приходилось вести борьбу с эсерами и меньшевиками; всегда он был мягким и бархатным, особенно по отношению к меньшевикам и бундовцам. Затем устроили перерыв, во время которого выяснилось, что меньшевики будут воздерживаться от голосования; это означало, что они голосуют с назначенцами. Хотя их было всего двое (один член правления и один кандидат), но мы могли иметь большинство только с меньшевиками. Тогда мы отказались разрешать этот вопрос на заседании правления и предложили перенести его наразрешение президиума, так как это не принципиальный вопрос, и тов. Шмидт был принят без назначенцев. Автор этих строк, будучи заместителем председателя больничной кассы, наложил резолюцию под диктовку т. Квиринга на заявление тов. Шмидта «принять на должность бухгалтера с такого-то числа». Когда пришли назначенцы и увидели тов. Шмидта, то поняли, что им больше нечего являться в больничную кассу. В правлении были: я, Бондарев, Жмуркин, Смольский, хотя последние два были «слюнявыми» большевиками), затем Квиринг делопроизводителем, Шмидт бухгалтером, Каминский на регистрации, из меньшевиков—Фирсов и Фишкин последний стал большевиком после того, как кассой завладели меньшевики—при помощи, конечно, полицейского аппарата).

К этому времени сорганизованы были партийные организации. В Брянском заводе ячейки разбивались по цехам в рельсопрокатном, железопрокатном, в доменном, литейном и мостовом. Вторая группа ячеек была в городе, третья в Заднепровье вместе с железнодорожниками, а четвертая была в Каменском, где находился тов. Аверин. Между всеми этими ячейками установлена была связь. Одновременно организовался для упомянутого района партии большевистский комитет, состоявший из т. т. Квиринга, Шмидта, Аверина (не помню, кто был из Заднепровья). Собрания происходили

довольно часто в Кайдаках, на берегу Днепра, за Потемкинским садом и в Нижнеднепровске. Стали поговаривать о подпольной газете, стали регулярно получать руководящие указания из Питера, и, вообще, работа стала чувствоваться по всем направлениям. Нужно сказать, что в этой работе, особенно в организационной области, много успел проделать тов. Шмидт, нынешний Нарком труда.

Наряду с подпольной работой велась работа и легальная, вне кассы, но довольно жалкая; прочитана была всего лишь одна лекция—тов. Квирингом в Нижнеднепровске, не помню даже на какую тему. Но эта лекция понравилась присутствовавшему полицейскому, оберегавшему присутствовавших на ней граждан от крамолы. По окончании лекции покойным тов. Воронцовым, совсем тогда еще молодым товарищем, была зачитана резолюция, которая, конечно, была принята без всякого обсуждения и поправок единогласно. Наряду с нашей работой велась также работа во всех других направлениях. Поэтому, не прошло полных шести месяцев 15-го года, как последовали репрессии. Меня убрали первым с Брянского завода. В мае месяце я уехал в Мариуполь, а в июне арестована была вся верхушка организации: т. т. Квиринг, Аверин, Каменский и ряд других товарищей; остальным удалось избежать ареста и уехать из Екатеринослава. Таким образом работа опять приостановилась. Надо было начинать опять сначала. В Мариуполе мне пришлось работать недолго. Пристав предложил мне выехать в течение двух часов из Мариуполя. Я опять возвратился в августе в Екатеринослав. После происшедшего ареста не пострадало только Заднепровье, так как там был арестован всего лишь один товарищ. Что же касается Брянского района, то он совсем был обезглавлен. По получении известия о происшедшем аресте, я приехал в Екатеринослав и встретился с т. Воронцовым, который горько жаловался мне на пропажу шрифта. Кому-то было поручено спрятать шрифт и тот спрятал на Гантковском заводе, а затем никак не могли найти его. «А сколько стоило трудов, ведь его собирали по одной буковке, и все пропало», говорил мне тов. Воронцов. Брянская больничная касса перешла полностью в руки меньшевиков; руководила тогда всей работой известная Екатеринославу Боголюбова Зинаида. Нужно было видеть в то время насмешливые самодовольные улыбки, которые были похожи на улыбки людей, одержавших колоссальные «победы». Но им, конечно, эти улыбки и самодовольство совсем не приставали, так как они овладели Брянской больничной кассой только благодаря полицейскому аппарату. Я, конечно, не преминул сказать об этом Боголюбовой и Фирсову. Там был еще знаменитый своей предательской работой Овчинников, тоже меньшевик, но с тем мы считали позорным даже разговаривать. Но надо было видеть, как беспартийные служащие кассы и рабочие относились к тому, что осталось. Нужно было видеть тов. Фишкина, бывшего в то время бундовцем, искреннего пролетария, с каким презрением он относился к их линии поведения по отношению к рабочим интересам и к интересам акционеров Брянского общества. После того, как т. Фишкин увидел их работу, он с омерзением бросил бундовцев и меньшевиков и перешел в ряды революционно борющейся пролетарской партии большевиков.

Время перевалило за первую половину 1915 г. Хриплый патриотический призыв коронованных патриотов оказывал мало влияния на рабочих, так как орудийный грохот, стоны раненых и убитых и небывалая до того дороговизна предметов первой необходимости заглушали патриотические призывы, и рабочий класс в целом тяжко и глухо стонал под всей тяжестью созданных условий, чутко прислушиваясь к каждому слову, указывавшему на выход из тяжелого положения.

Осенью 15-го года, партийная работа опять пошла на лад. Брянский район вырос. Собрания происходили то в Кайдаках, то на Чечелевке. Как-то таинственно и внезапно на наших собраниях появился Фирсов и тем самым не давал нам проводить наши собрания. Мы расходились, а тех, кто не пришел, возвращали обратно. Наши собрания были настолько обширны, что нам все трудней приходилось находить соответствующие помещения, разбивать же на маленькие ячейки не представлялось возможным из-за отсутствия руководителей. Опасались, что при больших собраниях легко можно провалиться. Это знал каждый товарищ, но, тем не менее, даже опасность попасть в тюрьму, а, может быть, и в другие места, не останавливала никого, и каждый старался побывать на собрании, узнать то, что каждого рабочего интересовало. Нужно сказать, что собрания не особенно блистали красивыми речами. Там слышались всегда речи самих рабочих, и таким образом коллективно вырабатывалась единая пролетарская мысль, единое желание вести борьбу с классовым врагом не на жизнь, а на смерть. Приходили часто на собрания прямо с работы, неумытые, непереодетые, изнуренные дневным трудом, выжидали удобного момента, когда можно зайти, когда выйти—и поздно ночью уходили по домам, довольные, полные сознания, что рабочий класс победит и сбросит тяготевшее над ним иго рабства.

Когда получилась весть о том, что члены Государственной Думы т. т. Петровский, Бадаев, Муранов, Самойлов и Шагов—направляются в далекую Сибирь на вечное поселение, каждый товарищ скорбел душой; с какой ненавистью к своим классовым врагам, с какой любовью, к своим товарищам по борьбе давал каждый последние гроши, чтобы облегчить их тяжелую участь. Наступил 1916 г. Мы решили встретить новый год и проводить старый всей нашей организацией Брянского района, но не могли нигде подыскать соответствующего помещения и решили снять на Чечелевском базаре чайную с таким условием, чтобы она была под новый год к часу ночи совершенно очищена от постоянных посетителей. Сказано, сделано. Чайная была довольно вместительна, но явилось столько людей, что можно было только стоять. На это собрание приглашен был из Нижнеднепровска в помощь тов. Власенко. Собрание прошло как нельзя лучше. Все стоявшие на повестке вопросы детально обсуждались, и по ним принимались предложения. Основными вопросами были: план дальнейшей работы, выборы комитета и созыв общегородской конференции. В комитет были избраны т. т. Бондарев, я, один товарищ из доменного цеха (не помню, кто еще был). Затем, по моему и тов. Бондаря предложению,

был избран Зайцев Иван из паровозных мастерских. Он оказался потом агентом охранного отделения. На предполагавшуюся конференцию были избраны я, Бондарев и Зайцев. Но, к счастью, она не состоялась.

После этого мы решили таких собраний больше не устраивать и назначили биржу на 1-й Чечелевке, между Сквозной и Бойкой ул., но там появилось столько шпиков, что они совсем не давали нам работать, а работа заключалась в том, что комитет сам решал все вопросы и должен был давать каждой ячейке по цехам соответствующие директивы. Иногда здесь же на бирже устраивали летучие собрания. Ждали с нетерпением весны. Затем пришлось биржу перенести на Пушкинский проспект.

В феврале м-це 1916 г. мы восстановили связь с городом—в городе появился работник, тов. Борис. Работал он в механической сапожной мастерской. С ним мы держали постоянную связь. Таким образом, восстановлена была связь всех трех районов: Брянский район, городской и Нижнеднепровский. К этому времени появились пресловутые военно-промышленные комитеты и в это же время возникла экономическая забастовка рабочих в Николаеве на заводе «Наваль».

Началась кампания за военно-промышленные комитеты. Само собой понятно, что меньшевики приложили немало стараний и трудов для их практического осуществления, но осуществиться этой идее в Екатеринославе не суждено было. Идея о военно-промышленных комитетах плохо прививалась среди Екатеринославского пролетариата: он гораздо больше склонен был в это время выступить в защиту собственных интересов, чем на защиту интересов своей и европейской буржуазии.

Екатеринославская организация, как и целый ряд других городов, больше интересовалась Николаевской забастовкой, чем идейной борьбой с меньшевиками по поводу военно-промышленных комитетов, так как брянцы и остальные районы были глубоко убеждены, что рабочая масса за меньшевистскими идеями не пойдет. В этом убеждало нас то обстоятельство, что война достаточно подготовила рабочих, чтобы они с отвращением относились к ней. Сердца екатеринославских большевиков бились в унисон со всей партией, и поэтому героизм навальцев в их борьбе имел для нас гораздо больше значения, чем все остальное, так как эта искра борьбы могла разгореться в пожар революции. Это нас больше всего интересовало. У нас усиленно велась работа по сбору денег как среди членов нашей организации, так равно и среди беспартийных рабочих. Мы делали попытки вовлечь в это дело и меньшевиков, но они были на деле против всяких забастовок и поэтому под различными предлогами отказались дать нам деньги, и двусмысленно и неопределенно, как и всегда, говорили нам, что они будто сами собирают деньги и думают лично их отвезти в Николаев. Это был, конечно, не что иное, как подло замаскированный отказ поддержать бастующих рабочих. И только отдельные члены их группы давали деньги, и то преимущественно рабочие, которые искренно заблуждались и не могли тогда понять, что их вводят в заблуждение меньшевистские идеологи. Забастовка навальцев была ликвидирована. Екатеринославский пролетариат не последовал их примеру, не приостановил биения

промышленного пульса, но тем не менее эта забастовка не прошла бесследно для Екатеринослава. В психологии рабочих масс осталось убеждение, что только путем борьбы можно прекратить войну и добиться лучших условий и положения в стране. Брянская ячейка неоднократно ставила этот вопрос на обсуждение, и на собраниях делались соответствующие практические выводы.

На одном из таких собраний, происходившем в Кайдаках, на квартире тов. Амосова, где присутствовали наиболее сознательные товарищи, так как помещение и другие условия не позволяли созвать всех членов ячейки, собралось около двух десятков человек. Должен был обсуждаться вопрос: следует ли призывать к забастовке и если следует, то каким путем практически к этому приступить. И второй вопрос: может-ли увенчаться успехом наш призыв к поддержке николаевцев забастовкой. Это были основные вопросы. Затем в повестке дня стояло много других вопросов, которых сейчас не помню. Но нам не суждено было детально обсудить эти вопросы, так как с нами был провокатор Зайцев. Охранка была осведомлена. Многие из нас привели за собой шпиков. Особенно усиленно следили в это время за мной и Бондаревым. Дежуривший товарищ заметил их присутствие, и нам ничего не оставалось, как поспешить разойтись. Мы на скорую руку решили повести осторожную агитацию с целью позондировать почву, как рабочие в Брянском и Трубном заводах отнесутся к нашему призыву, и тем временем подыскать более удачное помещение, чем это. По этому поводу т. Бондарева упрекнули в том, что он выбрал неудачное помещение, совершенно не подозревая того, что среди нас находятся агенты охранки и что в таких случаях, вообще, нет никакой возможности скрыться. Через несколько дней помещение было подыскано другим тов., тоже на Кайдаках. Помню, была темная ночь, невероятная грязь, шлепали все в ботинках в грязи по колена по каким-то узким темным переулкам. По дороге мы шутя говорили с проводниками, что за нами теперь ни одна сволочь не пойдет. Наконец, добрались. И что же—мы увидели преспокойно сидящего Фирсова Ив. Ив. и еще какие то две незнакомые личности. Конечно, это обстоятельство испортило все настроение, все наши товарищи сидели и молча смотрели друг на друга, не зная в чем дело и, что называется, чувствовали себя не в своей тарелке. Некоторые т.т. думали, что, может быть, произошло недоразумение, предполагали, что мы по ошибке попали на меньшевистское собрание. Стали шопотом выяснять и оказалось, что на наше собрание явился Фирсов и с ним присутствовавшие два незнакомца. Не вдаваясь в дальнейшее выяснение причин, пишущий эти строки открыл собрание и поставил вопрос об удалении Фирсова и остальных двух. Фирсов начал разводить демагогию, и доказывать, что он рабочий, что он немало поработал на благо рабочих и т. д., но, тем не менее, ему пришлось удалиться вместе с пришедшими. По их уходе мы сейчас же занялись выяснением причин появления посторонних на партийном собрании и, тем более, верхушки партийных товарищей. Оказалось, что его никто не приглашал на собрание, а он узнал из работы нашей по цехам, что

мы ведем определенную работу, зондируем почву на счет забастовки, узнал от одного нашего товарища, что состоится собрание, а квартиру пронюхал сам, каким-то другим путем, так как он жил по близости от той квартиры, где назначено было собрание. Я лично тогда еще определенно его побаивался, так как неоднократно замечал, еще будучи в больничной кассе, как он таинственно разговаривал с назначенцами, а назначенцы были ни кем иным, как информаторами охранки. В тот вечер не удалось обсудить стоявшие на повестке дня вопросы, а через несколько дней эта повестка, написанная моей рукой на листике блокнота, оказалась у жандармского полковника. Зайцев у меня ее выкрал и отнес начальству. Я об этом узнал в апреле 17-го года по возвращении из ссылки. Я никак не мог понять, каким путем она попала жандармскому полковнику в руки, когда он мне ее показал во время допроса в мае 1916 года.

После этого была еще одна попытка собраться на квартире, тоже неудачная. Наступала весна. Мы решили до весны ограничиваться биржей. Николаевская забастовка была ликвидирована, и, поэтому, острота вопроса отпала, тем более, что у нас не было достаточного основания надеяться на устройство забастовки из солидарности. Работа пошла в другом направлении: мы повели широкую массовую работу среди рабочих путем устройства больших беспартийных массовок, на которых раз'ясняли настоящее положение, указывая меры борьбы. Чтобы эти вопросы возможно шире и с большей ясностью могли освещаться на таких собраниях, решено было устраивать об'единенные собрания Брянского района с Заднепровским и устраивать их за Днепром, как в наиболее безопасном месте. Идея об'единенных массовых собраний вызывалась еще и тем обстоятельством, что хотелось использовать одновременно все идейные партийные силы. Это подкреплялось еще и тем что брянцам, все равно, необходимо было собираться за Днепром, а заднепровцам ничего не стоило бывать на этих собраниях.

Первая массовка состоялась накануне Пасхи, когда было еще довольно сыро и свежо, особенно ночью. Вся техническая работа делалась заднепровцами. Собрались в одно место и, когда стало совсем темно, перешли в другое—к самому Днепру, в какую-то ложбину, и собрание прошло с большим успехом, несмотря на то, что на нем также присутствовал Зайцев, который никогда не отставал от меня. О чем говорилось, я уже не помню. Выступали с речами т. т. Власенко, Лебедь, Клочко и Ареeничев. один товарищ Гантковской больничной кассы и еще кто-то. Наиболее удачным было тогда выступление тов. Власенка. В общем, собрание носило чисто митинговый характер. Все были довольны успехом. Мы посмеивались над меньшевиками и над их идеей «все для войны». Меньшевики видели наши успехи и стали поговаривать о том, чтобы устраивать свои массовки, и что-то устроили в Кайдаках, где присутствовал Фирсов и Боголюбова, но это была жалкая кучка меньшевиствующих. Фирсов и Боголюбова пришли к полному разочарованию в возможности иметь успех среди рабочих.

После такой неудачи меньшевики решили воздействовать на нас и особенно на наиболее слабых членов нашей ячейки. С этой

целью Боголюбова влюбила в себя Головка, одного из наиболее колебавшихся большевиков, занимавшего не совсем последнее место среди товарищей.

С этой же самой целью меньшевики пригласили возвратившегося из Николаева знаменитого Абросимова, члена Центрального Петроградского Военно-Промышленного комитета, который ездил в Николаев для ликвидации забастовки по поручению Гучкова, и, одновременно, охранного отделения, где он состоял постоянным агентом. Так как мы к этому времени успели поставить дело так, что рядовые члены нашей организации без указаний Брянского комитета не шли ни на какие предложения меньшевиков, то они решили пригласить возможно большее число наших т. т. через меня и тов. Бондарева на собрание, где Абросимов должен был делать доклад о николаевских событиях и военно-промышленных комитетах. Мы, конечно, знали цену его докладам и, поэтому, явились только вдвоем; третьим был приглашен лично подхалим Жмуркин. Когда они заметили, что кроме нас, больше никто не является, то Боголюбова готова была совсем ничего не начинать и переговорила об этом с Абросимовым. Последний очевидно с ней не согласился и начал делать осторожный доклад о ликвидации забастовки. Мы ему задали несколько острых вопросов и на этом разошлись. К этому времени назрело довольно сильное революционное брожение среди всей рабочей массы Екатеринославщины. И, поэтому, поднятая октябристами, кадетами и меньшевиками кампания за военно-промышленные комитеты имела весьма и весьма ничтожные шансы на успех. Тем не менее, они эту кампанию начали. Это была последняя попытка, если не совсем спасти свое положение, то, во всяком случае, оттянуть грозившую им гибель. Екатеринославская организация решила использовать эту кампанию в интересах развития революционного сознания рабочих. Работа велась в этом вопросе в двух направлениях, главным образом, нелегально, но, где представлялось возможным, то и легально; но легальным путем нам приходилось мало пользоваться, так как эта легальщина почти совсем не доходила до рабочих масс, а ограничивалась правлениями больничных касс, которые были все меньшевистскими. Поэтому, мы предпочитали использовывать для нашей агитации нелегальные собрания рабочих, которые бывали всегда довольно многолюдными.

Одно из таких собраний было устроено Брянским районом самостоятельно на Благовещенье за Трубным заводом в балке. Это вышло как-то случайно и наспех, так что мы не успели столковаться с заднепровцами. Накануне этого дня приехал из Парижа один меньшевик интернационалист, который из'явил согласие сделать доклад о военно-промышленных комитетах. При этом он нам заявил, что он доклад будет делать в отрицательном, т. е. в большевистском духе, «так как у нас, интернационалистов, с большевиками нет никаких разногласий».

Весть о собрании разнеслась быстро. Члены ячеек заработали во всю, и к 4 часам дня собрание было на месте. Присутствовало больше двухсот человек. Докладчик осветил патриотизм французских шовинистов, остановился на русском шовинизме и сделал соответствующий вывод. Речь

его продолжалась минут 40. После него выступил я и указал на стоящие перед рабочим классом задачи. После меня выступил меньшевик и только начал было говорить, как с вершины раздался крик «тикайте». Патрулем был все тот же провокатор Зайцев. Собрание рассыпалось в различные стороны, часть побежала вверх—по балке, остальная часть поднялась на верх и рассыпалась по степи. Как только показалась масса народу с балки, то со стороны во весь галоп наскочили на нас конные полицейские со свистом и гиком. Эта картина была очень похожа на охоту. С целью задержать нас, они открыли невероятную стрельбу. Кого нагоняли, тут же избивали нагайками. В результате было арестовано 27 человек, в том числе и т. Фишкин был избит и арестован. Это было его боевым крещением на звание большевика.

Мне, тов. Скворчевскому и другим товарищам удалось уйти. Докладчик также ушел, но он так перепугался, что на другой день его уже не было в Екатеринославе.

После этого у нас прошли еще две очень удачные массовки, на песках, за Гантковским заводом. На последней мы дали решительный бой меньшевикам по вопросу о военно-промышленных комитетах. С нашей стороны выступали т.т. Лебедь, Власенко, Клочко, Бондарев, Воронцов, Борис Киевский, я и другие. Со стороны меньшевиков главки не явились, а были второстепенные из города и заднепровцы, со стороны с-р. был тов. Шаляхин. Конечно, они потерпели поражение, несмотря на то, что на их сторону перешел в этом вопросе Хлебодаров из Гантковской больничной кассы. Все последние собрания происходили днем. Начинали сходиться с 8 часов утра, и мы настолько осмелели, что совершенно не боялись полиции, которая не принимала почему-то никаких мер. В одно воскресенье решили устроить собрание в лозах за Нижнеднепровском. Был чудный майский день. Но полиция предупредила нас. В местах, где должно было произойти собрание, усиленно шныряла тайная и явная полиция и раз'езжали конные всадники. Таким образом, собрание не удалось устроить.

Полиция не дремала и настолько окружила каждого из нас шпиками, что последние буквально не давали прохода, днем и ночью дежуря у наших квартир. Усиленные слежки за нами были вместе с тем и предупреждением о нашем аресте. Прошло немного времени и многим из нас пришлось встретиться в тюрьме.

В. ВАЛЯВКА.

ОТДЕЛ II

МАТЕРИАЛЫ и ДОКУМЕНТЫ

О ДЕКАБРЬСКОЙ ДЕМОНСТРАЦИИ 1901 ГОДА

(«Искра» № 21)

В декабре у нас имела место первая открытая демонстрация, и тут наши местные рыцари самодержавного кистеня, с нашим сиятельным губернатором во главе, уже воочию и, так сказать, всенародно показали и показывают, что, собственно, на языке самодержавия называется охранением «порядка». Прежде всего солдат, отправляемых на храбрый подвиг, нашли нужным подкрепить с двух сторон, согласно двойной природе человека: с одной стороны, духовно, при содействии напутственной речи из богобоязненных уст православного попа, а с другой—материально, при содействии солидной чарки водки из царского кабака. С своей стороны, сиятельный губернатор нашел нужным личным примером поддержать бодрость своих пеших и конных молодцов: в его сиятельных руках гарцовала нагайка, ничем не отличавшаяся от нагаек «молодцов», и большая публика воочию убедилась в том кровном родстве, которое существует между нагайкой и короной, будет ли то корона графская или царская. Подготовительные работы были закончены, и все приступили к делу. Собственно сомкнутой толпы демонстрантов, как это обыкновенно и бывает в первый момент, не было. По бульвару проспекта против губернаторского дома, как и по смежным бульварам, в неопределенном, но инстинктивно - напряженном состоянии ходила взад и вперед большая толпа людей, в которой, помимо демонстрантов, полу-демонстрантов и всякого рода робко сочувствующих, было много людей, которых просто-на-просто заинтересовало это скопление солдат и городовых с губернаторской нагайкой во главе. Когда раздалось требование очистить бульвары, затерроризированные обыватели сейчас-же, конечно, поспешили убраться. Но демонстранты и так или иначе примыкающие элементы, инстинктивно сомкнувшись теснее, не обратили внимания на это требование. Гарцнула ли раньше нагайка Келлера, а уж потом раздался многоголосый боевой клич «долой самодержавие», причем над головами толпы развернулось несколько знамен, или же дело происходило в обратном порядке—установить было трудно. Во всяком случае знак был подан, и средь белого дня ночная сцена на большой дороге началась. Очевидно, по предварительным наставлениям, прежде всего оглушали студентов: бросятся несколько царских мясников на студента, оглушат его в восемь-десять кулаков и выволакивают за пределы бульвара, где лишь начинается настоящая бойня. Поднимаются вопли терзаемых, толпа, охваченная ужасом, бежит с криками: «убили», но в беспамятстве бежит как раз в ту

сторону, где действуют рассвирепевшие мясники, и получает свою долю прикладов, кулаков или нагаек, не будучи, однако, задерживаема. Но вот в этой-же толпе показывается студент: его оглушают и начинают терзать. Вдруг раздается нечеловеческий визг какой-то женщины. Убегающая толпа с расширенными от двойного ужаса зрачками, на бегу же озирается назад и видит какую-то бегущую барышню со скрещенными на груди руками: ее хватили по груди нагайкой, которая рассекла теплую кофточку, платье, корсет и рубашку, оставив кровавый след во всю грудь. (Впоследствии выяснилось, что это—француженка, невеста одного из студентов, которого оглушили и начали терзать. Храбрая француженка было бросилась спасать своего жениха, но ее зверски хватили нагайкой и, наступая на нее верхами, заставили бежать). Как и все ночные сцены на большой дороге, длящиеся для оглушенного путника целую вечность, все это было делом каких-нибудь 15—20 минут. Истерзанных и изувеченных царские разбойники уволокли в чащу-тюрьму, проспект обезлюдел, и «порядок был восстановлен».

В городе тотчас-же установилось убеждение, что несколько студентов убито. Если вы попробуете мысленно воспроизвести во всей полноте бойню, о которой мы могли сказать только несколько слов, то вы поймете, что это убеждение должно было показаться всем полной достоверностью. К счастью, это оказалось не так. Даже наиболее зверски истерзанного и бездыханно уложенного на тюремную койку студента Карчина привели в чувство (правда, после неимоверных усилий), три врача, которых Келлер тотчас-же прислал в тюремную больницу-камеру. Через неделю его, как и многих других, выпустили, а недели через три он совершенно поправился. Одержав эту победу, храбрый генерал поскакал в Петербург за Георгием, а тем временем в Екатеринослав были присланы две сотни кубанских казаков (где же тут, подумайте, справиться собственными силами), которых от времени до времени стали «проминать» по всем улицам города в рабочих слободках и на виду всех заводов: попробуй, дескать, шевельнуться. Откуда то вынырнула огромная масса ночных сторожей, которых снабдили дубинами в человеческий рост и которым вменено было неукоснительно хватать всякого «подозрительного» прохожего: это ночное, по-скифски организованное войско охраняет стены, заборы и просто мостовую от моря прокламаций и воззваний, циркулирующих как в городе, так и в рабочих кварталах. Один-два примера покажут нам, как действует эта ночная народная милиция. В один прекрасный день канцелярская мелюзга материальной службы Ек. жел. дор. была поражена необыкновенным случаем: пробило десять часов, а одного из их сослуживцев все нет как нет, между тем, как всем известно, что он приходил чуть ли не в восемь и что даже праздничные дни он, зверски скучая дома за своим правленским перышком, проводит на своем месте в управлении. Никому, конечно, и в голову не могло прийти, что в жизнь бедного Акакия Акакиевича ворвалась усиленно охранная волна, а между тем так именно и обстояло. Вышел себе вечером сей Акакий Акакиевич погулять по проспекту и, охваченный быстрой пульсацией проспектной жизни, решил себе пир на оба пятиалтынных, которые имелись у него в кармане. Купил себе у Метцлера полфунта

БЮРО ГУБЕРНСКОГО КОМИТЕТА В 1920 ГОДУ

В. Аверин. Д. Лебедь. Я Яковлев-Эпштейн.

колбасы, купил в кондитерской вкусных пирожков, дал и царю поторговать за осьмушку, и наперед предвкушая столь редкие в его жизни лукулловские наслаждения направился домой, в одну из окраинных улиц города (Короткая). Случаю угодно было, чтобы несовершенство человеческой организации вынудило его остановиться у одного из заборов своей улицы. Моментально его шиворот очутился в чьих-то дюжих руках, перед его смертельно испуганными глазами выросла огромная дубина, а в оглушенных ушах раздался свирепый окрик: «что делаешь». Как ни ошалел бедняга, как ни давил его шею стянутый шиворот, он все же сообразил, что это не босяк с пристани, а босяк из ночной царской охранки. На раздавшийся свисток моментально прискакал городовой и мнимого расклеивателя прокламаций поволокли в участок, где, снабдив его шею на ночь парой здоровенных, чисто царских «лещей», его самого бросили в какую-то затхлую яму. Весь следующий день он отлеживал свой испуг дома, и вот почему его место в канцелярии так уныло и так непривычно пустовало в этот ден. А вот шнырял босяк по пристани целый день, ничего не промыслил, и, не солоно хлебавши, направился вечером в ночлежный дом. Вдруг он увидел на мостовой белеющий лист бумаги, очевидно, кем-то утерянный. Поднял босяк бумагу и поднес к ближайшему фонарю: бумага не грязная и даже пыли на ней нет. И вот он вынул из-за пазухи свой полуисклокоченный паспорт, тщательно укутал его поднятой бумагой, и ехидно думает себе, ну теперь «идолы» при обмене паспорта уж не станут глумиться над ним, что мол, достается, видно, на пристани не только его шее, но и его паспорту, что он всегда в двадцати клочках. Но не успел он еще вызвать в своем воображении «идолов», которых он собирался оставить в дураках, как два действительно «идола» оглушили его буквально тем-же манером, как и правленского Акакия Акакиевича. «Вашскоброд» докладывают в участке дежурному надзирателю царские ястребы, «вот... листки... бросает», Босяка обыскивают и оказывается, что паспорт заворочен в прокламацию. «Тр-р-рах, тр-р-рах, тр-р-рах». Поблагословили, бросили в яму, а на другое утро передали жандармам в тюрьму. (Там он и рассказал свою напасть нашим товарищам, в камеру которых он попал). Дело длилось целую неделю, абсолютно безграмотного босяка терзали, пока, наконец, и Делло увидел, что на сей раз российское самодержавие вне опасности. Так чем же вы тут не ночью, в лесу, под ежеминутными взмахами кистеня. В Петербурге Келлер за свое декабрьское геройство получил, как следовало ожидать, личную царскую благодарность и поощрение; но, вернувшись к своему посту, узнал между прочим, что в научном обществе против него составился комплот. Нашлась там группа, которая задумала освободить общество от его почетного председательства, для чего необходимо было свергнуть весь распорядительный комитет, с молодым, но экзотически ранним, профессором химии (он же инспектор студентов) Куриновым во главе. «Посмотрим», сказал Келлер, и в ближайшее заседание общества наука имела наслаждение увидеть в своей тихой пристани не только его самого, но и почувствовавших неодолимую жажду напиться из ее светлого источника приставов и околодочных. Комплот, конечно, умер от апоплексического удара.

Приближалось 19-е февраля. В воздухе и в прокламациях опять запахло демонстрацией, и Келлер довольно быстро стал вводить что-то вроде осадного положения. Казаков уже проминали раза два-три в день, а рабочих все туже и туже стали держать в их рабочем гетто, ставя им всяческие препятствия проникнуть в город. Когда же он вдруг узнал, что демонстрация придвинута на 17-е число, то он уже поступил совсем по военному времени. 16-го числа из Нижнеднепровска через днепровский мост пропускали в город только женщин на базар, а сухопутную границу (со стороны Брянского и других заводов) совсем заперли конной и пещей полицией. Впрочем, кое-кто из Нижнеднепровских рабочих напали на счастливую мысль: оделись бабами и проникли таки в город. Полиция узнала об этом и 17-го утром стала пропускать на базар баб только после самого бесцеремонного «ощупывания». Тогда рабочие решили попытать счастья на лодках. Моментально появился крейсирующий пароходик, с бортов которого полиция об‘явила, что она немедленно и даже без второго окрика пустит ко дну каждую лодку, которая осмелится выехать на реку. Прибавьте к этому, что с 16-го по 17-е число Делло арестовал в городе массу публики, и вы поймете, что, действительно, происходившие 17-го и 18-го демонстрации были до крайности урезаны. Не обошлось без бойни и в эти дни, но в памяти еще слишком жива была декабрьская бойня, чтобы обратить особенное внимание на новую. Тем удачнее прошла демонстрация в прилегающей к Брянскому заводу слободе, которая тоже была отрезана Келлером от города. Здесь ряды рабочих со знаменами, приготовленными для шествия по городу, стройно прошлись при криках «долой самодержавие!» перед самым носом ошарашенной, но немногочисленной полиции,—прошлись по всем четырем Чечелевкам (улицы) и к ним беспрепятственно присоединялись выбегавшие из своих квартир рабочие и даже их жены. После 17-го и 18-го город уже очутился в настоящем осадном положении. Повсюду пешая и конная полиция, которая угрожает нагайками даже детям, собравшимся в кучу поиграть, и те бегут, куда глаза глядят. Куда вы ни оглянетесь, перед вами, словно из-под земли какие-то полуобразованные, с совершенно дикими лицами и с нагайками за поясом кубанцы, способные вызвать в вас кошмар нашествия фиджийцев. Так и кажется, что вот-вот раздастся: «в нагайки» и эти фиджийцы не оставят кости на кости. Перед воротами двора губернского правления (в центре проспекта) и в самом дворе стоит кучками батальон солдат с боевыми сумками, а в глубине двора грозно торчат штыки поставленных в козлы ружей. Бульвары, обыкновенно с 6-ти часов вечера кишащие беззаботной публикой, теперь в этот же час мертвенно пусты, а люди нервно озираясь и словно чувствуя за спиной готовую ошарашить их нагайку, пробираются по тротуарам и, кажется, только и думает о том, как-бы поскорей добраться до дому. И в таком тягостно напряженном состоянии держали город всю масляную неделю. А в это время беспрерывно переливается волна обысков и арестов, причем даже знаменитой лапласовской голове вряд-ли бы понятны были хотя бы самые элементарные их основания; разве только остановиться на принципе «через десятого»...

ОТЧЕТ ЕКАТЕРИНОСЛАВСКОГО КОМИТЕТА ОБ АВГУСТОВСКИХ СОБЫТИЯХ 1903 ГОДА

(Приложение к № 12 «Искры»)

С появлением известий из Баку и других городов, в которых были всеобщие стачки, в Екатеринославе стали ходить слухи, что и здесь будет то же. Разговоры о предстоящей стачке шли всюду: все таинственно улыбались, делились последними известиями, приходившими с мест забастовки, и говорили о том, «что слышно у нас». Среди евреев сейчас-же появились опасения погрома, но эти опасения были незначительны, так как о погромах тогда не было слышно ниоткуда. После известий из Киева разговоры о стачке пошли еще сильнее. Разговорам способствовало и экономическое положение рабочих, очень плохое, благодаря недавнему кризису. Когда еще не было слухов и о Баку,—на заводе Эзау предполагалась стачка; ожидалась также стачка дамских портных, трамвайщиков и других. В конце июля комитетом для выяснения положения было устроено несколько специальных собраний: Комитета, агитаторских «летучек», агитационных и из людей, обычно не посещавших никаких собраний. На всех этих собраниях говорилось, что забастовка в других местах произошла по двум причинам: из-за плохого экономического положения, которое рабочие захотели улучшить, воспользовавшись небольшим оживлением промышленности, и, во-вторых, из чувства солидарности; даже старались выяснить, какая из этих двух причин имеется у нас и на какой характер стачки мы должны больше расчитывать. Потом, когда обсуждались вопросы: призывать ли к стачке или нет, а также—сможет ли стачка принести какие-либо улучшения в экономическом положении, указывалось, что момент для стачки неблагоприятен: в Екатеринославе собрались войска на маневры. На все это отвечали, что во время кризисов цены были сбавлены и что теперь, хотя всюду есть новые заказы, никаких прибавок нет и что рабочие их ждут. По собранным сведениям было видно, что экономическое положение рабочих одинаково плохо и что всюду нужно выставлять одинаковые требования: 1) сокращение рабочего дня, 2) увеличение заработной платы, 3) улучшение гигиенических условий работы. Впоследствии все эти требования и занимали главное место в частных листках, выпущенных комитетом во время стачки. Говорили, что настроение у всех очень напряженное: все ждут не дождутся стачки; что, будем-ли мы призывать или нет, она начнется; что войска не

помешают ей начаться, так как к плохому экономическому положению прибавилось чувство солидарности, очень быстро растущее под влиянием известий о стачках в других городах. Относительно жел.-дор. мастерских не было никаких сомнений, что они забастуют, а на других заводах говорили, что если жел. дор. мастерские забастуют, то и они присоединятся к стачке; в городе тоже уверяли, что как только заводы бросят работу— и весь город бросит, особенно, если заводские придут в город и пригласят присоединиться. Выяснивши положение, Комитет решил начать забастовку, несмотря на некоторые неблагоприятные обстоятельства, и начал готовиться к ней. Числа 30-го или 31-го Комитетом было получено приглашение от ком. соц.-рев. прислать представителя на совещание, на котором должен был обсуждаться вопрос, на каких условиях можно было бы работать во время стачки сообща. Комитет послал сообщить соц.-рев., что отказывается от этого, но человек, которому это было поручено, не нашел их. Свое решение Комитет принял потому, что считал, благодаря крупным принципиальным разногласиям с соц.-рев., невозможной совместную с ними плодотворную работу. В Екатеринославе, кроме соц.-дем. организации, во главе которой стоит Е.К.Р.С.Д.Р.П., признанный партией, есть, так называемая, соц.-дем. организация старой формы (оппозиция), которая называет себя тоже Е.К.Р.С.Д.Р.П., на что не имеет никакого права.

Сторонники этой организации были довольно многочисленны, и потому комитет решил вступить с ними в переговоры, относительно совместной работы и предложил образовать стачечную комиссию Е. С.-Д. организаций; это предложение было сейчас-же принято. В образовавшуюся комиссию вступило по три члена с каждой стороны. Листки каждая организация должна была выпускать самостоятельно, кроме бюллетеней, которые были общими; требования же в листках должны были быть выставлены одинаковые. Первые дни распространение было самостоятельное, и лишь в последние дни решено было сделать его общим. Вся остальная работа должна была проводиться совместно. Выработавши условия работы в комиссии, члены ее занялись выработкой плана для ведения стачки. По этому плану стачка должна была начаться утром, 7 августа, с железнодорожных мастерских: к 4-му числу подготовительные работы не были бы закончены, а начинать пятого было бы невозможно, так как шестого был праздник, а известно, что большинство стачек кончается на другой день после праздника, и потому побоялись, что стачка, начавшись пятого, окончится седьмого. Привести это решение в исполнение было довольно трудно: последняя неделя перед стачкой проходила для всех очень томительно; все ждали ее и спрашивали, когда же начнется стачка. Когда более близким рабочим говорили, что она отложена на четверг, седьмого, то они были очень недовольны этим, так как боялись, что масса не станет дожидаться призыва организации и начнет стачку сама. Третьего числа комиссией было получено известие, что с.-р. выпущена прокламация с призывом к стачке и что они хотят начать стачку с четвертого: положение комиссии стало еще более критическим. Если влияние с.-р. окажется настолько сильным, чтобы заставить массу начать стачку вопреки плану комиссии, то, значит, весь план рушится.

и стачка будет неподготовленной, чисто стихийной и, как неподготовленная, будет обречена на неудачу. Обсудивши положение дела, комиссия решила послать к с.-р. делегата с поручением поставить им на вид, что они не имели права начинать стачку, не спросивши у организаций, за которыми стоит большая часть массы, когда эти организации решили начать ее. Делегат комиссии нашел с.-р. около 12 часов ночи, а около трех часов утра ушел от них. Его переговоры кончились тем, что с.-р. обещали постараться отменить свое решение, но не надеялись, что это, в виду позднего времени, им удастся. Утром четвертого стало известно, что нигде никаких попыток начать стачку никем не делалось. Во вторник, пятого, забастовало несколько булочных, забастовка эта была чисто стихийная, и очевидно, началась без участия какой-либо организации.

Это подтверждается тем, что булочники, собравшись в количестве 60 человек, не знали, что делать, и у них не было человека, который мог бы выработать с ними требования. И лишь случайно они нашли такого человека (человек этот принадлежал к с.-д. организации старой формы). Собрание их было разогнано полицией, а среди булочников начались аресты. Комиссия довольно долго обсуждала вопрос о том, какие листки выпустить раньше: общие или частные. Одни ее члены говорили, что масса еще не подготовлена и не понимает, что ей требовать, и что, поэтому, надо выпустить экономические листки раньше, дня за два до стачки. Другие им возражали, говоря, что, если листки появятся, то стачка сейчас-же начнется, а подготовительные работы еще не окончены, и что, если частные листки будут выпущены, то администрация будет иметь прямое доказательство, что стачка начнется скоро и примет самые решительные меры, а выпустивши листки одновременно мы до некоторой степени застанем администрацию врасплох. Вместе с тем, предлагалось вести устную агитацию. Второе мнение восторжествовало. Начать стачку было решено так: в железнодорожных мастерских распространить частные и общие листки и в восемь часов дать гудок. Были намечены люди, которые должны были дать гудок, и вывести рабочих во двор, другие же должны были произносить речи. Начавши стачку у себя, жел.-дорожные рабочие должны были пойти на другие заводы и пригласить товарищей бросить работу. Комиссия не была уверена, что на других заводах бросят в тот же день работу, но план ее был исполнен в точности.

Настроение буржуазии и обывателей перед стачкой все время было приподнятым, и они также готовились к стачке. Слухи о том, что было в Одессе, заставили хозяек делать большие запасы муки и хлеба. Во вторник, когда забастовали булочники, мучные лавки прямо осаждались покупателями. Все говорили, что скоро стачка,—и все хотели, чтобы она началась. Даже один фабричный говорил: «Скоро ли начнется стачка,—отдохнуть бы». Повторяем, что слухов о погроме евреев почти не было. Администрация стала готовиться к стачке чуть ли не раньше, чем организация: всюду появилось удвоенное количество городовых и жандармов; много поднадзорных было арестовано; войска все прибывали и прибывали, пока на двух рабочих не стало по одному солдату. По степи, где в обычное

время рабочие устраивали свои собрания, раз‘езжали отряды полиции и, обнаружив собрание, свирепо разгоняли его. Так, 31-го июля было разогнано большое агитационное собрание, причем много народу было избито. Собраться на степи стало невозможно, и всякие собрания были прекращены. Гудки на заводах охранялись жандармами. Словом, все предосторожности были пущены в ход. Но ничто не помогло: утром 7-го стачка началась и началась так, как хотела того комиссия. О том, как прошло 7 августа на заводах рассказано в предыдущем сообщении, а здесь мы коснемся только того, что происходило в этот день в городе. Прежде всего забастовали типографщики. Переходя из мастерской в мастерскую, они останавливали работу, а полиция, иногда с шашками на-голо, гонялась за ними. Вслед за типографщиками побросали работу многие другие цехи, но далеко не все. Трамвайщики, к большому удивлению и разочарованию всех, работали. Во многих местах города во дворах, а иногда и по углам улиц стояли отряды солдат, кучки народа собирались почти у каждых ворот и обсуждали вести, долетавшие с заводов. По проспекту раз‘езжали городовые, и то и дело по направлению к заводам, проходили отряды войск.

Утром дышалось весело: узнали, что все заводы остановились, продолжали работу только на Амуре и Нижнеднепровске; но потом настроение омрачилось: дошли вести о зверской расправе и об убитых и раненых. Часа в четыре дня эти слухи подтвердились: по проспекту в больницу повезли раненых. У всех вид был ужасный, но особенно сильное впечатление производил один юноша, на вид совсем мальчик, лежавший на извозчичьей пролетке, весь вытянувшись, закинув руки за голову; лицо его было страшно бледно, и, видимо, он сильно страдал. Комиссия, собравшись вечером, увидала, что ее планы целиком оправдались на заводах, не оправдались отчасти в городе и совершенно на Амуре и Нижнеднепровске. Решено было отправить на следующее утро на Чечелевку ораторов, а потом постараться привезти городских людей в город, чтобы пригласить забастовать тех городских рабочих, которые еще продолжали работать. Вместе с тем, было решено, когда будут хоронить убитых, устроить им торжественные проводы. Комиссия совершенно забыла, что правительство всегда старается убирать свои жертвы как можно скорее и потому не предполагала, что хоронить будут завтра (восьмого). Второй день, описанный подробно во втором бюллетене и в сообщении участников событий, прошел не совсем так, как хотела этого комиссия. Но результат был тот-же; не побросали работу только в очень немногих (ремесленных) мастерских. Комиссия вечером собралась опять. Были прослушаны отчеты ораторов. Перед началом стачки комиссия, имея в виду опыт ростовских и одесских товарищей, говоривший, что, для того, чтобы масса могла понимать политические речи, надо основывать их на экономическом положении, постановила, чтобы речи говорились не сразу на политические темы. Из отчетов ораторов видно было, что масса очень сочувственно относилась к политическим речам. Впоследствии оказалось, что так относилась только передовая часть рабочих, а малосознательная масса в первые дни на собраниях не присутствовала; на тех же собраниях,

как, напр., на Кайдаках, где было большинство малосознательных, масса была увлечена ораторами и кричала за ними «долой самодержавие», но это увлечение было слишком поверхностным. Комиссия в этот день постановила отправить на утро людей на Амур и Нижнеднепровск. Кроме этого, комиссия приняла решение устроить в два часа (девятого) демонстрацию перед тюрьмой. В субботу утром узнали, что в пятницу вечером тюрьма была окружена казаками, и потому это решение было отменено. На Амуре и Нижнеднепровские в субботу утром удалось остановить все заводы; один завод забастовал еще накануне. Комиссия, собравшись в субботу, решила не делать больше никаких попыток призывать рабочих в город, а пользуясь небывалым случаем, вести массовую агитацию. Случай был действительно небывалый: в четырех местах—на Чечелевке, на Кайдаках, на Амуре и Нижнеднепровске происходили собрания. Комиссия использовала двенадцать своих ораторов, и все они говорили в продолжение четырех дней.

Кроме этих двенадцати лиц, говорили двое-трое соц.-рев., приглашали массу к вооруженной демонстрации, но никаких практических результатов от этого не было, да, как говорят, они и сами их не ожидали. В субботу ничто не говорило о близком окончании стачки, хотя правительство принимало все меры, чтобы запугать рабочих. Оно арестовывало рабочих десятками, всюду насажало солдат, а вице-губернатор и полицеймейстер ежедневно произносили речи «политического характера» и на тему о «свободе труда». В воскресенье появились первые зловещие признаки: на собрание народу пришло менее, чем в первые дни, и, кроме того, на Нижнеднепровске и Кайдаках говорили, что в понедельник выйдут на работу. Оратор на Нижнеднепровске очень долго обсуждал с рабочими экономические требования, и ему удалось убедить рабочих в необходимости продолжать стачку. Комиссия решила на утро предпринять самые решительные меры, чтобы не дать стачке кончиться. Решено было отправить в наиболее опасные места наиболее способных ораторов; ораторам было сказано, чтобы они, в случае необходимости, стали у ворот завода, и попытались выяснить рабочим ту громадную ошибку, которую они делают, идя на работу. В понедельник утром Комитетом был распространен листок об уступках, полученных рабочими в других городах, где были стачки. Ораторы, прийдя к заводам, не могли попасть на них, так как войск и полиции было больше, чем всегда. Кроме того, стало известно, что некоторым из них было опасно пойти туда, где они говорили раньше. Так, про одну женщину, говорившую на Кайдаках, иные говорили, что она «ведьма» и что она больше их не обманет и не заставит кричать «долой самодержавие», и, что если она придет, то найдутся, пожалуй, люди, которые выдадут ее полиции. Это было там, где за день перед этим хотели носить ее на руках. На всех заводах Брянского завода утром начались работы, но рабочие вышли не все,—незначительная часть осталась еще дома. Известие о начале работ было так неожиданно и так ошеломляюще, что долго не верили ему. И для самих рабочих начало работ было неожиданно: очень многие пошли с твердым решением начать работать,

другие пошли посмотреть, много ли вышло на работу, а третьи, думая, что все идущие к заводам, идут на работу, тоже поднялись и пошли, а за ними и остальные. Это доказывается следующим фактом: когда рабочие появились на Брянском и Трубном заводах, и администрация предложила им начать работу, то рабочие отвечали, что они пришли только «так» и что они не захватили с собой завтрак. Им отвечали, что за этим дело не станет,—и мигом были присланы возы арбузов и сотни селедок. То и другое быстро разобрали, но брали не все: главным образом накинулись на «даровщинку» получающие больше жалованья, а зарабатывающие мало почти совсем не брали. После обеда вышло уже больше народу, чем утром, а во вторник только редкие не пошли на работу. Так было в Брянском районе,—на Амуре же и Нижнеднепровске забастовка продолжалась. И в понедельник и во вторник там продолжались собрания, но в среду начались работы и там. В городе большинство ремесленных мастерских начали работу, но рабочие довольно большого числа мастерских продолжали забастовку; некоторые из них продержались еще с неделю, другие около этого. Всюду—и на заводах и в ремесленных мастерских—рабочие становились на работу без пред'явления каких-либо требований; очень немногие выставили их во время забастовки и получили некоторые уступки. Так, на заводе Лащавера 7-го августа сбавили полчаса работы, а 8-го еще час. У ремесленников кое-где прибавили заработную плату, кое-где уменьшили рабочий день.

Начиная с этого места, сообщение было сделано бывшим членом Екатеринославского комитета, согласно поручению последнего. Очень важным и очень характерным является на редкость выдержанное и спокойное поведение рабочих во время забастовки. Рабочие машиностроительного завода, прежде чем забастовать, предварительно вычистили все котлы, убрали инструменты, велели кочегарам оставаться на своих местах и затем спокойно и все вместе вышли из завода.

«Ведь это совсем по аристократически», воскликнул пораженный этим директор завода—немец. Такое же точно, в общем, было поведение рабочих и на других заводах. На одном заводе директор стал грубо упрекать рабочих, что они покидают работу; толпа заволновалась; еще момент и мог бы произойти взрыв. «Оставьте его в покое», вдруг воскликнул кто-то из рабочих: «ведь он такой же наемный пролетарий, как и мы, только еще недошедший до понимания своих интересов». Сконфуженный директор поспешно удалился. Когда в пятницу, восьмого августа, рабочие двинулись в город и подошли к трамвайному депо, ворота депо оказались запертыми. «Ворот не ломай»,—раздался единодушный крик со стороны толпы. Как же проникнуть во двор? Нашелся один подросток, который перелез через забор и отпер ворота. Рабочие твердо помнили распоряжение Комитета (гектографированное), распространенное в большом количестве экземпляров одновременно с призывом к забастовке. «Товарищи», говорилось в этих маленьких листках, «начав всеобщую забастовку, мы будем вести себя, как подобает борцам за

великое дело. Мы будем держаться спокойно и не позволим себе никакого насилия над личностью и имуществом других». И последнее исполнялось рабочими, со скрупулезной точностью, доходившей по временам до педантизма. Надо заметить, что эти листки, в которых указывалось рабочим, что во время забастовки они должны вести себя спокойно и с достоинством и в то же время дать решительный отпор войскам и полиции, если те сами произведут нападение, произвели почему-то среди рабочих настоящий фурор. «Вот это именно нам и нужно», говорили они везде и всюду. Очевидно, содержание этих листков гармонировало с настроением рабочей массы. Такое, в высшей степени корректное поведение со стороны рабочих после того, как 25 человек из их среды, в первый же момент забастовки, решительно без всякого повода были убиты и тяжело ранены, когда в то же время разнузданность полиции доходила до последних пределов дикости и нелепости,—спокойствие, выдержанность и тактичность рабочих невольно вызывали к ним симпатии во всех слоях населения. «Сколько тысяч народу прошло мимо базара и ни одно яблочко не пропало», с восхищением восклицали базарные торговки, припоминая шествие рабочих в город восьмого августа. «Честь и слава Комитету,—говорили обыватели,—в течение каких-нибудь нескольких лет так перевоспитать эту орду... Да, это—великое дело». Буржуазия до сих пор не иначе представляла себе рабочую массу, как непременно в виде дикой орды. Впрочем, екатеринославский обыватель, с своей точки зрения, имел некоторое основание так рассуждать. Он сравнивал теперешнюю грандиозную забастовку с «бунтом» рабочих Брянского завода в 1898 г.: в этом «бунте» участвовало около полуторы тысячи человек, они подожгли заводские строения, разгромили заводскую кассу, разнесли казенную винную лавку и набросились на близ лежащие еврейские лачужки и лавченки, похитив часть находившегося в последних товара. Вообще от забастовки все были в восторге, и пожертвования в пользу Комитета предлагались даже теми, со стороны которых год-два тому назад можно было ожидать поступков совершенно противоположного характера.

Но внезапно наш горизонт на время затуманился. В понедельник, 11 августа, часть рабочих приступила к работе. Стало ясно, что стачка проиграна, и что комитет не в силах дальше руководить ею. Во вторник, 12-го, работы в Екатеринославе и на заводах Брянского района были уже в полном ходу, а 13-го стачка прекратилась и в Нижнеднепровске и на Амуре. Больнее всего было думать, что на рабочих подействовал призыв вице-губернатора, угрожавший стачечникам высылкой на родину и в отдаленные губернии. Полиция торжествовала победу. Она хватала всякого встречного и поперечного и арестовывала. Тюрьма, участки, арестантские роты, казармы были переполнены серой рабочей массой. По городу распространялись слухи, подчас преувеличенные, о бесчеловечных жестокостях, совершаемых над арестованными. Все это терроризировало массу. Вынужденные стать на работу, не добившись никаких уступок, рабочие чувствовали себя оплеванными. Из рабочей среды раздавались раздражительные голоса против Комитета, «социалистов», «образованных», не

нападай они на правительство, не требуй они в своих листках и речах низвержения самодержавия, и рабочие, без сомнения, выиграли-бы стачку.

Так рассуждало подавляющее большинство. В воздухе чувствовалось уныние и озлобление. Атмосфера была до того тяжелая, что Комитет в течение нескольких дней не решался выпускать прокламаций. Их бы все равно не читали—уверяли организованные рабочие,—а между тем они дали бы только лишний повод к нападкам на Комитет. Между тем, полиция распускала слухи, что виною всему—«жиды». Они-де нарочно устроили забастовку, чтобы подвести рабочих под пули, желая этим отомстить христианам за кишиневский погром.

Очень упорно циркулировал слух, что в рабочих стреляли еврейские солдаты. На допросах и при посещении мест заключения полиция постоянно напоминала рабочим, что нужно «бить жидов». Екатеринославские евреи,—преимущественно буржуазия, которой даже в самое спокойное время вечно мерещится еврейский погром, на этот раз впали в полное отчаяние. Они обратились к полициймейстеру взять две тысячи рублей «на расходы», надеясь, что, получивши взятку, полиция угомонится. Полициймейстер, который за неделю до этого сам вымогал у евреев эту сумму, на этот раз отказался принять от них деньги. «Сами заварили кашу, теперь расхлебывайте ее, как знаете», заявил им этот нахал. Но через пару дней, как уверяют, он смягчился и за то получил 500 руб. лишних. Другая часть евреев—особенно молодежь—пыталась отправить депутацию к Комитету и войти с ними в соглашение, желая узнать его планы на счет ожидаемого погрома. Комитет, по весьма понятным причинам, должен был то и другое отклонить. Молодежь запаслась палками и револьверами; образовались кружки самообороны. С своей стороны, Комитет старался разузнавать настроение рабочих, но все расследования все больше и больше убеждали, что рабочие остаются совершенно глухи к подстрекательству полиции насчет учинения еврейского погрома. Погром ожидался 22 августа (в пятницу), так как в этот и в следующие два дня были православные праздники. Накануне этого дня значительная часть евреев, побросав свои пожитки, бросилась выезжать из Екатеринослава. Комитет к этому дню выпустил к рабочим печатный листок в количестве 3000 экземпляров, где напоминалось рабочим о всей жестокости и гнусности, которые проявила правительственная свора во время забастовки, и где также указывалось на истинную цель правительства в деле подстрекательства к еврейским погромам. Наступил день 22 августа, но нигде никакого помина о погроме не было; так же спокойно прошли и второй и следующий день. Полиция обманулась в своих ожиданиях, ошиблась в своих расчетах, о чем, между прочим, горько сожалел пристав четвертой части, слишком хорошо известный рабочим и поднадзорным города Екатеринослава. Расчеты полиции оказались ошибочными по весьма понятным причинам. То тяжелое настроение рабочих, о котором мы упоминали раньше, и их враждебное отношение к Комитету продолжалось всего несколько дней; оно об'яснялось отчасти правительственным террором, а с другой стороны,

причинами, так сказать психологического свойства. Масса инстинктивно чувствовала, что она опрометчиво поступила, преждевременно прекратив забастовку; надо было как-нибудь себя оправдать, найти виновника, на которого можно было бы свалить всю вину за свою опрометчивость. Таким виновником, прежде всего, оказался Комитет, который, руководя стачкой, не привел-де к желанным результатам. Но через несколько дней уныние и раздражение постепенно улеглись. Опять наступило бодрое настроение; кое-где рабочим сделали маленькие уступки; атмосфера стала проясняться, и в конце августа рабочие завода Эзау стали вновь серьезно готовиться к стачке. По их просьбе Комитет и «оппозиция» к назначенному дню выпустили к рабочим этого завода гектографированные воззвания. Утром этого дня железнодорожные мастерские, почему-то, были густо оцеплены войсками; оратор, посланный Комитетом, не мог проникнуть во двор завода, и стачка не состоялась. Через несколько дней после этого к стачке стал готовиться и гвоздильный завод Гантке и также обратился к Комитету с просьбой о листке, но Комитет, не надеясь, что стачка удастся, отказался исполнить просьбу рабочих. Подводя итог августовским событиям, Комитет имеет полное право признать, что в сражении, которое организованные екатеринославские рабочие дали правительству, победа всецело оказалась на стороне социал-демократии. О поражении здесь не может быть и речи. Поражение было бы только в том случае, если-бы часть организованных рабочих разочаровалась в своих чаяниях и надеждах; если бы она сознательно вышла из состава организации. Но ничего подобного не было. Наоборот, после забастовки число активных сторонников Комитета стало возрастать с небывалой раньше быстротой. В течение месяца слишком, не проходило почти ни одного дня, чтобы к Комитету не обращались все новые и новые лица с просьбой, принять их в организацию. Из всех заводских районов Екатеринославской губернии (Каменского, Лозовой, Пашетина, Павлограда, Кривого-Рога, Луганска) к Комитету стали обращаться с настойчивыми требованиями о регулярном снабжении их социал-демократической литературой, о распространении среди них прокламаций и о посылке туда агитаторов и пропагандистов. Забастовка не осталась без влияния и на крестьянство. Еще за несколько дней до забастовки и во время самой забастовки рабочие, по собственному почину, отправлялись в близлежащие деревни и агитировали среди тамошних крестьян. В деревне Чаплях, расположенной в 13-ти верстах от Екатеринослава, крестьяне, работавшие на лесопильне Воронцова, присоединились к стачке и кое-чего добились. Остальное население в эти дни собиралось на улице и в домах и горячо обсуждало доходившие к ним из города вести. В воскресенье снарядили лодки и решили отправиться в город. Особенно горячились женщины. Новая полицейская стража не замедлила обнаружить здесь свое рвение; урядник в это именно воскресенье арестовал несколько баб за «открытое собрание на улице».

В деревне Каменка крестьяне желали только одного,—чтобы забастовка продолжалась еще хоть неделю; кончится уборка хлеба, тогда и они присоединятся. Крестьяне какой-то деревни, расположенной около

Каменского завода, выражали тамошним рабочим желание, чтобы среди них велась правильная пропаганда и агитация, и, между прочим, просили написать и распространить среди них прокламацию против духовенства. Забастовка не прошла бесследно и для войска. Среди солдат квартировавшего в Павлограде Керчь-Еникельского полка, рота котораго стреляла в екатеринославских рабочих, комитет нашел возможным распространить в количестве 500 экземпляров печатный листок, в котором солдатам раз'яснялся смысл забастовки, а также цель и стремления соц.-дем. Среди солдат квартировавших в Ек-ве полков забастовка вызвала интерес к книге—к чтению. Даже подстрекательство полиции к еврейскому погрому оказалось на руку революционерам. Нам лично после этого пришлось слышать от массового, недавно оторванного от сохи и скучающего по деревне, рабочего, что к погрому подстрекает правительство, желая отвлечь внимание рабочих от их истинных врагов. Наконец, забастовка с непреложной убедительностью обнаружила, что в глазах рабочей массы самодержавие потеряло ореол своей святости. Если рабочие в течение некоторого времени были недовольны политическим характером забастовки, то только потому, что, по их мнению, Комитет руководился ложным расчетом. Наиболее невежественная масса рабочих твердила, что политическая свобода нужна только для «образованных»; рабочим же следует думать только об удовлетворении своих профессиональных нужд. Более культурная и очень значительная часть рабочих говорила, что следовало бы раньше добиться сокращения рабочего дня и увеличения заработной платы, а затем уже бороться за политическую свободу. Как бы то ни было, вопрос о самодержавии был поставлен ребром, и в течение почти двух месяцев рабочие о нем только и говорили, по поводу него шли вечные разговоры и споры. Комитет в последних числах сентября издал по этому поводу листок, в котором он раз'яснял суть и истинный характер самодержавного строя. Листок был издан в количестве 5000 экземпляров, и это количество оказалось недостаточным. Таковы в кратких чертах результаты августовских событий нынешнего года.

Список убитых, доставленных в Брянскую больницу и похороненных 8 августа 1903 года

Крестьянин Могилевской губ., Гомельского уезда, Старогорновической волости, деревни Кожановка—Андрей Иванович Носенок 22 лет; крестьянин Смоленской губ., Рославльского уезда, Лесновской волости, деревни Редька—Семен Северьянов Гиков; крестьянин Смоленской губ., Рославльского уезда, Лесновской волости, деревни Сопридовка—Федор Жуков 33 лет; крестьянин Черниговской губ., Малощербиловской волости—Сергей Васильев Тарасенко; крестьянин Смоленской губ. Рославльского уезда—Екарповской волости, села Фроловки—Петр Дмитриев Семенов 23 лет; крестьянин Виленской губ.—Игнатий Осипов Овсянников; крестьянин Полтавской губ., Кременчугского уезда—Глобовской волости—Алексей Иванов Шемяка; крестьянин Полтавской губ., Константиноградского уезда, Надеждинской

волости и села—Яков Варнович Рибас, 36 лет. Крестьянин Нижегородской губ., Демьяновского уезда, Ельпор. волости, села Веймель—Василий Петров Петухов, 16 лет.

Кроме того, двое убитых взяты на квартиры и похоронены на другом кладбище. Всего убитых 11 человек. Имена взятых на квартиру неизвестны.

Раненые:

Дионисий Кухальский 17 лет; Иосиф Трибух 17 лет; Афанасий Кофтун; Григорий Долганов 27 лет; Михаил Павлов, отправлен в город; Алексей Ширавальский; Никифор Артамонов; Прохор Клюквин; Степан Ефимов; Ефим Петухов; Иван Акимов, умер от ран 9 августа; Петр Медведев; Фаддей Жуков, умер от ран 9 августа; Дарья Немошина; Егор Акимов, умер от ран.

ВСЕОБЩАЯ ЗАБАСТОВКА В 1903 ГОДУ

(«Искра» № 47, 48).

Рассказ участника событий

Всеобщая забастовка в Тифлисе, Батуме, Одессе, Киеве, Николаеве подняла настроение рабочих города Екатеринослава, и Ком. Рос. С.Д.Р.П. (их в Екатеринославе два) решили призвать екатеринославских рабочих к стачке и протесту против существующего политического и экономического гнета. Для руководства стачкой комитеты, обычно действующие врозь, образовали Стачечную Комиссию из равного количества членов от обоих. Прокламации, кроме бюллетеней, должны были выходить от имени Комитетов. На предложение соц.-рев. о совместной работе Стачечная Комиссия ответила, что единственным актом совместной работы может быть лишь назначение дня стачки. Раньше двух дней ответ не мог быть передан, и за это время соц.-революционерами была выпущена прокламация с призывом к стачке на понедельник, 4 ввгуста. Стачечная же Комиссия находила возможным начать забастовку лишь в четверг, 7-го, и она решила не допускать начать забастовку в понедельник, ввиду неподготовленности к ней массы и организации, в то же время Стачечная Комиссия сочла необходимым войти в сношение с соц.-рев. и предложить им приостановить свои действия и перенести день забастовки на четверг, на что соц.-рев. согласились. Было-ли соц.-революционерами что-либо предпринято в смысле приостановки забастовки — неизвестно. В двух заводах один-два цеха начали забастовку, но в самом начале она была прекращена соц.-дем., которые призывали рабочих подождать несколько дней, до призыва к стачке от партии соц.-дем. Затем во вторник партией соц.-рев. была устроена забастовка среди булочников. Большинство рабочих булочников побросало работу; хлеб в продолжение нескольких часов держался на высокой цене, но, по приказанию полиции, к вечеру того же дня упал до нормы, причем некоторые хозяева были оштрафованы на довольно значительные суммы за искусственное поднятие цен, напр. Сольц на 500 руб. В среду стачечники-булочники собрались в количестве ста человек для выработки требований. Полиция, узнав о собрании, арестовала свыше 60 чел., жестоко избила их, препроводила в третий участок и оттуда разослала на родину, Как сильно били рабочих, можно судить со слов околоточного: «Натешили мы сегодня свои души над жидами, так их избили, что век будут помнить жидовские морды русскую полицию», — кричал он на весь вагон трамвая.

где большинство были те же евреи. Начиная с понедельника, полиция стояла у заводов, а жандармы внутри заводов оберегали гудки. Забастовка в железнодорожных мастерских, где целый месяц поговаривали о стачке, началась 7-го августа, как это было решено Стачечной Комиссией. В восемь часов утра тревожно зазвенели звонки у машин, раздались крики: «стачка, стачка, бросайте работу, выходите во двор, да здравствует стачка!».

Выпрямились согнутые спины; рабочие побросали работу, но тотчас же выйти во двор не могли; во дворе и у дверей завода стояло войско, полиция с вице-губернатором во главе. «Господа, зачем вы слушаетесь злонамеренных людей, зачем устраиваете бунт. Ведь и мы люди и мы можем понять ваши нужды, попросите нас, и все, что можем, мы сделаем для вас. Встаньте тотчас-же на работу, выберите несколько человек и выскажите нам, чего вы хотите; мы рассмотрим и удовлетворим вас, поскольку возможно», пел помпадур.

«Если же не послушаетесь, то берегитесь, мы изобьем вас, бунтовщиков, нагайками, голодом поморим ваши семьи, повыселяем на родину, засадим в тюрьмы, да и войско у нас есть», — уж не пел, а неистово кричал он. Затем выступил управляющий мастерскими и говорил то же, что и вице-губернатор. На обе речи был один ответ: «мы не верим вам, мы не начнем работать до тех пор, пока не подпишете наших требований и не вывесите их в мастерских».

На угрозы же помпадура ответили свистом и криком. «Запереть их на заводы и не выпускать»,—распорядился вице-губернатор. Рабочие начали неистово кричать и требовать, чтобы их отпустили домой, что они не намерены умирать с голоду. Помпадур сдался, и отворились ворота завода и двора. Рабочие толпой хлынули на улицу поселка; часть пошла по домам, большинство же сомкнутой толпой тысячи в две двинулось к заводу Эзау. Толпа быстро прибыла к заводу и с насыпи стала кричать: «Товарищи, бросайте работу, выходите к нам», «да здравствует забастовка», «да здравствует рабочий класс». На заводе раздались звонки, дал тревогу гудок (видно, плохо его жандармы оберегали), и рабочие Эзау, быстро бросив работу, присоединяются к товарищам. Теперь они идут к Брянскому заводу. Удастся ли и там прекратить работу? Они идут по насыпи. Солдаты, полиция перерезали им дорогу: «остановитесь». Дрогнула было толпа; но вот один, другой, третий спрыгнули на полотно дороги, и вся толпа уже там. С двумя девушками-работницами впереди, смело и беспрепятственно, она входит в завод...

Снова крики радости... Сотни остались за станками, тысячи вышли вместе с товарищами и направились к трубопрокатному заводу. Здесь, у ворот завода, их встретил сам директор, бледный, дрожащий, с револьвером в руках. «Не входите, я буду стрелять», еле внятно лепетал он. Рабочие подошли к нему и строго потребовали спрятать револьвер, что он и сделал, но руки из кармана не вынимал; тогда рабочие решили обезоружить труса. Они взяли его сзади за руки, но директор быстро выхватил револьвер и побежал к конторе, стреляя по дороге, хотя его никто не трогал. В конторе он продолжал стрелять из окна, но дрожащие руки не слушались

его, и выстрелы попадали в пустое пространство. Рабочие, глубоко возмущенные директором, послали ряд камней в окна конторы; один из них угодил прямо в директорскую физиономию, что и заставило негодяя прекратить его гнусное занятие. Прибыли рабочие с гвоздильного завода; теперь всé заводы этого района Екатеринослава прекратили работу. Многотысячная толпа решила итти через Брянский завод на фабричную слободку и там устроить собрание. По дороге быстро разнеслась весть, что в Брянском заводе заперто до тысячи человек, принуждаемых силой к работе. Делом нескольких минут было двинуться на помощь, но известие оказалось ошибочным; это сотни отщепенцев, бросив, наконец, работу, все же не находили в себе мужества, встать в ряды товарищей, а со двора завода с любопытством и страхом смотрели на толпу рабочих и войска. У Брянского завода толпа случайно разделилась: одна часть пошла по насыпи, другая низом. Тут полиция и войско направили все силы на то, чтобы не дать больше соединиться толпе. Последняя же, наоборот, старалась соединиться. С момента раз'единения рабочих казаки и конная полиция терроризовали рабочих, набрасываясь на них с нагайками. Особенно усердствовал казачий офицер. Рабочие градом камней легко и быстро обращали в бегство баши-бузуков. При входе в фабричный поселок, стояла масса войска и полиции; последняя потребовала от рабочих, чтобы они разошлись, или, по крайней мере, вошли в поселок не улицей, а берегом реки. Рабочие прекрасно поняли уловку полиции: тогда они будут вполне отделены от товарищей, идущих по насыпи, и будут отданы во власть опричников и их нагаек,—и они твердо заявили, что в поселок они войдут улицей. Видя решимость толпы, полиция сняла цепь солдат и пропустила рабочих, но продолжала мешать им соединиться с другой частью стачечников. С начала стачки с рабочими были их жены, сестры и дети. Одна женщина стояла на насыпи, и казачий офицер, подскочив к ней, ударил ее нагайкой, она оторвала конец нагайки, в котором, как всегда, был вделан внутри ремня кусок железного стержня в палец длины и толщины. Женщина подняла его кверху и закричала: «Смотрите, чем бьют вас, ваших детей, ваших жен и ваших старых матерей. Ведь мы скотину не ударили бы этим», и она схватила кирпич, подбежала к офицеру, ударившему ее, и ударила его в голову. Офицер зашатался. Казаки с нагайками набросились на женщину. Рабочие кинулись защищать ее, схватили камни и начали бросать в казаков; те, было, бросились к толпе, но град камней обратил их в бегство. Тогда офицер отделил человек сорок солдат и, выстроив в два ряда, без малейшего предупреждения скомандовал «на прицел». — «У нас боевые» докладывал фельдфебель. Офицер молча кивает головой и командует «пли» и сам первый стреляет из револьвера. Упал один, другой и вот уже около трех десятков на земле. Раздались стоны, крики, а рабочие еще не верят, что это боевые заряды: не могут же их убивать за то лишь, что они хотят улучшить свою долю, что они защищают своих жен. Но факт налицо и, уверившись в нем, мрачные, полные негодования, рабочие разбрелись по домам, видя, что войско готовят к продолжению бойни. Женщины с полотенцами и водою в руках бросились к раненым, чтобы оказать посильную помощь, но казаки

ГРУППА СЕКРЕТАРЕЙ ЕКАТЕРИНОСЛАВСКОГО ГУБПАРКОМА

А. Луговой.

Гилинский.

Гуревич.

Симонэв.

разгоняли женщин. Полиция отвезла мертвых в заводскую часовню, раненых в больницы. Среди 11-ти убитых было двое детей, один пожилой мужчина лет 45, остальные от 17 до 25 лет. Среди тяжело раненых—13 человек—были две женщины, один мальчик, остальные взрослые мужчины. Из этих 13-ти трое умерли уже. Сверх того, насчитывают до 15-ти легко раненых. Большинство пуль попало в грудь, лицо и голову. Какое впечатление произвели убийства, видно из следующего факта. В первый день забастовки один из членов Комитета находился в квартире, куда должны были приходить, через определенные промежутки времени, после крупных событий, товарищи рабочие, чтобы дать подробный отчет о ходе стачки. После бойни вбегает один из руководителей стачки, рабочий, с криком: «Поймите, стреляли, они убиты, убиты десятки людей, кровь, стоны кругом... Я жив, о, зачем я жив! Вы, Комитет, вы, руководители наши, научите же, что теперь должны мы делать». Жена его рыдала о погибших, она только что вернулась оттуда. Товарищ из Комитета побледнел, услыхав об этом кровавом исходе мирной стачки. Ему оставалось ответить то, что можно ответить в этом случае: «Эти жертвы ужасны, кровью их обагрилась земля, которая даст всходы; каждая капля этой крови даст не один десяток борцов. Вспомни, товарищ, что люди гибнут каждый день бесполезно, гибнут от чрезмерной работы, от несчастных случаев. В этих же смертях есть глубокий смысл. Взгляни же прямо, товарищ, на умерших и раненых, и пусть их кровь вольется в нашу, и сильнее и глубже станет наша ненависть ко всем насильникам, ко всему существующему несправедливому, гнусному строю». Жена товарища рабочего сказала спокойно: «жандармы идут к нам». Столь же спокойно сказал ее муж: «кто либо один из нас еще может уйти. Идите», и он отворил окно, выходившее в одну из надворных построек. Женщина крепко заперла окна, закрыла их ставнями и сказала: «когда я два раза ударю в стену, вы можете выходить во двор». Спокойно вышла во двор и отперла дверь жандармам. Жандармы вошли в другую квартиру.

Целый день волновались рабочие в поселках. Группами собирались, глубоко возмущались и спрашивали друг друга, за что в них стреляли. «За кусок хлеба жизнью приходится платить»—говорило большинство рабочих. Сознательные рабочие об'ясняли товарищам, почему в них стреляли. Рабочие внимательно слушали и глубоко вдумывались в речи. В этот день больших собраний не было. Всех созывали на завтра на Чечелевскую площадь у народного театра. В заводских же поселках, Амуре и Нижнеднепровске этот день прошел спокойно, забастовал из всех заводов лишь один. Управляющий вагоностроительного завода умилился душой, что рабочие этого завода не поддержали железнодорожные мастерские и, созвав их, сказал им прочувствованную речь: «Хорошо, ребята, что не послушались вы злоумышленников и не начали бунта, как другие негодяи. За это, братцы, говорю вам большое спасибо и министру о вас донесу, а через него и его императорскому величеству. И пришлет он вам свое царское спасибо». — «Рады стараться», закричали некоторые рабочие. Довольный и спокойный ушел начальник, и сон, вероятно, видел хороший, но по крайней

мере, не снилось ему, что завтра «братцы» наплюют на царское спасибо и станут теми же «негодяями», что и рабочие других заводов. В городе забастовало много мастерских; газеты не выходили: «Вестник Юга» три дня, а «Приднепровский Край»—два дня. Рабочие группами ходили по мастерским и останавливали работу. Нигде рабочим не приходилось употреблять насилие, все рабочие охотно бросали работу и присоединялись к забастовщикам. Продолжали работать мельницы, лесопильни, пивной завод Боте, завод Лещевера, кой-какие отдельные мастерские, булочники. Последние, обессиленные преждевременной забастовкой, не могли вторично пристать к забастовке. Хлеб за дни всеобщей забастовки в цене не поднимался. На следующий день с раннего утра толпы рабочих, их жен, детей двинулись на назначенное место, но здесь стояли войска, казаки, полиция и разгоняли рабочих. Многие ушли по домам, но все же к восьми часам утра собралась толпа в полторы-две тысячи человек, перед которой выступали ораторы. Войско и полиция с полицеймейстером во главе окружали собрание, но не разгоняли его. Полицеймейстер решил мирно уговорить рабочих итти на работу и выдать злонамеренных людей, которые призывают их к бунту. Насмешками ответили рабочие на сладкие речи его, а на предложение выдать «подлецов» ответили: «Почему-же подлецы они? Они в нас стреляли? Нет, а ты стрелял. Они нас нагайками били? Нет, а ты бил, так кто же подлец?». Ораторы свободно, в присутствии полицеймейстера говорили свои речи. Говорили они о тяжелых условиях труда, о беспросветной жизни рабочих, о чрезмерной эксплоатации, о необходимости борьбы за лучшую долю, о стачке, как о форме экономической борьбы, говорили об убитых и раненых товарищах, указывали на убийц, разоблачали второго врага рабочих—самодержавное правительство, рисовали весь гнет его, говорили о стачке, как форме политического протеста, и кончали речи возгласами: «да здравствует всеобщая стачка, да здравствует политическая свобода, долой царство гнета и насилия, долой самодержавие». Собрание горячо приветствовало речи, дружно подхватывало возгласы, многие рабочие жали руки ораторам. В самом разгаре собрания по полю мимо него прошла печальная процессия, хоронившая убитых; много рабочих, больше всего женщин и детей, идут за гробами, еще того больше войска и полиции. Многие рабочие из собрания присоединяются к похоронам, но большинство остается на площади вокруг ораторов, которые делают непростительную ошибку, удерживая толпу: «зачем ходить на кладбище, мы и здесь можем устроить достойные похороны нашим славным борцам», и произносят горячие речи об убитых и убийцах.

Стачечная же Комиссия решила устроить похороны с венками и пением революционных песен, но не передала еще своего решения организации, предполагая, что убитых будут хоронить лишь на третий день. Похороны представляли душу надрывающую картину. Слезы, рыдания кругом... Но не одни слезы видны на лицах... Слышатся угрозы полиции, войску, правительству. Раздаются бичующие речи не только «злонамеренных людей», но и самых умеренных; обличительные речи произносятся и женщинами. Кругом стоят полиция, солдаты; некоторые начальники заводят разговор

с рабочими, пытаются в смертях обвинить их и «злоумышленников», но всегда получают один ответ — убийцы вы. Многие из рабочих укоряют Комитет, что он не был на похоронах. На Чечелевское собрание народ все прибывает, три часа ораторы говорят свои речи и кончают собрание призывом итти в город, чтобы остановить работы во всех заводах, фабриках и мастерских, соединиться там с городскими рабочими, вместе с ними слушать ораторов и демонстрировать на улицах. Толпа одобряет это предложение, ораторы говорят: мы пойдем тихо, спокойно без песен, без криков; ораторы не решились придать шествию политический характер. Толпа тысячи в три-четыре двинулась к городу, шла она Чечелевским заводским поселком. Из многих домов выходили рабочие и присоединялись к шествию.

Не раз выбегали женщины, хватали за руки своих родных, снимали силой с них шляпы, умоляли остаться дома, но и с непокрытой головой шли рабочие, не уступая мольбам женщин. Несколько женщин вошли в толпу. Здесь толпа возросла до шести-семи тысяч; в ней были и ремесленники—евреи. Бодрая и скорым шагом двинулась толпа; испуганные обыватели запирали ворота домов, лавки. Рабочие говорили: «не бойтесь нас, не запирайте ворот, не запирайте лавок, мы вас не тронем; не громить и убивать мы идем, идем бороться за правое дело, а вы, приказчики, тоже трудящиеся люди; идите к нам». Многие магазины остались открытыми, некоторые приказчики входили в толпу. Толпа прошла весь Чечелевский поселок, трамвайную улицу и остановилась у трамвайного депо. «Бросайте, товарищи, работу идите к нам». Боязливо сторонятся от стачечников, рабочие. Тогда толпа вбегает во двор депо, в мастерские, останавливает машину-момент; и замерли конки по всему городу Екатеринославу; большинство из них сделались достоянием ребят, которые на них по своему хозяйничали. Кондуктора трамваев говорили организации, что если им окажут маленькую помощь в начале стачки, то дальше они будут крепко держаться за нее (через восемь часов, когда возобновили электрический ток, кондуктора были на своих местах и спешно подвозили полицию и войско к борющимся рабочим). Сделав свое дело в депо, рабочие двинулись к заводу Боте на проспекте, здесь остановили они работу и решили итти к электрической станции, освещающей Петербургскую улицу, затем к мельницам и лесопильням; но в это время передние ряды сказали, что по проспекту идет войско и казаки, а перед ними городские рабочие ремесленники. Тогда рабочие решили итти навстречу ремесленникам, чтобы не оставить их одних в руках казаков и войска. Быстро двигались рабочие и войско друг другу на встречу, впереди войска оказались не ремесленники, а некоторая часть заводских рабочих, отбившихся от толпы.

Вот войско и рабочие сошлись, остановились; барабан забил тревогу, выстроились казаки с нагайками в руках. «Приготовьте палки», скомандовали вожаки. Палок у большинства не оказалось. «Набирайте камни». Рабочие наклонились, чтобы набрать камней, но вместо камней смогли взять лишь горсть пыли. Казаки врезались в толпу с диким остервенением, засвистали нагайки. Нечем было защищаться демонстрантам, и они побежали, но сзади опять стояло войско и неистовствовали казаки и полиция. Значительная

часть стачечников были отрезаны от толпы, остались за линией войска. Свободными оставлены боковые улицы, туда направились бегущие стачечники, а за ними казаки, полиция. Обыватели по приказу ли полиции, по своему ли почину, крепко держали ворота на запоре. Некоторые из бегущих кричали: «жители, отворяйте ворота», но редкие ворота открывались. Вблизи были лесные склады, проходные дворы, берег Днепра с массой приплавного леса и толпа скрылась от преследовавшей полиции и казаков. Арестованы немногие. Стреляли холостыми зарядами в спину бегущим. На Амур и Нижнеднепровск в помощь сознательным рабочим стачечной комиссией были посланы товарищи с других заводов, и здесь повторилось то же, что и в Брянском районе: толпами ходили рабочие с одного завода на другой и остановили работу, забостовал в том числе и вагоностроительный завод (не очень то ценят, видно, рабочие царскую благодарность), а также забастовали пристанские рабочие. В городе работали лишь мельницы, булочные, трамвай, да некоторые лесопильни. На следующий день, в субботу 9-го августа, заводские поселки были окружены плотным кольцом солдат, которые очень немногих пропускали из города в селение и кого обратно. Ораторы разными обходными путями все же проникли туда и таким же образом вернулись в город. Внутри поселков были казаки и полиция. Стачечная Комиссия, не имея надежды провести толпу в город через цепь солдат (Амур отделен от города Днепром, мост через который был заполнен солдатами; Кайдаки лежат в 3—4 верстах от города, а на протяжении всего пути в Кайдаки также стояло войско), решила вести собрания на местах: Чечелевке, Кайдаках и Амуре. Надо было также организовать собрания и для городских рабочих в городе. Но для этого требовались большие организационные силы, которых у Стачечной Комиссии не было.

Город был на военном положении: забастовка совпала с моментом маневр войск. С 5—6 часов утра на Чечелевскую площадь у народного театра потянулись рабочие небольшими группами и в одиночку со слободок Фабричной, Шляховки, Чечелевки и из города: собрание обещало быть грандиозным. Полиция, прекрасно знавшая и о собраниях в других местах главные свои силы все же сосредоточила на Чечелевке, решив ни за что не допустить собрания здесь, и вся Чечелевская площадь была запружена войсками. На рабочих, идущих к площади, наскакивали казаки и полиция и били их нагайками. Полицийместер с кавалькадой городовых раз‘езжал по Чечелевке и из встречающихся ему лиц по внешнему виду определял, кто враг царю и отечеству, и таких приказывал арестовывать. Но не обладая духом настоящей ищейки, он во время охоты не раз прозевывал ораторов, покровительственно пропуская их, как неопасных людей. В 9 час. утра полицийместер, довольный результатами своей работы, отправился в город триумфатором, сам впереди на паре, гордо развалясь в коляске, сзади него шли двое арестованных—мужчина и женщина, а дальше орава конных городовых. Войско и казаки остались на площади. Много рабочих разбрелось по домам, но немало все же продолжали толпиться на улицах Чечелевки. Казаки время от времени делают набеги на улицы

поселка, кой-где рабочие разбегаются, кой-где они встречают казаков камнями, в последнем случае казаки вихрем летят назад. Подростки, как всегда, впереди старших, гикают, кувыркаются, дразнят казаков, бросают каменьями в них. Ораторы пользуются скоплениями народа; там и сям раздаются их горячие речи и призыв к борьбе, к продолжению стачки, к свержению самодержавного строя. В двух-трех местах образуются собрания по 200—500 человек в каждом, продолжаются часа по три-четыре. Десятки раз раздаются боевые кличи, которые иногда прерываются казаками. Рабочие тогда скрываются в соседние дома, ворота и двери которых широко распахиваются для них и моментально же за ними накрепко запираются. Рабочее население слободки хорошо знает свои обязанности, не в пример городским обывателям Екатеринослава, которые вели себя позорно в эти дни. На Кайдаках собралась толпа в четыре-пять тысяч, которая внимательно слушала оратора. Последний рисует неприглядную жизнь рабочих, указывает на необходимость изменения ее, формулирует главные требования, которые должны выставить рабочие во время стачки и выясняет значение этих требований. Затем появляется полицейский, который раздает рабочим об'явление от губернатора о незаконности сходок и об ответственности, которой подвергаются нарушители порядка. Один из рабочих читает вслух это об'явление; нелестные и не вполне цензурные возгласы слышатся во время чтения, когда же чтец доходит до угроз, что будет пущено в ход холодное и огнестрельное оружие, многие из толпы приходят в бешенство: «вас, негодяев, надо самих всех перебить». «Кровопийцы, мало еще крови вы пили из нас...» и т. д. «Долой самодержавие, долой царских опричников», раздаются крики из разных мест. Перед собранием новый оратор. Он поздравляет рабочих со всеобщей забастовкой г. Екатеринослава, с великой всеобщей забастовкой Юга России, кратко рисует экономическое положение рабочих и указывает на стачку, как на средство борьбы за лучшую долю. Затем он напоминает товарищам только-что прочитанное об'явление вице-губернатора, приводит закон о стачках и об'ясняет, кто в России издает законы. Далее, он указывает на цепь солдат, окружающих поселок, и говорит об убитых за стачку, раз'ясняет, в чьих руках власть над солдатами, кто повелевает ими, и призывает собрание не страшиться назвать своего второго врага—царское правительство. Затем оратор рисует политический гнет в его целом и говорит о палачах и т. п., о стачках вообще и всеобщей стачке в частности, которую он приветствует, как первый шаг борьбы массовой, борьбы не только экономической, но и политической, говорить о печати, народном образовании, о правовом положении рабочих и крестьян, о братоубийственной войне в Китае, о причинах, вызвавших ее, приводит идею единства рабочего класса всего мира, говорит о ненормальности расовой вражды рабочих России и из всего делает один вывод, что самодержавное правительство—злейший враг рабочего класса.

Возгласы: «долой царских хищников»,—«долой самодержавие», много раз оглашают воздух. Многие после речи жали руку оратору. Следующий

оратор говорил на ту же тему. Потом опять говорил первый оратор. Темой второй его речи было: «Кто наши внутренние враги». Оратор дает картину жизни трудящихся и эксплоататоров при теперешнем капиталистическом строе и рисует социалистический идеал будущего... «Я отдам тебе все свои четыре дома, дай только нам этот социализм»—крикнул кто-то из толпы (мастер, как после выяснилось). Оратор указал, что социал-демократическая партия ведет народ к этому будущему, что эта партия есть не только в России, но и в других государствах; всюду она встречает вражду капиталистов, а в России сверх того и ненависть самодержавия. Рассказывает он о гнусностях, проделываемых правительством по тюрьмам и ссылкам над борцами за социализм и указывает, что в других государствах народ уже давно сверг самодержавие и управляется Народным Собранием—парламентом. Подробно об'ясняет, какой смысл кроется под словами капиталистическая свобода и зачем она нужна рабочим. Речь свою оратор кончает словами, что наши внутренние враги не соц.-дем., как в этом хочет убедить правительство, а оно само, само русское самодержавие. «Да здравствует политическая свобода! Да здравствует социализм! Да здравствует Социал-демократия»!—много раз повторяется толпой.

Многие рабочие закричали: «товарищ, об'ясни нам, как другие народы добыли свободу, мы хотим научиться у них». Оратор сильно устал, это заметили из толпы и крикнули, что надо дать отдохнуть оратору. Сколько трогательного внимания оказали ему рабочие! Оратора посадили на возвышенное место; образовали стражу, не допускавшую к оратору толпу, которая теснилась к нему и задавала разные вопросы по поводу речей; принесли воды, лимонада, пива для оратора. После получасового перерыва оратор ответил на вопросы толпы, как добыли себе право рабочие других стран. Рассказывал кратко о французских революциях, о революции 48-го года в Германии, указал на признак приближающейся революции у нас: на демонстрации, на Ростовские события, на всеобщие забастовки на Юге, на крестьянские волнения, на недовольство либеральных слоев общества и закончил речь возгласом: «Да здравствует революция! Да здравствует всеобщая стачка». Возгласы с энтузиазмом подхватываются толпой. Оратор собирается уйти, но толпа теснится к нему. Иные просят, другие требуют, чтобы он остался с ними ночевать в их поселке, завтра говорил бы еще с ними, вел бы на стачку, говорят, что они одни не знают, что должны делать. Оратор об'ясняет рабочим, что у него есть еще дела в городе, что он постарается завтра утром быть здесь, а сегодня он должен уйти. «Мы на руках отнесем тебя в город, чтобы никто не смел тронуть тебя по дороге», кричат из толпы. Оратор говорит, что из-за себя он не хочет подводить их под удары нагайки, а, быть может, и под нечто худшее и постарается пройти один, но что, если его будут арестовывать на глазах толпы, то они должны его отбить. «Не посмеют арестовать здесь, не дадим арестовывать тебя; а каменья то зачем?», раздается со всех сторон. Оратор уходит в сопровождении нескольких человек. Собрание дружно и много раз кричит ему «ура». Оратору (женщине) удалось по дороге сбросить с себя верхнее платье,

и она спокойно пошла с двумя рабочими вглубь поселка. Остальные рабочие разошлись, видя, что опасности нет, а защита обеспечена. Но полиция устроила засаду. Подбегает рабочий, говоря, что сзади бегут околодочный надзиратель с двумя городовыми, что полиция все время следит. Полиция была в двадцати шагах; пришлось спасаться бегством, преследуемые забежали в первый попавшийся двор, откуда через огороды выскочили на другую, а потом на третью улицу, вбежали в незнакомый дом и попросили себе приют. Женщина с полной готовностью дала его, сказав, что мужья приказали женам впускать в дом всех преследуемых полицией. Затем она дала ей переодеться в свое платье. Услышав, что погоня близка, она предложила спрятаться в большой сундук, где можно будет устроить и постель на ночь. Пришлось согласиться лезть в сундук. К счастью явился рабочий, который обходными путями отвел в другой дом, лежащий далеко от места засады. Там пришлось сидеть до вечера, а, затем, при помощи рабочих удалось пробраться в город.

Необходимо заметить, что во всей этой истории участвовали рабочие, не состоящие в организации. На Амурской площади собралась толпа тысяч в пять с Амурского и Нижнеднепровского поселков. Выступало 5 ораторов-социалдемократов, говорили речи на те же темы, что и на Чечелевке в первый день собрания. Хороша была речь об экономическом положении рабочих, о требованиях, которые должны выставить рабочие во время стачки, а также речь о необходимости политической борьбы. Полиция присутствовала на собрании, слышала дружные революционные возгласы, но собрания не разгоняла. В воскресенье было вывешено новое об'явление от исполняющего должность губернатора, в котором рабочие призывались в понедельник встать на работу; обещалось помощью войска оберегать желающих работать от насилий стачечников. В воскресенье был заметен перелом в настроении рабочих. Чувствовалось угнетенное состояние духа. На Чечелевке опять нельзя было собраться компактной массой, и пришлось, как в пятницу, организовывать летучие собрания с теми же особенностями, которые были уже отмечены раньше. Причина та же: полиция продолжала концентрировать главные силы в этом пункте. Речи по желанию собравшихся, большею частью были экономического содержания. На фабричной слободке также собралась толпа и требовала оратора. Послали в город. Стачечная Комиссия не предвидела нового места собрания; ораторы перед тем ушли на собрание в другое место, а потому она не могла удовлетворить требования. Как велико было собрание и что происходило на нем— не знаю. На Кайдаках собралось не более 1500 чел. Многие не были на собрании потому, что были в церкви. Выступало четыре оратора. И здесь, по желанию толпы, речи велись больше на экономические темы. Ораторы старались возбудить энтузиазм толпы; горячо призывали держаться стачки, но настроение продолжало оставаться подавленным. На Амуре к назначенному времени (в 8 часов) на площади почти никого не было. Лишь к 9—10 часам стали собираться рабочие. Собралось 500—600 человек. Прискакали казаки с исправником во главе и разогнали с площади толпу. Но рабочие толпились в боковых улицах, во дворах соседних домов и не уходили домой. Толпа

прибывала. Казаки время от времени приезжали на площадь, врезывались в толпу, но не били (некоторые казаки говорили: «не разбегайтесь, мы вас не тронем»). К 11 часам рабочих стало до 5-ти тысяч человек. Толпа разделилась на две части вокруг ораторов. Один оратор произнес речь политического содержания, другой экономического, опять таки подчиняясь желанию толпы. Один из ораторов, заметив угнетенное состояние толпы, решается вывести ее из этого состояния таким приемом: он предлагает вызвать фабричного инспектора и вручить ему свои требования. Показывается околодочный надзиратель, ему передают требование, на которое, через некоторое время, следует ответ, что инспектор болен. Тогда оратор предлагает вызвать местного исправника: тот уж наверняка здоров, он только что проезжал с казаками. Околодочный уезжает, обещая скоро дать ответ. Оратор просит принести ему табурет, становится на него чтобы все его слышали, и произносит речь. Он овладевает вниманием толпы. Тема речи все та же: тяжелое экономическое и правовое положение рабочих. После получасовой беседы, затронув многие больные места рабочей жизни, оратор раскрывает собранию второго их врага—царское правительство (осторожность политической агитации вызывалась тем соображением, что толпа была очень малосознательная).

Речь была прервана заявлением приехавшего околодочного, что исправник готов выслушать собрание и дает им полчаса свободы для обсуждения своих требований. Собрание одобряет их. Околодочный надзиратель говорит толпе: «чего вы слушаете бабу, своих голов на плечах нет, что-ли?».—«Отчего же не послушать женщину, ежели она говорит разумные речи, тебя, что-ли слушать?», говорят ему в ответ. Требования сформулированы и записаны, оратор предлагает выбрать кого-либо из рабочих для переговоров с исправником. Собрание просит оратора взять на себя эти переговоры, но он отказывается, мотивируя тем, что, если будет говорить женщина, то администрация скажет, что требования выставлены не рабочими, а злоумышленниками. Собрание предлагает оратору выбрать, кого он захочет, а некоторые рабочие предлагают одного товарища. В конце концов последнему и поручают переговоры с исправником. К оратору протискивается старик-рабочий: «матушка, нас-то не забудь, родимая».—«Нет, старик, и о тебе сказано: пожизненную пенсию тебе требуем», отвечают ему многие рабочие сразу. Только что успели справиться со своими делами, как прибыл исправник в сопровождении околодочного надзирателя. «Шапки долой!», командует околодочный. Потянулись было некоторые руки к шапкам, да остановили их товарищи и крикнули: «Сними сам сначала, а потом посмотрим и мы».—«Выходите, кто хочет говорить со мной», сказал исправник. «С вами говорить открыто нельзя, будут говорить из толпы», отвечают ему. Рабочие плотно сомкнулись против своего доверенного, подняли руки к верху, чтобы исправник не мог заметить, кто с ним говорит. Рабочий читает требования, всего 28 пунктов, а исправник записывает их в книжку.

Первое требование—восьмичасовой рабочий день, второе—увеличение заработной платы, третье—уничтожение ночных работ, четвертое—уничтожение сверхурочных работ. «Так, так, я это вполне понимаю и одобряю», говорит

исправник. Пятое требование—запрещение принимать на работу детей до 16-ти летнего возраста. «Неужели, господа, вы все хотите этого, не верю, ведь вы сами создадите себе нищету».—«Им нужно учиться грамоте... Им нужно окрепнуть физически... Ведь наши ребята 12 лет стариками выглядят»... раздаются со всех сторон горячие возгласы. Шестое требование—выборная (рабочая) фабричная инспекция. «Ну, этого я даже записывать не буду. В нашем государстве не выбирают, у нас начальство кого назначит, тому и быть инспектором... Видите, что придумали». Оглушительное «требуем», раздалось в ответ. Седьмое требование—разрешение кассы взаимопомощи рабочих, но без малейшего вмешательства в дела кассы хозяев и правительства. Восьмое требование—свобода собраний рабочих для обсуждения своих нужд, и исправник вполне одобряет... Далее идут требования больницы, бесплатного лечения на дому, библиотеки, училища, бани, улучшения мастерских (в санитарном отношении), пожизненной пенсии старикам, выдачи заработной платы во время болезни и пр. Исправник некоторые требования одобряет, другие молча записывает. «Требуем освобождения товарищей, арестованных за стачку».—«Этого нельзя требовать, а можно просить, я передам вашу просьбу губернатору».—«Мы все стачечники, так берите же нас всех. Мы силой их освободим. Требуем. Требуем». Рабочие приходят в сильное волнение. «Чтобы не смели их бить, не смели над ними издеваться! Что делаете, злодеи вы, над нашими товарищами? Если будете продолжать истязания, то мы разобьем участки». Слышатся крики. Исправник ежится и молчит. Следующий пункт требует вежливого обращения полиции с рабочим населением на улицах города и поселков. «Вот до чего вы дошли, понимаю», изумляется исправник. Крики усиливаются, рабочие напоминают исправнику и околодочному зуботычины, пощечины, полученные от них... 28 пункт:—«мы требуем, чтобы на казенные и частные заводы принимали рабочих без различия национальностей».—«Ну, господа, это черт его знает что такое. Вы хотите жидов допустить до работы; ведь, если вы дадите им наступить лишь на кончик ноги, так они взберутся вам на шею. Это уж, конечно, злоумышленные люди вас подучили», защищает интересы русских рабочих исправник. «И евреи такие же рабочие, как и мы, а еврей-рабочий—наш брат», отвечают ему из толпы. «Ну, господа, я выслушал вас, записал ваши требования, представлю их на рассмотрение заводского начальства, а также губернатора. Теперь идите по домам, а завтра выходите на работу»,—«Подпишите наши требования, вывесите их в мастерской; тогда пойдем на работу»—слышится в ответ. Давно уже исправнику не нравится беседа, но он все надеялся провести рабочих. Последние слова приводят его в бешенство. «Господа, вы кричите, вы не исполняете своих обещаний; я прекращаю с вами разговор; а если вы сейчас не разойдетесь по домам, я пришлю сюда казаков и они вас нагайками разгонят». Он быстро уезжает от толпы. Насмешки, остроты сыплются ему в догонку.

Оратор об'ясняет рабочим только что происшедшую сцену с исправником, призывает держаться за стачку, заканчивая собрание возгласами: «Да здравствует всеобщая забастовка. Да здравствует рабочий класс!».

Рабочие бодрые расходятся по домам, с тем, чтобы завтра вновь собраться. Оратор узнал от некоторых, что рабочие на Нижнеднепровске решили итти завтра на работу. Он поспешил вместе с несколькими товарищами в Нижнеднепровск. Собралось до 500 рабочих, и оратор произнес перед ними речь. Обрисовав условия жизни рабочих, он затем указал на слух, будто рабочие хотят итти на работу, и призывает именем убитых и раненых товарищей продолжать борьбу. В конце речи оратор призывал собрание дать товарищескую клятву не итти на работу, а каждого, ставшего раньше других на работу, заклеймить именем предателя. Толпа горячо поддержала предложение. Нетрудно было бы продолжать политическую и социалистическую агитацию, но оратор был совсем без сил, а потому ушел с собрания, пригласив рабочих притти завтра на собрание на Амуре. Стачечная Комиссия, которой было известно угнетенное состояние рабочих, решила употребить всяческие усилия, чтобы не допустить их начать работу. Ранним утром в понедельник пошли ораторы на Чечелевку и Кайдаки. На Чечелевке собрать рабочих не удавалось. На Кайдаках ораторы совсем не смогли пробраться. Войско стояло внутри поселков, на пути к заводам и вокруг заводов. По всему Брянскому району на работу явилось подавляющее большинство рабочих, даже те, которые должны были работать в ночных сменах, пришли на заводы. Стали они на работу, не пред'явив никаких требований. Начали работу все заводы: железнодорожные мастерские, завод Эзау, Брянский завод, Трубопрокатный и Гвоздильный. На Амуре и Нижнеднепровске почти никто не явился на работу. Рабочие собрались на Амуре в количестве нескольких тысяч Оратор сформулировал многие требования рабочих по отдельным цехам заводов. Приехал исправник, чтобы выслушать требования, но налетели казаки, и в присутствии исправника начали неистово бить рабочих нагайками.

В городе некоторые мастерские уже начали работу, некоторые без уступок со стороны хозяев, другие получили кое-что. Собрать толпу было невозможно: ее каждый раз разгоняли нагайками. В понедельник вечером было вывешено об'явление от вице-губернатора, в котором указывалось, что большинство рабочих Брянского района стало на работу и там работа идет нормально. На Амуре и Нижнеднепровске работы не могли начаться, в виду слишком малого количества пришедших на работу; вице-губернатор назначил среду крайним сроком для начала работ; не ставших на работу к этому дню он вышлет на родину. В среду Брянский район работал при полном составе; Амур и Нижнеднепровск лишь на некоторых заводах и при малом количестве рабочих; в городе значительное количество мастерских не работало. Стачечной Комиссией за эти дни были выпущены два бюллетеня о событиях во время стачки, по 1000 экз. каждого (печатные). Комитетом, признавшим «Искру», выпущены следующие печатные прокламации:

1) Ко всем рабочим гор. Екатеринослава, 1800 экз., в ней выясняется значение стачки на Юге России, призываются рабочие к забастовке и выставлены главные требования социал-демократической партии.

2) Как держать себя во время стачки.

3) Стихотворение с призывом к борьбе (1500 экз.).

4) «Ко всем рабочим гор. Екатеринослава», по поводу прекращения забастовки (1000 экз.).

5) Стихотворение по поводу выстрелов в толпу и убийств.

6) Гектографированные прокламации агитационного характера, формулирующие частные экономические требования для отдельных заводов и для каждого цеха в крупном заводе. Такие прокламации были выпущены к заводам: Брянскому, Эзау, вагоностроительному и к железно-дорожным мастерским.

Другой соц.-дем. организацией были выпущены печатные прокламации:

1) «Ко всем рабочим г. Екатеринослава»,

2) «По поводу убийств»,

3) «К солдатам» и

4) «К Брянскому заводу» (гектографировано).

ЕКАТЕРИНОСЛАВСКИЙ ПРОЦЕСС

(«Искра» № 80)

Всего обвиняемых 56 человек; из них 2 скрылись. Остальные 54 все рабочие, кроме Иоффе, ретушера фотографии, который не играл видной роли. 34 человека содержались под стражей, 20 были на свободе. 29 человек на вопрос о виновности отвечали, что виновными себя не признают, но на демонстрации были и были сознательно. Как выяснилось из заявлений подсудимых, помимо той бойни, которая была устроена на улицах в целях рассеяния демонстрантов, арестованных потом подвергали страшному избиению в участках. В этом отношении интересно показание Левитского. Некий офицер Маслов был привлечен за несколько времени до демонстрации к ответственности за буйство в саду. Свидетелем этого буйства случайно был Левитский и был вызван в качестве свидетеля в суд. Маслов несколько раз пытался подкупить Левитского, но безуспешно. На суде Левитский показал то, что видел. Во время демонстрации во всех участках были наряды солдат. Когда Левитского арестовали и привели в участок, случайно командиром наряда солдат в этом участке оказался Маслов. Стол был уставлен бутылками с водкой, и офицер Маслов пировал с околодочными. Когда он увидел Левитского, то со словами «попался, голубчик», набросился на него и начал его избивать. К нему присоединились пьянствовавшие с ним 8 околодочных и началось жестокое избиение. Несколько раз Левитский терял сознание. Когда же он приходил в сознание, его снова начинали бить, пока он снова не терял сознания.

Подсудимая Медведская, 16 лет, была случайно арестована и в участке жестоко избита. На вопрос о виновности ответила, что в демонстрации не участвовала, но, после жестокой расправы с ней, поняла значение демонстрации и теперь заявляет, что, если останется на свободе, то примет участие в демонстрации. Большинство подсудимых заявляло себя членами социал-демократической партии и пытались говорить вступительные речи, но председатель обрывал их. Свидетелей на суд было вызвано 112 из них 97 полицейских и 3 шпиона. Первым допрашивался полициймейстер Машевский. Рассказывает сначала о происшествиях в железнодорожных мастерских, в которых начались волнения 7 августа. Утверждает сначала что там были посторонние лица, но после перекрестного допроса отказывается. Отвечая на вопросы одного из защитников, рассказывает, что, когда приехал в железнодорожные мастерские губернатор, он (полициймейстер), обратившись к толпе рабочих, крикнул: «Шапки долой»,—«Ну что-же, спрашивает защитник,—кто нибудь снял шапку».—«Нет, никто

не снял», отвечает полициймейстер. Затем Машевский рассказывает о том, что в последнее время перед демонстрацией наблюдалось сильное течение среди рабочих. Происходили сходки, которые приходилось разгонять, При этом сильно распространялись прокламации, преимущественно социал-демократические, которые имели большой успех. На вопрос защитника о содержании прокламаций, полициймейстер отвечал: «Право, их такую массу выпускают и они мне так надоели, что я их бросаю, не читая». Он показывает затем, что в первый день демонстрации было не менее 10 тысяч человек. По вопросу об употреблении огнестрельного оружия он заявляет, что оно было вызвано крайней необходимостью, так как толпа была готова разорвать полицию. По поводу этого последнего показания читается протокол осмотра раненых и убитых, причем оказывается, что почти все раны нанесены сзади, а некоторые сбоку. Городовым полицейским врачем этот факт был об'яснен тем, что рабочие успели повернуться во время стрельбы. Подсудимый Телесов при этом рассказывает, что один городовой, когда демонстрация уже кончилась, прицелился в него, но попал в какого-то старичка и убил его. После, ведя его в участок, городовой все время его бил, приговаривая: «хотел тебя, гнида, убить, а убил ни в чем неповинного человека». Тот же подсудимый рассказывает, что, когда толпа демонстрантов подходила к Брянскому заводу, было обеденное время, женщины несли рабочим обед. Конные городовые ни за что, ни про что начали бить женщин. Один рабочий, увидавши, что бьют его жену, начал защищать ее и бросил камень. Тогда началось побоище. Из свидетелей выделился с хорошей стороны старший фабричный инспектор Евтушевский. В своем показании он заявил, что условия работы на Екатеринославских заводах неимоверно тяжелы, что рабочие изнашиваются в течении двух-трех лет, очень рано становятся инвалидами и выбрасываются на улицу. Поэтому, понятно, глухое брожение и недовольство среди рабочих. На вопросы защиты показывает, что администрация заводов ничего не предпринимает для улучшения положения рабочих. Несколько раз он собирал совещание директоров заводов. Они обещали устроить бани, школы, больницы и обещаний своих не исполняли.

Директор Брянского завода Урглумцов говорит, что давно ожидали забастовок. Показывает, что рабочие вели себя очень корректно. Рассказывает интересный факт. Когда приблизилась толпа, он сам остановил завод. Затем он попросил рабочих не оставлять работы, пока не будет выпущен из мартеновской печи расплавленный чугун, во избежание громадных убытков (если бы чугун застыл, пришлось бы ломать печь). Рабочие не только согласились это сделать, но им помогали подошедшие демонстранты из других заводов. Тот же Урглумцов, а также директор другого завода и Евтушевский показали, что рабочие вели себя очень корректно. В прокламациях тоже не было призыва к насилию, все прокламации были от соц.-дем. комитета, все они призывали к спокойному поведению.

Каждый свидетель из полицейских после вопроса: «что вы знаете по настоящему делу?» начинал свое повествование словами: «я согласно

протоколу». Когда одному из них задан был вопрос, что это значит, он ответил: «я присягу принимал согласно протоколу». Пристав Сергеев, из заводского района, давши довольно развязное показание, собирается уходить. Его останавливает предводитель дворянства, Бродский, и начинает подробно расспрашивать о положении рабочих, стремясь, повидимому, сознательно к тому, чтобы ослабить впечатление от показаний Евтушевского. Сергеев, как и можно было ожидать, рисует самую идиллическую картину. Рабочим живется превосходно. Недоразумения с администрацией бывают чрезвычайно редко, а когда бывают, то ему (Сергееву) удается их благополучно разрешать. Тогда защитник Рапп просит разрешения по поводу показаний Сергеева задать несколько вопросов Евтушевскому, который в это время оставался еще в зале заседания. Председатель отказывает. Тогда Рапп просит занести в протокол, что показания старшего фабричного инспектора были исправлены показаниями пристава. Когда защита, в целях выяснения истины, хотела попросить раз'яснения у старшего фабричного инспектора по поводу показаний пристава, ей было председателем в этом отказано. Инцидент этот на всех произвел сильное впечатление. Заведующий сыскным отделением Окселенко рассказывает, что публика настроена ненормально, и в качестве иллюстрации рассказывает: «я был послан в больницу Брянского завода снять фотографические карточки с трупов убитых рабочих». Когда ему пришлось снимать карточку с трупа двенадцатимесячного мальчика, лежавшего в неудобном положении, и он велел его поставить на стол, то изо рта и ушей его хлынула кровь. При этом бывшая здесь женщина, очевидно родственница или мать, добавляет он с улыбкой, бросилась на меня, рванула за пальто, и когда пальто распахнулось и обнаружился полицейский мундир, то она вне себя вскрикнула: «а, мало вы еще крови напились, еще приезжает снимать...» 6-го ноября подсудимые заявляют, что их избили в тюрьме.

Защитники делают заявление о том, что, получивши сведения от подсудимых о возмутительной расправе, учиненной над некоторыми из них, они не в силах продолжать защиту, пока не будет приступлено к дознанию в тюрьме, и требуют медицинского освидетельствования подсудимых. Председатель, смущенный, об'являет, что он делает перерыв на время, которое потребуется защитниками для возбуждения дела. Судьи уходят. Тов. прокурора подходит к защите и подсудимым, записывает фамилии потерпевших, затем призывает полициймейстера, тюремного инспектора, городских врачей. Производится освидетельствование, причем констатируется наличность свежих побоев. Заседание возобновляется через четыре часа. Надо при этом заметить, что в этом случае так же, как и в других, из членов судебного присутствия выделился своим диким поведением предводитель дворянства Екат. Губ. Он не хотел возвращаться в залу заседания после перерыва, выражая свое возмущение слишком большой свободой, которую будто-бы дает председатель защитникам и подсудимым. Во время же самых заседаний он постоянно выражал мимикой и жестами свое отрицательное отношение к подсудимым и защитникам. Из речей защитников выделились речи Гуревича, Раппа и Александрова. Благодаря перерывам со стороны председателя ни одному из говоривших подсудимых не удалось сказать всего того, что

он хотел сказать. Михаил Трофимов заявляет себя сознательным членом социал-демократической партии. «Сегодня день моего ангела», говорит он, «и ваш суровый приговор будет лучшим подарком». Телесов: «Что мне сказать? Участвовал я в демонстрации и буду дальше участвовать в движении, пока не умру». Самарин: «Я раньше не понимал смысла движения и был малосознательным его участником; теперь, после 15-ти месячного моего сидения, я стал ярым членом соц.-дем. партии». Кошкин (17 лет): обнаруживает недюжинные ораторские способности. Своею речью производит сильное впечатление; заявляет, что он участвовал сознательно в демонстрации». Господа, угнетение капитализма, бесправие, все следствия самодержавного строя я испытал уже на себе, несмотря на мои 17 лет. Я понял, что в борьбе с эксплоатацией и бесправием единичные усилия не могут привести ни к чему, что необходимо соединиться и бороться солидарно». Председатель прерывает. Подсудимый возобновляет речь. Председатель очень скоро его опять прерывает. После нескольких прерываний подсудимый прекращает свою речь. Незнающая (19 лет): «Я член соц.-дем. партии, и прежде всего стремлюсь к тому, чтобы разделаться с позорным самодержавием». Левитский пытается раз'яснить те цели, которые преследовали рабочие, в том числе и он, устраивая демонстрацию. Когда же председатель спрашивает: «зачем Вы это говорите, товарищи ваши и так это знают».—«Я говорю,— отвечал он,—для тех, которые вне суда».—«Но ведь заседание закрыто».— «Эти камни,—отвечал Левитский, показывая на стены,—раздвинутся, и наш громкий голос пролетариатом будет услышан».

Роберман говорит о бедственном положении рабочих и доказывает неизбежность солидарной борьбы с самодержавием. Рудникова, молодая девушка, говорит прочувствованную речь, рисует самыми мрачными красками положение рабочих девушек, говоря, что их положение гораздо хуже, чем положение мужчин, рассказывает о своей жизни, говорит, что ей как и многим угрожала проституция. Олифаренко, булочник, неграмотный, описывает каторжную работу булочников, продолжающуюся по 18 часов в сутки. Романов: «Я не боюсь вашего приговора, как бы суров он ни был, я им искуплю величайшее преступление, совершенное мною в жизни. Я будучи на военной службе в Риге (он запасной унтер-офицер) участвовал в усмирении рабочих. Я надеюсь, что ваш приговор будет звеном той цепи, которая соединит меня с соц.-дем. партией и примирит ее со мной» (приговор—исправительный дом на два года). Шевченко (до сих пор он не сказал ни слова, и никто его ни в чем не уличал) говорит последним: «Так как я говорю последним и мне предоставлено последнее слово, то я им пользуюсь, чтобы в последиий раз сказать: «Долой самодержавие». (Общее движение и смех. Подсудимый садится, прежде чем председатель успел его остановить).

ЕКАТЕРИНОСЛАВСКАЯ ВСЕОБЩАЯ СТАЧКА 1903 ГОДА В ИЗОБРАЖЕНИИ СЛУГ САМОДЕРЖАВИЯ

(«Искра» № 81)

Обвинительный акт

О крестьянах: Андрее Иванове Горбунове, 16 лет; Иване Михайлове Сенюрине, 16 л.; Кондрате Аггееве Олафиренко (он же Алферов), 65 л.; Иване Яковлеве Берестовском, 17 л.; Егоре Елисееве Бобылеве, 17 л.; Петре Янове Ваннаг, 31 г.; Петре Яковлеве Голубенко, 23 л.; Флоре Сильвестрове Городецком, 29 л.; Ефиме Александрове Горском, 29 л.; Иване Ефремове Лесовом, 19 л.; Федоре Осипове Самойлове, 19 л.; Петре Васильеве Медведеве, 20 л.; Антоне Яковлеве Овсяке, 28 л.; Лаврентии Михайлове Маркумое, 32 л.; Василии Антонове Мещенко, 18 л.; Сергее Владимирове Гриатченкове, 37 л.; Михайле Козьмине Трофимове, 19 л.; Николае Евсееве Мальцове, 33 л.; Иогане Мартынове Лайминг, 23 л.; Иване Евграфове Шевченко, 23 л.; Никите Осипове Хохлове, 23 л.; Арсении Петрове Грибалове, 22 л.; Мойсее Семенове Яценко, 23 л.; мещанах: Ошере Шлемове Трибухе, 16 л.; Мордухе Шимонове Лившице, 16 л.; Сарре Хаймовой Медвянской, 16 л.; Самуиле Ельеве Слониме, 18 л.; Исае Ефимове Тилисове, 18 л.; Злате Нафтолиевой Берковской, 18 л. Хае Давидовой Рудниковой, 17 л.: Шамшеле Шмуйлове Левине, 20 л.; Федоре Александрове Белкине, 21 г., Хае Гени Ароновой Либерман, 20 л.; Якове Иосифовиче Милейковском, 28 л.; Лейбе Давидове Шикман, 17 л.; Николае Макарове Соленом, 20 л.; Рахили Мойсеевой Незнающей, 19 л.; Анне Карповой Оводовой, 26 л.; Илье Хайкелеве Иоффе, 23 л.; Никифоре Васильеве, Вошкине, 18 л.; Максиме Иванове Звездине, 28 л.; Шейне Пинхусовой Розенбаум, 30 л.; Юдке Мовшееве Рессине, 19 л.; Давиде Гершеве Затуловском, 22 л.; Хацкеле Лейбове Цибулевском, 20 л.; Герше Левикове Левицком, 19 л.; Ароне Давидове Рыскине, 18 л.; Степане Степанове Рыскине, 18 л.; Степане Степанове Ефимове, 30 л.; Ефиме Александрове Романове, 28 л.; Хасе Бенционовой Гинзбург, 22 л.; Сарре Лейзеровой Лайгунд (она же Айбунд), 20 л.; Мордухе Калманове Тимисе, 20 л ; Николае Лаврентьеве Афанасьеве, 26 л. и германско-подданном Людвиге Антонове Градиковском, 63 л.

7—11 августа 1903 года в городе Екатеринославе и его предместье—поселке Амур-Нижнеднепровск, Новомосковского уезда, происходили беспорядки, состоявшие в том, что рабочие фабрик, заводов и промышленных заведений, прекратив работы, многотысячной толпой, с красными флагами

ЕКАТЕРИНОСЛАВСКИЙ УЕЗДНЫЙ С ЕЗД РАБОТНИКОВ НА СЕЛЕ

и криками: «долой самодержавие», шествовали по улицам и, при попытках полиции и войск рассеять толпу и задержать виновных, бросали камни в полицейских и воинских чинов и двух из них ранили, а многих ушибли.

Произведенным по этому поводу расследованием выяснено, что с июня 1903 года в городе Екатеринославе, особенно в фабричном и заводском его районах и в поселке Амур-Нижнеднепровск, Новомосковского уезда, где также расположено несколько заводов, усиленно распространялись печатные воззвания (прокламации), призывавшие рабочих ко всеобщей забастовке, пред'явлению требований восьми-часового рабочего дня, увеличению заработной платы и публичному порицанию установленного в государстве образа правления. Под влиянием этих воззваний и увещаний некоторых лиц, рабочие в городе, поселке и окрестностях стали устраивать сходки, число участников которых иногда доходило до нескольких сот человек, но работы на заводах, фабриках и промышленных заведениях продолжали обычным порядком, не заявляя ни владельцам предприятий, ни чинам фабричной инспекции и горного надзора никаких требований.

4-го августа в городе, некоторые из рабочих булочных и пекарей и с ними какие-то другие лица начали обходить хлебопекарни и убеждать рабочих прекратить работу, грозя в противном случае их избить. Под влиянием этих убеждений рабочие пекарен и булочных стали в разных местах города собираться небольшими группами для каких-то переговоров, а 6-го августа в одном из дворов на Первозвановской улице устроили сходку, на которой было решено обойти все пекарни и булочные в городе и насильственными мерами прекратить в них работы. Хотя сходка эта была замечена полицией, и участники ее задержаны, но в то же время до сведения полиции дошло, что готовится общая забастовка рабочих на заводах и что забастовка эта должна начаться 7-го августа в мастерских Екатерининской жел. дороги, а сигналом к ней должен послужить или тревожный гудок в главных железнодорожных мастерских, или тревожные свистки паровозов; вследствие этого полицией были усилены наблюдательные посты, для подавления могущих возникнуть беспорядков, были вызваны войска, а гудок в железнодорожных мастерских был наглухо закрыт. 7-го августа, утром, рабочие железнодорожных мастерских, около двух с половиной тысяч человек, явились в обычное время на работы и разошлись по цехам, но работать начали немногие, большинство же, остановясь у машин и станков, к работам не приступало; вскоре в некоторых цехах раздались удары в кололол—сигнал прекращения работ, и вслед за тем рабочие с криками: «бросай работу» стали выбегать во двор и силой увлекать за собой своих товарищей, начавших уже работу. Среди столпившихся во дворе рабочих были замечены проникшие в мастерские какие-то посторонние лица, которые, стараясь быть незамеченными, приседали на землю и толпой скрывались. Сначала рабочих пытался успокоить начальник Екатеринославского жандармского отделения ротмистр Остромысленский, но толпа волновалась, среди нее произносились речи и читались воззвания об угнетении рабочего класса и слышались крики: «дайте нам хлеба, долой жандармов». Прибывшим на место беспорядков начальнику мастерских, инженеру

Ильинскому, в затем и управляющему губернией вице-губернатору рабочие пред'явили требования об установлении восьмичасового рабочего дня, увеличении заработной платы, смещении некоторых мастеров и удалении из мастерских чинов жандармской полиции. На убеждение инженера Ильинского и вице-губернатора продолжать работы, рабочие ответили отказом, а затем услыша, что заявленные ими требования не могут быть немедленно удовлетворены и что для заявления их следует выбрать депутатов, рабочие с криками: «ура, что его слушать... это вранье... одни обещания, идем...», стали бросать шапки вверх, махать платками и требовать, чтобы их выпустили из мастерских, обещая, что они не будут производить никаких беспорядков.

Когда, однако, рабочие постепенно и группами были выпущены из мастерских, то из них лишь немногие отправились по своим домам, большинство же образовало толпу, которая со свистом и криком двинулась по полотну жел.-дор. к Брянскому заводу. В этой толпе были выставлены красные флаги, раздавались крики: «долой самодержавие», и во множестве разбрасывались преступного содержания печатные воззвания, усеявшие железнодорожный путь. Некоторые из толпы вскакивали на стоявшие у мастерских паровозы и давали тревожные свистки; другие бросились к шедшему на пути товарному поезду, вскочили на площадки вагонов, затормозили поезд, дергая за сигнальную веревку, стали давать тревожные свистки, и звали машиниста и его помощника присоединиться к толпе, а затем стали бросать в паровоз камни, которые ушибли машиниста и ранили его помощника. Подойдя к расположенному за железнодорожными мастерскими сталелитейному заводу Эзау, толпа с криками: «бросай работу станем под знамена дружней, долой самодержавие», ворвалась в завод и, пробегая по заводу, разбрасывала воззвания, давала тревожные свистки и увлекала за собой рабочих, заставив их прекратить работы. Затем толпа с такими же криками пыталась проникнуть на соседний с заводом Эзау, бетонный завод, но была остановлена стоящими у завода войсками. Увеличиваясь с каждой минутой не только рабочими разных заводов и фабрик, но и другими, не имеющими никакого отношения к заводам лицами, толпа приблизилась к Брянскому заводу, и часть ее успела ворваться в него.

Пробегая с криками по заводу, толпа остановила на нем работы. Впереди этой толпы были видны две какие-то девицы в шляпах, которые, пробегая по заводу, кричали: «бросай работу!». От Брянского завода толпа двинулась на соседние трубопрокатный и гвоздильный заводы. Когда в это время ротмистр Остромысленский, командир батальона, подполковник Соловьев, и его конный ординарец приблизились к толпе, желая ее остановить, толпа встретила их бранью и стала бросать в них камни, которыми ушибла ротмистра Остромысленского, заставив его отступить назад. Подступив к трубопрокатному заводу, часть толпы остановилась на насыпи у завода и криками стала приглашать рабочих завода присоединиться к толпе, причем кричала: «долой самодержавие», и разбрасывала воззвания; часть же толпы ворвалась в самый завод и угрозами и убеждениями заставила рабочих прекратить работы. В заводе толпа бросала камни в окна конторы, и, когда один из камней попал в конторе в директора завода Рока,

последний, опасаясь дальнейших насилий, выстрелил из револьвера в окно, после чего толпа оставила завод и, соединившись с рабочими соседнего гвоздильного завода, также по крикам прекратившими работы, двинулась назад к Брянскому заводу. По дороге на ст. «Горяиново» многие из толпы подступили к готовому отправиться пассажирскому поезду, пытались вскочить на паровоз и тянули сигнальную веревку, давая тревожные свистки, пока веревка не оборвалась. Подходя к Брянскому заводу, около которого находились войска, полиция и тысячи оставивших заводы рабочих, толпа выставила несколько красных флагов и, оглашая воздух криками: «долой самодержавие, дайте нам свободу, «разбрасывали печатные воззвания, одни из коих призывали рабочих к забастовке и требованиям восьмичасового рабочего дня и политической свободы, другие были обращены к солдатам, и убеждали их не стрелять в безоружную толпу. Встреченная криками стоявших у завода рабочих: «ура, наши идут», толпа стала приближаться к ним.

Не допуская толпу соединиться с этими рабочими, полицеймейстер Машевский несколько раз приказывал городовым оттеснять толпу, последняя, под натиском городовых отступала, но затем подхватывала валявшиеся на земле камни и бросала их в городовых. Камни собирали на берегу Днепра также женщины и дети, толпившиеся около рабочих, и передавали их последним, а также и сами бросали в городовых. Ушибленные камнями городовые возвращались назад, а оттесненная толпа вслед за ними вновь подступала к заводу. Когда камни стали попадать в стоявшую у завода роту солдат, командир последней полковник Надхин, видя, что полиция не может удержать толпу, приближавшуюся к солдатам, дал сигнал к открытому огню. Услыша сигнал, одни в толпе стали кричать: «товарищи, не бойтесь, стрелять не будут», другие выскакивали вперед и, обнажая грудь, в исступлении кричали солдатам: «стреляйте». После второго сигнала к стрельбе, толпа, отрезанная конными городовыми, отхлынула от завода к фабричной слободке и увлекла за собой полицеймейстера и многих городовых. У фабричной слободки толпа соединилась с другой, стоявшей там толпой, и образовала скопище народа и рабочих в несколько тысяч человек.

Эта огромная возбужденная толпа с криками: «долой самодержавие» и красными флагами намеревалась двинуться в город; но, видя, что на пути стоят две роты Керчь-Еникельского пехотного полка, стала приближаться к ним и частью обходить их. На убеждения военного и гражданского начальства остановиться и не подходить к солдатам, толпа отвечала криками и бранью и продолжала подступать к войскам. Попытки оттеснить и рассеять толпу конными городовыми не имели успеха: толпа схватывала камни и бросала их в чинов полиции, и многие из последних были ушиблены, а лошади под ними искалечены. Тогда полицеймейстер, видя, что он бессилен остановить толпу, предоставил распоряжаться командовавшему ротами подполковнику Соловьеву. Последний, в свою очередь, несколько раз убеждал толпу остановиться и начал давать сигналы к стрельбе; слыша их, в толпе кричали: «товарищи, не бойтесь, стрелять не будут, не имеют права», другие же кричали, что у солдат холостые патроны, некоторые из толпы приблизились к солдатам, убеждали их не стрелять, говоря, что, отбыв

срок военной службы, они снимут мундиры и станут такими же рабочими, как и собравшиеся, и будут так же притесняемы, как и они, и что в толпе находятся их, солдат, сестры, жены, братья; другие кричали солдатам, чтобы они перебили офицеров и присоединились к толпе. Видя, что возбуждение толпы растет и что она настолько приблизилась к солдатам, что может броситься и обезоружить их, Соловьев сделал последнюю попытку удержать толпу и, выехав вперед, убеждал ее остановиться, клянясь, что, в противном случае, он прикажет стрелять. В ответ на это из толпы посыпалась брань, в солдат полетели камни, и Соловьев был ушиблен в спину, после чего он дал сигнал стрелять, и полурота произвела боевыми выстрелами залп, после чего толпа, увидя упавших убитых и раненых, немедленно рассеялась. На месте выстрелов полицией было поднято трое убитых и 16 раненых, из коих четыре затем в больнице от ран умерли; многие же легко раненые разбежались и скрылись по дворам. Во время уборки раненых и трупов толпа снова стала собираться и с криками: «нас побили, бей полицию», начала бросать камни в полицейских и воинских чинов. Толпа эта была незначительна и скоро рассеяна полицией.

В этот же день утром в городе, у конторы газеты «Вестник Юга» и у печатни Яковлева, на улице, собралась толпа народа, бросавшая камни в окна и кричавшая рабочим, чтобы они остановили работы и присоединились к толпе. После этих криков и угроз быть избитыми рабочие этих заведений прекратили работы и вышли на улицу; собравшаяся толпа, однако, скоро была рассеяна полицией. В то же время на Гимнастической улице толпа рабочих собралась у казенного винного склада, стала бросать камни в окна и криками требовать, чтобы рабочие бросали работу и присоединились к толпе; эта толпа бросала также камни в чинов полиции, которым, однако, удалось толпу рассеять. Когда после уборки трупов и раненых полицийместер в тот-же день с 2-3 конными городовыми возвращался с завода в город, на Трамвайной улице его встретила толпа народа, человек в полтораста. На требование полицийместера остановиться, толпа бросилась в переулок и стала бросать оттуда камни в полицийместера и городовых, и лишь увидя шедшую от вокзала роту солдат, прекратила насилия и разбежалась. На следующий день 6 августа, с утра, на углу Брянской площади и 1-й Чечелевки, близ покойницкой Брянского завода, в которой находились трупы убитых накануне рабочих, стала собираться толпа народа, достигшая вскоре 3-х тысяч человек. Получив сведения, что толпа эта намерена отнять у полиции тела убитых и пронести их по Екатерининскому проспекту, полицийместер Машевский, с конными городовыми и 2-мя ротами солдат поспешил на место сборища. Увидя полицийместера, шумевшая толпа потребовала, чтобы он вступил с нею в переговоры, и, когда Машевский приблизился к толпе, из нее стали раздаваться крики, что собравшиеся требуют установления 8-ми часового дня и увеличения заработной платы, а один из евреев, находясь в первых рядах толпы, крикнул: «и свободы России». Во время переговоров с полицийместером в толпе выбрасывались вверх пачки преступных печатных воззваний, которые сейчас же подхватывались толпой, а один из толпы, поднявшись

на дерево, оттуда читал воззвание окружавшей его толпе, которая при этом кричала ура. Когда полицийместер отказался вести переговоры с бесчинствовавшей толпой, последняя, побужденная криком некоторых: «идем в город», двинулась на Озерный базар, а некоторая часть ее последовала за процессией на кладбище, но там, благодаря присутствию полиции и войск, погребение убитых рабочих совершено было беспрепятственно. На Озерном базаре толпа ворвалась в депо электрического трамвая, выгнала из него рабочих и приостановила, таким образом, движение вагонов. Когда чины полиции пытались остановить толпу, им кричали: «Уйдите, не ваше дело, что хотим, то и сделаем», и грозили насилием. В то же время часть толпы пыталась проникнуть на городскую электрическую станцию, но охранявшие ее городовые стали стрелять из револьверов в рабочих и этим заставили толпу отступить. С Озерного базара постепенно увеличивающаяся толпа направилась на Екатерининский проспект и с криками «вперед, бей полицию, долой самодержавие», двинулась по проспекту, разбрасывая прокламации и выставляя красные флаги. В толпе этой было много женщин, которые махали шляпами и платками, приглашая рабочих и служащих в разных заведениях присоединиться к толпе; многие из толпы подошли к паровой мельнице братьев Гэзе и криками и угрозами приглашали рабочих присоединиться к ним. Некоторые в толпе были вооружены разной величины палками, другие шли с камнями в руках, и, при попытке полицейских чинов остановить их, бросали в них камнями; около здания цирка один из евреев пустил при помощи резины камень в несколько фунтов весом в околодочного надзирателя Стрекозова; Стрекозов успел наклониться, а камень, попав в дверь цирка, выбил в ней доску. Толпа хотела пройти весь город, но, около Зимнего театра, ей путь прегражден был ротой солдат, шедших с барабанным боем; толпа приостановилась и подалась назад.

Часть толпы, перескочив через забор, проникла в технологический сад и оттуда произвела несколько выстрелов, одним из них был ранен в ногу стоявший близ сада конный городовой Андрющенко, а остальная толпа стала разбегаться с проспекта в прилегающие улицы; при этом многие из толпы, не допуская полиции задержать выдающихся участников беспорядков, нападали на полицейских чинов и бросали в них камнями; околодочных надзирателей Пашеева и Скопина окружили со всех сторон и грозили им насилием; спасаясь от раз'яренной толпы, Пашеев и Скопин вынуждены были стрелять из револьверов: в ответ на это из толпы также раздалось несколько выстрелов. Рассеянная прибывшими конными городовыми толпа в значительном количестве в тот день не собиралась. 9-го августа в городе, в разных местах, собирались небольшие группы народа, причем толпа, человек более 20-ти, на Петербургской улице, подойдя к мельнице Розенберга, кричала рабочим, чтобы они прекратили работу. Толпа около Брянского завода не пускала рабочих, желавших продолжать работы, схватывала их и заставляла их присоединиться к собравшимся; а в толпе, собравшейся на 3-й улице Чечелевки и состоявшей преимущественно из евреев, кто-то говорил, убеждая собраться на следующий день на той-же Чечелевке и поясняя, что толпа своего добьется. Все эти сборища, однако, были

рассеиваемы полицией. 10 августа, часов с 8-ми утра, на 1-й и 3-й улицах Чечелевки и Брянской площади собралась толпа более тысячи человек. Толпа шумела, в ней раздавались крики «долой самодержавие» и разбрасывались воззвания. Наблюдавший за всем происходившим околодочный надзиратель Кузнецов с немногими городовыми бессилен был остановить толпу, и последняя бесчинствовала в течение двух часов, пока на место сборища не прибыл извещенный Кузнецовым полициймейстер с конными городовыми. Увидя полициймейстера, бывшие впереди толпы, преимущественно евреи, стали размахивать шляпами и палками, убеждая толпу «стоять стойко»; с криками «бей полициймейстера», толпа стала бросать камни в городовых, а некоторые из толпы, окружив надзирателя Кузнецова и бросая в него камни, грозили его разорвать. В это время на место происшествия прибыли вызванные полициймейстером казаки 7-го Донского казачьего полка и один из них, спасая Кузнецова, выстрелил из ружья; устрашенная этим толпа расступилась, и Кузнецов успел бежать. Окруженная казаками и городовыми толпа, бросая в них камни, стала разбегаться в улицы и по дворам, причем часть толпы скрылась в недостроенном трехэтажном доме Кирпотина и оттуда из окна продолжала бросать в казаков камни. Дом этот был оцеплен казаками и городовыми и многие из скрывшихся в нем были задержаны, причем у некоторых отобраны были камни, а в доме и дворе найдены выброшенные печатные воззвания. По рассеянии этой толпы других значительных сборищ народа, оказывающих сопротивление полиции, в городе не было.

В поселке Амур-Нижнеднепровск 7-го августа работы на заводах не прекращались, и участковый фабричный инспектор Кухта, посетивший в этот день заводы, от рабочих никаких заявлений не получал. 8-го же августа, около полудня, рабочие машиностроительного и эстампажного заводов прекратили работы и, направившись толпой к расположенным вблизи оцинковальному, трубопрокатному и печному заводам, убеждениями и угрозами заставили рабочих этих заводов прекратить работы и присоединиться к забастовщикам. Образовавшаяся у заводов толпа, однако, скоро была рассеяна полицией и когда в тот же день, вечером, в поселок прибыл фабричный инспектор Кухта, он застал возле заводов человек 150 рабочих, которые прекращение работ об‘яснили требованиями 8-ми часового рабочего дня, увеличения заработной платы, уничтожения штрафов и вежливого обращения с ними мастеров и просили разрешения собраться рабочим всех заводов для заявления этих требований. Выслушав раз‘яснения Кухты, что пред‘явление требований скопом воспрещено, рабочие разошлись. 9 августа с утра прекратились работы и в местных железнодорожных мастерских, после чего часам к 10 утра у заводов собралась толпа рабочих более двух тысяч человек. Толпа волновалась и шумела, в ней слышны были крики: «Требуйте ваши законные права», и пачками раздавались печатные воззвания, которые некоторыми в толпе в то же время и оглашались. Побуждаемая криками вожаков, большею частью евреев и евреек, прибывших из города Екатеринослава с криками: «Соединяйтесь, вперед, солдаты стрелять не будут,—им запрещено» толпа, выставляя

красные флаги и громко крича «долой самодержавие», двинулась на Николаевскую площадь. На площади этой находились войска, которые толпу и рассеяли. 10-го августа на той же площади вновь собралась значительная часть рабочих и, когда на площадь прибыл уездный исправник, кто-то из толпы, присев на землю, стал выкрикивать требования рабочих: о 8-ми часовом рабочем дне, заработной плате, освобождении арестованных в городе за беспорядки и др.; на предложение исправника разойтись рабочие ответили согласием и, действительно, разошлись, но к работам не приступали.

На следующий день, однако, 11-го августа, утром, на той же площади вновь собралась толпа рабочих, более 500 человек, в толпе этой раздавались крики: «долой самодержавие» и разбрасывались печатные воззвания; для рассеяния этой толпы полиция должна была прибегнуть к содействию военной силы. Других затем сборищ в поселке Амур-Нижнеднепровск не было и 13 августа работы на всех заводах возобновились. В дни беспорядков в г. Екатеринославе и в поселке Амур-Нижнеднепровск, на месте сборищ полицией было поднято множество разбрасываемых толпой воззваний, одни из коих призывали рабочих устроить всеобщую забастовку, выходить на улицы и, «став под красные знамена», требовать 8-ми часового рабочего дня и замены существующего образа правления народным представительством; другие были обращены к солдатам, убеждали последних не стрелять в безоружную толпу и порицали установленный законами образ правления. При рассеянии скопищ, оказавших сопротивление полиции и войскам, полицейский урядник Ахушков получил две легкие раны в голову, ранен был пулей в ногу полицейский городовой Андрющенко и легко ушиблены камнями: полицииймейстер Машевский, начальник Екатеринославского отделения Кременчугского жандармского полицейского управления железных дорог ротмистр Остромысленский, пристав 1-й части г. Екатеринослава Крюков, конный ординарец 135-го Керчь-Еникельского пехотного полка Савенко и более 20 нижних чинов полицейских и воинских. Во время беспорядков и, по прекращении таковых, полицией были задержаны многие лица, замеченные в толпе. Задержанные были пред'явлены всем чинам полиции и войскам, принимавшим участие в рассеянии скопищ, и при этом выяснилось, что в шествии толпы по улицам и в оказании сопротивления полицейской власти в числе многих других принимали участие: (следует перечисление обвиняемых).

ОБ ЕКАТЕРИНОСЛАВСКОЙ СТАЧКЕ 1903 ГОДА (ИЮНЬ)

(«Искра» № 106)

Наш город пережил трехдневную стачку, которая была предпринята с целью выразить сочувствие одесским товарищам. Начну по порядку. Идея стачки зародилась вскоре после получения первых известий из Одессы, особенно, когда известия эти стали появляться в газетах. Рабочие начали поговаривать о том, что не дурно бы и нам стачку устроить. Голоса эти, впрочем, раздавались среди самых организованных. До массы даже газетные сведения доходят весьма туго. К концу недели Комитет внес предложение вести агитацию по поводу стачки в Одессе, с целью подготовить настроение и, если это удастся, провести всеобщую стачку и у нас; благоприятная почва для стачки вообще имелась во многих местах, не считая даже впечатления, произведенного одесскими событиями, которые, как сказано выше, массам были еще мало знакомы. Собственно в городе до этого времени стачки шли непрерывной вереницей. Бастовали лесопильщики, маляры, кровельщики, столяры, парикмахеры, папиросницы, шапочники, пекаря и т. д. При некоторых стачках удалось провести кой-какие социал-демократические требования, как восьмичасовый рабочий день; в выработке требований участвовали члены организаций. Таким образом, слить в один общий поток все эти стачечные ручейки в городе было не трудно. Весь вопрос был в том, каково настроение заводов.

Собрание заводского района, происходившее 16-го или 17-го (точно не помню), в принципе вопрос о стачке решило утвердительно, т. е. признало, безусловную ее желательность, и постановило в субботу 18 июня познакомиться с настроением возможно полнее, насколько возможно поднять это настроение, чтобы затем, взвесив все данные, придти к окончательному решению. В субботу были митинги в железнодорожных мастерских и на заводе Эзау. Первый в присутствии толпы в 800-1000 человек, по отзывам присутствующих рабочих, прошел очень удачно и сильно поднял настроение; второй, при сравнительно небольшой толпе в 150-200 человек, тоже произвел недурное впечатление. На других заводах агитация и знакомство с настроением производились лишь по кружкам из частных переговоров с отдельными личностями, наиболее осведомленными. Вечером 18, на состоявшемся районном собрании выяснилось следующее: настроение на всех заводах подходящее. Стачку вызвать сравнительно будет не трудно, вопрос лишь в том, кто начнет.

Представители передавали мнения организованных рабочих этих заводов, что стачку на своих заводах они смогут поднять, но лишь в том случае, если начнет забастовку Брянский завод. (Между прочим могу приблизительно сообщить общее количество заводов у нас и рабочих на них: Брянский—около 7-8 тысяч, Эзау—3$^1/_2$-4 тысячи, жел.-дор.—2$^1/_2$ тысячи Трубный и гвоздильный заводы, в общем не менее 5$^1/_2$ тысяч. Беру приблизительные цифры. Дальше идут лесопилки—около 2 тысяч, завод сельскохозяйственных машин «Константин», арматурный завод, железнодорожное депо. На Амуре и Нижнеднепровске—Бельгийский, железнодорожные мастерские и т. д. В общей сложности, заводской район наш насчитывает около 30.000 рабочих). Таково, следовательно, как выяснилось, было настроение заводов; все взоры обращались на Брянский; он являлся вершителем судеб. На нем же дела обстояли следующим образом: два цеха, мостовой и литейный, где наибольшее количество сознательных и организованных, готовы забастовать каждую минуту. Механический, состоящий главным образом из людей солидных, положительных, с окладом жалованья в 150—200 р. бастовать ни в коем случае не намерен. Остальные занимали среднее положение между одной и другой крайностями Оценив все сведения и взвесив их, район постановил начинать стачку в понедельник, начать с Брянского завода, направив туда значительные силы, постараться дать гудок и затем перекинуть стачку на другие заводы. Решение принято почти единогласно при 2-х—3-х, оставшихся при особом мнении, предлагавших другой план, помню, отложить дня на 3—4 об'явление стачки, за это время развить агитацию возможно шире: в форме листков, собраний и т. д.

В воскресенье назначены были небольшие массовки на Брянском, об'единительное собрание большевиков и меньшевиков, заседание стачечных комиссий (у меньшевиков и большевиков таковые были образованы для руководства стачкой, у нас она состояла из трех комитетчиков и шести представителей городского и заводского районов). Вечером должно было состояться общее собрание организованных рабочих, которым комиссия об'единившихся должна была предложить свой план. Все намеченные собрания состоялись. Но последнего собрания организованных рабочих не удалось провести по независящим обстоятельствам, так как казацкий отряд человек в 50 как-то уж очень не во время вздумал познакомиться с окраинами города. Пришлось волей-неволей измерить высоту соседних заборов, и казаки уехали с носом. На собрании удалось лишь выяснить, что на Брянском заводе забастовали лишь доменщики и рельсопрокатные ночные, т. е. обстоятельства благоприятствовали. Доменный цех—один из самых серых и трудно поднимающихся. Вынесена была приблизительно следующая формула: постараться познакомиться предварительно с настроением масс; если таковое благоприятно—начать в понедельник; если нет—в ближайший день, а в понедельник устроить митинг на Брянском. Формула эта, однако, не всем была приятна. Большинство никакого «если» не желало и с таким мнением разошлись, вернее, «расскакались» по заборам.

В понедельник Брянский стал первым. Кое-кому удалось пробраться внутрь и там, при посредстве организованных рабочих, остановить работу;

хотя и без гудка. Вначале было трудновато. Пять товарищей полиция задержала. Этот факт возбудил толпу, масса ринулась спасать товарищей и пошла говорить с брянским приставом, который, под давлением толпы в $1^1/_2$—2 тысячи рабочих, благосклонно отпустил задержанных. За Брянским бросали работу соседние заводы: трубный, гвоздильный, Эзау, мастерские (не очень охотно и легко). При остановке работ в нескольких местах были довольно значительные митинги, на которых раз'яснялся смысл забастовки. При требовании прекратить работу замечалось во многих местах такое отношение: рабочие—массовики, словно уже заранее знали, очень быстро исключая некоторых особенно упорных цехов, как, например, котельный в жел.-дор. мастерских оставляли свои станки, складывали инструменты, умывались, переодевались и совершенно спокойно выходили из завода; многие, конечно, направлялись по домам. На площади, возле театра народной трезвости, в конце первой Чечелевки состоялся митинг. Присутствовало тысячи $2^1/_2$—3. Говорил оратор меньшевик о значении настоящей стачки, о событиях в Одессе, о знаменательном факте восстания флота, выяснялась идея Учредительного собрания, главнейшие требования программы-минимум. Речь первого оратора поддерживалась дружными возгласами толпы. Второй говорил тогда, когда среди толпы начались разговоры о том, что нужно идти в город. Было тут с десяток с.-р., но пока речей они не произносили. Пошли по первой Чечелевке по направлению к городу. Ни казаков, ни войска нигде не было. Говорить можно было долго, толпу ждали в городе, и там-то охранялись видные места. Однако, разговаривать дальше не пришлось. Двинулись к городу.

По пути толпа начала редеть, расплываться. В конце Чечелевки, ввиду все уменьшающегося количества идущих, толпа остановилась, и наши ораторы, видя, что кругом остается лишь несколько сот своих организованных, предложили присутствующим на обсуждение вопрос: стоит ли в таком количестве двигаться дальше, расчитывая что на границе города нас встретят казаки и с успехом поколотят, благодаря малочисленности,—или расходиться. Соц.-рев. лезли из кожи, зовя в город, убеждая, что если сейчас мы не пойдем, завтра все равно не состоится, масса не выйдет. Однако, вопреки этим убеждениям, толпа решила на сегодня разойтись, а завтра собраться на том же месте, на митинг, обсудить план действий и идти затем в город, если он сам не остановится. Пропели марсельезу и Варшавянку и начали расходиться. Самые непримиримые соц.-рев. в количестве 25 человек вышли все-таки на проспект, где были сильно избиты. Так кончился первый день. На второй день, увы, собраться в назначенном месте не удалось, так как жел.-дорожные мастерские все-таки пошли на работу. Пришлось их снова снимать. Место действий перенеслось туда, значительно ближе к городу. Остановленные тут-же паровозы своими гудками созывали к этому месту шедших на митинг брянцев и др.

Место было неудобное, говорить не пришлось, тем более, что все горели желанием скорей снять город. У мастерских в этот день стояли уже солдаты, но вид их был совсем мирный. Они открыто отказывались стрелять, по крайней мере тот отряд, который был поставлен для охраны жел.-дор.

мастерских. Одним словом, было решено двинуться в город. Толпа очень оживленно и весело двинулась в город, несколько растягиваясь по пути. Рядом с ней пошел отряд солдат. Вскоре отряд и толпа представляли из себя одно целое.

Рабочие заводили разговоры с солдатами, убеждали не стрелять, иные произносили довольно большие речи, читали вслух прокламации, некоторым солдатам нацепили листки на штыки и т. д., и т. д. Перевалили через вокзал, остановили вагоны трамвая; кондуктора с охотой согласились прекратить работу. На площади, около продовольственного магазина, мнения разделились: одни звали в депо трамваев остановить там работу; другие— в управление жел. дорог. Туда проникнуть не удалось, так-как двор мигом наполнился солдатами. Разноголосица вышла потому, что не удалось раньше столковаться. Пришлось здесь наскоро строить план дальнейших действий. Поднялся наш оратор с целью предложить свой план. Сказать удалось всего несколько слов. Целый отряд казаков ринулся на толпу, и она, не успев еще хорошо сплотиться, пустилась в бегство. Говорят, что одного рабочего изрубили в куски, другому отсекли часть лица. После этого попытки по настоящему собраться уже нигде не удались. Как выяснилось после, навстречу заводской толпе двинулась внушительная толпа городских. Но сойтись им вместе не удалось. После неудачи в городе, рассеянная толпа кучками и отдельными группами начала двигаться обратно, на Чечелевку, надеясь там вновь собраться. Но было уже поздно—казаки проникли туда, не позволяя соединиться. Отряды их показывались во всех пунктах; отпора не было; единичных личностей избивали (между прочим, двоих из организации). Пришлось оставить мысль собраться на Чечелевке. Принесли известие, что в городе на Успенской площади собирается масса народу что там говорят ораторы. Толпа заводских (большей частью организованные) двинулась туда, а в это время там, на Успенской площади, уже разгоняли, и новый поток снова направился на Чечелевку. Таким образом, городские, после неудачной попытки собраться в городе, шли к заводам, а заводы— в город. В конце-концов произошло следующее: на площади, около театра народной трезвости, часам к четырем скопилась довольно большая толпа, главным образом, городских ремесленников-евреев (заводские в это время частью разошлись по домам, частью находились в пути к Успенской площади или от нее к Чечелевке).

Была сделана попытка воспользоваться этим собранием для произнесения нескольких речей. Говорил хорошо и убедительно рабочий, не состоящий в организации, но очень влиятельный, были еще рабочие социал-демократы, сионисты и, наконец, социалист-революционер. Последний успел произнести лишь немного по количеству, зато очень веских по качеству и подходящих к моменту слов. Он говорил, что русский интеллигент (почему он говорил именно об интеллигенте, я хорошо не знаю) носит желтые туфли, шляпы по 2 рубля с полтиной и прочие дорогие вещи, при этом пытается еще руководить движением, величает себя социал-демократом, не замечая того, что крестьянин ходит босой, в дешевом картузе и т. д. Не знаю, для какой цели приводил он этот сравнительный прейс-курант,—закончить ему не удалось. Из-под горы выскочил отряд казаков и ринулся на толпу.

Из толпы стреляли, хотя, в общем, вся масса отпора не оказывала и пустилась в бегство. Казаки, при звуке выстрелов, схватились за винтовки, которые были еще не заряжены, наскоро зарядили и начали стрелять без разбору. Ранили серьезно шесть человек, из них, говорят, 2 умерло, наверно я знаю лишь про одного: это рабочий железнодорожных мастерских—Шмель, в организации не состоял, но, как сочувствующий, оказывал всегда услуги и, вообще, по отзывам товарищей, был славный парень. Вечная ему память. Эта перестрелка толпы с казаками послужила сигналом к полному разнузданию казацкой нагайки. Во многих местах начинали беспощадно колотить, особенно в городе. Колотили конные и пешие, городовые или казаки, по указанию шпионов или по собственному вдохновению. Главным образом доставалось, разумеется, евреям, и, в частности, девицам. Третий день забастовки ничего не дал. Собраться уже абсолютно не удавалось. Заводские после вчерашнего избиения на конец Чечелевки к Брянскому театру совершенно не подходили, пришло незначительное количество ремесленников, которые тоже разошлись во избежание частичных избиений. Настроение сильно падало. Это замечалось еще во второй день. «Куда вы нас звали?»—раздавались голоса по адресу организаций и организованных рабочих. «Где оружие, разве можно выходить теперь с пустыми руками?».— «Давайте нам бомбы, чтобы разгромить башибузуков, без них мы не пойдем на собрания под пули и нагайки». Третий день был днем упадка.

В городе уже во многих местах принялись за работу. Магазины постепенно открывались, трамвай действовал. Избиения к вечеру усилились. В фабричной слободе городовой, по подозрению, указал на трех девиц. Казаки погнались за ними, избили страшно, затем арестовали. В другом месте, в городового, собравшаяся кучка рабочих стала кидать камнями; он как-то увернулся, добежал до казаков и сообщил о происшедшем. Те устремились к месту действий, и хотя никакой толпы уже не было, проходили лишь смиренные обыватели,—казаки, тем не менее, спешившись, взобрались на насыпь и начали перестрелку. Был убит проходивший мимо рабочий, не успевший скрыться, другой серьезно ранен. Не видя отпора, видя, что масса безоружна, башибузуки свирепствовали. Кой-где и их настигал меткий камень или пуля. В одном месте брошено было подобие бомбы. Говорят, из казаков убито 1 или 2, раненых около десяти. Рассказывают, что еще на второй день, при избиении в городе у провиантского магазина, один казак соскочил с лошади, бросил ее и ушел совершенно, говоря, что не хочет участвовать в бойне.—Важно и интересно поведение солдат. Отзывы такие: надежды начальства на их боевую готовность очень незначительны. Начальство их боится, говорили, что сами солдаты хотели устроить забастовку по поводу пищи. Одни солдаты безусловно обещали не стрелять. Другие так заявили: «конечно, своих бить не будем, а если уж подвернутся, так им не сдобровать». Третьи открыто обещали угостить рабочих пулями, как только представится удобный момент. Озлобление солдат об'ясняется случаями с выстрелами: несколько пуль, направленных в казаков, спрятавшихся за солдат, попали в самых солдат. (Надо заметить, что и в Одессе происходили такие же нападения на солдат и с такими же

последствиями. Организации обязаны раз'яснять массам нерациональность подобного отношения к солдатам). Это, понятно, была большая ошибка. Но, в общем, настроение среди солдат, во всяком случае, таково, что стрелять они не стали бы, разве в исключительных случаях. Прикладами, впрочем, бьют изрядно. Дисциплина среди солдат безусловно не сильна. Приходилось товарищам наблюдать такие сцены: у почты стоит охрана из 10 солдат. Проходит ремесленник-еврей, дает одному солдату прокламацию, тот преспокойно читает ее вслух своим товарищам, офицер стоит в нескольких шагах.

Однако, перейду к забастовке. Третий день приходил к концу. По улицам раз'езжали полицейские, казаки, стояли патрули. Рабочие или разбрелись по домам, или небольшими кучками разговаривали у ворот. К вечеру все попрятались, так как белый террор усилился. Настроение шло все более и более на убыль. После вчерашней перестрелки на Чечелевке поднял голову хулиганский элемент, восстановляющий обывателей против евреев, как виновников всей забастовки и в частности избиений. Обыватели вторили этим разговорам очень охотно, особенно женщины. Ворота, по приказанию казаков, к вечеру запирались, чтобы избиваемые не могли скрыться. Пролетарская масса враждебно косилась на «организованных» —«Позвали, начали, а у самих ничего нет, где же ваше оружие, где бомбы?—Обманщики...» Итак, за три дня забастовки ни одного большого «настоящего» митинга, собранного со всех заводов, а не в отдельности из рабочих одного завода—ни одного такого большого митинга не удалось устроить. Прошел четверг и пятница. Вечером на районном городском собрании выяснилось, что настроение на заводах следующее. Большинство стоит, лишь отдельные группы принялись за работу, движение переходит в экономическую стачку. Так обстояли дела на Брянском, Эзау, гвоздильном, трубном, железнодорожные мастерские закрыты. Брянская администрация вывесила об'явление с угрозой расчитать всех, если работы не начнутся с понедельника. Заводское управление требовало немедленного расчета всех телеграммой из Петербурга. Директор отложил до понедельника. На собрании было решено в субботу возможно детальнее ознакомиться с настроением, постараться устроить возможно более обширные собрания и, так или иначе, укрепить забастовочное настроение. На утро в субботу выяснилось, что были общие собрания рабочих на Брянском заводе, гвоздильном и трубном. Результаты собраний превзошли все ожидания; вернее, совершенно шли в разрез с этими ожиданиями. Брянский завод после прекрасной, по отзывам присутствующих рабочих, речи одного товарища (того самого, что хорошо говорил на последнем сборище перед расстрелом)—решил бастовать, пока администрация не выполнит требования. Основные требования—8 часовый рабочий день и свобода собраний. Почти те же общие требования выставил Трубный, прибавив около 40 мелких и мельчайших, как удаление городового, введение умывальников и т. д. (Брянский давал пример всем). Это уже заговорила масса, та, что в те три дня сидела по домам или наблюдала издали. Неудача с политической забастовкой, неполное ее проведение, отсутствие митингов

и т. д. все это очень слабо или совсем не задело массы (лишнее доказательство того, как все наши предприятия являются проявлением действий только сливок этой массы организованных). Под влиянием забастовочного настроения организованные массы подняли голову. Впечатление от неудач первых дней недели понемногу начало сглаживаться. Неудача не убила боевого настроения, она его придавила немного и обострила. Идут разговоры о револьверах, бомбах. Начинается партизанская война с представителями полиции и сыска. На некоторых, очевидно, выделившихся городовых устраиваются правильные облавы. Собираются небольшие компании вооруженных хлопцев, которые по вечерам обходят улицы, наблюдая за порядком. Разговор о револьверах, калибрах, системах является одним из самых интересных. Каждый мечтает приобрести револьвер. Организация почти ничем не может помочь, тем более, что почти никто не в состоянии сразу внести полностью всю сумму, необходимую для покупки, а у организации нет оборотного капитала.

Оружие, которое удается добыть, очень плохого качества, одна лишь слава. А между тем, при известной предприимчивости можно было бы это дело обставить недурно, без всякого риска, на чисто коммерческих началах. В воскресенье происходило при закрытых дверях собрание депутатов от Брянского завода, которое постановило—приступить к работам. В понедельник, сегодня все трубы Брянского дымят; что там делается, еще не знаю. В железнодорожных мастерских не позволили даже устроить собрания. Большинство хочет приступать к работам, не выговорив ни одной уступки, даже соглашаясь на невыдачу платы за дни забастовки. Однако, администрация ж. д. мастерских видимо хочет проучить рабочих, гудка и в понедельник не было. Начальство говорит, что пока не получено никакого ответа из Петербурга от министра. Заводы трубный, Эзау, гвоздильный добился 9-часового рабочего дня и других довольно существенных уступок. Администрация Эзау даже не приняла депутацию с требованиями рабочих. Настроение там твердое, уступать пока не хотят, страшно негодуют на изменивших брянцев. Казаки усиленно охраняют Брянский и силой загоняют рабочих на Эзау. Трубным администрация предложила завтра или послезавтра взять расчет. Рабочие смеются: «Знаем мы вас, расчитаете, а потом опять к нам же придете; если же возьмете других, то тем не сдобровать, пойдем с ними в рукопашную». Здесь тоже озлоблены на брянцев, хотят идти снимать их. Таким образом, все заводы, за исключением жел.-дор. депо и Брянского, не работают. Положение членов организации и организованных рабочих довольно дикое. Проникнуть в заводы, вести агитацию невозможно,—во-первых охрана слишком сильна, во-вторых масса не позволяет заикнуться о чем бы то ни было, касающемся чего либо из общих вопросов, а не интересов отдельного завода. На Трубном заводе выступил с речью помощник пристава: «Милые вы мои, зачем вам политикой заниматься, будем лучше сообща от хозяина экономических улучшений требовать». Толпа поддержала его довольно слабо, но во всяком случае, заикаться о политике, о борьбе классов и проч. невозможно. Вообще, эта стачка, затянувшаяся на неделю, протекает

теперь уже совершенно без руководства организации. Общих собраний не устраивается, приходится иметь дело лишь с своими организованными. Дальнейший ход событий, пожалуй, не трудно предсказать.

Скоро все станут на работу, возбуждение стихает,—в некоторых местах лишь на время, в других, как железнодорожные мастерские, убито надолго. Там администрация берет рабочих измором. Бастуют в году они уже третий раз и чтобы окончательно убить в них охоту, выкидывали такие штуки. Начальство давно уже начало донимать их праздниками, царскими днями, целой неделей Пасхи и пр. Рабочие мастерских и требуют и просят теперь лишь одного, чтобы их пустили на работу. Разумеется, принимать их сейчас очень удобно. Уже после второй стачки начальство усиленно вводит сверхурочные работы. Теперь, понятно, производить это оно будет с еще большей смелостью.

Трубный завод и завод Эзау простояли еще неделю и возобновили работу по получении некоторых уступок. Гвоздильный 2 июля еще стоял. Долго держалась типография Яковлева, где рабочие добились удовлетворения всех требований, включая и 8-ми часовый рабочий день.

О СОБЫТИЯХ В ЕКАТЕРИНОСЛАВСКОЙ ТЮРЬМЕ В 1908 ГОДУ

(Документы из «дел» Охр. Отд.)

Телеграмма Харьков Начальнику Охранного Отделения

Из Екатеринослава 12284, 151, 30, 12, 44

Сообщаю копию телеграммы моей и полковника Шределя Департаменту Полиции от 29 апреля допр. 4735 две точки 29 апреля около полдня Екатеринославской тюрьме во дворе возле наружной стены произошел взрыв снаряда, положенного бывшими на прогулке арестантами с целью пролома ограды и одновременно ими открыта стрельба по тюремной страже, но стража не растерялась и, открыв огонь, убила двенадцать арестантов, бросившихся к секретным камерам освобождать важнейших заключенных, крича «души надзирателей», затем во дворе ранено четыре, убито десять арестантов, из них двое взобравшихся уже на крышу пристроенного к ограде корпуса; в камерах при выламливании арестантами дверей убито шесть и ранено двадцать пять арестантов, из тюремной стражи ранен один надзиратель в грудь навылет, иных жертв не было, побег предотвращен, все арестанты на лицо; обыском тюрьмы обнаружена в камерах одна вполне снаряженная бомба, патроны с гремучей ртутью, два браунинга, чистые паспортные бланки с печатями, отмычка, рогатка для перебрасывания писем. Номер 2020 Ротмистр Прутенский.

Верно: подполковник (подпись)

НАЧАЛЬНИК
ЕКАТЕРИНОСЛАВСКОГО
ОХРАННОГО
ОТДЕЛЕНИЯ
Мая 2 дня 1908 г.
№ 2073.

Копия секретно.

ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ
Г. ДИРЕКТОРУ ДЕПАРТАМЕНТА ПОЛИЦИИ
ПО ОСОБОМУ ОТДЕЛУ.

В дополнение моей телеграммы от 29 апреля сего года за № 4735 доношу Вашему Превосходительству, что еще в начале апреля текущего года ко мне в отделение стали поступать агентурные указания на подготовление в местной тюрьме большого побега серьезных арестантов, а равно и проноса с воли в тюрьму браунингов, при чем агентура осветила, что арестант Карышников писал письмо на волю с просьбой пронести

ГРУППА ЕКАТЕРИНОСЛАВСКИХ ПАРТ-РАБОТНИКОВ 1921-22 ГГ.

Впереди: Замарайкин. Федосеев. Клименко. Симонов. Берестов. Иванов.

в тюрьму браунинги и что члены социал-революционной организации, находящиеся на свободе, сносятся с арестантами при посредстве прислуги начальника тюрьмы. Об этом мною было донесено запиской от 11 апреля сего года за № 1722 местному Губернатору, а копия донесения представлена Вашему Превосходительству того-же 11 апреля за № 1725.

Какие были приняты меры для предупреждения побега, мне неизвестно, так как Губернатор по сему от меня личного доклада не требовал. Поэтому, когда я вновь получил сведения, что арестанты в тюрьме деятельно подготовляются к побегу, при чем путем нелегальных письменных сношений некоторые из них, в том числе и некий Полыхалов, опять настойчиво просят социал-революционную организацию о передаче в тюрьму револьверов и денег, я написал 21 апреля сего года за № 1847 о сем начальнику местной тюрьмы, представив копию этого отношения Вашему Превосходительству (за № 1850), губернатору (за № 1851) и начальнику Жандармского Управления (за № 1849).

21 апреля днем при поимке вымогателя-анархиста головнинского мещанина Давида-Тевеля Михелева Друкина полиция арестовала по подозрению в соучастии двух молодых парней, перескочивших при виде полиции через забор. Арестованные назвались: шкловским мещанином Михаилом Николаевым Баскиным и крестьянином Семеном Бондарчеком, у первого в кармане брюк была отобрана записка из тюрьмы, писанная на холсте, в копии при сем представляемая, вполне подтверждающая мои сведения о готовящемся побеге из тюрьмы; второй, по указанию агентуры, является не Бондарчеком, а в действительности членом летучего боевого отряда при местном комитете партии социалистов-революционеров крестьянином Харьковской губернии, Сумского уезда, Ворожбянской волости, Кондратом Павловым Вареником, участвовавшим в вооруженном ограблении на станциях Игрень и Желтые-Воды.

На основании этой отобранной записки я тотчас-же арестовал колонистку колонии Ингулец Харьковской губернии Хаю Лейбовну Гольдину, а также и застигнутого у нее сожителя Лейбу Мордухова Сердюковского, так как Гольдина 19-го апреля была арестована около тюрьмы за сигнализацию с 2-й башней, но, после установки ее личности и безрезультатного обыска, была освобождена.

Вернувшись из полицейской части, после допроса Баскина, Бондарчека и Вареника, вечером 21-го же апреля я получил телеграмму Вашего Превосходительства о подготовлении анархистом Музилем побега Штокмана и Сергея Борисова, почему я направился к Начальнику Управления Полковнику Шределю, доложил ему все вышеизложенное и, указывая, что за достоверность своих сведений я ручаюсь, просил его поддержать в ходатайстве о принятии особых мер предупреждения побега, а именно: 1) производстве повального обыска тюрьмы и прилегающего к ней винного склада, ввиду того, что рабочие его относятся весьма сочувственно к арестантам и ранее были случаи перебрасывания записок и прочего в тюрьму, к чему особых затруднений нет, так как винный склад со стороны тюрьмы самостоятельной стены не имеет, а двор его с четвертой стороны огорожен

стеной тюрьмы, к которой пристроен корпус в 13 камер для содержания политических арестантов, так что воинские часовые за наружной стеной тюрьмы стоят во дворе винного склада. 2) Заковки в кандалы наиболее важных арестантов, о склонности коих к побегу имеются сведения, мотивируя, что они заковываются, как нелегальные бродяги, ибо называть они себя не желают, а они оказались не теми лицами, на имя которых они пред‘явили паспорта, и 3) переодеть их же в арестантское платье.

Полковник Шредель выслушав мой доклад отнесся весьма сочувственно к нему и тотчас-же позвонил по телефону к и. д. губернатора вице-губернатору Шильдер-Шульднеру с просьбой совместно обсудить имеющиеся у меня сведения о готовящемся побеге. И. д. губернатора назначил для этого заседание, которое состоялось 22 апреля в $5^1/_2$ час. под его председательством в следующем составе: Губернский тюремный инспектор статский советник Малама, начальник Губернского Жандармского управления полковник Шредель, я, и. д. полициймейстера Реут и начальник тюрьмы Фетисов.

На этом заседании я доложил все имеющиеся у меня сведения, причем категорически утверждал, что в тюрьме есть динамит и револьверы и что побег будет совершен.

Хотя тюремный инспектор отнесся с недоверием к моим сведениям, но вследствие энергичной поддержки полковника Шределя, вице-губернатор приказал произвести повальный обыск тюрьмы и винного склада, отказавшись лишь своей властью отдать распоряжение о заковке арестантов и переодевании их в арестантские халаты, предложив, с своей стороны, впредь до ответа Министра Внутренних Дел, которого он запросил по телеграфу о разрешении заковки в кандалы, переместить арестантов, подозреваемых в склонности к побегу, в другие камеры, дабы парализовать этим сделанные ими подготовления к побегу, а наиболее важных, по моему указанию, в том числе и Штокмана (был в камере № 10), перевести в, так называемые, секретные камеры, где обыкновенно помещаются приговоренные к смертной казни.

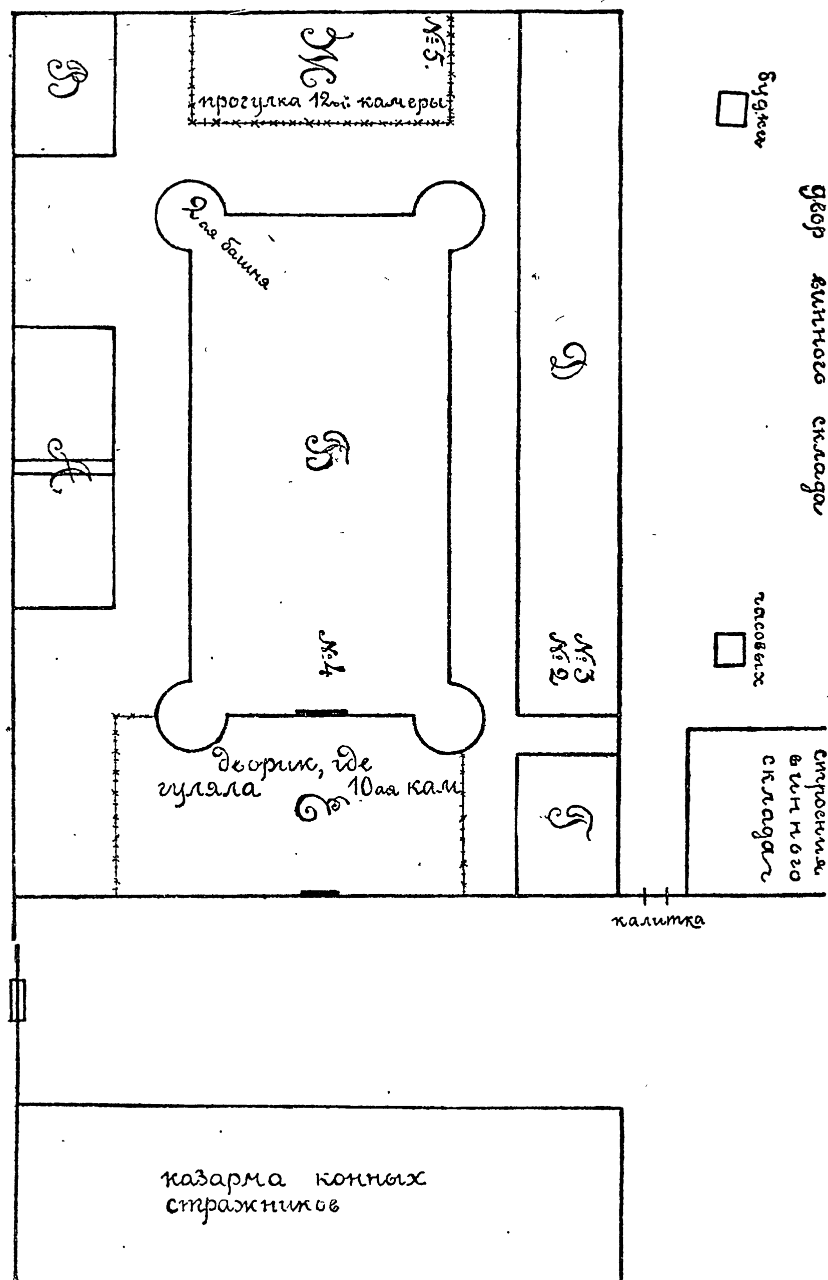
По окончании заседания я лично Начальнику тюрьмы сказал, что хотя, как мне кажется, инспектор относится недоверчиво к моим сведениям, но я еще раз считаю долгом вам сказать, что сведения безусловно верные, и потому советую быть вам на чеку.

На другой день 23 апреля перемещение арестантов в камерах было сделано и обыск произведен, но ничего им обнаружено не было.

26 апреля я вновь получил сведения, что в тюрьме есть около 20 фунтов динамита и что в подготовлении побега играют видную роль арестанты, содержащиеся в 12 камере, о чем мною было доложено Начальнику Управления.

29 апреля в половине часа дня в тюрьме раздался страшный взрыв, а затем стрельба, тюрьма тотчас-же была окружена войсками. Прибыв немедленно по извещении меня в тюрьму и приступив к опросу очевидцев и осмотру места нахождения убитых и раненых, выяснил, что в момент взрыва на прогулке были 10-я и часть 12-й камеры, при чем арестанты

10 камеры гуляли на дворике «Е» (план тюрьмы при сем прилагается), а 12 на дворике «Ж». Взрыв динамита произошел в вынесенном из камеры № 10 для проветривания тюфяке, положенном около наружной стены

дворика «Е» в месте, отмеченном крестом, после чего арестант Грабарев, по революционной кличке «Царица Небесная», сняв кандалы, бросился к заднему строению «Д», стреляя в тюремного надзирателя, стоящего на посту между строением «Д» и двориком «Ж», обежав тюрьму кругом,

преследуя надзирателя, расстрелявшего патроны и побежавшего за ними в корпус «А», но был подворотным надзирателем убит из берданки около 2-й башни (№ 1), при нем был найден револьвер новой системы и записка, в которой он пишет, что он матрос с «Потемкина».

Арестанты Дибинин и Нагорный, бывшие на прогулке в дворике «Е», бросились на крышу здания «Д», но там были убиты (№ 2 и № 3) часовым. При перестрелке Нагорным из имевшегося у него браунинга был тяжело ранен надзиратель Азаркин, остальные арестанты, выломав дверь (№ 4), бросились в подвальное помещение с криком, «души надзирателей», в кухню за ножами с целью освободить важнейших арестантов, сидевших в расположенных в этом-же коридоре секретных камерах, но были встречены выстрелами охранявших их 2-х тюремных надзирателей Кмитта и Солей, при чем при сопротивлении в кухне был убит 1, а в смежной с ней пекарне убито 12 и 1 ранен, в живых осталось там 2 арестанта. Побежавшие в камеру № 10 за бомбой арестанты Колосов и Кишон были в камере: первый убит, а второй ранен. Гулявшие арестанты 12 камеры бросились частью к бане «В», частью на забор проволочной стенки дворика «Ж» в углу (№ 5). Выбежавшим караулом 133 пехотного Симферопольского полка был по ним открыт огонь, причем 8 человек было убито, 4 ранено и 4 оказались невредимыми. Одновременно со стрельбой и взрывом арестанты, находившиеся внутри тюрьмы, подняли крик и стали выламывать двери и окна своих камер, почему тюремными надзирателями была открыта стрельба из револьверов, результатом чего явилось: 2 раненых в камере № 13, 4 раненых и 1 убитый в 1-й следственной камере, 7 раненых и 1 убитый в 12-й камере, 4 раненых и 1 убитый в 15-й следственной камере, 2 раненых в башне в камере № 25.

После прекращения стрельбы было приступлено к обыску тюрьмы, коим в камере № 10 была найдена динамитная бомба, сделанная в тюрьме, так как оболочка ее была сделана из кожи сапога, при взрыве Судебным Следователем 30 апреля в степи оказавшаяся ужасной силы, так что звук взрыва был слышен во всем городе, в 4-й следственной камере отмычки, в 11-й камере нож, в 12-й камере 4 чистых паспортных бланка с печатями Екатеринославской и Нежинской мещанских управ (каковые печати имеются по агентурным сведениям в местной социал-революционной организации), 6 патронов гремучей ртути и рогатка с резиной, для перебрасывания из окна записок на волю.

Опрошенные тотчас-же наружные часовые, а равно и крестьянин Петровской волости и села, Новомосковского уезда, Екатеринославской губернии, Леонтий Трофимов Черноуский, случайно бывший во время и после взрыва во дворе винного склада, показали, что перескакивавших арестантов через ограду тюрьмы не было видно, тем не менее, одновременно с обыском было приступлено к проверке численного состава арестантов, коей подтвердилось, что побега нет и в тюрьме арестанты на лицо.

Такое блестящее предотвращение побега безусловно произошло благодаря тому, что начальник тюрьмы, видимо, серьезно отнесся к предупреждению и был на стороже, ибо в момент взрыва в тюрьме кроме

него и всех трех его помощников, из состава надзирателей в 55 человек на лицо находилось 45 человек.

Побег организовывался, главным образом, социалистами-революционерами, но живое участие принимали в этом и анархисты и социал-демократы.

Агентурой было освещено, что из Астрахани в начале сего апреля приехал в Екатеринослав некий астраханский мещанин Иван Гончаров (сведения о личности на мой запрос еще не сообщены, Начальником Астраханского Губернского Жандармского Управления), который, будучи взят на наблюдение под кличкой «Рудой», вошел в сношение с верхами местной организации с.-р., так как имелись негласные сведения, что он сюда приехал по какому-то серьезному делу партийному, то агентуре было предложено стать как можно ближе к нему. Далее выяснилось, что он прибыл в Екатеринослав с целью организовать побег из тюрьмы; 27-го апреля агентурой и наблюдением было установлено, что он снял квартиру в доме № 7 на Волосской (она-же Гоголевская) улице, говоря, что квартира ему нужна для конспиративных целей на несколько дней, но туда не переезжал; квартира, видимо, снималась для приюта бежавших арестантов. Сносился с тюрьмой он через известную Вашему Превосходительству мещанку женщину зубного врача Полину Абрамовну Штофф.

Неудаче побега много содействовало отсутствие помощи извне, так как в социал-революционной организации было условлено, что побег будет совершен после выхода войск из города в лагери, но арестант Нагорный, который 30 апреля должен был быть казнен, торопил с побегом, почему он и вышел преждевременным.

Вместе с тем мною были получены сведения, что в местную социал-революционную организацию привезено из рудников местечка Кривой-Рог около 20 фунтов гремучего студня и несколько аршин бикфордова шнура, предназначенных для передачи агентурой в тюрьму. Находя недопустимым означенную передачу в тюрьму и в то же время не рискуя провалить агентуру арестом этого динамита, я решил из'ять его агентурным путем и 29-го апреля в 9 часов утра лично, в присутствии Заведывающего наружным наблюдением Полторацкого, потопил в реке Днепре, о чем составил акт, в подлиннике при сем представляемый.

Подлинное подписал и верно:

Ротмистр (подпись)

СПИСОК АРЕСТАНТОВ

убитых и раненых 29 апреля 1908 г. в Екатеринославской губернской тюрьме

Фамилия, имя, отчество.	Лет от роду	Убит или ранен	Политическ. или уголовный
1. Межонный Тит Иванов	19	убит	уголовный
2. Грабарев-Иванов Леонид Степанов	28	»	политическ.
3. Савчик Илья Федоров	18	»	уголовный
4. Нагорный Яков Тимофеев	17	»	»
5. Мерещенко Александр Иванов	22	»	»
6. Степашурин Егор Яковлев	17	»	»
7. Коваль Порфирий Трофимов	18	»	»
8. Сербин Иван Евтихеев	22	»	»
9. Клыков Александр Александров	1[illegible]	»	»
10. Дубинин Александр Евстратьев	22	»	»
11. Щукин Иван Васильев	24	»	»
12. Колосов Федор (Иван Прохоров Попов)	20	ран. смерт.	политическ.
13. Мазур Шулим Ицков	28	убит	»
14. Колесников Павел Семенов	20	»	»
15. Вейсман Григорий Майсеев (Герш Мовшев)	29	»	»
16. Гаращенко Петр Васильев	21	»	»
17. Маркин Михаил Иванов	16	»	»
18. Ваюш Филипп Степанов	22	»	»
19. Орлов Иван Васильев	32	»	»
20. Цукерин Михаил Васильев	24	»	»
21. Романенко Иван Демьянов	19	»	уголовный
22. Гречко Андрей Семенов	24	»	»
23. Гуревич Шай Мордухов	18	»	»
24. Дементьев Петр Андреев	22	»	политическ.
25. Зеленевский Григорий Дем.	18	»	»
26. Марниченко Петр Корнеев	24	»	уголовный
27. Якубович-Фишер Герш Иоселев	28	»	»
28. Андреев-Чарлык Григорий Семенов	26	»	»
29. Низяев Петр Ефимов	22	»	»
30. Четвериков Антон Федотов	23	ранен	»

Фамилия, имя, отчество.	Лет от роду	Убит или ранен	Политическ. или уголовный
31. Лисоволов Тихон Феоктистов	25	ранен	уголовный
32. Колодяжный Илларион Тимофеев	22	»	политическ.
33. Губка Тихон Огвинов	21	»	уголовный
34. Бушуев Александр Иванов	28	»	политич. (по Горл. делу)
35. Чепурин Максим Николаев	19	»	уголовный
36. Серегин Йван Григорьев	21	»	»
37. Просяной Василий Павлов	31	»	»
38. Сытченко Иван Владимиров	22	»	»
39. Вихров Павел Михайлов (Карл Овсянников)	30	»	»
40. Плахотников Максим Акимов	20	»	»
41. Кирьякулов Кирилл	24	»	»
42. Котов Николай Андреев	21	»	»
43. Шевченко Иван Евграфов	26	»	политическ.
44. Рябоволов Алексей Александров	18	»	уголовный
45. Стриж Владимир Матвеев	22	»	»
46. Либман Абрам Зельманов	23	»	политическ.
47. Шульгин Григорий Иванов	19	»	уголовный
48. Добронравный Валерий Трофимов	16	»	»
49. Рывкин Герш Давидов	23	»	»
50. Горлов Виталий Акимов	23	»	»
51. Хацкелевич Илья Гершев	30	»	политическ.
52. Шустер Даниил Соломонов	18	»	уголовный
53. Овсянников Сидор Александров	35	»	»
54. Глускин Мейер Соломонов	22	»	полит.-угол.
55. Кишон Адольф Станиславов	20	»	уголовный
56. Паденко Емельян Вадимов	30	»	»
57. Федосеев Сергей Петров	25	»	полит.-угол.
58. Бараник Михаил Иванов	17	»	уголовный

Начальник Екатеринославского Охранного Отделения
Ротмистр (подпись)

Примечание: Классификация на «политических» и «уголовных» проведена, повидимому, не совсем точно: из указаний, по каким статьям привлекаются тот или иной из перечисленных, в списке видно, что некоторые «уголовные» привлекаются по 102 ст., что явно несообразно. Кроме того, часть арестованных отнесена к уголовным за «экспроприации», вооруж. нападения из анархистских или иных групп, занимавшихся террором.

Редакция.

ПИСЬМО ИЗ ТЮРЬМЫ

Избиение в Екатеринославской тюрьме

Материалы Охранного Отделения

Четыре месяца тому назад, 29 апреля сего года в Екатеринославской тюрьме разыгралась дикая бойня, стоившая жизни 35 заключенным (убитым на месте и умершим от ран), стоившая здоровья 26 заключенным (получившим более или менее тяжелые раны). Но эта бойня произошла почти не замеченной русским обществом, а печать не могла осветить этого кровавого дела. Тюремная администрация, подготовившая и выполнившая бойню 29 апреля не только не понесла ответственности за свои злодеяния, но получила многочисленные выражения благодарности и одобрения и от ближайшего своего начальства и от представителей власти

После 29-го 800 человек арестантов, заключенных в Екатеринославской Губернской тюрьме, остались в руках обласканных начальством палачей, лишенные всякой защиты. В тюрьме установились новые порядки. И порядки эти таковы, что даже на мрачном фоне всеобщего заушения, бесправия и произвола, характеризующих нашу действительность, Екатеринославская тюрьма должна была-бы привлечь к себе внимание общества.

На другой день после бойни, 30 апреля, тюрьма получила несомненные доказательства того, как решила администрация воспользоваться выгодами своего нового безответственного положения. Если избиения заключенных, происходившие во всех коридорах тюрьмы, еще недостаточно ясно выражали новый курс, принятый администрацией, то никакого сомнения не оставляло появление среди тюремных надзирателей новой фигуры. 30-го апреля тюремная администрация отворила камеру-одиночку, где сидел палач и пустила его свободно гулять по всему тюремному двору, по всем корридорам. Палач этот (по фамилии Гришин) был доставлен в тюрьму уже давно, и до 29 апреля тюремное начальство скрывало его от глаз заключенных. 30 апреля его выпустили из одиночки. Палач свободно ходил по тюрьме, подходил к окнам и дверям камер, останавливался перед заключенными и издевался над ними. Он сидел вместе с надзирателями на площадке лестницы и когда мимо него проводили в карцер какого нибудь арестанта, он бросался к арестанту, бил его по лицу и ударами провожал его до самого карцера. Палач подходил к окнам женских камер и громко укорял надзирателей, зачем те не воспользовались женщинами во время бойни. «Я бы натешился», кричал палач под окнами женских камер.

и сочувственный хохот надзирателей, которым они награждали шутки палача, ясно говорил заключенным, что в следующий раз советы палача будут приняты надзирателями во внимание. Палач подходил к дверям женских камер и, притаившись за прозуркой, подзывал к себе одну из заключенных. И когда заключенная подходила к двери, он быстро просовывал руку сквозь прозурку и нечистыми пальцами своими колол заключенную в глаз. Подолгу останавливался палач перед окном подвальной секретки, где сидели приговоренные к казни. Он наклонялся к самой решетке. «А вот посмотрю на сволочь, которую буду вешать», говорил он, осыпая смертников площадной руганью и насмешками. И надзиратели окружали палача и весело смеялись его остроумным шуткам.

Трудно передать словами, что чувствовали арестанты, прислушиваясь к этому смеху, к этим издевательствам. Прогулки палача по тюрьме продолжались приблизительно три недели. Затем начались казни, и палача провели в другую тюрьму, поближе к месту «приведения в исполнение смертных приговоров». Заключенные больше не видели Гришина. Но его смех еще долго раздавался в тюрьме. Его смех раздается в тюрьме еще и в настоящее время. Заключенные остались во власти людей, отличившихся 29 апреля и открыто братавшихся после своих подвигов с палачем. А эти люди воспользовались, как умели, своей властью и безответственностью.

Начались избиения заключенных. Первые из этих избиений явились как бы продолжением бойни 29-го. Из камеры, пытавшейся бежать 29-го, уцелело после бойни лишь два, Чайка и Таран. Их обоих в тот-же день избили до полусмерти и бросили в тюремный карцер. В этом смрадном каменном мешке оба заключенных валялись 9 дней. И в течение первых пяти дней их систематически избивали по два раза в сутки—на утренней и вечерней поверке. 30 апреля из тюремной больницы взяли в карцер Чабанова, больного чахоткой, его избили с такой жестокостью, что кровь шла у него горлом. Избивали его за то, что якобы он выломал в больничной палате тяжелую дверь, отворившуюся в действительности от силы взрыва, 29 апреля. В тот-же день бросили в карцер двух уголовных старост Сегеду и Бадеша, их держали в карцере по семи суток и избивали якобы за то, что они знали о приготовлениях к побегу. В действительности же избивали их, требуя от них денежного выкупа. Под различными предлогами в первые дни после 29-го, таким образом, было избито и забрано в карцер больше 20 человек. Избивали всех, кого волокли в карцер, но карцеры не могли вместить всех избитых и многие избитые оставались в камерах. 30 апреля старший надзиратель Белокоз, главный герой бойни, избил шашкой политического заключенного Ткаченко-Петренко за то, что тот не успел встать при проверке. Избитого надзиратели поволокли в карцер, осыпая его по дороге ударами. Перед дверьми карцера его несколько раз подымали за руки и ноги в воздух и с силой бросали на пол.

В 6 камеру, которая не встала к проверке, как не вставала никогда до 29 апреля, надзиратели ворвались толпой и избили здесь всех арестантов поголовно. Другие камеры оказались в этот день более счастливы: в них избиения носили менее общий характер. Но не было в этот день почти ни

одной камеры, в которой проверка прошла-бы совсем без побоев. Надзиратели подходили к тому или другому арестанту «А-а, сволочь, политика, будешь теперь нам покоряться, будешь нам подчиняться». Вслед за этими словами на заключенного сыпались удары по лицу.

Такое подтягивание тюрьмы продолжалось в течение всего мая месяца. Весь этот месяц среди чинов тюремной администрации шло повальное пьянство: пропивались деньги, найденные у убитых 29 апреля, добытые при обыске тюрьмы, полученные в награду за ревностную службу от начальства. Надзиратели являлись на службу пьяные с красными рожами, часто едва держась на ногах. В коридорах тюрьмы целыми днями раздавались звуки пьяных, разухабистых песен, то дикая безобразная ругань. Прерывалась эта музыка лишь звуками ударов и стонами избиваемых. Иногда помощник начальника Вержбицкий, оказавшийся после 29-го во главе управления тюрьмой, приходил в тюрьму пьяный. В эти дни избиения шли беспрерывно от утренней проверки до вечерней. Вержбицкий собственноручно бил арестантов, затем приказывал надзирателям тащить их в карцер и лично следил за тем, чтобы их били как следует вплоть до карцера. Так, 9-го мая без всякого повода, не стараясь даже оправдать своих действий каким бы то ни было благовидным предлогом, Вержбицкий избил и отправил в карцер Щербакова, Гапеева, Кузнецова и др., не пытались оправдать своих подвигов какими-бы то ни было предлогами и надзиратели.

Так, однажды, при обычной проверке, надзиратель со всего размаха ударил подследственного Кузнецова молотом, которым выстукиваются по вечерам железные решетки в окнах. Ударил он его прямо по обрезку ампутированной около плеча руки просто «так себе», из озорства. И ни арестантов, ни представителей тюремной администрации эта дикая выходка ничуть не удивила. Ведь заключенных разрешено было бить и каждый надзиратель мог использовать это разрешение по своему.

Сперва арестанты думали, что избиения прекратятся 29 мая, что разрешение бить всех и каждого дано тюремной администрации только на месяц. Это мнение держалось также и среди надзирателей тюрьмы. Но прошло 29 мая, а режим в Екатеринославской тюрьме не улучшился ни на волос. Напротив того, как раз 30-го мая ознаменовалось в тюрьме избиением, которое по своей гнусности превзошло все предшествовавшие избиения этого месяца.

31 мая в тюрьме происходил обычный обыск. Приводя в порядок перевернутые во время обыска вещи, заключенные 10 камеры нашли в полу большое отверстие. По положению этого отверстия они догадались, что оно было проделано заключенными, сидевшими здесь до 29 апреля и что проделано оно для хранения чего то, быть может самых взрывчатых веществ, из которых был приготовлен подложенный 29 апреля под стену тюремной ограды снаряд. Перепуганные арестанты сообщили о своей находке администрации. Администрация решила действовать со всей строгостью и энергией.

1-го июня в 10 камеру ворвалась толпа надзирателей с Белокозом и Вержбицким во главе. Скомандовав всем заключенным «руки вверх», они

с руганью приказали арестантам отдать то, что те вынули из полу. Но само собой разумеется, что арестанты не могли исполнить этого нелепого требования. Тогда Белокоз выхватив револьвер и приставив его к груди ближайшего арестанта, приказал надзирателям стрелять. Вержбицкий поддержал Белокоза, грозясь «перепулять всех до единого». С трудом удалось арестантам доказать начальству, что все они переведены в 10 камеру после 29-го и что, поэтому, ни один из них не мог ничего знать об отверстии в полу. Начальство смягчилось и решило даровать жизнь арестантам. Раздалась команда «выходи в коридор». В коридоре всех арестантов заставили раздеться до гола под предлогом обыска. Но лишь только разделись они, надзиратели набросились на них, осыпая их ударами по нагому телу. Били кулаками, ногами, шашками, кушаками—чем попало. Избитых арестантов загоняли обратно в камеру, прогоняя каждого сквозь строй кулаков, сапог, шашек. Но этой гнусной расправой не удовлетворились палачи. В камеру снова ворвалась озверелая банда. Белокоз велел арестантам выстроиться попарно, отсчитывая через два человека пару, 14 человекам из 28 он велел снова выходить в коридор. Здесь их снова заставили раздеться до гола, снова избили, а затем избитых и полуодетых, осыпаемых по дороге ударами, погнали в карцер. Это было 1 июля. И по этой сцене арестанты поняли, что бить всех и каждого предоставлено надзирателям не на один только месяц. Избиения продолжались.

Нет такого пустого предлога, по которому только не избивали и не брали в карцер заключенных в Екатеринославской тюрьме. Вот несколько примеров. Богдана взяли в карцер за то, что он, проходя мимо секретки, поклонился товарищам. Жедыка избили и взяли в карцер за то, что он поклонился приведенным в тюрьму женщинам. Новака избили и взяли в карцер за то, что он подошел к двери после проверки. Коновалова (больного человека) взяли в карцер и избили за то, что он поздоровался на прогулке с знакомым. Одного заключенного избили за то, что на проверке он не стоял босыми ногами на каменном полу (как этого требовала после 29-го от каторжан администрация), но подложил под ноги казенные коты: его избили за порчу казенного добра. Был целый ряд случаев избиений арестантов за широкий пояс, за шапку, одетую, по мнению надзирателей, не там где следует, за папироску, закуренную по мнению надзирателей не во время, за приближение к окну, за громкое слово в камере и т. п. Были еще более нелепые случаи. Избивали и брали в карцер за просьбу вызвать к врачу, за обращение с незначительной просьбой к помощнику начальника.

Один арестант, оправданный накануне судом, на утренней поверке обратился к помощнику с вопросом, когда ему выходить на волю. Помощник распорядился и этого арестанта избить и взять в карцер. В этом случае, впрочем, заключенный отделался недорого: через два часа, после того, как его бросили избитого в карцер, в контору тюрьмы принесли из суда бумагу об освобождении его из-под стражи, и прямо из темного карцера его выпустили на волю—конечно побив добавочно под воротами. Другие арестанты, обращавшиеся с просьбами к начальству, несли за свою дерзость более серьезную ответственность. Например, военный фельдшер Дувин обратился в мае к начальнику

с просьбой разрешить арестантам получить кипяток, которого вся тюрьма после 29-го апреля была лишена в виде наказания. За эту дерзость Дувин был жестоко избит, избит до потери сознания. Целую неделю его держали в темном карцере, затем еще месяц в светлом. Но считая, что и этого мало, начальник тюрьмы распорядился еще переодеть в уголовно-арестантское платье.

Некоторые из заключенных пытались жаловаться на избиения посещавшему тюрьму начальству. Поздняков жаловался губернатору, Горбенко—прокурору. Обоих после от'езда начальства из тюрьмы постигла одинаковая участь, обоих после от'езда начальства избили. Вообще в Екатеринославской тюрьме избивали за каждую жалобу, например: Кочетков пробовал жаловаться товарищу прокурора на то, что при обыске надзиратели рвали в клочки пропущенные прокурором письма. Через несколько дней и Кочетков был избит и отправлен в карцер якобы за то, что он разогревал себе вечером чай на лампе. Но невозможно перечислить всех избиений, которые производились за последние месяцы в Екатеринославской тюрьме. Избивались здесь одинаково политики и уголовные, осужденные и подследственные, мужчины и женщины, больные и здоровые. Да, и этот ужас был в Екатеринославской тюрьме:—озверелые надзиратели избивали здесь женщин наравне с мужчинами, больных умирающих—наравне с здоровыми. Вот несколько случаев избиения заключенных женщин: Белокоз собственноручно избил по лицу Дранову и Чубенко, обратившихся к нему с просьбой о выдаче им, как осужденным, казенного платья. Одну женщину, вновь приведенную в тюрьму, избили под воротами. Другую заключенную надзиратель ударил, когда она возвращалась в свою камеру от врача. Алексееву, которая заметила при этом надзирателю, что он не имеет права драться, надзиратель с силой ударил связкой ключей. А когда Алексеева на поверке принесла жалобу на нанесенные ей побои, то в ответ услышала: «раз побили тебя, значит было за что, зря здесь никого не бьют».

Но, быть может, бесконечно тяжелее этих случайных избиений, были для женщин, заключенных в Екатеринославской тюрьме, те издевательства и оскорбления, которым подвергались они со стороны тюремной администрации систематически изо дня на день, с утра до позднего вечера.

Трудно представить себе до чего доходят издевательства тюремной администрации над заключенными в Екатеринославской тюрьме. Не говоря уже об унижениях, которым подвергаются арестанты, выходя оправляться в уборную, выходя на прогулку, во двор, выходя на свидания, выходя в баню, даже обращения к врачу тюремные надзиратели сумели превратить в нравственную пытку.

Каждого больного, который просится к врачу, прежде всего освидетельствует больничный надзиратель. При этом нередко происходят безобразные сцены, вроде следующей: из камеры кто-то просится к врачу. «А ну, выходи-ка сюда, в коридор, кто там у вас больной», приказывает больничный надзиратель. Выходит юноша (худой, бледный, с изможденным лицом). «Что у тебя болит».—«Грудь болит, руку в суставах ломит...» «А ну, покажи где болит». Юноша засучивает рукав, растегивает ворот рубахи, обнажает худую высохшую руку и такую же худую грудь. Вдруг

надзиратель отхаркнул слюну, плюет полным плевком на обнаженную грудь арестанта и на его голую руку.—«Вот тебе лекарство, ступай обратно в камеру». И втолкнув растерявшегося арестанта в камеру, надзиратель захлопнул за ним дверь. Такие сцены не редкость в Екатеринославской тюрьме. Редки, наоборот, такие дни, когда появление на коридоре больничного надзирателя обходится без плевков, оплеух и затрещин, но и те, кого больничный надзиратель признал заслуживающим вызова в больницу, даже эти больные ничем не гарантированы от побоев. Тюремный врач Данилов сам не осматривает больных, предоставляя амбулаторное лечение всецело на усмотрение своего фельдшера. Последний и по уровню своих знаний, и по своему отношению к больным ничем не отличается от надзирателей. Очень часто, признав больного арестанта здоровым, он обращается к сидящим на площадке возле аптеки надзирателям с просьбой «полечите вы его, хлопцы». И хлопцы принимаются за работу, подхватывают больного, бьют его по чем попало и ударами гонят его в карцер; перед дверьми карцера валят на пол, топчут ногами, подымают за руки и ноги в воздух и бросают изо всей силы на землю. Затем, заперев за своей жертвой двери карцера, с хохотом возвращаются на свою площадку: «Полечили, здоров будет».

Но больные не всегда выздоравливают после такого лечения. 8 июля к врачу попросился персидский подданный Мамет-Карболай-Агли, больничный надзиратель признав его после осмотра больным, взял его в приемный покой, но фельдшер разошелся с надзирателем в диагнозе и, найдя Карболая здоровым, поручил дальнейшее лечение его надзирателям. Карболая вместе с другим больным, Тихоном Губкой, жестоко избили и бросили в карцер. После карцера состояние здоровья несчастного значительно ухудшилось, ухудшилось настолько, что он решился даже просить старшего надзирателя о выдаче ему больничной пищи. «И хоть околеешь, а больничной порции не получишь», ответил ему Белокоз. Через пару дней Карболай не мог уже подняться на поверку. Тогда его взяли в больницу, где он и умер на 3-й или 4-й день. Умер Мамет-Карболай-Агли со всеми признаками цынги. Больного умирающего его били и держали в карцере за то, что он зря побеспокоил фельдшера своей болезнью...

Рядом с этим ужасным событием бледнеет все, что можно сказать об Екатеринославской тюрьме. Но необходимо упомянуть еще о некоторых случаях тюремных избиений.

После 29-го апреля в Екатеринославской тюрьме установился обычай бить всех вновь приводимых арестантов. Их бьют по лицу, по голове, и по чем попало под воротами, бьют по дороге через двор, бьют на лестнице, и в коридоре, провожают ударами до самой камеры. Иногда бьют за то, что шапки не снял, иногда за то, что вещей много принес с собой, иногда бьют без всякого повода. Иногда во время избиения надзиратели кричат избиваемому: «здесь тебе не гостиница, а тюрьма», иногда бьют и приговаривают «будешь нам покоряться». Иногда сопровождают удары криками, «научим тебя, как на воле» руки вверх «командовать». Иногда бьют молча и просто ругаясь непристойными словами. Первые месяцы избивали вновь приводимых кулаками, сапогами, ключами, ручками, револьверами, ножнами

шашек. В августе пошла в ход и нагайка. Но эти избиения вновь приведенных применяются с неравной жестокостью к различным заключенным. Большинство отделывается каким-нибудь десятком тычков и пощечин. По отношению к другим эти избиения носят характер настоящих истязаний. Так, Гутмахера, арестованного в конце июня при экспроприации с вооруженным сопротивлением, тюремная администрация систематически избивала в течение 3-х недель почти ежедневно, гоняя его через всю тюрьму из темного карцера в светлый, из светлого снова в темный и т. д. И эти истязания продолжались до последнего дня, когда Гутмахер был повешен по приговору военно-окружного суда, разобравшего его дело со скоростью, о которой не слышно было у нас с самой отмены военно-полевых судов. В первый раз били Гутмахера в день его ареста. Последний раз били его в день казни.

Но Гутмахер не был единственным смертником, которого избили в Екатеринославской тюрьме перед казнью. После 29 апреля избиения смертников сделались в тюрьме столь-же обычны, как избиения вновь прибывающих или избиения отправляемых в карцер. Достаточно вызываемому на казнь сказать последнее слово прощанья остающимся товарищам и надзиратели с шашками и револьверами как дикие звери бросаются на него, бьют по лицу, по голове, кидают на пол, топчут ногами, бьют до бесчувствия, обливают холодной водой и снова бьют, бьют вплоть до тюремных ворот, где ждет несчастного конвой, который должен вести его до места казни. Так избивали перед казнью Орлова, Полыхалова, Сокольченко и многих других. И не видно в тюрьме близкого конца этим издевательствам и истязаниям. Палачи уверены в своей безответственности, уверены, что все вытворяемое ими над беззащитными арестантами останется скрытым в стенах тюрьмы. Заключенные знают, что им негде искать защиты, некому жаловаться. И арестанты молчат, так как бесплодны и бесцельны были-бы их протесты.

Четыре месяца изо дня в день избивают людей. Они молчат, так как не могут сопротивляться, не могут протестовать. Но молчит и общество, которое даже при всеобщей подавленности могло-бы возвысить свой голос в защиту истязаемых. Общество молчит... Быть может, молчит оно потому, что не знает тех ужасов, которые творятся в немых стенах тюрьмы. Всех этих ужасов нет сил передать словами. И я не пытался изображать в ярких красках ужасы тюремной жизни, не пытался и оценивать их по достоинству. Я сообщил лишь несколько фактов. Быть может и они произведут впечатление на тех, кто имеет уши, чтобы слышать. Но может быть факты, сообщенные мною, покажутся невероятными. Пусть-же те, кто усумнится в правдивости того, что сообщил я в этом письме, попытаются проверить каждое слово моего письма. Каждое слово его может быть подтверждено десятками и сотнями свидетелей.

Пока эти свидетели молчат, так как каждый знает, что ждет его за попытку протестовать. Но пусть общество возвысит свой голос в защиту истязаемых. И свидетели заговорят. Заговорят самые камни, орошенные за эти месяцы не раз горячей кровью. Тогда станет известна вся правда об ужасах, происходивших после бойни 29-го апреля в мрачных стенах Екатеринославского тюремного замка.

РОССИЙСКАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТИЯ

ПИСЬМО К ЕКАТЕРИНОСЛАВСКИМ РАБОЧИМ[1])

Товарищи! Каждый из нас знает, что в Мариуполе произошло 14 июля столкновение рабочих с войском, последствием которого было убийство многих из наших товарищей. Екатеринославский Комитет, узнав об этом столкновении, решил собрать возможно полные сведения, как о самом ходе столкновения, так и о причинах его. И вот те сведения, которые нам удалось собрать. При страшных июльских жарах администрация заводов совершенно не заботилась о том, чтобы вода, которой поминутно приходится утолять жажду, была хоть мало-мальски сносна. Обыкновенно чанов не моют, вода застаивается, в ней накопляется пыль и опилки, которые делают воду решительно негодной для питья. Рабочие завода «Провиданс» обратились к администрации завода через депутацию из 3-х человек с просьбой о том, чтобы администрация приняла меры для улучшения воды, которая не отравляла бы людей, и чтобы незначительно была повышена заработная плата, а рабочие завода Никополь-Мариупольского Общества (находящегося близ ст. «Сартана» Ек. ж. д.) к требованию об улучшении воды присоединили требование об увеличении заработной платы на 50%. Обращаясь с этими требованиями, рабочие заявили, что они, в случае неисполнения их требований, бросят работу. Но вместо того, чтобы исполнять справедливые требования рабочих, администрация усмотрела в них бунт и обратилась за содействием для усмирения «бунтовщиков» к полиции и жандармам и передали в их руки депутацию рабочих. Возмущенные таким наглым поступком рабочие в негодовании бросились на заводы, потушили доменные печи и стали громить мастерские. Полиция тотчас же арестовала 80 человек, часть которых заперла в какой-то цейхгауз, а часть отправила под конвоем в другое помещение. Еще более возмущенные таким насилием, рабочие толпой бросились за арестованными и освободили их, рассеяв конвой. Вместе с освобожденными рабочие бросились в рассыпную. Последовал залп в спину бегущей беззащитной толпы и на месте остался один убитый и несколько раненых. Рабочие, скрепя сердце, оставив своих раненых товарищей и убитого на месте, отправились к месту содержания своих товарищей с целью освободить и остальных. Тут произошло об'яснение между офицером и рабочими, во время которого один из рабочих дал пощечину офицеру.

[1]) По техническим причинам (отсутствие в новых шрифтах букв старой орфографии) приводимые документы поданы по новой орфографии.

Редакция.

Офицер, выстрелом из револьвера, убил его наповал. Обезумевшая от негодования толпа стала бросать камнями в солдат: последовал залп и опять оказались убитые и раненые.

Мы не могли, несмотря на свое желание, узнать точное число убитых и раненых, так как полиция старалась скрыть это число, но ходят упорные слухи, что число убитых доходит до 30-ти человек; нечего и говорить, что число раненых должно быть гораздо больше. Все-же рабочим удалось вырвать из рук полиции несколько трупов, которые в скором времени были убраны цветами, были зажжены свечи и рабочие пропели несколько из своих рабочих песен. Солдаты стояли смирно. К вечеру прибыли войска из Екатеринослава на подкрепление мариупольского гарнизона. С наступлением ночи, рабочие разошлись по домам, а на следующий день под давлением штыков и пуль взялись за работу, решив, что требований своих они не оставят и повторят их при первом удобном случае.

Товарищи! Такие столкновения происходят чуть-ли не каждый день по всей России. Везде хозяева усматривают в малейших, вполне законных, требованиях наших бунт и тут же находят верного друга, помощника и радетеля их интересов в лице правительства. Правительство никогда даже не выслушает об'яснений рабочих, а всегда откликается на первый зов хозяев и отдает в их распоряжение штыки и пули, которые делают свое дело: выбивают из нашего строя одних, а других загоняют в мастерские, где все остается по прежнему.

Товарищи! Вы видите из этого, как лживы уверения нашего правительства, что оно заботится о наших интересах! Можно ли после этого верить правительству, что оно хочет улучшить наше положение? Вы знаете, что теперь на всех заводах усилен штат полиции, которая своими шпагами и револьверами должна подавлять малейшую нашу попытку, хотя немного улучшить свое положение. Все это ясно показывает, что наше правительство является для нас таким же врагом, как и наши хозяева, но более сильным, и от него нам ждать нечего. Будем-же надеяться на самих себя, будем раскрывать глаза тем из наших товарищей, которые еще продолжают верить в благие желания правительства. Всякая наша борьба с хозяевами должна быть в то же время борьбой с правительством и мы не положим оружия до тех пор, пока не добьемся права стачек, собраний, права свободно выражать свои желания, защищать свои интересы, не боясь быть посаженными в тюрьму или быть застреленными солдатами. А всего этого мы только тогда добьемся, когда все будут организованы.

Организуйтесь-же в союзы, составляйте тайные кассы в 5, 10, 20 чел., с каждого союза выбирайте по одному человеку, которому все члены союза более всего доверяют; пусть эти люди сходятся между собой для решения всего того, что касается нас всех; пусть каждый союз имеет своего кассира, который должен будет собирать и хранить взносы членов союза (20-25 к. в месяц), а эти деньги пригодятся на случай стачки. У нас работы много, но мы ведь привыкли работать. Так за работу товарищи! Будем-же все помнить, что у нас есть враг—это хозяева. Мы с ними легко справились-бы, если-бы нам не мешало наше правительство. Значит у нас теперь два

врага. Будем-же бороться с ними обоими. Штыками и пулями нас не победить, раз мы будем представлять из себя одно. Становитесь же под знамена Российской Социал-Демократической Рабочей Партии, добивающейся уничтожения хозяев и правительства.

Но помните, товарищи! Приглашая вас на борьбу, на самую жестокую борьбу, мы против уничтожения мастерских, машин или частных построек, против насилий, оказываемых часто во время стачек над отдельными лицами и между прочим, над евреями. Поймите, братья, что мастерские, заводы, машины, созданы нашим трудом, облиты нашим потом и кровью— они наша собственность.

Но если мы ими не пользуемся, то только потому, что хозяева берут все это в свои руки и находят в этом поддержку со стороны правительства. Зачем же нам уничтожать то, что нам принадлежит по праву? Когда мы победим наших хозяев, то все то, чем они теперь владеют, будет принадлежать нам. Зачем же нам все это ломать и уничтожать? Воздержитесь от этого, товарищи. Зачем нам бить евреев, как это часто бывает во время стачек? Между евреями есть такие же рабочие как и мы, которые ничего не имеют, кроме рук, которыми они также работают, как и мы. Есть между евреями и хозяева, капиталисты, но они такие-же враги нам, как и наши русские купцы, заводчики и фабриканты. Всякий пролетарий—рабочий, будет ли он еврей, русский, поляк, немец, француз—наш брат. Каждый из них хочет, чтобы все, что они производят, принадлежало всем, а не отдельным лицам. Каждый же хозяин—капиталист, будет-ли он русский, немец, поляк, еврей—наш враг, потому что мы все на них работаем, потому что они ничего не делают, а забирают в карманы барыши, потому что они собственники всего того, что мы сработаем. Вспомните, что петербургские рабочие во время стачек 1896—1897 годов, не только не ломали мастерских и машин, но не было видно ни одного пьяного из рабочих.

Правительству и хозяевам выгодно, чтобы мы ломали мастерские, ибо в этом случае они могут придраться и пустить в ход оружие, а когда все покойно им придраться не к чему. Будем же подражать нашим более опытным товарищам, рабочим Петербурга и других городов.

Екатеринославский Комитет
Российской Социал-Демократической Раб. Партии.

Сентября 1899 года.

РОССИЙСКАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБ. ПАРТИЯ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

К рабочим и работницам г. Екатеринослава

Сознательные и организованные работники и работницы нашего города заявили в прокламациях свою решимость выступить 17 февраля в открытой уличной демонстрации с протестом против гнусного самодержавного правительства, правительства штыка и нагайки. Этого открытого и смелого заявления со стороны рабочих достаточно было, чтобы поставить на ноги всю местную полицию, начиная с губернатора и кончая последним шпионом, чтобы взбудоражить всех тех, кто хорошо и сытно кормится от нашего самодержавного правительства. В течение целой недели у губернатора шли совещания всей «стаи славной», опоры царя и отечества: Его Сиятельство фон-Келлер, жандармский генерал Делло, полицийместер и просто пристава и даже помощники приставов,—все братались как равные, все вместе придумывая, как бы получше задушить смелую попытку Екатеринославских рабочих. Были приняты все меры. Произведено было массу арестов и обысков. Солдатам своевременно розданы были патроны. В день демонстрации, в воскресенье, вся Чечелевка зан'ята была войсками и отрезана от города. В тот же день, с 2-х часов дня, обыковенно шумный и людный Проспект представлял собою необычайное зрелище: кроме полицейских чинов, на нем почти не видно было ни единой живой души. Всех прохожих буквально гнали в шею, не давая ни прохода, ни выхода. По временам только, то здесь, то там, появлялись фигуры обывателей. Масса войска стояла по дворам и марширувала по Проспекту. Город очутился вдруг на военном положении, и можно было подумать, что на нас напали какие-то неведомые вражеские полчища. Но нет, то бушевала собственная полиция, предводительствуемая губернатором, раз'езжавшим, как перед сражением, верхом на коне. Вся стая черных воронов, дармоедов, нахлебников у народа, имея за спиной сотни вооруженных солдат, собралась во что бы то ни стало задавить этот самый народ, заткнуть ему глотку, не давать говорить. Но народ сильнее, чем его нахлебники. В ту самую минуту, как граф Келлер важно и самоуверенно раз'езжал по Проспекту, под самым сиятельным губернаторским носом, появилась дружно сомкнутая масса смельчаков, заводских рабочих и городских ремесленников,

развернула красное знамя, на котором красовались слова: «ДОЛОЙ САМОДЕРЖАВИЕ!», «ДА ЗДРАВСТВУЕТ ПОЛИТИЧЕСКАЯ СВОБОДА!» и с этими же криками ринулась вперед. Но масса была безоружна. Со всех сторон налетела на нее стая хищных коршунов: пристава, околодочные и городовые, с шашками на голо, выхватили из толпы семь человек и отправили в участок. В это же время, другая масса рабочих с развернутым знаменем, с пением рабочей марсельезы, двинулась от Нового театра и прошла беспрепятственно пять кварталов, по Петербургской и Крестовой, сопровождаемая большим стечением сочувствующей публики. Одновременно с этой второй произошла третья демонстрация на Троицком базаре. Все эти демонстрации были мирные и торжественные. Рабочие были вооружены не шашками и револьверами, а знаменами и смелостью. Ибо своими демонстрациями, всем движением своим, рабочие преследуют одни лишь мирные цели.

Нигде так скверно не живется рабочему, как у нас. Во всех государствах угнетают рабочего человека, но там ведется открытая и разрешенная законом борьба против угнетателей. В других странах рабочий организуется, устраивает союзы, отстаивает себя, улучшает свое положение; только у нас в России, беспомощность рабочего человека не имеет границ и предела. Кто только верхом на нем не ездит, перед кем только он спины не гнет? Малейшее затишье в делах, и кто первый беспомощно опускает руки, кто первый оказывается на улице, без крова, без хлеба, без надежды впереди? Кто, как не многострадальный русский рабочий? И отчего это так? Оттого, что в нашем рабочем не хотят признать человека, на него смотрят как на скотину. Надрывайся над работой, гни спину, ломай шапку перед всяким прохвостом—начальством, всяким прохвостом—мастером и не смей рта раскрыть—такова правда нашего самодержавия. За всякий союз, за всякую организацию, за малейшую попытку постоять за себя, рабочий платится тюрьмой, ссылкой, еще больше жизнью. К счастью, стремление постоять за себя, жажда лучшей, более свободной жизни сильнее, чем боязнь перед тюрьмой, ссылкой, казацкой нагайкой и даже пулей. Это доказывает все чаще и чаще повторяющиеся открытые протесты русского рабочего класса; это лишний раз доказали наши демонстрации 17-го февраля. Полиция вырвала десятки рабочих из наших рядов, думая задушить демонстрацию, но нет, горько ошиблась она, пусть хватают не десятки, а сотни рабочих, им быть-может удастся вырвать несколько десятков борцов, но не заглушить наше рабочее движение, движение против гнусного строя насилия, тиранства, тюрьмы, штыка и нагайки, движение против русского самодержавия. Мы будем бороться до тех пор, пока на место, обагренного кровью наших братьев, трона, мы водрузим знамя свободы, под которым расцветет счастье для рабочего народа. Встань, подымайся, рабочий народ!!!

Братья-рабочие! Соединяйтесь в союзы, организуйтесь, зорко глядите и старайтесь понять, что делается кругом вас. Всюду, не в Екатер. только, подымается кулак работника. В Петербурге, Москве, Харькове, Киеве, Одессе, в Польше, в Литве, рабочие сознали свою силу, поняли, что освобождение их от царского правительства зависит только

от них самих, поэтому, они и выступили в открытую борьбу с этим правительством. Так и знайте, братья-рабочие: вы не одни, вас много, вы сильнее правительства, и стоит вам только захотеть, чтобы окончательная победа была за вами. Помните только—ваша сила в одном: в союзе, дружном и сознательном союзе. Этому в особенности учат последние демонстрации, которых правительство страшно боится. Вы это видели 17-го февраля. Необходимо только устраивать эти демонстрации дружнее, смелее и более сплоченно. Смело вперед, рабочий народ!—Вперед за лучшую жизнь, вперед с победным кличем: «ДОЛОЙ САМОДЕРЖАВИЕ!», «ДА ЗДРАВСТВУЕТ ПОЛИТИЧЕСКАЯ СБОБОДА!».

Екатер. Ком. Рос. Соц.-Дем. Рабочей Партии.

Типогр. Екатерин. Комитета.

Товарищи! Наступает день Первого мая. В этот день перед лицом всех хищников, эксплоатирующих наш труд, рабочие всего мира провозглашают: да здравствует 8-ми часовый рабочий день! Мы требуем его, чтобы сделать свою жизнь более человеческой, чтобы оградить свои силы от полного истощения, чтобы уменьшить число безработных, которые сбивают нам плату, чтобы получить возможность усиленно развиваться и принимать участие в общественной жизни.

Перед лицом царей и правительств, дворян и капиталистов, которые, в погоне за барышами и властью, терзают народы опустошительными войнами и истощают их силы на содержание чудовищных армий,—перед лицом всех этих расточителей нашего достояния рабочие всех стран провозглашают: «да здравствует всеобщий мир, да здравствует братский союз между народами, долой постоянные армии!».

Товарищи! Мы не можем праздновать 1-ое мая так, как это делают наши друзья в других странах. Царское самодержавие лишает нас права свободно собираться и свободно выражать свои желания. То, что в других странах делается по закону, то у нас приходится делать против закона, против воли наших самовластных правителей. И каждая попытка отпраздновать первое мая стоит многим из нас тюрьмы и ссылки, а подчас и смерти от пуль царских солдат; так было, например, в прошлом году на Обуховском заводе и Выборгской стороне в Петербурге.

И, тем не менее, русские рабочие, несмотря на дикие преследования, все громче присоединяют свой голос к хору пролетариев всего мира, празднующих первое мая. И к общим требованиям всемирного пролетариата русские рабочие присоединяют свои специальные требования: долой азиатское самодержавное правительство, да здравствует политическая свобода!

Пока не будет удовлетворено это наше требование, мы не можем ожидать исполнения в России тех общих требований, которые выставляют в день первого мая рабочие всех стран. Мы даже не можем открыто провозгласить эти общие пролетарские требования в стране, где весь народ лишен свободы, лишен каких бы то ни было прав.

Чтобы открыто и с успехом добиваться улучшений в своей жизни, мы должны добиваться политической свободы.

Безконтрольное, самодержавное правление царя и его чиновников должно уступить место демократии, т. е. управлению страны собранием выборных от всего народа.

Бесконечный произвол чиновников, капиталистов и дворян должен замениться политической свободой—свободой печати, собраний, союзов, стачек, свободой совести и неприкосновенностью личности.

Только при политической свободе рабочий класс сможет организоваться в такую силу, которая свергнет господство капитала и установит социалистический строй. А только социализм, т. е. переход земли, фабрик, машин, железных дорог из рук капиталистов в руки рабочих, прекратит эксплоатацию труда капиталом—этот источник всякой нищеты, всякого неравенства, всякого рабства.

Товарищи! Гнет капитала тяготеет над нами более, чем когда-либо. Десятки тысяч голодают, не имея возможности отыскать покупателя на свои рабочие руки. Люди воруют, чтобы попасть в тюрьму и найти там кусок хлеба. Честный труженик должен искать пропитания в нищенстве Христа ради, а занятые на фабриках рабочие, в ожидании той же участи вынуждены молча сносить новые прижимки пользующихся случаем хозяев. А в деревне моллионы крестьян гибнут от последствий голода, вызванного политикой царского правительства. Оно разоряло крестьян, чтобы поддержать старых господ—дворян, чтобы возрастить новых господ—капиталистов и чтобы прокормить темную силу—самовластных чиновников. И в годину народного бедствия—безработицы и голода—царское правительство одной рукой щедро раздает денежные подачки «пострадавшим» от кризиса фабрикантам и благородному дворянству, а другой рукой то высылает на родину в голодающую деревню безработных, то душит всех, кто желает помочь мужику прокормиться.

Царское правительство душит всякую свободную мысль, давить всех, кто не принадлежит к господствующей шайке чиновников, попов, капиталистов и дворян, оно гнетет чужие национальности, скучивает евреев в тесной черте оседлости, где они задыхаются под гнетом нужды и бесправия, дерзко нарушает исконные вольности финляндцев, отнимают право говорить на родном языке у поляков, беспощадно душит все другие народности; оно насилует свободу совести миллионов сектантов, старообрядцев и иноверцев и держит весь народ во тьме невежества. Но против такого дикого правительства не могут не подняться все, в ком еще живо чувство человеческого достоинства. И в эту зиму, как и в прошлогоднюю, русские граждане всех званий и состояний неоднократно протестовали против царских опричников, и требование свободы вновь раздалось в Петербурге и Москве, Харькове и Екатеринославе, в Риге и Киеве, в Нижнем-Новгороде и Ярославле, в Одессе и Кишиневе, Минске и Симферополе.

Царское самовластие идет навстречу своей гибели. Близок день расплаты за все его вековые грехи против народа, против России.

Товарищи! Мы должны постараться, чтобы день гибели самодержавия принес свободу нам, неимущим рабочим. В освобожденной России мы должны стать полноправными гражданами. В учреждениях, которые будут управлять страной и давать ей законы, должны присутствовать наши рабочие представители.

Этих прав, этой свободы мы добьемся только в том случае, если сами за них будем бороться. Когда волновались студенты во имя свободы, мы их поддерживали, сочувствуя их стремлениям. Но мы не остановились на этом и начали уже выступать под своим собственным знаменем. Встанем же снова дружно и сплоченно в день первого мая и заявим свой собственный протест, протест рабочего класса против бесправия, которое давит нас более, чем кого-либо другого. Только рабочие достаточно сильны, чтобы сломить силу русского самодержавия. Покажем же всем желающим свободы, что мы готовы добывать ее в бою, что мы намерены бороться за нее до последней капли крови. Показав это, мы ободрим всех противников господствующего насилия и всех их поведем за собой для завоевания своей свободы, которая будет свободой для всех!

Товарищи! Год от году в майском праздненстве в России участвует все более и более рабочих. Постарайтесь, чтобы празднование этого года было шире и громче, чем когда-либо. Пусть всякий рабочий не работает в день первого мая, а в день, назначенный Комитетом, пусть каждый рабочий явится на демонстрацию! Помните, что от числа участников зависит успех демонстрации. Сотни лиц разгонит полиция, с тысячами справится вооруженная сила, но против десятков тысяч будет бессильно и царское воинство.

Приходите же все поддержать требования Российской Соц.-Дем. Рабочей Партии.

Да здравствует Российская Социал-Демократия!

Да здравствует 8-ми часовой рабочий день!

Да здравствует политическая свобода!

Долой царское самодержавие!

Конференция (совещание) представителей Комитетов и организаций Российской Соц.-Дем. Раб. Партии: С.-Петербургского Комитета (Союза Борьбы), Центрального Комитета Бунда, Союза Южных Комитетов и организаций, организации «Искра», Союза Русских Социал-Демократов заграницей и заграничного Комитета Бунда.

Апрель 1902 г.

Типогр. Екатериносл. Комитета.

Товарищи! не работайте первого мая и выходите демонстрировать.

РОССИЙСКАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТИЯ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

КО ВСЕМ ЮЖНЫМ РАБОЧИМ И РАБОТНИЦАМ

Товарищи! Славные, знаменательные дни пережили мы за последние два месяца. Их давно ждали с трепетом наши угнетатели; устраивали с'езды и совещания жандармов в Петербурге, увеличивали число полицейских и шпионов. Всю зиму готовились наши враги.

Прежде всего они постарались связать нас по рукам и ногам новыми запрещениями и угрозами, хотя мы и без того уже связаны путами бесправия при азиатско-самодержавном строе русского государства. Как из решета посыпался бесконечный ряд новых запрещений и исключительных правил. Каждый день мы читали в газетах новые об'явления о введении «усиленной охраны». Сегодня царский министр об'являет сразу 16 городов на положении усиленной охраны. Завтра по его же тайному приказу спешат сделать то-же и мелкие башибузуки. Пошли состязаться генерал-губернаторы, губернаторы, градоначальники, полициймейстеры,— стали выпускать «обязательные постановления» для крупных и мелких городов, для местечек и посадов, даже для глухих деревень, везде запрещая сходбища и демонстрации и угрожая за них тюрьмой и казацкими нагайками. Как эпидемия, эти обязательные постановления, захватили север и юг России, Литву и Польшу, прибалтийские и приволжские губернии, Кавказ и центральные губернии, забрались даже и в глухие дебри далекой Сибири, в Иркутскую губернию, даже в Якутскую область. Словом, царь и его холопы об'явили всю Россию на положении усиленной охраны. Делали они это лихорадочно, спотыкаясь, ошибочно вводили усиленную охрану там, где некому устраивать «незаконные сходбища», в безлюдных тундрах Сибири, потом спохватывались и отменяли свои нелепые распоряжения.

Всем этим, однако, не удовлетворились напуганные весенними событиями прошлого года служители деспотизма. Ведь есть же еще, думали они, в России на свободе люди, люди мыслящие, страстно ненавидящие гнет, рвущиеся к свободе и свету. Так из'ять их из обращения!

И вот, по уговору, жандармско-полицейская клика бросается на людей: с 8 на 9 февраля, хватают и заключают в тюрьмы сотни рабочих и поддерживающих их интеллигентов в Петербурге, Москве, Киеве, Харькове, Одессе, Полтаве и т. д. Варварский поход дикой царской орды продолжался и в следующие февральские дни, производя опустошения в Екатеринославе, Одессе, Ростове на Дону, Кишиневе, Кременчуге, Елисаветграде, Тифлисе, Симферополе. В одну неделю заточено в тюрьмы более тысячи человек. Обыскам подвергнуто вдвое большее число «опасных людей». Такого дьявольского разгрома, такой массы жертв в таком числе городов и в такое короткое время даже и мы, подданные «царя-батюшки», не видели до сих пор. Тюрьмы и участки переполнены. Казалось, вся мыслящая и борющаяся Россия похоронена в одиночных камерах.

И что же? Наступила ли, наконец, столь необходимая для царских опричников могильная тишина?

Ничуть не бывало.

Уже в сентябре, как отдаленная зарница, вспыхнула уличная демонстрация в Кишиневе. Настоящим громом пронеслись шумные и массовые демонстрации в Харькове в конце ноября и 2 декабря. Как эхо этого грома, прозвучала демонстрация рабочих в Екатеринославе 15 декабря. Не успели еще улечься волны этого движения, как раздался могучий раскатистый гром небывалой демонстрации десятков тысяч народа 2 и 3 февраля в Киеве. И как раз после повсеместной дикой облавы полиции 8-го февраля начался целый ряд шумных демонстраций: 9-го февраля в Москве, 17 в Екатеринославе, 19 в Ростове, 23 в Одессе, 3-го марта в Петербурге. Мы уже не говорим о ряде демонстраций в более мелких городах, как Полтава (в театре и тюрьме), Николаев, Нижний Новгород и т. д.

Как видите, товарищи не помогли правительству ни массовые аресты, ни распространение усиленной охраны на всю Россию. Все это нас не испугало,—и в этом виновато само правительство. Оно своим произволом и насилием притупило в нас чувствительность к ужасам осадного положения. То, что свободному гражданину европейской страны показалось бы невозможным, стало для нас обычной обстановкой, в которой мы живем изо дня в день.

Что, в самом деле, для нас нового в усиленной охране? Произвольные обыски? Но мы уже давно привыкли к тому, что дикие шайки жандармов и полиции врываются ночью в наши жилища, производя в них варварские опустошения. Массовые аресты? Но кто же из нас не имеет друзей и товарищей, которых хватали без улик, запирали и гноили в тюрьмах месяцы, иногда годы? Многие ли из нас сами незнакомы с жандармским застенком? Или для нас новы военные и полицейские патрули, солдатские штыки, казацкие нагайки, и ружейные пули? Но нам хорошо знакомы все ужасы избиения царским воинством наших безоружных товарищей рабочих на улицах Лодзи, Домбровы, Ярославля, Тифлиса. В нашей памяти еще свежи следы дикой бойни, которую устроили царские опричники над нашими товарищами с Обуховского завода в Петербурге в мае прошлого

года. Нам еще слишком памятны сцены варварского избиения тысяч мирных демонстрантов, дикого насилия над сотнями девушек и юношей на Казанской площади в Петербурге 4-го марта прошлого года.

Удивительно-ли после этого, что усиленная охрана не испугала нас, не помогла правительству?

Впрочем, царское правительство само уже поняло, что одним насилием теперь уже нельзя уничтожить политическое рабочее движение, пустившее слишком глубокие корни. И вот оно принимает еще другие меры: оно решило создать собственное рабочее движение, неполитическое, с участием и под охраной жандармов и шпионов. Еще недавно, 19-го февраля, московский обер-шпион Зубатов устроил в Московском Кремле комедию верноподданнического празднования московскими рабочими годовщины освобождения крестьян: рабочим приказали возложить венок на памятник царя яко-бы освободителя, выслушивать нескладную речь царского дядюшки, бросать шапки на воздух и кричать «ура!» Правительство думало, что после всех арестов и принятых мер уже не будет никаких противоправительственных демонстраций рабочих, и желало показать, что рабочие «обожают» своих монархов. Но целый фееверк шумных демонстраций сознательных рабочих с развернутыми знаменами, с требованиями политической свободы, сделали московскую комедию Зубатова смешной и глупой. Правительство вынуждено было не допускать в Кремль «посторонних» лиц и запретить газетам печатать об этой демонстрации что-либо иное кроме того, что сочиняли и печатали в Правительственном Вестнике сами лакеи самодержавного царя. Эта глупая комедия верноподданнической рабочей демонстрации, как и вообще заигрывания царской клики с неполитическим рабочим движением несомненно, не что иное, как жалкая, вынужденная, глупая улыбка деспота, которому хочется не смеяться, а скрежетать зубами, поздняя и коварная ласка хищника, которому не ласкать хочется, а гнуть в бараний рог.

И это свое тайное желание семодержавный хищник и проводит в исполнение вдали от света, от людей, в царских застенках. За последнее время стали бить наших товарищей-революционеров в участках и тюрьмах (в Могилеве, Москве, Одессе и др.).

Это уже не борьба, а шаг отчаяния, это месть нашим товарищам борцам за успехи рабочего движения. Так мухи становятся особенно злыми, мстительными и начинают особенно сильно кусаться осенью, когда приближается конец их существования. И применяемая в последнее время царскими холопами инквизиция несомненно означает приближение конца самодержавия. Пусть кусают, пусть бьют! Тем хуже для них: это ускорит наступление конца. Была уже инквизиция в средние века, да похуже,—и та не достигла цели. А теперь, в XX-ом столетии и подавно нельзя инквизициями задавить борьбу рабочего класса за освобождение от гнета и эксплоатации.

Товарищи! Что показывают все отмеченные нами знаменательные события последнего времени?

Они показывают банкротство самодержавного правительственного строя в России. Ведь правительство сделало и вот уже два года делает решительно все, что оно только может, чтобы искоренить политическое движение рабочего класса, оно испробовало все меры. И все-таки движение разростается с каждым днем, и именно за последние полтора года сделалось таким сильным, ярким, как никогда. Если до сих пор, несмотря на все меры, царское самодержавие не могло справиться с нами, то это значит, что мы скоро справимся с царским самодержавием. Этому дикому наследию варварской старины ничего не останется, как позорно сгинуть, очистить место для новых порядков, для царства света и свободы.

Мы ясно видим признаки приближения этого царства. Мы знаем, что оно не может не наступить. Мы можем смело и твердо сказать царским опричникам и всем угнетателям: вы хотите уничтожить борьбу рабочего класса за свободу? так уничтожьте все то, что с железной необходимостью вызывает эту борьбу. Уничтожьте эксплоатацию труда безземельных крестьян и городских пролетариев; уничтожьте капиталистическую форму производства и частную собственность бездельников хозяев на средства производства; уничтожьте весь ваш общественный строй, основанный на эксплоатации и угнетении трудящихся масс! И прежде всего уничтожьте позор неограниченной царской власти в России, где

«... нет закона
есть столб и на столбе—корона».

А пока вы не уничтожите деспотизма и капитализма, до тех пор ряды недовольных и борющихся за свободу и социализм рабочих будут расти с каждым днем. И против этого нам не помогут ни палачи в застенках, ни зубатовы со своими отравленными грошевыми пряничками.

Товарищи! За последнее время об'единяются и организуются не только жандармы, но и передовые борцы за освобождение рабочего класса. Почти в то самое время, как жандармы устроили свой последний с'езд в Петербурге, на юге России заседал другой с'езд—представителей южных социал-демократических организаций. Образовался «Союз южных комитетов и организаций Российской Социал-Демократической Раб. Партии». И мы, как выборный на с'езде Центральный Комитет этого союза, считаем своим долгом указать вам, товарищи, на глубокий смысл развертывающихся перед нами за последнее время событий и напомнить вам о наших задачах.

Товарищи! Помните о миллионах наших братьев-крестьян, разоренных, забитых и измученных царскими прислужниками, пухнущих от голода, вымирающих от голодного тифа, цынги и других болезней. Помните о десятках тысяч товарищей городских рабочих, выброшенных капиталистами на улицу, страдающих от безработицы, оставшихся без куска хлеба и высылаемых царскими опричниками по этапу в голодающие деревни. Помните о всей трудящейся и мыслящей России, стонущей в хищных лапах двуглавого орла.

Помните все это и готовьтесь сами и подготовляйте других товарищей к достойной встрече приближающегося светлого

праздника рабочего класса—первого мая. И за станком в мастерской, и в рабочем кружке, и на прогулке—везде раскрывайте товарищам-рабочим глаза на весь ужас их положения, на позор бесправного рабского прозябания, показывайте им выход из позора—славную открытую борьбу за политическую свободу, за 8-ми-часовой рабочий день, за социализм; раз'ясняйте им значение майского праздника, как средства этой борьбы. Готовьте из них сознательных, смелых участников открытой майской демонстрации.

Пусть вместе с появлением живительных лучей весеннего солнца оживает все придавленное, забитое; пусть разогнутся спины тех, кто вечно гнет свою спину и губит свое здоровье ради сытой жизни развращенных бездельников. Пусть вместе с пробуждающейся от долгого зимнего сна природой пробудятся те, кто еще спит сном неведения, у кого еще повязка не спала с глаз. Пусть в измученных сердцах честных тружеников и борцов расцветет надежда на близкий час победы света и свободы над мраком и насилием.

Будущее, и близкое будущее, принадлежит нам.

Смелей-же вперед на решительную борьбу за свободу и социализм!

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ

Союза южных комитетов и организаций Р. С.-Д. Р. П.

Типография Союза.

РОССИЙСКАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТИЯ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

К НОВОБРАНЦАМ

Наступает ноябрь месяц и начинается набор. Раздаются надрывающие душу рыдания и плач жен и матерей, снаряжающих своих мужей и сыновей на «царскую» службу, пригорюниваются отцы, отпуская детей своих на чужбину, у десятков тысяч молодых людей, призываемых на службу, сжимается сердце и слезы выступают на глазах при мысли о том, что нужно расстаться с своими родными и близкими, с землей-кормилицей, с заработком, и итти в далекие края тянуть тяжелую 4-х летнюю лямку солдата. Не весело живется попадающему в солдаты и до службы. Если он крестьянин, то трудится до седьмого пота от зари до заката солнца, над своей сохой. Работать приходится без устали, потому, что земли мало и родить она стала плохо, нет машин и орудий для ее обработки, нет и скота для навоза, а налоги-то да подати царские растут что ни год; с каждым днем крестьянин все больше попадает в цепкие лапы кулака-богатея, все увеличиваются недоимки, усиливаются неурожаи, болезни да голодная смерть. А все потому, что помещики отобрали при освобождении лучшую крестьянскую землю, что царь и министры помогли им в этом, что они накладывают на крестьян всякие налоги и подати, чтоб самим жить в богатстве и роскоши. Но не лучше живется до службы и городскому рабочему: работает он изо всех сил тоже для того только, чтобы могли богатеть и роскошничать фабриканты, капиталисты да правительство. Но как бы плохо ни жилось крестьянину и рабочему, как бы много ни жили они для других, сколько бы не отдавали они своих трудов и денег на роскошь богачей и правительства, все же у них есть утешение, что живут не только для других, но что своим честным трудом содержат себя и свою семью, что, борясь с своими угнетателями, они могут урвать себе хоть немного из их барышей и этим сделать жизнь свою и семьи более человеческой. И это удается всегда, когда решительно и стойко они держатся друг за дружку и не уступают своим угнетателям. Не то жизнь русского солдата. Забирают молодца на 4 г., отрывают от сохи или фабрики, от трудовой жизни, гонят его подальше

от родины, чтобы не было около него никого, кто мог бы дать совет, когда туго приходится, чтобы был он один-одинешенок под начальством офицеров и дядек, чтобы исправнее исполнял он «службу царю и отечеству». И вот начинают учить его этой службе. Бьют его нещадно, пока научат солдатской мудрости: бьет ротный, бьет взводный и фельдфебель, и унтер, словом всякий, кто постарше, а многое множество в войске разных старших да начальников. Сколько одних затрещин, оплеух да тычков вынесет бедный солдатик, пока пройдет военную науку. И пока солдат не станет послушной машиной в руках начальников, пока не перестанет быть живым человеком и не превратится в куклу, до тех пор не перестают его бить. Его забьют до того, чтоб в нем не осталось ничего человеческого, чтоб забыл он родителей и семью, чтобы не вспоминал, как живут его братья—крестьяне, рабочие, чтобы потерял он честь и совесть, и всю радость своей жизни стал видеть в том, чтоб как-нибудь угодить начальству. И когда солдат становится бессловесным и послушным орудием в руках начальства, его ведут служить царю и отечеству и защищать родину от «внешних и внутренних врагов». Зачем дерутся русские с «внешними врагами»—китайцами, японцами, немцами или турками? А затем, что правительству мало денег да податей, выколачиваемых с русского народа, ему нужны новые земли и новые люди, которых можно обирать и грабить; а затем еще, что русские фабриканты и капиталисты не могут найти в России покупателей для своих товаров, так как русский крестьянин и рабочий так обнищал и обобран правительством, что не на что ему покупать, и хотят силой заставить китайцев или других «внешних» врагов покупать их товары. И вот, чтобы доставить наживу русским фабрикантам да и себе, русское правительство посылает солдат на войну, где они терпят нужду и голод, замерзают от холода, как это было в последнюю турецкую войну, и умирают от ран и болезней, как это было 2 г. назад в Китае и как это скоро будет в Японии. Идет, значит, солдат на войну не за отечество, а для того, чтоб царь и его друзья—чиновники да капиталисты, жили себе припеваючи. Но в последнее время войны стали редки: слишком дорого стала обходиться война правительству и старается оно мирком да ладком заставить китайцев покупать русские товары и отобрать у них Манчжурию или Корею. Зато чаще стали высылать войско против «внутреннего врага». Кто же это наш внутренний враг, в которого вам приказывают стрелять? Да это вы же сами, солдаты, только одеты в крестьянские серяки и рабочие блузы, это ваши братья, крестьяне и рабочие, это те, с которыми вы раньше жили и к которым снова вернетесь, окончив свою проклятую службу, это те, о которых вы вспоминаете с болью в сердце, когда очень уж жутко станет от солдатской учебы, когда громкая оплеуха фельдфебеля заставит вас вспомнить о домашней жизни, о ласках матери и жены. В чем же провинились ваши отцы, братья и товарищи, за что вам приказывают их убивать? Да за то, что они захотели прибавки жалованья, что им не в моготу работать по 13—14 ч. в сутки, за то, что они хотят хлеба и свободы, за то, что они хотят того же, чего вы и сами желаете: чтобы

трудящиеся сами пользовались плодами своих трудов и чтобы богачи и правительство не жили за счет народного пота и крови. И убивать этих людей ваши начальники и правительство называют защитой отечества? И это то значит воевать с «внутренним врагом». Да что же такое наше отечество и кто наши «внутренние враги».

Отечество—это наша родина Россия, это земля, которую наши отцы и деды поливали своею кровью, отечество—это русский народ: крестьяне и рабочие, и убивать их—значит ли защищать отечество? Нет, защищать отечество—значит защищать народ. От кого же нам нужно защищать народ, наших отцов, жен и братьев? Да от кого иного, как не от того, кто грабит его беспощадно, кто вытягивает его последние жилы и соки, кто живет на его счет и вместе с тем мучает и убивает его. И вот кто настоящий «внутренний враг» русского народа. Все наши угнетатели и, прежде всего, самый главный наш угнетатель—царское самодержавное правительство, и от него то, от его слуг, начальников и чиновников мы должны защищать свое отечество, свой народ, тех, кто своим трудом содержит нас во время службы. И потому, когда народ начинает бороться за свою свободу и лучшую жизнь, мы не должны стрелять в него, мы обязаны отказываться проливать кровь своего народа, мы должны открыто заявить, что мы не будем убивать своих. Новобранцы! Вы только еще поступаете на службу, вы не забыли еще своих стонущих и голодающих братьев, крестьян и рабочих, вы еще помните, что они ваши друзья и товарищи, защищать которых вы обязаны, что их счастье и свобода есть ваше счастье и свобода! И не забывайте этого никогда. Пусть все зуботычины и мытарства, которые вам придется пройти, не зачерствят вашего сердца и заставят вас всегда чувствовать родство с избиваемым и убиваемым народом. Вас научат стрелять—что ж, это не мешает! Но когда вас поведут на восставших крестьян и рабочих, не смейте стрелять в них, не помогайте убийцам и врагам нашим победить, а вставайте смело на защиту народа и обратите свои ружья против русского самодержавного правительства.

Долой самодержавие.

Да здравствует борьба рабочего класса.

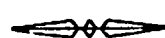
ЕКАТЕРИНОСЛАВ. КОМИТЕТ Российской Соц.-Демокр. Рабочей Партии.

---

17 Октября 1903 г. Тип. Екатер. Комитета.

РОССИЙСКАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТИЯ

Сила рабочих в союзе

ЧЕГО МЫ ТРЕБУЕМ?

Так жить, как нам теперь живется, дольше мы не согласны! **Мы требуем** повышения заработной платы. На те гроши, которые нам платят теперь, жить по-человечески невозможно. И эту ничтожную плату хотят понизить еще больше; мы ни за что не допустим понижения расценков.

Мы требуем сокращения рабочего дня. Вместо двух смен по **12** час. в сутки мы потребуем введения трех смен по **8** часов. Итак:

Мы требуем 8-часового рабочего дня. Тогда у нас будет досуг, который даст нам возможность отдохнуть и развлечься. Тогда у нас останется время почитать и поучиться.

Мы требуем уничтожения сверхурочных работ. Они отнимают у нас все праздники, отнимают часы, назначенные для сна. При введении **8**-часов. рабочего дня и уничтожения сверхурочных работ:

Мы требуем соответственно повышения сдельной и поденной платы, чтобы заработок наш не понизился: в Англии шахтеры работают **7—8** час. в сутки, а зарабатывают вчетверо больше нашего.

Мы требуем улучшения условий труда, хорошую вентиляцию шахт, мастерских, ограждения опасных частей машин, применения всех усовершенствований техники при рудничных работах и на заводах, усиления технического надзора. Вот что нам нужно; теперь ежедневно калечит и убивает на смерть десятки народу. А наши хозяева и в ус не дуют. Пока мы силою не заставим их сделать по нашему, число несчастий не уменьшится.

Мы требуем всеобщего обязательного государственного страхования рабочих за счет капиталистов. Теперь нас страхуют частные общества, вроде «С.-Петербургского», которые нас обсчитывают и обманывают самым наглым образом. Когда нас будет страховать государство, каждый из нас, получив увечье, будет получать на содержание пожизненную пенсию от казны. Также наши вдовы и сироты. Их не выгонят голодными на улицу, как это имело место весною на Краматоровском заводе. Тогда на старости нам не придется околевать под забором, как собаке.

Мы требуем, чтобы наши жилища были просторнее и опрятнее, чтобы нам не приходилось задыхаться со своими семьями в тесных «каютках» и «балаганах». Чтобы нас не смели селить в землянках, чтобы каждому из нас было наделено свое хозяйство, садик, где бы можно было свободно подышать.

Мы требуем, чтобы вода, уголь и освещение нам отпускались бесплатно.

Мы требуем удаления наиболее ненавистных начальников, вроде кн. Туманова на «Провидансе», Андерсона на «Юзовском» заводе и Фенина на «Карповском» руднике. Долой ненавистных мастеров, инженеров и штейгеров! Мы не позволим себя обсчитывать, над собою издеваться! Прошло то время!

Мы требуем, чтобы нас не преследовали за устройство стачек, чтобы мы могли собираться и говорить о своих нуждах, чтобы мы могли устраивать кассы и союзы на случай стачки. Вот наши хозяева собрались в Харькове и вместе обдумывают, как бы выжать из нас соки. Когда же мы бастуем, нас арестуют и избивают нагайками и пулями. Где тут справедливость? Короче говоря, мы требуем: свободы стачек, сходок, слова, рабочих касс.

Мы требуем, чтобы нам свободно можно было печатать и распространять наши книжки, газеты и прокламации, где говорится про горькое житье-бытье рабочего люда, где рабочий научается, как бороться за лучшую долю. Одним словом: мы требуем свободы печати.

Мы требуем: чтобы нас не арестовывали по произволу полиции, чтобы нас не били в участке за то, что мы распространяем «афишки», чтобы нас не гноили в тюрьмах и ссылке. Итак: мы требуем неприкосновенности нашей личности.

Мы требуем: участия наших представителей в управлении государством; нам необходимо, чтобы весь народ знал, куда деваются казенные деньги, чтобы царь и его министры не грабили нас, не натравляли на нас солдат и казаков; а для этого нам необходимо прогнать царя и его министров, нам нужно свергнуть царское самодержавие.

Мы требуем: низвержения самодержавия и созыва представителей всего народа. Наши выборные издадут тогда те законы, которые мы потребуем и тогда нам заживется легче.

Товарищи! Дружно встанем на борьбу с хозяевами и правительством, пока не добьемся всех тех требований, которые нами выставлены, и тогда свободно начнем борьбу за социализм!

Долой самодержавие!
Да здравствует политическая свобода!
Да здравствует социализм!

Последние Известия

Юзовка. Последняя неделя на Юзовском заводе ознаменовалась целым рядом несчастий в один день. 8 окт. изувечило десять человек. В механическом монтера Раскина убило на смерть. В доменном двоих обожгло—верховой Бабкин умер. В новой вальцовке изувечило двух: одному прокатчику—отрезало ноги, другому—Михайлову разбило голову. В прокатном взрывом шлака обожгло одного рабочего. В центральной шахте погибло четверо. 29 сентября на Смоляниновской шахте убило проходчика Баранчикова—жена его с отчаяния сошла с ума. Наконец, 20 октября убило каменщика Антипкова. **12** жертв на протяжении 3 дней! Ненасытному Молоху—Капиталу нужны все новые и новые жертвы. Миллионы Юза сочатся нашей кровью. Наша жизнь им нипочем—лишь бы дешевле стоило производство. А когда нас на всю жизнь искалечит, нас гонят в шею, всучив нам грошевое вознаграждение за увечье.

Товарищи, мы не хотим больше таких порядков. Упорной борьбою мы добьемся лучших условий труда.

Стачка портных кончилась. В **2** мастерских—победа. Арестовано было **12** стачечн. Били в участке ужасно! Также зверски избила полиция слесаря с Рыковского рудника. При нем захватили **75** прокламаций. Очевидно, полиция получила приказ свыше: бить «бунтовщиков-социалистов» нещадно. Правительство думает запугать нас побоями. Товарищи! Неужели мы будем покорно сносить все эти зверства? Мы прекрасно поняли, что полиция и царское правительство—злейший враг наш. Союзу капиталистов и правительства мы противопоставим наш могучий союз—рабочих всех шахт, мастерских и заводов.

Товарищи. Остерегайтесь сыщика Воскресенского. Чернявый, с усиками, роста выше среднего, походка вертлявая, держит руки сзади, одет скромно, на вид лет **27—28**.

В ночь на **12** октября распространены на заводе и окружных шахтах **2900** листков Союза Горнозаводских рабочих «Ко всем».

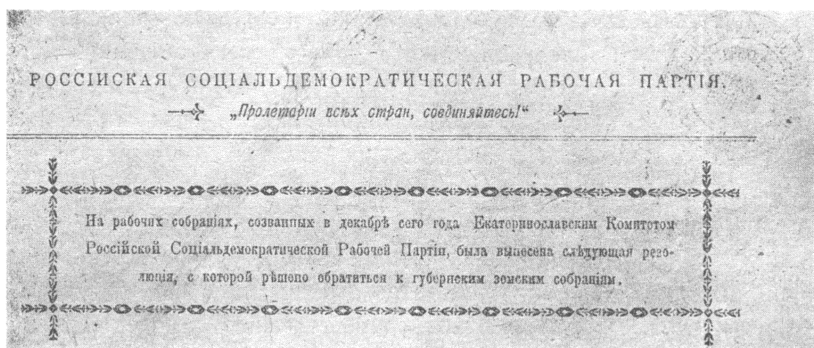
Карповский рудник. Условия труда каторжные. Инженер Фенин обращается с рабочими хуже скотины. По его настоянию сбавлены расценки. Владелец получил **1.800.000** р., а рабочим плату урезали: поденным на **5** к., сдельным по **20** к., с куба. Распространено **400** прокламаций «Ко всем». Полиция перерыла весь рудник в поисках типографии. А наши листки все выходят!

Краматоровка. В августе была забастовка в модельном цехе. Требовали прибавки жалованья на 50 проц. Нашлись изменники (Цыганок провокатор, Жорж, Котиков, Ящура, Козибудский и Першин), которые вышли на работу, и стачка была сорвана. Остальные взяли расчет и раз'ехались. Произведено много обысков и арестов. И в ту же ночь появились опять листки нашего «Союза». Полиция в бешенстве. Завелись провокаторы: модельщик Цыганок, Сверлов, Хотеев и Шаев. Остерегайтесь этих иуд, которые готовы продать товарища за деньги.

Союз Горнозаводских Рабочих.

Прочитав, передайте товарищам.

Тип. Союза 27 октября 1903 г.

РОССIИСКАЯ СОЦIАЛЬДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТIЯ.

„Пролетарiи всѣх стран, соединяйтесь!“

На рабочих собранiях, созванных в декабрѣ сего года Екатеринославским Комитетом Россiйской Соцiальдемократической Рабочей Партiи, была вынесена слѣдующая резолюцiя, с которой рѣшено обратиться к губернским земским собранiям.

Принимая во внимание, что царское правительство пользуется своей властью исключительно для угнетения и эксплоатации народа в интересах сохранения самодержавно-полицейского строя, что оно защищает всяческую эксплоатацию неимущих классов имущими, нагло подавляя вооруженной и полицейской силой всякие попытки к борьбе с такой эксплоатацией.

Принимая все это во внимание, мы, рабочие заявляем, что считаем царское правительство злейшим своим врагом. Царское правительство является величайшим препятствием для развития страны, и, особенно, для дела освобождения рабочего класса, таким препятствием, без устранения которого невозможна ни успешная борьба за такое освобождение, ни сколько-нибудь существенные улучшения в настоящем положении рабочего класса, ни вообще достижение более соответствующих народным нуждам порядков в государстве. В виду всего этого мы, рабочие, ставим своей первой ближайшей целью замену царского самодержавия свободным государством, управляемым самим народом и основанным на безусловном равенстве в правах всех граждан, без различия состояния, пола, религии и национальности.

Бессмысленная, гибельная война, затеянная царским правительством для укрепления трона, еще резче разоблачила все язвы самодержавия, открыла глаза всем, даже самым отсталым слоям населения, показав полную несовместимость самодержавия с потребностями народа, с насущнейшими интересами как пролетариата, так и остальных классов буржуазного общества, война еще сильнее обострила недовольство и ненависть к самодержавному правительству в широких народных массах и даже в тех слоях населения, которые до сих пор оказывали доверие самодержавию, видя в нем защитника своих привиллегий и преимуществ. Благодаря всему

этому, правительство лишается своей последней опоры, рабского подчинения народных масс авторитету самодержавия и корыстной поддержки некоторой части привиллегированного общества....

И правительство само сознает шаткость своего положения, и, чтобы предовратить грозящую ему гибель, ведет политику заигрывания с немногочисленными состоятельными классами населения, обещая расширить права земского и городского самоуправления, обещая в туманных фразах вообще допустить большое развитие самодеятельности привиллегированной части общества, причем однако правительство пока не сделало никаких определенных шагов даже в пределах такого узкого круга обещанных перемен.

Еслибы поднявшемуся теперь по всей России освободительному движению не удалось добиться поставленной им цели, еслибы правительству и теперь удалось сохранить неприкосновенность самодержавия, то это привело бы в ближайшем времени к торжеству реакции, быть может, еще более жестокой, чем пережитые нами времена Александра III и Николая II.

В виду этого враги царско-самодержавных порядков должны, не поддаваясь ни на какие обещания правительства и ни в чем не уступая ему, решительно и неуклонно стремиться к низвержению самодержавия.

Не ходатайствами перед царским правительством, не ожиданием подачек сверху, а только борьбой, только могучим освободительным народным движением, может быть низвергнуто самодержавие, держащее в своих когтях Россию.

Принимая во внимание все вышеизложенное и имея в виду, что правительство в своей новой политике особенно рассчитывает на поддержку земства, мы, рабочие, обращаемся ко всем губернским земским собраниям и предлагаем в ответ на заигрывания правительства решительно добываться созыва учредительного собрания для замены самодержавия свободным государством. При этом мы заявляем, что мы, рабочие, считаем необходимым, чтобы в основу нового государственного строя было положено управление государством самим народом через своих представителей, свободно избираемых всеми гражданами на равных правах, без различия их религии, национальности, пола и имущественного положения, обеспечения для всех граждан свободы и полное уничтожение всяких привиллегий для отдельных лиц и для отдельных групп населения.

Единственную гарантию такого переустройства государства мы видим в созыве учредительного собрания из представителей всего народа, избранных всеобщей, равной, прямой и тайной подачей голосов.

Мы, рабочие, заявляем, что, поставив себе такую ближайшую политическую задачу и стремясь всеми силами к ее осуществлению, мы, рабочие, будем поддерживать тех, кто стремится к этой цели.

Всякое же уклонение от этого требования, всякое желание сохранить какое бы то ни было неравенство в правах, мы будем рассматривать, как предательство, как измену делу народного освобождения.

Екатеринославский Комитет Р. С.-Д. Р. П.

14-го декабря 1904 г.

Типография Екатеринославского Комитета.

РОССІЙСКАЯ СОЦІАЛЬДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТІЯ.

Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

Ко всѣм рабочим и работницам г. Екатеринослава.

Товарищи.

Гроза разразилась!.. Петербургские рабочие, а за ними московские, виленские, ковельские, ревельские и другие не стерпели долгий мертвящий гнет хозяйского грабежа и дружно, небывало смело восстали против капиталистов и полицейско-жандармских порядков в государстве. Весь мир потрясен грозным призраком рабочей революции. Двести тысяч возмущенных рабочих восстали в столице нашей обездоленной родины! Двести тысяч рабов мощно и грозно разогнули свои согнутые спины и заявили свои права на лучшую жизнь. Не работают типографские станки, не грохочут машины на заводах, не сияет электричеством Невский проспект, где обычно гуляет разряженная буржуазия. Это рабочие забастовали, это труженик энергичной и сплоченной борьбой старается сбросить со своих плеч гнет тяготеющий над рабочим благодаря существующим порядкам. Тот Питер, откуда самовластное жандармско-чиновничье правительство именем «помазанного» Ники Милущи погоняет нагайками и штыками «свой» порабощенный народ; наша столица, где только и слышно, как правительство кричит народу молчи, покорно сноси гнет,—это местожительство палачей Плеве, ф.-Валей, Муравьевых и К⁰,—увидело на своих улицах и площадях сотни тысяч рабочих. Рабочие массы жадно ловили свободное слово наших товарищей, которые говорили о тяжелой судьбе рабов капитала, отдающих все свои соки хозяевам... Ораторы указывали, как много наших братьев рабочих, борцов за освобождение рабочего класса, томится теперь в тюрьмах и находятся в далекой Сибири, мучимые злодейским правительством. Ораторы указывали, как преступна теперешняя разорительная война, не нужная народу, гибельная для него. И ясно становилось питерским рабочим, как им необходима политическая свобода, свобода слова, печати, собраний, союзов, свобода стачек, неприкосновенность личности от жандармско-полицейского насилия. Рабочим ясно становилось, что необходима замена нынешнего чиновничьего правительства народным правительством, состоящим из представителей, свободно избранных всем народом...

Многотысячными толпами они устремились к дворцу, чтобы заявить царю о нуждах рабочего класса. Как же ответил царь? Выслушал ли он их просьбы? Нет! Он опять велел стрелять в безоружную толпу, он снова обагрил улицы столицы чистой рабочей кровью. Много народу пало под солдатскими пулями, в борьбе за права, за лучшую долю. Сотни семей осиротели по милости злодейского правительства. Кровь наших братьев вопиет. Неужели мы еще в силах сдерживаться, неужели наши мозолистые руки не сожмутся в кулаки и не сокрушат эти проклятые самодержавно-полицейские порядки.

Но мало самовластному правительству совершенных им преступлений. В ответ на борьбу рабочих, оно назначило для усмирения их петербургским генерал-губернатором героя Ходынки, московского обер-шпиона Трепова. Всем известно, какой это заклятый враг рабочих. Он пишет в своем об'явлении, которое и здесь расклеено, «что неблагонамеренные лица воспользовались движением для своих целей и избрали рабочих своим орудием»... Трепов осмеливается нас, рабочих, точно малых деток, называть слепым орудием. Но разве 8-ми часовой рабочий день не наше требование? Разве не наше требование, чтобы закон защищал рабочих? Разве требование свободы собраний, союзов, печати, стачек, неприкосновенности личности, не являются насущными требованиями рабочего класса? Разве не в борьбе за народное правление, при котором законы будут издаваться представителями всего народа, выбранными путем всеобщей, прямой, равной и тайной подачи голосов, разве не в борьбе за это наше общее требование пали под солдатскими пулями наши питерские товарищи? Кого же думает одурачить Трепов. Он говорит еще, что «рабочие петербургских фабрик и заводов забыли, что правительство всегда заботливо относилось к нуждам рабочих». Нет, царский холоп, ни петроградские рабочие, ни мы не забыли, как «заботливо» посылались войска против нас всегда, когда мы подымались на защиту своих интересов, мы не забыли и бойни в Златоусте, когда мирных рабочих расстреливали, не забыли и лета 1903 года, когда и у нас, в Екатеринославе, и в других городах проливалась рабочая кровь, не забыли избиений на рабочих демонстрациях, не забыли, как тоже «заботливо» правительство всегда хватало наших лучших товарищей за слово правды и сажало в тюрьму, ссылало в далекую Сибирь... Не забыли.

И потому-то так дружно присоединяются рабочие к борьбе за выставленные требования, бросая работу, выходя на улицу, выкидывая красное знамя! Товарищи! И мы должны присоединиться к общему натиску на одряхлевший строй! Смотрите. У врага уже подкашиваются ноги. Под влиянием нашей борьбы, он уже заигрывает с нами, обещая «разработку закона о дальнейшем сокращении рабочего времени, о таких мерах, которые дали бы рабочему люду законные способы обсуждать и заявлять о своих нуждах». Но кто поверит нашему правительству? Кто понадеется на обещания закона в нашем беззаконном государстве? Или мы впрямь слепы? Кого успокоят обещания царя и его приспешников? Что ни шаг, то наглая ложь, что ни слово, то обман! В начале своего об'явления

Трепов говорит, что насильно, дескать, рабочим ничего не удастся взять. И тут сам показывает, что убоялся нашей борьбы и старается ублажить нас разными обещаниями. Нет, товарищи! Не на губернатора, не на царя нам надеяться, а только на свои силы. Только сплотившись и борясь, мы завоюем новые, свободные порядки в стране, мы завоюем себе лучшую долю.

Мы требуем 8-ми часового рабочего дня!
Мы требуем законодательной охраны труда!
Мы требуем прекращения войны!
Мы требуем народного правления!

Екатеринославский Комитет Р. С.-Д. Р. П.

16 января 1905 года.

Типография Екатеринославского Комитета.

РОССИЙСКАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТИЯ.

„Пролетарии всех стран, соединяйтесь!“

В БОЙ ЗА СВОБОДУ!

Девятое января в Петербурге — есть-ли на Руси человек, который забудет этот день?

Стотысячные толпы рабочих пошли к своему царю, в которого многие еще верили, на которого многие надеялись. Безоружные, с женами и детьми, с крестами и иконами, они пошли к царю—их встретили пушки, ружья, нагайки. Они просили свободы—тюрьма и каторга разверзлись перед ними! Они просили хлеба—пули и картечь посыпались в них! Они просили отдыха от непосильного каторжного труда—им дали вечный отдых могилы! Они просили прекращения ужасной бойни на востоке—царь устроил бойню на Невском, на Морской, на Васильевском острове! Разбитый в войне с Японией, он открыл войну с Россией! Тысячи трупов легли на улицах столицы. Царь досыта напился народной крови...

В этот день окончательно раскрылись глаза петербургских рабочих. В этот день они увидели, кто царит над Россией. Царь—это та пушка, которая палит в рабочего, то ружье, которое стреляет в ребенка, та нагайка, которая замахнулась над всем, что хочет жить и дышать свободно!

Трусливый и кровожадный хищный зверь, царь убежал за 30 верст от Петербурга, чтобы не слышать просьбы народа, но не дрогнуло сердце его перед стонами и воплями, которые за десятки верст доносились к нему сквозь толстые стены его роскошного дворца? Лицемер—он пытается теперь распускать слухи, что он «не знал» о петербургской бойне! Не знал! Может ли управлять народом тот, кто не знает даже, что делается в его столице? Но неправда, что царь не знал! Царь знал все, и хладнокровно готовил бойню, иначе не бежал-бы он еще накануне из Петербурга от народного гнева! Он знал, иначе не ввел бы на следующий день после бойни осадного положения и не дал бы московскому зверю—Трепову права безграничного распоряжения над столицей! Он знал все: уже после Петербурга—в Москве, Риге, Варшаве, Радоме, Саратове стреляли в рабочих и убивали детей! Он знал все: его собственный дядя, Владимир, распоряжался бойней, и тысячи убитых вызвали у этого чудовища лишь насмешливые слова: «мы просто помешали сборищу!» Царь знал все, он не мог не знать!

Вот почему петербургские рабочие, пришедшие ко дворцу с мирной просьбою, ушли оттуда с грозным криком: «Долой самодержавие! Смерть царю!»

День 9-го января раскрыл глаза петербургским рабочим. Они увидели, что им нельзя бороться за лучшую долю, пока коронованный хищник и палач царит над всей Россией. Они увидели, что тот бог, имя которого царь так часто призывает, те иконы и кресты, которым он будто бы поклоняется, нужны ему лишь для обмана народа. Кресты и иконы хороши, когда ими царь может зищищать себя от народа, когда народ вздумал защищаться ими от царя, царские пули раздробили кресты и расщепили иконы. Рабочие увидели, что просить милости у царя—это все равно, что ждать благодеяний от разбойника на большой дороге. Они увидели, что бороться мирными средствами невозможно там, где без удержу царит грубая сила, где мирная демонстрация стоит больше жертв, чем любая кровопролитная битва.

Рабочие всей России! Захотите ли вы на себе, на своих женах и детях выучить те ужасные уроки, которые так дорого дались нашим петеррбургским братьям? Нет, пусть 9-ое января научит всех навеки, как вести свою борьбу. Будете ли вы надеяться на царя и его министров? Поверите ли лживым обещаниям этих убийц, которые теперь, по колено в крови, кричат о своих заботах о рабочих, о страховании увечных, о даровании рабочим права собираться и обсуждать свои нужды? Дадитесь ли вы в обман этим мясникам, которые стараются еще раз провести вас, чтобы собрать силы и новой бойней в конец задавить рабочее движение? Нет, вместе с петербургскими товарищами кричите: долой царя, долой убийц и палачей! Хотите свободы? Хотите безопасности для своих семей? Хотите возможности вести борьбу с эксплоатацией? Спешите же на помощь и поддержку тем товарищам вашим, которые встали уже на великую борьбу за свободу! Пусть требования петербургских рабочих, освященные пролитою кровью, станут требованиями рабочих всей России! Долой царя! Да здравствует Всенародное Учредительное Собрание, избранное всеобщим, равным, прямым и тайным голосованием! Учредительное Собрание устроит новый порядок в государстве, водворит свободу союзов, стачек, собраний, слова, печати, совести, вероисповедания! 9-го января петербургские рабочие хотели просить царя созвать такое собрание выборных от всего народа. Теперь они уже не станут просить! Теперь они знают, что не от царя им дожидаться свободы! Теперь они уже с оружием в руках будут требовать того, чего не дал им царь! И первым делом будущего учредительного собрания должно быть вооружение народа, полная отмена царской власти, полное уничтожение владычества тиранов и палачей, установление республики!

Рабочие всей России! Присоединимся к петербургским товарищам, будем требовать созыва Всенародного Учредительного Собрания! Бросим мастерские и фабрики, выйдем на улицы и не положим оружия, пока не добьемся свободы! После того, как в Петербурге стреляли в мирную толпу, все должны знать, что нельзя вести борьбу, нельзя бастовать, нельзя собираться, нельзя выходить на улицу, нельзя устраивать демонстрацию,

нельзя требовать свободы без оружия в руках! Штыки русского гражданина! Вооружимся же! Позаботимся о том, чтобы достать оружие и научиться владеть им! Будем готовы начать тем, чем пришлось кончить петербургским братьям! Будем готовы вооруженным восстанием завоевывать свободу!

Восстанем против царя за свободу! Вся страна, весь народ будет за нас! Всех давит и душит вампир, сидящий в Зимнем Дворце! Все измучены позорной войной, все полны ненависти к царскому правительству! Устами своего министра царь обещал ослабить тот вековой гнет, который давил все живое, мыслящее, честное. И что же? Не прошло и трех месяцев—и снова тяжелая царская рука свирепствует над несчастной страной. Снова беспощадные кары за свободное слово, переполненные тюрьмы, свист нагаек и ружейных пуль, море крови.

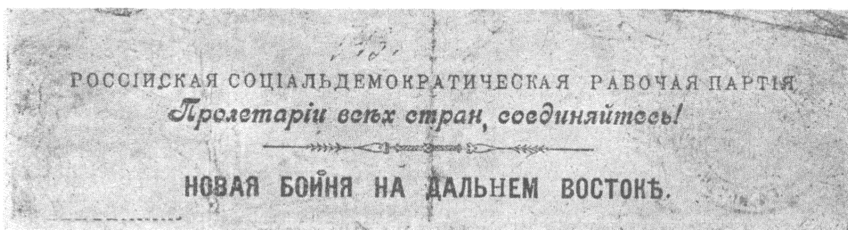
Гибнуть ли народу за царя? Нет, пусть царь погибнет! Пусть народ, свободный и могучий, сам устраивает свою судьбу! «**Смерть или свобода!**» написали на своем знамени петербургские рабочие. «Смерть или свобода!» скажем мы вслед за ними, повторяя их боевые лозунги!

Долой самодержавие! Долой царя!
Да здравствует Всенародное Учредительное Собрание!
Да здравствует республика!

Екатеринославский Комитет Р. С.-Д. Р. П.

25 февраля 1905 г. 8.000 экземпляров.

Типография Екатеринославского Комитета.

РОССIЙСКАЯ СОЦIАЛЬДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТIЯ

Пролетарiи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

НОВАЯ БОЙНЯ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКѢ.

Товарищи.

Газеты принесли нам страшную весть: 13 месячная братоубийственная война закончилась полным разгромом нашей армии под Мукденом. Разбитые, рассеянные бегут отдельные части, бегут в паническом страхе, бегут без дорог, по горным хребтам. Тяжелая артиллерия вся утеряна, покинуты или сожжены все запасы и склады, покинуты даже лазареты с ранеными. Оставлен Мукден, оставлен Телин, и войска в ужасе бегут дальше, потерявши надежду утвердиться где-либо, укрыться от пожирающего огня японских пушек, защититься от бешенного натиска японских солдат.

Газеты не печатают оффициальных отчетов о результатах последних боев. Правительство не сообщает точного числа убитых, раненых и без вести пропавших. Преступное царское правительство, затеявшее эту ужасную, ненавистную всему народу войну, боится печатать, сколько новых жертв поглотило оно, сколько осиротило оно несчастных семей. Но сотнями тысяч нужно считать их, товарищи. 2 недели длился этот ужасный бой, в котором две полумиллионные армии одинаково несчастные, одинаково обезумевшие от огня, крови, голода и усталости, посылалине прерывно друг другу смерть.

В Манчжурии теперь все проиграно, все потеряно. Флот уничтожен. Порт-Артур в руках японцев. Наша армия разбита на голову, рассеяна и почти совершенно уничтожена. Теперь правительству остается либо заключить мир, либо начинать все с начала. Но царское правительство не считается с народными бедствиями, не считается с народным горем, с его нищетой. Самодержавие поставило все на карту, и будущими победами надеется оно подпереть готовый опрокинуться трон. Самодержавие ни перед чем не останавливается, оно готово всю страну превратить в пустыню, но только бы властвовать самодержавно. Подлое, кровью облитое царское правительство готово пожертвовать новыми сотнями тысяч своих «подданных» если только революция не схватить его за горло и не положит конца его преступлениям.

Долой войну!

Долой войну сказала наша партия еще в самом начеле ее, когда холопствующие либералы клялись в верности царю, когда городские думы, земства обещали поддержку войне, поддержку... народной кровью, народными деньгами, товарищи. Своей уступчивостью на наш счет, своими щедрыми пожертвованиями из наших карманов либералы рассчитывали купить права для себя у самодержавного правительства. А самодержавие, поставленное меж двух огней: меж огнем японских пушек и пламенем народного восстания, готово заигрывать с либералами, готово им делать небольшие уступки, чтобы с их помощью подавлять врагов и внутренних и внешних. Когда 9-го января, баррикадами на улицах Петербурга ответил рабочий класс за Порт-Артур, ружейные залпы, массовые избиения, реки крови были ответом царя рабочим на 9-ое января. Грозным окриком пытался он запугать нас в манифесте 18 февраля. И того же 18 февраля царь в своем рескрипте обращается к «достойнейшим» (не мы конечно, эти «достойнейшие», товарищи) и обещает пригласить их для совещания по делам государства.

Умеренные либералы, приветствующие царский рескрипт, поторопятся, конечно, использовать для себя новое поражение наших войск под Мукденом, а приобревши власть, они будут стараться «умиротворить» страну, подавить «крамолу».

Но ошибаются земцы в своих расчетах. Революционный пролетариат не позволит, чтобы сотни тысяч рабочих и крестьян, павших на полях Манчжурии, заплатили своею жизнью лишь за уступки либералам, а сам народ продолжал бы оставаться бесправным и угнетенным. Мы никогда не передадим своего голоса либералам. Мы сами, товарищи, будем говорить за себя. Мы сами потребуем ответа от преступного, обагренного народной кровью самодержавия. Правительство готовит, по словам газет, новую четырехсоттысячную армию для отправки на Манчжурское кладбище. Новые массы хлеба будут вырваны из рук голодного народа, где, не дойдя до солдат, они будут преданы огню при новых отступлениях.

Довольно! Мы не хотим войны. Нам нужен мир! Царское правительство не может нам дать мира, потому что свою судьбу связало оно с войной. Так долой его! Долой самодержавие! Лишь Учредительное Собрание представителей народа, избранных всеобщим, прямым, равным и тайным избирательным правом положит конец войне. Народ весь за мир— ему не нужна война.

Но самодержавное правительство не может нам дать и Учредительного Собрания. Царь и его чиновники боятся народа, боятся его контроля, боятся ответственности перед ним. Только революционным путем, только вооруженным восстанием завоюем мы права свои.

9-м января в Петербурге ответил пролетариат за Порт-Артур. Вооруженным восстанием по всей России ответим мы, товарищи, за Мукден, за всю кровавую Манчжурскую бойню, превратившую Дальний Восток в великое неоплаканное кладбище для полмиллиона сынов истерзанной России.

С гневным кличем «Долой войну!» выйдем мы, товарищи, на улицу для последнего, решающего боя. В этом кличе вырвутся наружу проклятия отцов, матерей, сирот. В этом кличе сольется с нами несчастная русская армия, которой война, ненужная ни ей ни народу, несет лишь гибель и позор. В неизбежном и близком переходе армии на нашу сторону заключается победа революции.

Долой войну!

Долой самодержавие!

Да здравствует всенародное учредительное собрание!

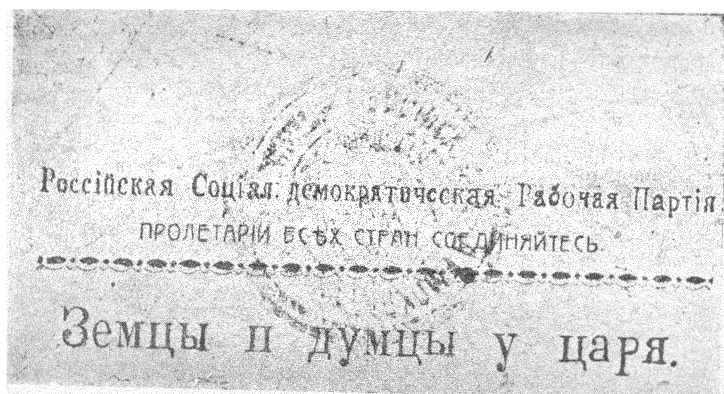
Да здравствует демократическая республика!

Екатеринославский Комитет Р. С.-Д. Р. П.

Прочитав передай товарищу.

Типография Екатеринославского Комитета.

18 марта 1905 г. (печ. 10.000 экз.)

Царь принял депутацию земских и городских деятелей и милостиво выслушал их речи. Этой чести земские и городские либералы уже много лет добивались. Теперь сбылось их заветное желание: они наконец дождались возможности побеседовать с царем. Не раз они уже молили об этом всероссийского палача и не раз он грубо и подло прогонял их, называл их стремления к политической свободе «бессмысленными мечтаниями», а их речи «дерзкими и бестактными». Но каждый раз проглотив обиду, либералы снова обращали свой молящий взор к высоте трона, на котором сидит коронованный убийца.

Земские деятели давно уже желают избавиться от царской опеки, они давно уже стремятся хотя к «куцой» политической свободе. Но получить ее они мечтают не силой, не борьбой, а слезными мольбами и всеподданнейшими челобитными. И вместо того, чтобы открыто и прямо бороться с лютым врагом, они думают умилостивить и вразумить деспота своими речами о пользе свободы. Пусть же они теперь ликуют и веселятся: глупый маленький султан разрешил им войти в свою переднюю и облизать его окровавленные руки. И они вошли с ложью на устах, с лицемерием в душе, с лакейским подобострастием и холопским смирением.

Они заявили Николаю Последнему, что русский народ «не утратил веры в царя», но он волнуется, думая, что «царя обманывают» генералы и советники его. Эти волнения народа представляют «грозную опасность», которую земские люди «измерили до глубины во всем ее значении», ибо народная «ненависть неумолима и жестока» и спастись от нее можно только призвав народ «делить совместно с царем государево дело».

Так говорили земцы, но не так должен говорить и не так говорит рабочий народ. Он утратил уже веру в царя, он возненавидел уже весь

его змеиный род, он не забудет ему кровавую баню 9-го января, он отомстит ему за гибель тысяч своих братьев, за безвременную могилу беззащитных жен и детей, за долгие годы скорби и унижения.

Рабочий народ начал уже беспощадную борьбу со всеми своими притеснителями и угнетателями и ни для кого он из них не сделает исключения. Царь стоит в рядах наших поработителей на первом месте. Среди крепостников помещиков он самый крупный, среди рабовладельцев заводчиков—он самый видный, среди богачей, среди миллионеров—ему мало равных, среди подлецов-чиновников—он самый могущественный. Его власть нужно сокрушить прежде всего.

Но—говорят нам попы—царь отец всего народа, он пастырь своего стада. Да, он—пастырь, и он поступает со своими подданными так, как пастырь со своим стадом: он стрижет своих покорных овец, он доит своих безответных коров, он отправляет на убой и дерет шкуру со своих волов. Да, он пастырь... и как у пастыря для животных, у него есть для своего народа только кнут и топор.

Не в одном царе, конечно, дело. Но уничтожая самодержавный строй, нельзя делать исключения для царя, нельзя идти к царю за защитой от царских же злодеяний. Нужно смести все самодержавие без остатка, нужно вслед за петербургскими рабочими громко провозгласить: смерть ему изменнику, смерть ему, клятвопреступнику-убийце.

Земские и городские деятели боятся восстания народного, и потому они пошли к царю торговаться. Они хотят уничтожить самодержавие, но так, чтобы больше всего выгод от этого получил не народ, не рабочие и крестьяне, а зажиточные люди. Для этого они хотят вступить в соглашение с царем, и предать ему интересы трудящихся масс. В своей беседе с царем, говоря от имени народа, они не выставили самого главного, самого основного требования народа—всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права.

Товарищи! Рабочий народ своей самоотверженной борьбой, гибелью тысяч лучших сынов своих, расшатал позорные твердыни самодержавного трона. Теперь уже сам царь заявил, что его царская воля непреклонна. Он желает установить общение между собой и земскими людьми, на условиях, «отвечающих самобытным русским началам», т. е. тем самым началам, которые довели всю страну до нищеты и разорения, которые стоили столько жертв русскому народу, которые стали уже давно проклятием для всего живого и честного. Либералы хотят теперь об‘единиться с царем на почве этих самобытных начал. Но рабочий класс должен напрягать все свои силы, чтобы помешать этому союзу, чтобы смести и царя и все царские начала, чтобы уничтожить без остатка все самодержавное варварство, и на место его установить свободную народную республику. Народная республика очистит почву для борьбы рабочих за социализм, она будет в руках пролетариата лучшим орудием для его дальнейших побед, при помощи ее рабочий класс скорее всего придет в светлое социалистическое царство, где не будет ни бедности, ни неравенства, ни нищеты, ни порабощения.

Товарищи! Мы должны понять это. Наши интересы неодинаковы с интересами других классов общества. Своей судьбы мы никому не можем доверить, своей борьбы мы никому не можем поручить. Мы должны об‘единяться в рядах своей рабочей партии под ее красным социал-демократическим знаменем. И своим правилом, лозунгом своей борьбы, мы сделаем: не переговоры с тираном, а вооруженное восстание. Не союз с венценосным палачом, а народную республику.

Долой самодержавие!

Смерть царю!

Да здравствует революция!

Да здравствует социализм!

Екатер. Ком. Р.С.-Д.Р.П.

Типография Екатеринославского Комитета.

12.000 экземпляров. 18 июня.

РОССІЙСКАЯ СОЦІАЛЬДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТІЯ

Пролетарiи всѣхъ странъ соединяйтесь

Ко всѣм рабочим

г. Екатеринослава.

Преступная деятельность русского самодержавия обогатилась новыми кровавыми фактами. Вечером 20 июля толпа хулиганов, среди которых в глаза бросался какой-то чиновник, устроила анти-еврейский погром. Озверелая толпа хулиганов рыскала по проспекту (между Караимской и Московской) избивая, попадавщихся на встречу евреев палками, каменьями, топча их ногами. Открыто поддерживали их царские башибузуки. В разных местах стояли молчаливыми зрителями солдаты, патрули казаков раз‘езжали по улицам, спокойно смотря на творившиеся на их глазах зверства, поощряя своими возгласами хулиганов; патрули конных городовых гнали с проспекта отдельных пешеходов, осыпая их грубою руганью; полиция лишь подбирала избитых и отправляла их в больницу или участок. Разбитые стекла некоторых магазинов и домов довершили картину разрушения. Екатеринославская администрация подготовляла давно уже погром; еще с еврейской пасхи усиленно толковали о нем.

Разжигая путем устной агитации своих шпионов агентов, переодетых городовых, путем роздачи листков, призывающих к погрому, вражду бессознательной, темной массы к евреям, администрация наконец приступила к решительным действиям. Она напустила на ненавистных ей «демократов» свои черные сотни. Не в первый раз правительство думает таким путем расправиться с революционным движением. Чуя близкую гибель свою, оно напрягает последние силы, ниже и ниже опускаясь в омут преступлений, отталкивая от себя всех честных людей и покупая деньгами поддержку разного рода босяков и черносотенцев. В памяти всех еще свежи ужасы Кишинева, Гомеля, Баку, Житомира. И никогда никто из видевших мрачную картину не забудет ее, еще сильнее загорится в сердце всех ненависть к гнусному порядку.

Товарищи, русские рабочие! На вас лежит обязанность открыто выступить против царского самодержавия, против строя убийства и насилий.

Организованному погрому мы должны противопоставить организованный отпор. Еврейский рабочий самоотверженно идет в первых рядах нашего революционного движения, он самоотверженно борется за наше общее дело—низвержение самодержавия, за учредительное собрание, за социализм. Его дело—наше дело, его борьба—наша борьба. Удары, которые правительство пытается нанести еврейскому рабочему движению — это удар направленный против нашего российского рабочего движения. Правительство прекрасно знает, что тысячи русских рабочих идут рука об руку с еврейскими и другими товарищами против него, оно знает, что на баррикадах в Одессе, Лодзи, Варшаве, смело умирали и еврейские, и русские и другие рабочие. И теперь правительство, пользуясь невежеством масс пытается представить все наше российское движение делом еврейских рук, чтобы раз‘еденить борющихся рабочих, бросить яблоко раздора в нашу братскую семью, чтобы запугать нерешительных и оторвать нас от связи со всем народом.

Екатеринославский Комитет Российск. соц.-дем. рабочей партии призывает всех рабочих без различия нации, дать отпор гнусному разбою, организованному полицией.

Знамя рабочего движения—есть знамя всех угнетенных и обездоленных и пролетариат не может быть равнодушным зрителем—истязания и убийств неповинных людей. Товарищи! — во имя солидарности пролетариев всех наций, во имя человечности, во имя интересов нашей борьбы за освобождение,—мы должны выступить против шаек громил и хулиганов, организованных полицией. Наше вооруженное вмешательство остановит этот возмутительный разбой. За пролитую же кровь — мы призовем к ответу всех тех, кто, сидя в своих канцеляриях и участках, организуют и натравливают темные массы на дьявольское дело погрома. — Пусть эти господа знают, что над ними также есть суд—и смерть будет им приговором, раз они не отказываются от своего человекоубийственного плана.

Для общих военных действий против погрома должны об‘единиться не только революционные организации, но и все те граждане, в ком вызывают возмущение злодеяния погромщиков.

Помогайте же пролетариату—деньгами и оружием!

На борьбу же товарищи. К оружию!

Да здравствует единство пролетариата всей России!

Да здравствует революция!

Долой самодержавие!

Смерть палачам народа!

Екатеринославский Комитет Р.С.-Д.Р.П.

Типография Екатеринославского Комитета.

22 июля. Прочитав передай товарищу. 1905 года.

Российская Социал-Демократич. Рабочая Партия.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

К крестьянскому и рабочему народу.

Крестьяне и рабочие, прослушайте нашу речь. Отчего ты, великий русский народ, идешь против человечности—и, как лютый зверь, нападаешь на еврейскую бедноту, предаешь евреев,—жидами тобою прозываемых,—разгрому и смерти? Отчего льешь ты невинную кровь еврейских детей? Ответим тебе, русский народ, без прикрас, по чистой совести: оттого ты становишься зверем и бьешь, как разбойник неповинных людей, что лежишь ты в темном невежестве, бесправии да в гнетущей бедности и никак из нужды своей не выбьешся. Слишком давит она тебя, вместе с долей твоей несчастною—по пятам за тобою гонится. Бесправие же руки связывает, давит слово свободное, петлею шею затягивает. Словно змея подколодная, темное невежество, бесправие да бедность гнетущая—обвиваются вокруг сердца твоего, всякое чувство доброе из него высасывают—из головы, из души вышибают все человеческое. И меркнут в душе крестьянина, в душе иного труженика рабочего очи разума, здравого смысла;—и вот верные слуги Змея Горынича—правительства царского—отводят твою руку от себя, направляя ее на неповинных в горе твоем людей. Полиция да чиновники, шпионы да наемные хулиганы пускают молву черную, что все горе земли русской—от евреев нехристей, что евреи—враги народа.

Вот, откуда идет у народа русского глухая ненависть к евреям. Вот где главный корень лютых погромов над беднотой еврейской.

Чтоб ты, обездоленный народ, ясно уразумел, что то, что говорили мы—чистая правда, чтобы ты уразумел хитрую и злую механику чиновничьего правительства, зададим тебе вопросы прямые, точные, а ты насчет ответов пораскинь своим разумом, да поговори с своей совестью.

Рассуди, крестьянский и рабочий народ:—будет-ли конец твоему горю, твоему каторжному труду—если все евреи, как есть до единого, исчезли-бы с русской земли? Мы спросим тебя, кто держал народ в рабстве, в крепостной зависимости? Евреи? Нет,—это помещики, люди православные. Кто вместо настоящей свободы, равенства и справедливости дал народу куцую

волю в 1861 г.? Евреи? Нет,—правительство и паны. Кто отнял у мужика землю и оставил ему клочек земли, куда курицу не выгонишь? Евреи? Нет,—опять таки правительство и паны, то-есть люди опять таки православные. Панам да чиновникам осталось и после воли житье привольное и разгульное, а народ бьется, как рыба об лед. У кого до сих пор земля-кормилица? У евреев? Нет,—у правительства и панов. Казна, помещики да кулачье разное окружили со всех сторон бедные наделы мужицкие своими лесами, пашнями, выгонами, словно наставили для мужика труженика ловушек: некуда ему податься—отовсюду грозят штрафы безжалостные. Кто владеет фабриками и заводами? К кому рабочие идут в кабалу? К евреям? Нет,—не к евреям, а к богатым людям—к капиталистам, купцам,—а между ними есть люди всякой религии:—есть христиане, есть и евреи; но у богатых людей вера одна: тесни бедняка, дуби его шкуру; капитал другой веры не имеет. Кто поставил земских начальников, что вертят крестьянином, как бездушной скотиной? Кто посадил нам на шею полицию? Кто вовлек нас в позорную войну? Кто оставил раненых, проливших кровь за отечество, без помощи? Евреи? Нет, братцы,—все это сделало правительство—друг богатых и враг бедных. Кто дерет с вас подати и налоги? Евреи? Нет,—правительство руками православной полиции. Кто сажает вас в тюрьму, если вы, голодом вынужденные, хотите взять хлеба у пана? Кто посылает полки казацкие, полки солдатские против крестьян, бедных, против геройского заводского населения, против рабочих, которые кладут свою голову за право и свободу? Великие злодейства правительства, насилия чиновников и полиции дошли до сердца народного.

Начал народ просыпаться, приглядываться и начал подниматься, как богатырь, сидевший сиднем на печи 30 лет и три года. Поднялся он на борьбу за лучшую жизнь, за право, за свободу. И ужаснулось правительство, ужаснулись чиновники, ужаснулась полиция:—их царству приходит конец... И вот послали они во все концы земли русской злодеев Каинов, наемных убийц и стали те натравлять народ, где на евреев, где на образованных людей, где на сознательных рабочих.—От них дескать идет вся беда для народа,—от них земля не родит хлеба, от них страна разорилась, короче говоря:—свалило правительство все свои преступления с больной головы на здоровую. Наемные убийцы (хулиганы) пускали всякие нелепые слухи: говорили на базарах, что евреи режут христиан, что они оскорбляют христианскую святыню. Эта ложь, эта клевета находила кое-где доверие и распространялась все шире и шире. И вот вспыхнул еврейский погром. Били, конечно, бедняков евреев (богатые откупились, заплатив полиции тысячи рублей), били несчастных стариков, беззащитных женщин и невинных детей. Волос дыбом встает, когда слышишь о всех этих подвигах людей, зовущих себя христианами, исповедующими религию братства и любви к ближнему. Темная толпа под предводительством шаек грабителей и наемных убийц обезумела и зверствовала повсюду, без всякой помехи. А правительство казацкою силою поддерживало еврейские погромы. Ну что же, изменилось что нибудь после этих погромов? Да нет—все осталось по-старому.

Народ также страдает с голодухи и от безработицы, а злодейское правительство—радуется от всего своего змеиного сердца: ведь рука народа—вместо того, чтобы упасть на шею его истинных врагов,—на шею полиции, чиновников и гордых панов,—упала на голову бедных тружеников евреев, на голову мелких торговцев, ремесленников, на головы их жен и детей. Гнусный, дьявольский замысел правительства удался: молния попала не в виноватого.

Удержись, остановись русский народ от погромов бедноты еврейской! Это ведь твои братья по бедности, братья по труду. Они также в поте лица своего добывают свой скудный хлеб. Не слушай, народ, наущенья наемных убийц, попов, панов, чиновников. Они—настоящие твои враги. Своему горю ты можешь помочь, только вырвав с корнем теперешнее правительство разбойников и насильников и выбрав иное. Выбирай своих уполномоченных всеобщим, прямым, равным и закрытым голосованием и посылай их в учредительное собрание. Там выборные от всего народа русского устроят новые, лучшие порядки на русской земле: облегчат тяжкую долю народа, дадут ему новые законы для пользования землей, законы о защите государством рабочего против паука-капитала.

Бюро провинциальных организаций Екатеринославской губ.

(Печ. 15000 экз.) Тип. Бюро Пров. Орг. Екат. Губ.

Россійская Соціаль-Демократическая Рабочая Партія.

Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

Ко всѣм приказчикам г. Александровска.

/Резолюція, принятая Александровскими приказчиками/.

Мы, приказчики г. Александровска собравшись на митине в числѣ 70 человѣк пришли к слѣдующему заключенію.

Разсматривая грядущую забастовку, как одно звено в великой цѣпи забастовок, устраиваемых рабочими для улучшенія своего экономическаго положенія и уничтоженія политическаго безправія, как средства организаціи пролетаріата и пробужденія и развитія в нем классового самосознанія мы, приказчики г. Александровска, считаем необходимым планомѣрно организовать нашу борьбу с хозяевами и держаться возможно дольше. Одним из лучших средств мы считаем организацію кассы борьбы против капиталистов. Мы приступаем к немедленной организаціи этой кассы и призываем товарищей помочь нашему начинанію, мы приглашаем их об'единиться вокруг этой кассы, потому что сильны только об'единенные товарищи и сильна только касса об'единенных товарищей, но призывая товарищей к организаціи кассы борьбы, мы в то же самое время подчеркиваем и напоминаем, что уступки капиталистов и борьба за улучшеніе экономическаго положенія важны для нас только, как средство для дальнѣйшей главной цѣли — борьбы против класса капиталистов. Близок миг, когда падет самодержавіе и всенародное Учредительное Собраніе на основѣ всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго избирательнаго права расчистит широкій, свободный путь к освобожденію всего человѣчества к свѣтлому солнцу, солнцу Соціализма.

Долой самодержавіе!
Да здравствуетъ Всенарод. Учредит. Собраніе!
Да здравствуетъ Демократическая Республика!
Да здравствуетъ Соціализмъ!

Александровская Организація Р.С.Д.Р.П.

РОССИЙСКАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТИЯ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СОЛДАТЫ, НЕ СТРЕЛЯЙТЕ В НАРОД

От старых солдат к новобранцам

Товарищи новобранцы!

Самодержавное правительство, состоящее из кучки продажных казнокрадов, министров, помещиков и крупных капиталистов, с царем во главе, требует вас на военную службу. Преступное правительство, забирая вас на военную службу, хочет заставить вас служить и защищать интересы министров, помещиков, и капиталистов, сотни лет угнетающих и эксплоатирующих крестьян и рабочих. Оно отрывает вас от своей родины, от отца, матери, и родных и пошлет вас этапным порядком, как арестованных, в самые отдаленные от вашей родины города. Оно сейчас-же запрет вас в душные, скучные и похожие на тюрьмы казармы. Оно будет держать вас подобно арестантам. Оно превратит вас из крестьянина и рабочего в послушную и бессловесную скотину, одетую в солдатский мундир.

Товарищи новобранцы, вы хорошо должны понять, куда вас призывают, что выпало на вашу долю, и что правительство хочет сделать с вами. Вы знаете, товарищи, что в нашей стране уже три года происходит Великая Революция. Три года борьбы миллионов крестьян и рабочих против кучки помещиков, дворян и капиталистов за землю и волю. Эти пережитые три года Великой Российской Революции ясно показали, что народ от правительства ничего не дождется. Чаша терпения переполнилась. Великий час пробил и угнетенные восстали на своих угнетателей. Рабы не хотят быть больше рабами. «Свободы и хлеба»,—громом пронесся по всей земле русской могучий клич, от которого дрогнуло ветхое здание царского самодержавия. «Свободы и хлеба»—льется наболевший стон из миллионов уст народа. И стон этот грозным эхом отдается от столицы до самых глухих углов нашей родины, будя спящих, развивая сознание темных и глухих углов нашей родины, будя спящих, развивая сознание темных и двигая все новые и новые ряды в бой за великое дело. Рабочие, крестьяне, учащаяся молодежь, горожане, старые и молодые, все ясно поняли одно, дальше так жить нельзя. Пора народу взять свою судьбу в свои собственные руки. Довольно уже хозяйничала преступная царская шайка.

Плоды этого хозяйничанья уже на лицо: страна разорена в конец, миллионы крестьян и рабочих голодают. Нет на всем обширном пространстве России угла, где-бы не раздавались стоны и не лились слезы. Кто измерит горе российского народа. Кто скажет сколько крови пролилось по милости царя батюшки, хотя-бы за эти последние два года. Кто скажет сколько людей полегло на полях Манчжурии и в России.

Чтобы раздавить восставший, голодный и требующий земли и воли народ, самодержавию нужно одно: побольше темных солдат. Ему нужны штыки, пушки и пулеметы. Нужны бессознательные солдаты, руками которых можно было-бы приводить в движение эти адские машины, направляя их против восставших повсеместно голодных крестьян и рабочих.

Царское правительство требует все новых и новых жертв. Оно об'являет всю Россию на военном положении, посылает в деревни, в ответ на требование голодных крестьян земли и воли, карательные отряды. Устраивают погромы и без всякого повода расстреливают безоружный народ. Оно артиллерийским огнем превращает в развалины целые города, и села. Вам теперь ясно, товарищи, что на вашей обязанности лежит вывести Россию из нынешнего невыносимого положения. Рабочие и крестьяне уже несколько раз пытались освободиться от своего врага-правительства, но всегда были подавлены солдатами.

Откажись солдаты сегодня быть слепым оружием в руках правительства и завтра-же вся эта презренная шайка кровопийцев и казнокрадов предстанет перед народным судом. Правительство прекрасно понимает, в чем заключается его сила, благодаря которой ему так легко удается сотни лет выжимать последние соки из крестьян и рабочих. Выпустить из своих рук власть, т. е. возможность проливать народную кровь и расхищать народное достояние оно не хочет, а потому солдат побольше, солдат тупых, покорных... И оно об'являет в этом году небывалый по своим размерам рекрутский набор: 403 тысячи человек—равный набору в год войны с Японией. Но ведь теперь кажется и войны с японцами нет. Да оно и понятно. Товарищи, голодный крестьянин и рабочий для правительства гораздо страшнее японцев. Победа японцев не угрожает существованию царского престола. А если русский народ победит своих угнетателей—песенка царского правительства спета. Тогда прощай власть.

Вас, товарищи, правительство призывает проливать народную кровь, кровь крестьян и рабочих, добивающихся земли и воли. Плач и стон избиваемых и расстреливаемых солдатами своих же отцов, матерей, братьев, сестер и детей требует от вас, товарищи, помнить и не забывать, что вы есть сыны народа и что вас по выходе из этой проклятой службы ожидает таже участь, что и этих избиваемых и расстреливаемых крестьян и рабочих. Поймите, наконец, что все войско до настоящего времени служило лишь для защиты ваших-же угнетателей: помещиков, дворян и капиталистов. Поймите, что пока в их распоряжении будут темные, как большинство теперешних солдат, оно не перестанет кормить пулями голодных и на все требования народа будет отвечать новыми казнями, новыми зверствами. Поймите, товарищи новобранцы, что, призывая вас на эту службу, царское

самодержавие хочет обратить вас в таких-же послушных палачей народа. Вы идя на усмирение борющегося за свои права народа, тем самым еще больше закабаляете себя и своих родных крестьян и рабочих.

Вам теперь ясно, товарищи, каким путем можно вывести Россию из ее теперешнего положения. Только тогда, когда вся власть из рук министров и казнокрадов перейдет в руки народа и мы на место чиновников поставим своих народных представителей, Россия выйдет из своего бедственного положения и только тогда откроется путь к лучшей жизни для крестьян и рабочих.

Для этого нужно, чтобы армия пошла рука-об руку с народом, из которого она взята, нужно, чтобы все сознательные солдаты об'единились в военную организацию, чтобы поскорей перейти на сторону ваших-же отцов и братьев—крестьян и рабочих, борющихся за счастье и свободу России. Тогда, и только тогда будет вырвана у правительства сила, а следовательно и власть. Тогда, и только тогда народ, избавившись от своих вековечных врагов, возьмет свою судьбу в собственные руки и водворит на Руси свободу и счастье.

Долой преступное царское правительство—угнетателей и насильников народа.

Да здравствует свободно избранное всем народом Учредительное Собрание.

Издание Екатеринославской Военно-Революционной Организации Российской Социал-Демократической Рабочей Партии.

РОССИЙСКАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТИЯ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Опять Дума, опять выбирать, да ну их, эти выборы. Ведь два раза уже выбирали, а что толку, разве Дума нам дала чтон-ибудь.—Такие речи теперь приходится слышать даже от сознательных рабочих, готовых подчас махнуть рукой и на выборы и на Думу...

А ну-ка, товарищи, давайте в самом деле разберемся, дали-ли нам что-либо первые две Думы, или нет, так что не стоит уже мараться с третьею.

Но прежде всего спросим себя что значит «Дума дала». Как дала. Если «дала» понимать в роде как-бы подарила, так что не было у нас свободы, а Дума нам ее подарила, запрещались рабочие организации, а Дума нам разрешила их,—если так понимать, то Дума нам ровнехонько ничего не дала. Но разве так, товарищи, понимали мы значение Думы, разве мы и впрямь как дети думали, что вот-де народу самому не удалось добыть земли и свободы, так Дума добудет за него,—разумеется нет. Разумеется, мы не ждали от Думы, что она сделает все за нас, а нам готовые галушки в рот наложит, мы знали, что с Думой и без Думы нам свободу придется добывать «своею собственной рукой», своею собственною борьбой. И чего же мы ждали от Думы. Мы ждали от нее что она облегчит нам завоевания того, чего мы добиваемся, увеличит наши силы.

Стало—быть, когда мы спрашиваем;—а дали ли нам что-нибудь первые две Думы—мы должны посмотреть точно ли они увеличили наши силы, точно ли приблизили нас к нашей победе.

Чтобы ответить на этот вопрос надо начать издалека—с тех славных октябрьских дней 1905 г., когда рабочий класс, казалось, так легко шел от победы к победе, когда он своей забастовкой добыл для всей страны манифест 17 октября, обещавший свободы, когда действовали грозные советы Рабочих Депутатов. Славное то было время, царила свобода печати, собраний, союзов. Складывались и крепли рабочие организации—политические, профессиональные, образовательные, рабочие, казалось, шли твердыми уверенными шагами к завоеванию всеобщего, прямого, равного и тайного избирательного права и Учредительного Собрания, которое должно было

передать государственную власть из рук царя в руки народа и закрепить свободу в России, дать крестьянам землю, дать рабочим 8-ми часовый рабочий день. Славное было время и недаром тогда царские прислужники с тревогой спрашивали: да где же у нас правительство. В министерстве или в Совете Рабочих Депутатов.

Рабочий класс широко воспользовался этими «днями свободы». Вольное социал-демократическое слово заронило в эти дни смена классового сознания в души сотен пролетариев. В рабочей массе неугасимым светом зажглось чувство человеческого достоинства, стремление отстаивать свои интересы, организоваться. Не будь «этих дней свободы», не видать бы нам теперь ни такого под'ема политической мысли в рабочей массе, ни такого роста профессиональных союзов, но как широко не воспользовался рабочий класс этими днями, той цели, которую он себе тогда ставил, он не добился. Ему не удалось завоевать Учредительного Собрания, и вся государственная власть осталась по прежнему в царских руках. Ему не удалось завоевать и всеобщего избирательного права. Оправившееся от октябрьских поражений правительство арестовало Совет Рабочих Депутатов, закрыло рабочие газеты, разрушило рабочие организации, разрушило декабрьскую забастовку, обратило в развалины Москву, послало на всю страну карательные экспедиции, карательные поезда, поставило целый лес виселиц.

Отчего это так случилось. Дело ясное—сил у рабочего не хватило, и другие классы не поддерживали его борьбы. И мелкое городское население и крестьяне воспользовались, конечно, тем ослаблением правительственного гнета, которое получилось в результате октябрьской забастовки; но воспользовались то они не для того, чтобы вместе с рабочим классом добить врага и вырвать власть из его рук, нет, они обрадовались, что «полегчало» и не раздумывая над тем, прочно-ли это «полегчение» и что надо сделать, чтобы упрочить его, принялись устраивать прямо свои дела. Крестьяне бросились захватывать помещичьи земли, городские жители хлопотали тоже о своих экономических интересах, да и многие рабочие тоже полагали, что политической борьбы довольно, что теперь нужно заняться только экономическими завоеваниями. Так октябрьская борьба не была доведена до конца и правительство, в руках которого осталась государственная власть, воспользовалось ею, чтобы раздавить движение и в городе, и в деревне, стеснить и уничтожить экономические организации, отобрать у крестьян только-что захваченную ими землю. Оказалось, что, пока нет у народа политической власти, экономические завоевания его ничтожны.

Но в октябре-декабре 1905 года эту истину понимали только передовые слои рабочего класса и оттого то и не хватило у них сил довести свое дело до победы, что и широкие рабочие массы и еще больше—мелкая городская буржуазия и крестьянство этой истины не понимали, чтобы силы борцов за Всенародное Учредительное Собрание увеличились, надо было чтобы широкие народные массы поняли необходимость борьбы за государственную власть.

И вот тут-то, товарищии, и надо спросить себя: помогла-ли Дума понять эту истину широким слоям народа. Если нет, то конечно Дума нам ничего

не дала. Если да, то она дала нам очень много, потому что увеличила наши силы и приблизила час победы нашей.

Но достаточно себе поставить такой вопрос, чтобы тотчас-же ответить, конечно, для внушения народу правильного понимания дел, и выборы, и обе Думы сделали очень много и потому и нам они дали очень много. Благодаря им вокруг маленького передового рабочего отряда собирается постепенно большая армия, которая рано или поздно сумеет не только дать битву, но и победить.

И выборы, и та борьба, которая велась вне Думы, раскрывали все большему и большему числу народа глаза на то, что царское правительство стоит постоянно на стороне богатых помещиков и купцов, что ни рабочим, ни крестьянам, ни городской бедноте ждать от него нечего, что приходится им надеяться только на себя, что не сокрушив власти царского правительства не устроить им своей судьбы, не облегчить своей доли, не добыть земли.

А для рабочего класса, благодаря участию в выборах и в Думе социал-демократической партии, явилась возможность сделать очень много для пробуждения классового сознания среди отсталых братьев своих, для превращения всего пролетариата в единое тело, с единой душой.

Но скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается, многое уже сделано для развития политического сознания, но еще больше осталось сделать. Ведь в России, где 130 миллионов народа и народа темного, жившего под царской палкой, до недавнего времени и слыхом не слыхавшего ни о какой политике, добиться того, чтобы, если не весь народ, то большинство его поняло то, что давно понимают передовые слои рабочего класса, это огромное и важное дело и надо пользоваться всяким случаем, чтобы сделать это, ибо только оно одно увеличивает силы тех, кто борется за свободу.

Выборы в третью Думу дают возможность делать это дело, и огромным вредом для всей борьбы рабочего класса будет, если передовые рабочие не воспользуются случаем, если они забудут, что мало их собственного понимания, что надо чтобы понял народ.

Правительство, кажется, сделало все возможное, чтобы облегчить нам нашу агитацию. Оно целиком стало на службу старо-поместному дворянству и изменило в его пользу избирательный закон, царь просто так и телеграфировал дворянско-черносотенному союзу русского народа, что считает его своей опорой и этот дворянский характер правительственной политики облегчает нам разрешение самой трудной задачи—привлечение к нашей политической борьбе крестьянства.

Что дворянин это враг, это крестьянин хорошо знает нам надо и на выборах и в самой третьей Думе показать ему, что дворянство и царское правительство одно и то же. Тогда и крестьянин поймет, что прежде всего, чтобы добить земли, им нужно свергнуть царское правительство, а когда это поймет крестьянин, то поймет и его сын, служащий в солдатах, армия будет втянута в политическое движение народа.

Вот какие задачи ставят перед нами выборы в третью Думу. Будем же работать со всей энергией.

Пусть выборы послужат для рабочего класса перекличкой, на которой он подсчитает свои силы. Пусть они послужат демонстрацией, первым шагом к усвоению того политического урока, который нам дали 3-го июня царь и дворяне.

Пусть они ведут в самую Думу побольше социал.-демократов, для продолжения в Думе того же дела, которое будем делать во время выборов.

Пусть они приблизят час торжеств народа и гибели врагов его.

ЕКАТЕРИНОСЛАВСКИЙ КОМИТЕТ Р. С.-Д. Р. П.

РОССИЙСКАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТИЯ.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Товарищи и граждане!

В процессе борьбы за освобождение России выросла Госуд. Дума. Но у Революции не хватило сил довести борьбу до конца. Этим воспользовалось правительство и начало употреблять все силы на то, чтобы, если не уничтожить Думу вовсе (это было уже невозможно: сознание народных масс выросло так сильно, что такой шаг мог быть гибельным для правительства), то превратить ее в свое послушное орудие.

Но революционный пролетариат, а за ним весь остальной народ, воспротивились этому и понимая, что Дума ничего не может дать, как законодательное учреждение при господстве помещиков и самодержавия, решили использовать ее в другом отношении: сделать Думу Всероссийским набатом, могучим царем-колоколом, который бы из конца в конец пробуждая великую Россию, звал ее лучших сынов, рабочих, крестьян и бедных горожан, на великую борьбу за освобождение от ига самодержавия и эксплоатации. Они решили сделать ее центральным местом боя, черной и красной России.

Представители пролетариата—соц. дем. фракция, действовали в этом направлении в 1-й и во 2-й Гос. Думах. Исполняя волю рабочих—волю народа они смело и решительно защищали его интересы.

Уже в одном из первых заседаний 2-й Гос. Думы, когда министр Столыпин выступил со своей лживо-конституционной программой, и когда все другие партии, находящиеся в Думе, позорно молчали, с.-д. смелой рукой сорвали маску с правительства и показали его реакционную, дворянско-помещичью натуру. Они смело разоблачали жестокости правительства, призывали пр-во к ответу за казни, погромы, истязания в тюрьмах, насилия над рабочими и крестьянами.

Делая запросы, они будили в широких массах народа ненависть к угнетателям и звали их к борьбе с тиранами. Они старались вырвать дело правительственной помощи голодным безработным и крестьянам из рук чиновников—воров правительства и передать его в руки самого народа, настаивая на посылки депутатов в голодные и безработные места. Кроме действительной помощи голодающим, они старались этим сорганизовать широкие массы народа, для борьбы с царским правительством.

С.-Д. фракция голосовала против бюджета, этого главного источника силы врага, который дает возможность пр-ву подавлять революцию, порабощать народные массы и опустошать страну.

С.-Д. отказали в наборе солдат, которые нужны пр-ву для расстрела борцов за свободу и усмирения рабочих и крестьян.

Наконец, они завязывали связи с пролетарскими организациями на местах и, таким образом, способствовали организации народных сил для борьбы с правительством.

И вот пр-во, желая освободиться от самых ярых врагов своих с.-д. фракции, под каким-то вымышленным предлогом, выработанным в тайных трущобах «охранки», требовало у Думы ареста 55 с.-д. депутатов, а когда последняя отказала, разогнала ее и посадила на скамью подсудимых 55 членов фракции, обвиняя их по 102 стат. Угол. Уложения грозящей каторгой и смертной казнью.

С.-Д. фракция выполнила свой долг перед пролетариатом и всей страной. Слово теперь принадлежит пролетариату России.

Честь их и достоинство требуют выразить свою солидарность с арестованными депутатами, скоро состоится этот гнусный суд.

Товарищи, мы считаем что процес над с.-д. фракцией является наругательством и глумлением над волею рабочих, насилием над всей Россией. Пр-во хочет продемонстрировать этим процессом свою силу, доказать, что нет более воли народной, что умерла революция, что Дума для него только пустая формальность, фиговый листок, что неприкосновенность народных избранников—это только насмешка.

Докажем же товарищи и граждане, что честь наших депутатов это наша честь, их позор—это наш позор.

Докажем им, что то, что делается в Думе, но проходит мимо нас и что мы всегда готовы стойко защищать наших избранников и всегда их поддерживать в борьбе с самодержавием за свободу России.

Докажем, что у Думы, этой груды мертвых костей, поднимается могучее мстительное племя.

Товарищи и граждане.

Об'единимьтесь для борьбы с этим издевательством над волей народной и выразим на больших собраниях свой протест и отошлем их в зал суда.

Пусть они звучат угрозой издыхающему строю.

Бросим в этот день работу.

Пусть мертвая тишина фабрик, заводов, мастерских, магазинов будет предостережением врагу.

Товарищи, давно уж пролетариат не распрямлял своего богатырского тела. Злая сила придавила его. Теперь настал момент распрямить его.

Пусть он встанет во весь рост и покажет себя перед всем миром как в недалекие славные дни.

Пусть же будет этот великий день, торжественный и мощный, выступлением пролетариата.

Ноябрь 1907 года.

РОССИЙСКАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТИЯ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

НАКАЗ

от рабочих Екатеринославской губернии своему депутату в Государственную Думу

Мы, уполномоченные от рабочих Екатеринославской губ., собравшись для избрания своих выборщиков, а через них своего депутата в Государственную Думу, обсудив настоящее политическое положение, пришли к заключению:

1) Что гнусный переворот 3-го июня, безнаказанно произведенный дворянскими заговорщиками, и вся деятельность первых двух дум, ясно показывают, насколько беззащитно народное представительство по отношению к бюрократическому произволу.

2) Что политика беззакония и зверского преследования всех живых сил народа, какую ведет правительство Столыпина, руководимое хищническими вожделениями 130 тыс. диких помещиков, неизбежно ведет к усилению всех народных страданий, к всеобщей анархии, к разорению и унижению России.

3) Что выход из этого позорного рабства может быть только затруднен всякими компромисами и попытками сближения между конституционной оппозицией и бюрократической шайкой, а единственной успешной политикой может быть лишь непримиримая борьба демократии с врагами народа за полновластное народное представительство, за передачу всей земли крестьянам, всей власти народу.

Принимая далее во внимание, что поднять боевую энергию рабочей массы, способность ее, ослабленной крупными локаутами и постоянными массовыми полицейскими преследованиями, к новой борьбе с правительством и тем самым поддержать, усилить наших представителей в Госуд. Думе, можно только путем широкой организации пролетариата на почве основных политических требований, выставляемых в Государственной Думе, и постоянным втягиванием всей рабочей массы в активную общественную борьбу.

Мы дали депутату нашему следующий наказ:

1) Исполняя общую волю рабочих Екатеринославской губ., выраженную ими при выборах, наш депутат всецело принимает программу и организационное руководство Российской Социал-демократической партии.

2) Продолжая славное дело наших рабочих депутатов в 1-й и 2-й Государственных Думах, наш депутат должен неуклонно отстаивать принципы самодержавия народа, полного уничтожения старой государственности, проведения в жизнь всех требований народной революции.

3) Признавая переворот 3-го июня вероломным насильническим актом правительства против народа, наш депутат и с ним вся социалдемократическая фракция должны заклеймить в Государствен. Думе виновников этого государственного преступления и содействовать организации всенародного движения против них.

4) Наши депутаты, как преемники Церетелли, Белоусова, наших и других пострадавших за дело народа членов второй Думы, должны настаивать на том, что Гос. Дума не может приступить к какой бы то ни было деятельности, не подняв самого энергичного протеста против кровавого оскорбления, нанесенного Думе и всему народу этим арестом наших избранников и не применивши всех средств, чтобы добиться их освобождения.

5) Зная хорошо, что законопроекты и постановления Госуд. Думы, при нынешнем положении, в жизнь не проводятся, но имея в виду разоблачать перед народом во всех подробностях политику правительства и привлекать всеобщее внимание к его поступкам, которые его бесповоротно дискредитируют, наши депутаты должны пользоваться правом запроса по поводу бесчисленных ежедневных нападений жандармов и прочих оффициальных погромщиков на личности и на организации рабочих.

Подчеркивая еще раз, что как Гос. Дума, так и наша фракция, в ней безвластна без активной организованной помощи и поддержки народа, мы наказываем нашему депутату поддерживать непрерывные сношения с уполномоченными Екатеринославской губернии и со всеми местными пролетарскими организациями, сообщать нам о всех событиях в Государственной Думе, совещаться о дальнейших шагах фракции; всеми способами содействовать под'ему сознательности и организованности рабочего класса.

Октябрь 1907 года.

ОТДЕЛ III

МЕЛКИЕ ЗАМЕТКИ

КОЕ-ЧТО ИЗ ПРОШЛОГО

(Памяти чистого идеалиста, любимого товарища, павшего жертвой петлюровских палачей, Володи Клочко)

Его иначе не называли как Володя, Володичка, несмотря на то, что он имел солидное количество лет, до 30-ти. Но с первого взгляда он располагал к себе своей мягкостью, живым участием в каждом деле, своей какой то, доходящей иногда до детской наивности, искренностью. Он же всех называл: «Дорогой товарищечек»...., всем улыбался и умел ко всему относиться с безыскусственной предупредительностью и чуткостью.

В организации его все любили, в мастерской не было рабочего, который не считал бы себя хорошим другом Володи. Сколько наших рабочих Володя привлек вплотную к организации, благодаря своим качествам. Когда одной из больших забот организации было распространение «Правды» и организация вокруг нее рабочих ячеек, самый большой успех был всегда у Володи.

Вот он стоит у станка с рабочим, уговаривает его подписаться на «Правду». Рабочий уверяет, что жалование не позволяет и что ему уже предлагал Петр (Воронцов), но он не может. Володя говорит, что он внесет подписную плату за него на первый месяц и рабочий соглашается. Пришла получка и рабочий несет деньги сам Володе. Володя отказывается, в конце концов берет для того, чтобы передать их в «фонд Правды». Сам же уплачивает подписку за спропагандированного им рабочего. Но были и такие рабочие, которые пользовались слабостью Володи. Подходит к нему безнадежный алкоголик Ванюшин и начинает исподволь рассказывать, что у него ребенок больной, что он в долгах и что из кассы взаимопомощи ему ничего не дают, так как все уже взято. Володя говорит, что он врет, что деньги ему нужны на пьянство, уговаривает его бросить пить и выписывать «Правду». Хорошо, «Правду» буду читать, а вот теперь давай мне взаймы рубль денег—не отстает Ванюшин. Володя деньги дает и они вечером обменены на водку и огурцы.

А сколько Володя чужих долгов платил за поручительство, по кассе. Не хватало его, довольно приличного для одинокого человека, заработка в 45—50 рублей.

Семьи арестованных и сосланных товарищей, благодаря неутомимой заботливости Володи, его настойчивости в проведении сборов пожертвований, не впадали в обычную отчаянную нужду. В тоже время Володя был лицом, благодаря которому в организации облегчающими живыми струями, в тяжелой подпольной обстановке, проникали здоровые веселые часы и минуты отдыха.

Он умел создавать безыскусственную веселую обстановку, а часто и сам был об‘ектом товарищеских шуток. Вот одна из таких невинных шуток над Володей. Предполагался обыск у нескольких товарищей. У Володи на квартире был шрифт, недавно привезенный в связи с подготовкой к печатанию «Звезды» (газета издавалась в одном номере в Заднепровской организации. Предложено Володе шрифт спрятать. Вечером после собрания он берет мешок и несет шрифт в кучегуры, чтоб зарыть его. Проходят дни, обыска не было. Решено приступить к делу. Володя обещает доставить шрифт на квартиру, где будет печататься газета. Проходит один, два, три дня, неделя, а шрифта Володя не несет. Каждый день товарищи у него спрашивают, будет ли шрифт, Володя застенчиво отвечает, что ему было некогда и что завтра обязательно принесет, но завта та же торопливая ссылка на отсутствие времени. Наконец, Володя заявляет товарищам, что он не может разыскать того места, где был зарыт шрифт и в надежде его разыскать он целую неделю обманывал нас, что не искал, на самом же деле он изрыл по ночам почти все кучегуры.

Товарищи расспрашивают, помогают вспомнить, некоторые высказывают на этот раз недовольство даже Володей. Товарищ Белый спрашивает:

— Володя, не помнишь, когда ты зарывал шрифт, то луна в каком направлении светила, прямо или косо?

— Да прямо,—отвечает Володя,—я еще боялся, как бы кто не подсмотрел, так как было светло от луны.

— Ну так дело поправимо—продолжает Белый.—Прошла всего неделя, луна не могла далеко уйти от того места, где она находилась, когда ты зарывал, иди сегодня и в том месте, откуда будет прямо светить луна, найдешь шрифт.

— Безмозглый я дурак—восклицает Володя, ударяя себя ладонью по лысой голове,—«ведь так, просто, а я не сообразил! Ну, товарищечки, шрифт будет, печатать будем,—восклицает Володя веселым тоном. Товарищи безудержно расхохотались, Володя вначале недоумевал, а после понял, что над ним пошутили. Шрифт оказался неразысканным, а Володя часто вспоминал о луне и шрифте.

Он был идеалист и при всех своих успехах в области теории исторического материализма и политэкономии он часто сводил непреложные истины к философским спорам. Однажды, после лекции Антония (Скварчевского), он стал доказывать, что Антоний свел свою лекцию к формуле «Человек—живет для желудка», и что это грубо, ультра-реалистично и неверно. Длинные споры его не убедили. На следующий день Володя в мастерской собрал несколько рабочих в своем любимом лозняке. Один товарищ случайно наткнулся на разговоры его с рабочими и его удивлению не было предела. Все, против чего Володя вчера протестовал, он приводил в своей аргументации рабочим. Когда его спросили, почему он прибег к такой форме пропаганды, против которой вчера возражал, он заявил, что это понятнее рабочим, чем моя философия и на этом примере я больше понял, чем на вчерашнем споре.

Д. ЗАДНЕПРОВЕЦ.

ВОЛОДЯ КЛОЧКО

На фоне старого дореволюционного подполья в Нижне-Днепровской большевистской организации тов. Клочко выделялся по многим причинам. Редко можно было встретить товарища в одно и тоже время такого скромного, такого тихого, такого пламенного революционера, такого прекрасного организатора и вездесущего работника. Он был одним из первых членов большевистской ячейки в Нижне-Днепровске, созданной соединенными усилиями его друзей, Лебедя и Воронцова. В этой подпольной организации тов. Клочко выполнял самые разнообразные работы начиная с самой черной, мелочной, до чисто теоретической, пропагандистской, заседая в Нижне-Днепровском комитете. Он организовывал собрания, он же охранял эти собрания в качестве патрульщика от бдительных глаз царской полиции и охранки. Он печатал листовки и воззвания, он закупал за собственные деньги Петроградские рабочие газеты «Звезду» и «Правду» и раздавал и сам же приносил в мастерские, раздавая тайно от начальства мастерских эти листовки и газеты. Как только началась революция 1917 года он становится одним из деятельнейших участников и организаторов закрепления этого переворота в Екатеринославе и Нижне-Днепровске. При столкновении железнодорожных рабочих со ставленниками правительства Керенского он становится во главе забастовочного комитета и до конца защищает интересы железнодорожных рабочих. В Екатеринославском Совете Рабочих Депутатов мы с товарищем Клочко сталкивались в организованной при Совете колоссальной библиотеке, создание которой взял на себя рабочий Клочко. Он испытывал какую то благоговейную любовь к книгам. Всех поражала, и меня в том числе, та нежность, та тонкость, с которой тов. Клочко встречал посетителей этой библиотеки—читальни, десятки рабочих и крестьян. Обычное в его устах слово вместо «товарищ»—«товарищечек» бросалось всем в глаза. По внешним данным в тов. Клочко можно было заподозрить соглашательский характер, но в сущности тов. Клочко всем своим существом противоречил этому подозрению, если тов. Клочко и был соглашателем, то только влево. В тов. Клочко жил и клокотал бурно-пламенный революционный огонь. Отрицая в теории все, что противоречило марксизму, тов. Клочко относился с большим уважением к честным анархистам именно за бунтарские порывы их. Во время декабрьского восстания тов. Клочко работает по организации Красной

Армии. Во время прихода немцев в Екатеринослав тов. Клочко уезжает в Москву, но бесспокойному революционеру не сидится вдали от революционных битв и он устремляется обратно на Украину в Екатеринославское подполье. Он работает некоторое время не покладая рук в Екатеринославском подпольном комитете, но Петлюровские контр-революционеры прерывают его ценную для революции, для Екатеринославских рабочих, деятельность. До сих пор не выяснено как погиб тов. Клочко, но печальный факт его отсутствия среди нас, его отсутствия на революционном посту, так сильно дает себя чувствовать среди Нижне-Днепровских железнодорожных рабочих. Так недавно, когда многотысячный Нижне-Днепровский железнодорожный пролетариат праздновал 10-тилетие коммунистической ячейки, когда перед огромным собранием стояли ветераны революционного движения в Нижне-Днепровске—тов. Лебедь, Суханов, Булат и друг., так хотелось, чтобы рядом с указанными товарищами находилась фигура скромная, сгорбленная, прекрасного дорогого товарища, не дожившего до конца дней пролетарской победы над всеми врагами Революции. Тов. Клочко нет и его отсутствие долго будут чувствовать его друзья и тысячи Нижне-Днепровских пролетариев.

М. РАВИЧ-ЧЕРКАССКИЙ.

ОТДЕЛ IV

ХРОНИКА БЮРО ИСТПАРТА

ВОКРУГ РАБОТЫ ИСТПАРТА

Последние 3 месяца (сентябрь—ноябрь) внимание Истпарта при ЦККПбУ было сосредоточено, главным образом, на следующих трех пунктах: 1) издание журнала «Летопись революции», 2) устройство выставки по истории революционного движения и Коммунистической партии (большевиков) и 3) инструктирование Губернских бюро и установление с ними связи. Но надо сказать, что достигнуть больших результатов ни в одном из указанных пунктов не удалось. Не удалось, прежде всего, потому, что число сотрудников Истпарта было чрезвычайно ограничено: не считая машинистки, в Истпарте работает четыре человека—один ведет редакционную работу, а три остальных, из которых один в среднем все время болен,—всю прочую. Но помимо этого, на продуктивности сильнейшим образом отражается—до последнего времени еще довольно распространенный (а ранее господствовавший)—взгляд, что Истпартовская работа—не серьезная, не важная, которую можно выполнять лишь от нечего делать. И об Истпартовском работнике еще теперь говорят (даже иногда ответственные товарищи) полушутя, полусерьезно: «он никуда не годен, а потому сдан в архив рыться в ненужных бумажках, старом хламе». Нечего и говорить, что это нездоровое настроение будет изжито (и уже изживается), но пока оно дает себя чувствовать, отнимая лишнее время и силы на его преодоление.

По первому пункту было сделано следующее. Подготовляя к печати 1-й № журнала (который вышел к годовщине Октябрьской революции), Истпарт второй номер решил посвятить целиком Екатеринославу, имея в виду, что в портфеле Екатеринославского бюро было до 40 готовых статей, которые и должны были лечь в основу сборника. При этом Истпарт не мыслил, что ему удастся сделать хоть сколько нибудь исчерпывающий очерк революционного движения в Екатеринославе, ибо это большая работа, требующая много времени и труда, а отводил себе более скромную задачу: отметить хотя кратко, эпизодически поступательный ход движения. Но и этой задачи исчерпать удовлетворительно не удалось: присланный материал оказался мало для этого подходящим. Довольно видное место среди него занимали статьи, не раз уже напечатанные в местных журналах и газетах, относящиеся к 17—18 г.г. С другой стороны, такие бурные годы революционного под'ема, как напр., 1905 г.,—оставались мало освещенными. Поэтому Истпарту пришлось по необходимости отказаться от первоначального плана и включить в журнал только то, что представляет

наибольший интерес с точки зрения изучения явлений революционного порядка, избегая повторений, которые не вносят в эту область ничего нового, хотя и являются, может быть, интересными документами. Из «повторений» включено в журнал довольно значительное количество корреспонденций из «Искры» за 1901—1903 г. г. Эти перепечатки Истпарт ввел потому, что в свое время факты, изложенные в корреспонденциях, были мало знакомы широким массам, так как «Искра» имела ограниченный круг читателей.

К отобранному по этим признакам материалу, полученному из Екатеринослава, Истпарт добавил часть имевшегося в его распоряжении. Но всех пробелов заполнить не удалось. И, однако, несмотря на недочеты, 2-й № журнала явится ценным вкладом в литературу по истории революционного движения, хотя бы уже потому, что содержит в себе много документов и статей, основанных на документах.

Что касается выставки, то здесь дело шло так же негладко. Задумав построить ее по широкому плану с использованием материалов с мест, Истпарт обратился ко всем Губернским бюро с предложением, чтобы они прислали такого рода материалы, характеризующие наиболее яркие моменты революционного движения в каждой из губерний, в Истпарт.

Но к сожалению, Губбюро своевременно этих заданий не выполнили, по разным мотивам. Оставляя в стороне 2—3 бюро с тенденциями местнического уклона (стремление работать только для себя), остальные лишены были возможности прийти на помощь Истпарту из-за отсутствия средств.

Это самое больное место всех бюро, степень уязвимости которого зависит от отношения Губкомов. Усугубляется же этот момент в работе бюро еще тем, что почти повсюду они были поставлены перед необходимостью взять на себя заботу об охране и разработке архивов, т. к Губархи, на обязанности которых должна была лежать эта работа, захирели. Таким образом, Губернские бюро тратили свои силы и средства, которых у них не хватало, не на свою собственную работу; но и не делать этого они не могли: архивы гибли. Благодаря этому, Истпарт почти ничего не получив с мест, вынужден был первоначальный план изменить и строить выставку, исходя из наличия материала, имевшегося в его распоряжении. В силу этого, а также того, что нужные для работы средства были получены весьма поздно (в начале октября)—характер выставки значительно пострадал: она получилась далеко не полной. Построена выставка под девизом: от революционного рабочего кружка, через соц.-дем. партию к коммунистической диктатуре пролетариата. На выставке имеется свыше 2500 экспонатов: прокламаций, листовок, газет, фотографий, портретов, картограмм, диаграм, плакатов и т. д., среди которых есть редкие уники. По отделам эти экспонаты распределяются след. образом: I. Первое мая иллюстрировано 60 экспонатами; II. Университет имени тов. Артема—13; III. Женотдел—65; IV. КСМУ—82; V.. Коминтерн —222; VI. Народное образование—43; VII. ВУЗ—16; VIII. История КПбУ—860; IX. Контр-революция и борьба с ней—530; X. Книги и брошюры по истории рев. движения—604. Но, по вполне понятным причинам, наиболее полно иллюстрированы ранние периоды революционного движения, тогда

как более поздняя, близкая нам эпоха с Октябрьского переворота имеет крупные пробелы. Так, напр., о первой большевистской конференции, состоявшейся 15 декабря 17 г. в Киеве, которая должна была положить начало об'единения всех Украинских большевистских организаций—никаких материалов нет. Тоже самое, почти, надлежит сказать и о других важнейших моментах борьбы. Это обстоятельство поставило перед Истпартом необходимость устройства во время с'езда Советов 2-х вечеров воспоминаний, на которых была освещена картина и установлены весьма ценные данные о первой конференции и первом с'езде Советов Украины.

Открытие выставки было приурочено к 7-му Всеукраинскому с'езду Советов, но благодаря тому, что из-за короткого времени с'езду пришлось вести крайне интенсивно работу, посещение выставки делегатами было слабое: за пять дней посетило немного больше 200 депутатов.

Выставку предполагается обратить в постоянный музей революции, перманентно его пополняя и совершенствуя.

Задачи, которые будет преследовать музей, намечены пока следующие: кроме обслуживания с'ездов, музей будет открыт, главным образом, для экскурсий с заводов, фабрик и предприятий, организованных ком'ячейками и профсоюзами, экскурсий для красноармейских частей, совпартшкол и др. учебных заведений. Во время этих экскурсий в музее будут даваться об'яснения его работниками и руководителями экскурсий.

Для лекторов и работников по истории партии при музее будет открыта библиотека-кабинет, где они получат возможность пользоваться материалами музея и архива революции. Потребность в такой библиотеке-кабинете для научных занятий назрела уже и теперь: целый ряд товарищей уже обращались с просьбой дать им возможность работать в архиве и музее.

В целях втягивания более широких слоев рабочих в работу по собиранию материалов, а также в видах воспитательного характера, предполагается устройство вечеров воспоминаний не только при музее, но и на фабриках, заводах.

Насколько все это удастся выполнить сказать пока трудно: возможностями Истпарт пока обладает крайне ограниченными. Но имея ввиду, что и губернские бюро начали присылать материал, и здесь, в Харькове, стали поступать весьма ценные пожертвования,—есть основания сказать, что по содержанию музей может в близком будущем стать на должную высоту.

В отношении связи с Губернскими бюро и их инструктированием дело обстоит пока плохо. Организация бюро при всех Губкомах закончилась и работа в соответствии со средствами ведется, хотя и не везде правильно. Но на первых порах это неизбежно. Инструктировать же по всем вопросам бюро Истпарту не удалось пока. Связь с ними постепенно налаживается.

Харьковское бюро

За последние три месяца бюро было устроено два вечера воспоминаний. Материал первого вечера вошел в сборник «Пять лет», изданный Агитпропом Губкома к пятилетию Октябрьской революции. Материал этот далеко не

исчерпывает историю революционной борьбы в Харькове (хотя и велись воспоминания в этом направлении), но представляет несомненный интерес давая ценный этюд, набросанный отдельными штрихами, мазками, местами сочными, который явится пособием для историка.

Этим, почти, и исчерпывается работа бюро, если не считать нескольких заметок, помещенных в ежемесячном сборнике Губкома «Партработник». Такая слабая работоспособность бюро об'ясняется тем, что бюро до сих пор у Губкома находится в положении пасынка: ни работников, ни средств, ни даже соответствующего помещения для этого важного отдела у Губкома не находится пока.

Киевское бюро

Главное внимание бюро в последние месяцы было направлено в сторону разработки и расширения архива революции. Но работа тормозилась отсутствием средств: сотрудники архива хронически не дополучают жалования. Из местных источников до сих пор этого удовлетворить не удавалось. И несмотря на это работа велась. Бюро переслало в Истпарт в течение последних двух месяцев несколько сот дублетов листовок и плакатов, а так же часть из собранных воспоминаний.

Кроме того, бюро к пятилетию Октябрьской революции устроило выставку. Правда, тут не обошлось и без заминок. Губком вначале решил отпустить необходимые для этой цели средства, но когда уже было приступлено к работе—заказаны щиты и т. д.,—неожиданно кредит закрыл, поставив бюро в безвыходно-неловкое положение, из которого ему с грехом пополам удалось выйти благодаря присланным из Истпарта случайным суммам.

Екатеринославское бюро

Бюро расширило свою выставку, к которой среди коммунистов и беспартийных наблюдается неослабный интерес: средняя ежедневная посещаемость определяется цифрой 120. В целях наибольшего использования выставки, бюро намерено провести цикл лекций по истории революционного движения. Но осуществление этого плана как и других, наталкивается на финансы. Помимо работы по выставке, бюро приняло деятельное участие путем предоставления материалов и статей в выпущенном Губкомом сборнике «5-я годовщина Октябрьской революции», который посвящен борьбе за Советскую власть, с подзаголовками: 1) преддверие борьбы за власть советов, 2) борьба за власть, 3) в борьбе с гнетом, 4) борьба с Григорьевщиной, 5) борьба с Деникинщиной и 6) борьба с партизанщиной Сборник снабжен большим количеством (к слову сказать, скверных) иллюстраций и содержит 269 страниц. Нельзя сказать, что он вполне охватывает картину борьбы (даже ее драматическую сторону). Да это и вполне понятно: город пережил 19 властей и говорить о сохранности архивов и документов не приходится. Активные же участники борьбы частью погибли и унесли с собой в могилу показания, частью разбросаны по разным местам. Поэтому, приходилось пользоваться теми сведениями,

которые можно было получить на месте. И чтобы создать хоть сколько нибудь полную картину бюро дало в сборник часть статей, уже не раз напечатанных в газетах, т. е. по просту решило, не внося ничего нового, повторить старое. А от этого сборник несомненно теряет много в цене.

Кроме этой работы, бюро, по инициативе завагитпропом, создало комиссию по изучению партии, которая восстанавливает историю партии, начиная с 90-х годов.

За это же время бюро выслало в Истпарт свыше семисот листовок и прокламаций.

Подольское бюро

Возникло бюро в апреле месяце, но работать по многим причинам начало гораздо позднее.

Первой работой бюро было собирание воспоминаний. Часть воспоминаний вошла в сборник губкома «Наша кузница», № 5—7, изданный к годовщине Октябрьской революции, где бюро Истпарта отведено 30 страниц. В ряде коротеньких воспоминаний участников рассказывается о тяжелой Октябрьской борьбе, борьбе за власть Советов.

В эти же тридцать страниц вкреплены несколько портретов погибших в борьбе товарищей, с краткой их биографией.

Единственный крупный архивный фонд—архив Подольского жандармского управления—до сих пор был для бюро закрыт: находится в Винницком Университете. И, повидимому, он попадет в ведение бюро после реорганизации Губарха.

Волынское бюро

Организовалось бюро 20 мая. Поставив в первую очередь собирание и концентрацию материалов архивных, бюро натолкнулось в этой работе на ряд вопиющих фактов. Так, напр., целый ряд архивов, которыми должен был ведать Губарх, оказался в значительной своей части уничтоженным. Остатки этих архивов бюро обнаружило в разных местах в хаотическом виде.

Благодаря особым стараниям, бюро удалось разрозненные части архивов собрать и привести в порядок. К ноябрю было разобрано свыше 4000 дел.

Значительное внимание уделяется собиранию воспоминаний. Для этой цели устраиваются собрания на предприятиях, которые дают определенный результат: рабочие проявляют большое желание писать заметки о революционном движении.

К годовщине Октябрьской революции бюро устроило выставку.

Бюро выслало в Истпарт серию листовок, газет и фотографий.

Николаевское бюро

Возникло бюро 15 июня. Приступлено к обследованию архивов и собиранию воспоминаний. По уездам и районам созданы ячейки содействия. К годовщине революции организована выставка. Разработан план работы, созданы комиссии—выставочная, литературная.

Черниговское бюро

Организовано 1 июня. Работа направлена на концентрацию и обработку архивов, собирание воспоминаний. К годовщине Октябрьской революции была устроена выставка, которая привлекла огромное количество посетителей.

Одесское бюро

Возникло 1 мая. При чрезвычайно тяжелых материальных условиях, бюро проделало большую работу как по собиранию материалов и архивов, так и по приведению их в порядок. К годовщине революции устроена выставка.

Развертывание работы задерживается отсутствием средств. Отношения с Истпартом не налажены—бюро проявляет еще самостийные тенденции.

1-я Государственная литография, Харьков.